

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Ө. КОНИ.

ТОМЪ III.

ІЮНЬ. — КНИЖКА ШЕСТАЯ.

1850.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТЕНТЪ

ИМПЕРАТОРСКОМУ ЦЕНЗУРНОМУ КОМИТЕТУ

ПОДАВАННЫМЪ ВОДЪ ПЕЧАТАНІЯ

ВЪ КОПИ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 27 Іюня 1850 года.

Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

КОМИТЕТУ ЦЕНЗУРЫ

1850

ТОМЪ III.

ПАНТЕОНЪ

№

1850.

6.

І Ю Н Ъ .

С. Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДЖУЛИО, драматическая фантазія, *Н. Хооцинской.*

II. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МУДРЕННЫЙ КОНТРАКТЪ. Романъ въ четырехъ частяхъ, *М. И. Воскресенскаго.* Часть первая.

III. МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ЮГАННА - ХРИСТИАНА БРАНДЕСА, нѣмецкаго актера и драматурга XVIII столѣтія. Части третья и четвертая.

IV. ЮМОРИСТИКА.

ОЧЕРКИ ТЕАТРАЛЬНЫХЪ ПРАВОВЪ. Главная проба «*Изыгенн въ Тасридъ*». (Глухъ и Мегуль).

V. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. Сей домъ продается. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи соч. *П. А. Смирнова.*
2. Двѣ сиротки. Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. *Г***.* Музыка набрана изъ русскихъ романсовъ и цыганскихъ пѣсенъ.
3. Сцены изъ «Гамлета» Шекспира, въ переводѣ *Н. А. Полеваго.*

(Бенефисъ *Г-жи Жулевой*)

4. Сюжетта, или первый и послѣдній прощальный поцѣлуй. Драма въ четырехъ отдѣленіяхъ. Переводъ съ французскаго *Н. Беккера.*
5. Ревнивый мужъ и храбрый любовникъ. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго *Н. Сабурова.*

(Бенефисъ *г-на Прусакова.*)

6. Лакей, цырюльникъ газетчикъ. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе *К. И. Мора.*
7. Вдова Сатанилова или Я разорву этотъ бракъ! Водевиль въ одномъ дѣйствіи соч. *г. Ермолова.*
8. Сцены изъ драмы: Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Дебютъ *г. Пронскаго.*

9. Приѣздъ жениха или святочный вечеръ въ купеческомъ домѣ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. г. Соколова.

10. Сцены изъ: «Гамлета» — Шекспира. Г. Славинъ — *Гамлетъ*.
(*Бенефисъ г-на Славина.*)

Статья Ѡ. Коня.

VI. ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Письмо изъ Парижа отъ 1/13 іюля.

— Альбони въ роль *Фидессы* въ оперѣ «Пророкъ» — Мейербергера. — **Блудный сынъ**, новая опера *Скриба* и *Обера*. — **Соловей** — опера *Этьенна* и *Лебрёна*. — Г-жа Альбони и англійскій соловей. — **Сонъ въ Ивановскую ночь**, комическая опера — текстъ *Розье* и *Лёвена*, музыка *Амброаза Тома*. — **Рашель** въ роль *Тисбы* въ драмѣ *Виктора Гюго* «*Анжело*» (*Венеціанская актриса.*) — Пьесы возобновленныя: **Диогенъ** — *Феликса Пиа*; **Вотренъ** — *Бальзака*. — О пьесахъ *Бальзака* вообще. — **Поцѣлуй мимоходомъ**, водевиль *Бризбара* и *Нюна*. — **Воспитанницы мадамъ Шарлотты** — водевиль *Филиппа Марвилля*. — **Элоиза и Абеляръ**, водевиль *Скриба* и *Мишеля Массона*. — **Мокрая любовь** — водевиль *Карре*, *Барбье* и *Боплана*. — **Маленькая Фадетта**, водевиль *Анисе Буржуа* и *Лажона*. — **Въ Бастиліи** — фарсъ гг. *Дювера* и *Лозана*. — **Господинъ префектъ извольтъ тѣшатся**, водевиль. — **Половой отъ Веря**, водевиль г. *Лабиса*. — **Жанъ-Баръ** — драма *Евгенія Сю* и *Вильиѣва*. — **Шулера** — драма г.г. *Гранже* и *Монтенена*.

VII. СМѢСЬ.

1. Достоверные рассказы объ Абазіи. (Воспоминанія офицера, бывшаго въ плѣну у Абазеховъ.) Легенды абхазскихъ горцевъ. 2. Бродяжный Осетинъ. — Красавица Доссана. — Всемогущее убѣжденіе. — Дорогая купля и страшная продажа. — Какъ расплачиваются контрабандисты. — Жалкій наездникъ. — Два грѣха. — *В. Н. Савинова*.
2. Генріэтта Зонтагъ (графиня Росси). *Биографическій очеркъ*.
3. Сказаніе о вольномъ стрѣлкѣ (Фрейшюцъ) во Франціи.
4. Оригиналъ (Странности англійскаго драматурга). *Ѡ. П.*
5. Кулачный бой у древнихъ и новыхъ народовъ.
6. Калейдоскопъ.

Московскій театр. — «Пророкъ» Мейербергера. — Новизобрѣтенный инструментъ. — Лондонская всемірная выставка. — Разоблаченный псевдонимъ. — Лондонъ хѣтомъ въ сравненіи съ другими столицами. — Фанни Эльслеръ въ Москвѣ. П Б-ъ. — Число жителей Калифорніи. — Привѣтъ флоры на Минеральныхъ водахъ.

VIII. БАЛАГУРЪ.

Восемнадцать анекдотовъ.

IX. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ОСТАЛЫЕ ЛЮДИ ИЛИ ПРЕДРАЗСУДКИ ПРОТИВЪ НАУКИ И ИСКУССТВА. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, П. Г. Григорьева.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДЖУЛИО.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Ж. Хвоцинской.

—
I.

Сельскій домикъ на скатѣ холма, окруженный деревьями. Вечеръ.

КОРНЕЛИЯ и ТЕРЕЗА.

ТЕРЕЗА.

Закатъ темнѣеть. Матушка, смотри,
Какія сизыя клубятся тучи;
Гроза къ полночи будетъ. А теперь,
Какъ тихо все, какъ чудно воздухъ дышетъ
Прохладой чистой! Посмотри, цвѣты
Поникнули головкой, засыпаютъ;
Роса дрожить на листикахъ, а въ ней
Дрожать послѣдніе лучи заката...
О чудный вечеръ, чудный мѣръ! Господь
Его создалъ на радость!

КОРНЕЛИЯ.

Посмотри,

Нейдетъ - ли Джуліо?

ТЕРЕЗА.

Нѣтъ, не видать. Опять

Онъ гдѣ вибудъ надъ моремъ замечтался.

Сегодня я прошу ему, — мы вмѣстѣ

Въ одинъ и тотъ-же часъ мечтаемъ; онъ

Тамъ, на утесѣ, надъ шумящей бездной,

Я здѣсь, надъ вѣжными цвѣтами... Боже!

Когда-бъ вся жизнь могла пройти такъ тихо,

Такъ безмятежно, какъ весенній вечеръ....

КОРНЕЛІЯ.

Скажи — безгрѣшно.

ТЕРЕЗА.

У меня одинъ

Есть грѣхъ: я Джуліо люблю безъ мѣры

И иногда рошшу, что онъ меня

Не столько любитъ, сколько-бъ мнѣ хотѣлось....

Пусть Богъ ему проститъ, — несчастный правъ!...

О матушка, скажи, чего онъ хочетъ?

День цѣлый за работою, трудится,

И недоволенъ всякій день трудомъ,

А вечеромъ уйдетъ, придетъ печаленъ

И ночь проплачетъ до утра, подъ сводомъ

Вѣтвей зеленыхъ.... Ну, чего онъ хочетъ?

КОРНЕЛІЯ.

Вотъ онъ, спроси его.

ТЕРЕЗА.

Какъ это можно!

Онъ огорчиться, оскорбиться можетъ

Моимъ вопросомъ....

(Джуліо входитъ.)

Добрый вечеръ, Джуліо!

Джуліо.

Здорова ль, матушка?

КОРНЕЛІЯ.

Здорова. Гдѣ ты былъ?

Джуліо.

Все тамъ-же, тамъ, далеко, надъ обрывомъ,

Внизу котораго, ты знаешь, пропасть;

Тамъ видъ такой чудесный.

КОРНЕЛІЯ.

Боже мой!

И ты надъ пропастью провелъ часъ цѣлый?
 Что если бы вдругъ закружилась голова,
 Одна минута...

Джулио.

Что-жь? Божья воля.

Вѣдь я не первый - бы погибъ. Иль чудо
 Погибель челоуѣка?... Сколько мы
 День каждый милого терлемъ, въ пропасть
 Предъ нашими глазами сколько жертвъ
 Валятся, — мы не плачемъ....

КОРНЕЛІЯ.

Въ пропасть, сынъ мой!

Въ какую пропасть?

Джулио.

Въ вѣчность. Сколько насъ

Въ ней исчезаетъ каждый день, и всѣ
 Забыты....

ТЕРЕЗА.

Ты сегодня скученъ, Джулио,

На мой привѣтъ мнѣ не сказалъ ни слова;
 Но такъ и быть, ты жалокъ, — не плачу
 Тебѣ я зломъ за зло. Присядь со мною
 Сюда, намъ матушка разкажетъ, — помнишь
 Она хотѣла, — чудную историю;
 Она тебя развеселитъ. Скажи,
 Ты помнишь, начала....

КОРНЕЛІЯ.

Какую?

ТЕРЕЗА.

Помнишь,

Разъ Джулио былъ въ мастерской своей,
 Писалъ онъ что-то, — что-то у него
 Не ладилось; онъ по своей прекрасной
 Привычкѣ, кисть схватилъ и все замазалъ,
 Надъ чѣмъ трудился цѣлый день, потомъ
 Сердился долго, плакалъ, что Мадонна,
 Которую хотѣлъ онъ написать
 Не отдѣлялась отъ холста, а ты
 Сказала....

КОРНЕЛІЯ.

Что ты, сыдъ мой?

Джулио.

Ничего.

Тереза.

А ты сказала : « Другъ, не увывай,
« Терпѣніе и мужество, а больше
« Молитва, и Господь поможетъ ». Послѣ
Хотѣла ты намъ сказку рассказать,
О томъ, какъ разъ.... Не хочешь слушать?

Корнелія.

Полно,

Что мучить человѣка? Видишь, ты
Въ немъ прежнюю заботу разбудила....
Поди ко мнѣ, мой Джулио! Пусть ласка
Моя тебя развеселитъ; кто лучше
Утѣшить можетъ, какъ не мать? Скажи,
Сегодня что тебя тревожитъ? Ты
Опять задумалъ трудную работу,
А силъ не приготовилъ къ ней, опять
Недостижимаго достигнуть хочешь?

Джулио.

О матушка! сама ты говоришь :
Терпѣніе и мужество....

Корнелія.

А дальше?

Джулио.

Вотъ мука вѣчная! Пойми меня, —
Я мучусь, я тружусь, поденщикъ столько
Не трудится. Прикованный къ одной
Своей завѣтной мысли, будто къ цѣпи,
Я отъ нея на шагъ не отхожу;
Цѣпь въ землю заколочена, на небо
Стремлюся я.... Не дивная-ль мечта,
Высокая, прекрасная! Зачѣмъ же
Не сбывается ей? Зачѣмъ, зачѣмъ? Она
Такъ чудно, уповительно прекрасна!
Творцемъ быть въ мірѣ вѣчнаго Творца,
Возсоздавать его творенье, видѣть
Небесное, сходящее на землю.... Боже!
Жить въ памяти людей и въ ихъ молебъ,
При жизни первымъ быть, а изъ могилы
Лить свѣтъ величія.... Мечта моя,

Должна ты сбыться, сбудешься!

КОРВЕЛІЯ.

Мой сынъ,

Ты обмануль меня,— твое безумье
 Еще взросло и принесло плоды,—
 Плоды грѣха: ты хочешь славы. Слава!
 О суета, о гибель! Сколько душъ
 Погублено мечтательнымъ стремленьемъ,
 Желаніемъ безумнымъ возвышенья!...
 И ты себя погубишь, Джуліо, ты
 Уже опутанъ страшной этой сѣтью
 И вырваться не хочешь. Ты для славы
 Ужъ забываешь долгъ свой, долгъ священный:
 Долгъ сына, мужа. Посмотри, она,
 Твоя невѣста: ужъ она забыта,
 И слезы ей въ замѣнъ любви остались.
 Я, мать, — что я? день цѣлый сына жду,
 Дождусь и вижу только слезы, — всю
 Добычу, что уносишь ты изъ битвы
 Съ самимъ съ собой и волей вѣчной! Что же,
 На это-ли Господь тебя поставилъ?
 Ты утѣшеньемъ быть намъ могъ, а ты....

ДЖУЛІО.

О тяжелы твои упреки! полно,
 Я слышалъ ихъ! Но я теперь рѣшился,
 Рѣшился, я иду, иду учиться....
 Не даромъ въ душу человѣка Богъ
 Кладетъ стремленье къ высшему, не даромъ!
 Что горькою слезой, или утратой,
 Иль жертвой тяжелой покупаемъ мы,
 То намъ дается.... Да, я жертвой тяжелой
 Куплю себѣ талантъ.... я васъ оставляю....
 Рѣшился я, пусти! Благословеньемъ
 Мой трудный путь мнѣ облегчи, а силы
 Богъ дасть, онъ далъ, онъ во мнѣ, со мной!
 Иначе, отчего - бы эти слезы,
 И трепеть сердца, и тотъ жаръ святой,
 Которымъ грудь моя горитъ? О мать,
 Благослови прекрасный подвигъ мой!
 Ты крѣпче сына обоймешь, свѣтлѣе
 Твой будетъ ликъ, когда чело вѣнкомъ
 Увитое, какъ предъ святыней,

Передъ тобой поникаетъ, и теплѣе
Твоя мольба на небеса тогда
Взойдетъ, когда межъ свѣтлыми звѣздами
Блеснетъ своими яркими лучами
Сыновней славы вѣчная звѣзда!

КОРНЕЛІЯ.

О заблужденъе горькое!

ДЖУЛІО.

О мать,

Мать, добрый другъ! Не отнимай у сына
Того, что небомъ суждено! Меня
Тебѣ съ высокой мыслью дало небо:
Не здѣсь твой сынъ былъ осужденъ влачить
Бездвѣтные томленья дни, — онъ выше
Назначенъ, да, и сны ему не даромъ
Даютъ чудесныя видѣнья. Въ часъ ночной
Недаромъ въ блѣдномъ мѣсяца сіяньи
Являются таинственныя тѣни
И вѣютъ крыльями; не даромъ мнѣ
Волнами море, будто головами
Знакомыхъ мнѣ духовъ, киваетъ.... Часто
На облакахъ строй воинства парить
И мнится, будто слышно мнѣ бряцанье
Ихъ свѣтлыхъ латъ, ихъ острыхъ копій.... Нѣтъ,
Не даромъ вѣщія видѣнья! Нѣтъ,
Нѣтъ, сбудется чудесное мечтанье!

КОРНЕЛІЯ.

Не сбудется, не сбыточно оно!...
Ты говоришь — въ таинственныхъ видѣньяхъ
Тебѣ понятенъ міръ другой, — но, что-жъ,
На землю могъ ли ты призвать его?
Ты видѣлъ — что же на покорный холстъ
Не перенесъ его, о милый сынъ?
Что не дано, то недостижно! Тщетно
Ты будешь биться, плакать, изнывать.
Ты будешь биться съ рокомъ. Не хотѣлъ
Тебѣ Всевышній, для осуществленья
Восторженныхъ видѣній, силу дать,
Которую даетъ другимъ. Онъ для другаго
Тебя назначилъ.... Всѣ труды, ученье
Напрасны будутъ.... Онъ насъ поравнялъ,
Насъ бѣдныхъ смертныхъ; Онъ однимъ далъ — волю,

Другимъ для исполненья — силы; будь доволенъ,
Тебѣ великое еще осталось дѣло :
Ты можешь счастье намъ создать ; въ видѣннѣхъ
Тебѣ, мой сынъ, являлось - ли оно?

Джулио.

О матушка!... Но есть они, счастливыцы,
Которымъ все возможно; — что задумалъ,
То сдѣлано....

Корнелія.

Избранники небесъ ?

Ты хочешь быть избранникомъ?

Джулио.

Такъ что-же?

Они такіе-жъ люди? Можетъ быть
И больше у меня есть вдохновенья....

Корнелія.

Прости меня, я, Джулио, мать твою,
Могу сказать, — ты примешь безъ обиды, —
Когда жъ они, избранники небесъ,
Ночь проведя въ чудесномъ созерцаньи,
На утро упали духомъ такъ,
Какъ ты? Когда простая вещь, рука,
Ракурсъ какой вибуди, одежды складка,
Въ отчаянье ихъ приводили? Гдѣ
Слыхалъ ты, чтобы восторженный художникъ
Въ безсиліи своемъ самъ сознавался?...
Ты сознавался, сынъ мой. Сколько разъ
Съ рыданіемъ, горячими слезами
Ты обливалъ палитру, восклицая :
Не то, не то!

Джулио.

О, я хочу учиться!

Я выучусь, возможно все труду!

Корнелія.

Учиться? Но не ты-ль простымъ ученьемъ
Пренебрегалъ? Не я-ли, мать твою,
Тебѣ о мужествѣ, трудѣ твердила?
Сынъ, время не догонишь! Поздно сынъ
Учиться дѣтски, когда сердце гордо
Мечтаетъ быть творцемъ!

Джулио.

Но развѣ дѣтски

Учиться я хочу? Хочу я видѣть,
 Что до меня великаго создали
 Подобные мнѣ люди; я изъ ихъ
 Трудовъ самъ почерпну и силы, жатву
 Сберу съ полей широкихъ ихъ науки.
 Я только ихъ по слуху знаю, эти
 Мучительно-живыя имена:
 Доминикино, Рафаэль, и тотъ
 Великій, чья сіяющая слава
 Взошла намъ новымъ свѣтомъ, будто день
 Надъ полночью.... Мать, я его увижу!
 Наплачусь предъ живыми образцами,
 Во прахъ повергнуся передъ нимъ, великимъ,
 Чтобъ научилъ, чтобъ указалъ....

КОРНЕЛІЯ.

И онъ

Съ улыбкою на дѣтское маранье
 Укажетъ, съ смѣхомъ. ...

ДЖУЛІО.

Матушка!

КОРНЕЛІЯ.

А ты,

Предъ образомъ чудеснымъ, славой Бога
 Въ дѣяньи чловѣка отраженной,
 Какъ громомъ въ прахъ низринутый, мой сынъ,
 Погибнешь отъ ужаснаго сознанья
 Ничтожества....

ДЖУЛІО.

О матушка!

(Послѣ минутнаго молчанія, рѣшительно.)

Пусти,

Пусти меня! Господь ко мнѣ взываетъ,
 То гласъ Его.... На горе-ли, на смерти
 Зоветь онъ, но я слышу, будто трубный
 Призывъ послѣдняго суда!... Зоветь!...
 Благослови, о мать, твой сынъ рѣшился —
 И замысла никто не перемѣнитъ;
 Благослови, и крѣпкою молитвой
 Утѣшь меня.... Но измѣни свой судъ,
 Свой приговоръ.... О мать, онъ мнѣ проклятья!
 О, не губи напрасно упованья

Чудеснаго.... Скажи одно лишь слово:
«Надѣйся!...»

КОРНЕЛІЯ.

Нѣтъ, молись, и кротко, чисто,
Какъ тихое дитя, молись Тому,
Чей голосъ мнишь ты слышать.... Милый сынъ,
Ты хочешь взяться за святое дѣло,
А суетенъ твой помысль — слава, слава!

ДЖУЛІО.

Благослови!

КОРНЕЛІЯ.

Иди, Господь съ тобою.

ДЖУЛІО.

Сейчасъ-же въ путь! — Тереза, ангель мой,
Прими мое прощанье, — не на вѣкъ,
Но до поры, когда передъ тобой
Явлюсь опять, веселый и безпечный,
Покойный сердцемъ.... Милая, въ слезахъ
Дай поцѣлуй мнѣ, радостнаго дня
Дождемся мы, — слеза въ твоихъ очахъ
Не та блеснетъ....

ТЕРЕЗА.

Ты не любишь меня!

II.

Ночь. Скала надъ моремъ, вблизи хижина.

ДЖУЛІО.

Природа, первый мой привѣтъ тебѣ! Тебѣ,
Чей огненный символъ — перунъ — на небѣ
Чертить свой прихотливый знакъ! Тебѣ,
Чей образъ, океанъ безбрежно бурный,
Теперь кипитъ передо мной! Тебѣ,
Чье слышится дыханье мнѣ въ порывахъ
Грозы шумящей! мой привѣтъ тебѣ!
Не связанъ я, къ свободнымъ небесамъ
Скорѣй направлю крылья, — вольной птицѣ
Весь міръ открыть.

Цѣною дорогой

Купилъ я первый мой восторгъ!

Еще я слышу матери рыданье,
 Ея призывъ послѣдній — слышу, слышу. —
 Но вздоха нѣтъ, слезы нѣтъ ни одной!...

—
 Ночь темна;

Темна тому, кого земные очи
 Одни отверсты; для очей души
 Сияеть въ мракѣ свѣтъ нетлѣнный неба.
 Инаго бы страшила эта бездна,
 Что у подошвы этихъ скалъ рокоchetь,
 Инаго бы страшило, что скала,
 Мое подножье, отъ прибоя волнь
 Трепещеть, какъ испуганный младенецъ;
 Онъ испугался бѣ этихъ воплей бури,
 Я не боюсь. Передо мной разгнута
 Великая страница книги жизни,
 Огнемъ она начертана во мракѣ,
 Я въ ней читаю Божью славу....

—
 Нѣтъ крова у меня; стезею трудной
 Я достигаю цѣли. Какъ скиталецъ,
 Просить я долженъ крова у людей,
 Чужихъ по крови и по сердцу. Горько,
 Но такъ должно быть. Въ нашемъ мѣрѣ все
 Такъ начинается. Съ слезой вступаемъ
 Мы въ мѣръ, гдѣ счастье насъ ждетъ.

—
 Тамъ люди, и живутъ! Скорѣе къ нимъ,
 Меня они допустятъ, обогрѣютъ;
 Иль можетъ быть прогнать. — Что жъ? такъ должно!

—
 Я прежде загляну, какіе люди.
 Начто напрасно ихъ вводить въ соблазнъ
 Моимъ приходомъ.... Бѣдность искусителъ
 Великій, жизнью можно за ночлегъ
 Съ ней расплатиться....

Я несправедливъ!

Но если и несправедливъ, зачѣмъ
 Ихъ заставлять напрасно колебаться

Между желаніемъ помочь и страхомъ,
 Что дорого имъ станетъ гость.... Взгляну,
 Что за люди.

(Приближается къ хижинѣ и смотритъ въ окно.)

Старикъ съдой, читаетъ

Какую-то разложенную книгу;

Старуха за работой, у огня

Кудрявый мальчикъ чинитъ сѣти; ближе

За прялкой дѣвушка.... То рыбаки.

Вотъ жизнь! несчастные или счастливыцы, —

Какъ ихъ назвать? Въ невѣдены они

Существованья, не подозрѣваютъ

Другихъ занятій; даже мысль у нихъ,

Мысль, огнь небесный, гаснетъ отъ бездѣлья....

Я къ нимъ войду.

голосъ старика (изъ окна)

Смиряй себя, вознесется....

(Джулио стучится.)

—

III.

Зала художественной выставки. Въ толпѣ народа **ДЖУЛИО**.

ДЖУЛИО.

Одинъ въ толпѣ я, одинокъ и въ мірѣ;

Родные звуки слышу, а родныхъ

Не слышу словъ!... Толпа меня забыла,

Я ей не нуженъ....

Горько быть чужимъ

Между людьми, но такъ судьба велѣла!

Что вужды? я забыть, или можетъ, страненъ

Кажусь другимъ, тѣмъ лучше! Пусть они

Не привыкаютъ почитать своимъ

Того, кто выше ихъ возстать стремится;

Пусть не равняются они со мной;

Въ минуту торжества они готовятъ

Мнѣ лишнюю минуту удивленья....

—

Но что-жъ они такъ долго медлятъ? Что-жъ

Завѣтный другъ моихъ ночей бессонныхъ

Мой трудъ восторженный и зрѣлый
 Еще вокругъ себя ихъ не собираетъ?...
 Что-жъ, подожду! я сладость торжества
 Въ предчувствіи заранѣе вкушаю,
 Помедлить можно...

Но, въ который разъ?

Въ который разъ, я труженикъ печальный
 На судъ толпы стогласной предстою?
 Въ который разъ мученье ожиданья
 Я повторяю!... Адское мученье!
 Нѣтъ никого!

О, права ты была

Мать бѣдная, когда молила сына
 Не оставлять тебя!...

Пять тяжкихъ лѣтъ

Все неудачъ и неудачъ.... Терпѣнье
 Не выдержать....

Прости мнѣ, Боже мой,

Мои слова, я предъ тобой виновенъ
 Прости мнѣ, гений мой, мои слова,
 Я усомнился въ помощи твоей!
 Что жъ, что не въ первый разъ я предстою
 На этотъ судъ, что-жъ, что я всякій разъ
 Изъ этого суда неумолимый,
 Презрительный, жестокий приговоръ,
 Поникнувъ головою, уносилъ...
 Всему конецъ быть долженъ, не напрасно
 Я чувствовалъ призваніе свое....
 Уже-ль то было только заблужденіе
 Иль прихоть юноши?... Нѣтъ, нѣтъ, я мужъ,
 Я не дитя, не юноша, я силенъ
 И вынесу.... нѣтъ, презрю приговоръ....
 Онъ не убьетъ меня.... я имъ не вѣрю....

Что это! Говоръ похвалы... оттуда.

Гдѣ... гдѣ моя.... ужели! Наконецъ

Ты мой, златой вѣнецъ, вѣнецъ лавровый....

Нѣтъ никого...

Да что-жъ они глядятъ?

Предъ чѣмъ толпятся, и о чемъ толкуютъ?

Какой восторгъ!... Тамъ и моя картина....

Они ее сейчас замѣтятъ.... спросятъ
Объ имени художника.... Опять!

Чего-жъ кричать они? Что тамъ за чудо?

(Двое художниковъ отдѣляются отъ толпы.)

первый.

Ты слышалъ?

второй.

Какъ-же, слышалъ. Вотъ счастливецъ!

первый.

Я самъ тамъ былъ. При всѣхъ, его учитель
Поздравилъ, обнялъ.... Славно въ эти годы
Себѣ составить имя....

второй.

И какое!

первый.

«Онъ далеко пойдетъ, сказалъ великій;
«Его картина — первая страница
«Прекрасной книги; онъ ее напишетъ,
«Напишетъ всю, достало-бъ только жизни
«На вдохновенье и на трудъ....»

второй.

Какъ будто,

Жизнь тратится на вдохновенье!

первый.

Какъ же,

Оно огонь, сжигаетъ.

второй.

Нашъ учитель

Живое доказательство тому,

Что это правило неправда.

первый.

Да, но онъ

Не то, что мы и миллионъ другихъ;

Намъ можно-ли равняться съ нимъ? ему

Доступно все, что ни замыслить; слово

Одно поспѣтъ лишь можетъ за полетомъ

Могучей кисти. Ты видалъ, какъ онъ

Работаетъ, такъ что-жъ и говорить.

второй.

Непостижимо! — Но пойдѣмъ туда

Гдѣ наше чудо новое; смотри,

Тамъ собралась толпа. Мнѣ любопытно

Послушать, какъ тамъ судятъ.

первый.

Что тамъ судятъ

Онъ разъ сказалъ, и кончено.

второй.

Пойдемъ.

первый.

Нѣтъ, подожди.... Что это за чудакъ,
Смотри, вотъ тамъ. Онъ смотритъ на картины,
А больше, кажется, насъ слушаетъ.

второй.

Онъ вѣрно

Не здѣшній.

первый.

И художникъ....

джулио (подходитъ).

Это правда,

То и другое. Вы меня простите,
Я слышалъ, что вы говорили. Много
Словъ вашихъ мнѣ на сердцѣ залегло....
Вы говорили, новую картину,
Которой тамъ дивятся, создалъ вашъ
Товарищъ, ученикъ ?...

второй художникъ.

Да.

джулио.

Онъ счастливецъ !

Какъ юноша добился онъ того,
О чемъ напрасно плачутъ старцы — славы!

первый художникъ.

Не онъ добился, Богъ далъ. Правда, трудъ
Ученья взялъ охотно онъ, старался,
Трудился, ночи проводилъ безъ сна
Предъ образцами, не пренебрегалъ
Малѣйшею отдѣлкой и учился,
Какъ робкое, покорное дитя,
Не доверяясь вдохновенью, но
Ничѣмъ-бы не былъ онъ, когда-бы свыше
Отмѣченъ не былъ....

Вы видѣли его ?

джулио.

Нѣтъ. Постараюсь видѣть въ мастерской,

Въ его святилищѣ.

ВТОРОЙ ХУДОЖНИКЪ.

Вы не добьетесь!

Я, ученикъ его, тамъ не бывалъ;
Вотъ, онъ вамъ скажетъ.... Разъ ему случилось
Тамъ быть.... Великій самъ его позовалъ....
Ну, расскажи.

ПЕРВЫЙ ХУДОЖНИКЪ.

Покуда сердце бьется

И жизнь горитъ во мнѣ, я буду помнить
Тотъ часъ короткій.... Сами вы художникъ,
И понимаете меня... Мы братья?

ДЖУЛИО.

Да, говорите.... (Тамъ нѣту никого!...)

ПЕРВЫЙ ХУДОЖНИКЪ.

Онъ былъ доволенъ мною, наградить
Хотѣлъ ученика и растворилъ ему
Всѣмъ недоступное святилище; орлепку
Хотѣлъ онъ солнце показать, и точно,
Я видѣлъ небо!...

Миръ былъ предо мной,

Струилось небо синими волнами,
Сіяли горы, зелень и цвѣты,
Все свѣтлое, какъ въ утро мірозданья.
И я дивился.... Вдругъ передо мной
Явились люди, люди, и живые,
И вѣяли ихъ волосы, ихъ груди
Дышали, слышны были ихъ шаги,
Оружье ихъ звенѣло.... Жаръ дыханья
Вдохнулъ мнѣ чувства ихъ; я самъ готовъ былъ
Въ ту битву броситься, что на стѣнѣ,
На полотнѣ бездушномъ совершалась....

Тамъ конь и всадникъ есть; поверженъ конь,
А всадникъ выбивается, и чудно
Такъ кажется, что вмѣстѣ съ нимъ встаетъ
Надежда на побѣду и побѣда!...

Тамъ юноша; онъ слышитъ зовъ трубы
И рвется въ битву, рвется... мать въ слезахъ
Его схватила, держать, — а старушка,
Безильное несчастное творенье,
Какъ будто понимая неизбежность
Кончины, потому что къ ней самой

Уже близка кончина, будто зная,
 Что ей мольбой не удержать его,
 Отчаянно покорна, шлетъ ему
 Свое благословенье.... Сердцу страшно;
 Схватилъ бы самъ и удержалъ безумца!
 Смерть въ столькихъ образахъ! ужасный бой,
 Гдѣ съ жизнью смерть въ объятья обхватились
 И борятся.... Но какъ отрада въ горѣ,
 Какъ утѣшитель ангелъ въ часъ кончины,
 Такъ хороша тамъ дѣвушка; она
 Пойтъ двухъ раненыхъ... ужасны лица,
 Земля и небо!...

джулио (не слушая продолжаетъ
 смотрѣть на свою картину).

Тамъ пѣтъ ни души,

Идутъ все дальше!...

первый художникъ.

Онъ передо мною

И свѣтъ и жизнь изъ праха вызывалъ;
 Холодный холстъ сіялъ, горѣли краски,
 Озъ создавалъ... Что, лишь одно мгновенье
 Назадъ, смѣшеніемъ туманнымъ было
 Однихъ тѣней безцвѣтныхъ, какъ хаосъ,
 Живыхъ существъ рождало, облекалось
 Живою плотью.... О, что со мною было,
 Не вѣдаю, и долго-ль я стоялъ
 Нѣмой предъ чудомъ, безъ движенія, — я
 Не помню.... Онъ тогда позвалъ меня;
 Могучій духъ могучимъ словомъ вывелъ
 Изъ огненныхъ своихъ круговъ того,
 Кто потеряться въ нихъ готовъ былъ....
 Я только рабъ былъ и поклонникъ; сладко
 Повергнуться предъ дивнымъ! Въ ту минуту
 Я не мечталъ творить, мечталъ молиться
 Велічію несмѣтному Творца,
 Которое надъ смертнымъ возсіяло,
 И на челѣ высокомъ и кудрявомъ
 Его поклонюсь....

второй художникъ.

Ты, другъ, забылся.

Твой слушатель исчезъ давно; въ слезахъ
 Онъ убѣжалъ отсюда и теперь

Не онъ, — толпа твой слушатель. Пойдемъ
 первый художникъ.
 Я не пойду съ тобой. Иду работать.

IV.

МАСТЕРСКАЯ.

Джулио (у окна).

Блестящій сводъ, очамъ въ слезахъ открытый,
 Ты утѣшитель. Звѣдныя міры,
 Вы перлы свѣтлаго Господняго вѣнца,
 И ими онъ, насъ плачущихъ дѣтей,
 Во тмѣ полночи утѣшаетъ. Сладко
 Глядѣть на васъ; чудесныя мечты
 Вы зажигаеае холодными лучами!...
 Вотъ въ полусвѣтѣ зыблятся листы
 Деревьевъ, вѣтеръ трепетно крылами
 Взмахнулъ, спорхнулъ изъ горней высоты,
 Улегся, спать....

Въ полмѣрѣ, можетъ быть,
 Лишь я одинъ не сплю.

Случалось прежде

Не спать мнѣ также, и не ждаль зарп....
 А пивъ!...

Сознаюсь, я жду, жду утра!

Жду свѣтлаго разсвѣта, — не глазамъ
 Моимъ онъ нуженъ: лучше въ тмѣ ночной
 И слезы спрячутся, и на щекахъ
 Жаръ горькаго стыда сойдеаъ незримо....
 Я дня для сердца жду....

Бывало прежде

Ночь тихая видѣнья мнѣ несетъ,
 И счастье крылатымъ херувимомъ
 Во всей красѣ порхаеаъ предо мной,
 Въ такой красѣ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ
 Слетѣлъ онъ съ вѣстью радости ко мнѣ
 Живой отъ вѣчнаго престола....

Было-ль это?...

Я, помнится, видаль его когда-то....
 Безумецъ! — точно, я хотѣлъ схватить

Небесное, эфиръ, огонь чистѣйшій,
И начертать вотъ здѣсь!..

Онъ разорвалъ

Земную цѣпь, чѣмъ я хотѣлъ опутать
Его прозрачныя лазуревыя крыла
И улетѣлъ....

Но что-жъ онъ здѣсь оставилъ?...
—

О Боже мой, чѣмъ заслужилъ я это?
За пяти-лѣтній трудъ награда гдѣ-же?
И точно-ли напрасенъ былъ мой трудъ?
Въ который разъ еще на смѣхъ людей
Предстать и правду страшную услышать?...
И правду-ли? И что они такое,
Что смѣютъ и судить и осуждать?
Они вѣдь люди.... Люди не видали
Монхъ видѣній чудныхъ....

Скоро утро.

Исчезли звѣзды. Здѣсь ужъ такъ свѣтло,
Что разсмотрѣть предметы можно. Я
Взгляну на моего небеснаго. Я знаю,
Когда-бъ и темно было, темноту
Разгонитъ онъ своимъ сіяньемъ.

(Открываетъ картину, стоящую на станкѣ.)

Вотъ онъ!

(Поворачиваетъ картину къ свѣту и долго глядитъ на нее.)

Они — сказали: поворотъ лица
Неправильнъ.... изыскано движенье....
Безъ выраженья взоръ.... Онъ такъ глядѣлъ!..
Нѣтъ, онъ глядѣлъ не такъ, когда явился,
Но взоръ его горѣлъ такимъ огнемъ,
Что я не взоръ, а только пламя видѣлъ —
А пламя кто напишетъ?

О безумецъ!

Зачѣмъ же браться?... О, зачѣмъ, зачѣмъ,
Кто мнѣ велѣлъ?..

(Разсвѣтаетъ.)

А, вотъ оно, вотъ утро,

Вотъ солнце!.. Ну, добро пожаловать, сюда!
Свѣти, земное утро, освѣщай
Того, кто съ неба сброшенъ прямо въ пропасть
И головой о камень!..

Безъ вниманья
 Пройти сначала, а потомъ спокойно
 Все оглядѣть, и все, безъ состраданья,
 Все осудить....

Бездарный!...

Судь людской,

Ты правъ влѣ нѣтъ, — но все ты разрушитель!
 Не прошуми ты мнѣ надъ головой
 Свой приговоръ, я можетъ быть еще бы
 Не мучился, не осудилъ-бы самъ
 Свое любимое дитя, свое творенье,
 Я можетъ быть по прежнему-бы чудомъ
 Его считалъ.... Теперь, едва взгляну,
 Не свѣтлый ликъ я вижу, — судъ холодный
 Толпы, зѣвакъ.... и все кричатъ, кричатъ,
 То дурно, это дурно... нѣтъ таланта!...
 Предъ этой пыткой даже смерть
 Ничто, забава!...

(Разрываетъ картину.)

Вотъ смерть, вотъ, вотъ она....

—
 V.

Сельскій видъ, вечеръ.

Джулио.

Какъ послѣ долгихъ дней во тмѣ тюрьмы,
 На хладномъ камнѣ проведенныхъ, сладко
 Увидѣть снова свѣтъ и красоту,
 И землю, и цвѣты полей, такъ сладко
 Увидѣть васъ, луга, поля родные!
 Съ одежды пылъ чужбины отряхнуть,
 Поставить посохъ у порога, слезы
 Излить на грудь родную — это счастье,
 Мнѣ говорили, но не для меня!
 Заблудшій сынъ, изгнанникъ, безъ отрады
 На родину я снова прихожу;
 Здѣсь все не то. Мнѣ прежде были милы
 И темный склопъ родныхъ моихъ оливъ,
 И ароматъ струпстыи померанцевъ,
 И голубое море, и павѣсь

Той хижины, гдѣ взросъ я.... Теперь — не то!
 Я разлюбилъ ихъ. Сердце бьется грустью,
 Не полной радостью возврата.

Я создалъ

Себѣ свой край чудесный и роднымъ
 Его себѣ по сердцу сдѣлалъ. Въ немъ,
 Въ лучахъ его свѣтилъ, какъ пылъ въ лучахъ
 Земнаго солнца, я кружился, пылъ
 Дыханіе его цвѣтовъ нетлѣнныхъ,
 Изъ нихъ свивалъ себѣ вѣнецъ огнистый
 И украшалъ въ мечтаньи имъ свою
 Мечтательную голову.... Безумьемъ
 Назвали люди этотъ вымысль.... сердце
 Въ немъ жило, жило!... Для чего оно,
 Со всемъ земнымъ развѣдясь на вѣки,
 Оставило себѣ лишь слухъ земной
 Къ земнымъ рѣчамъ?... Какъ пухъ отъ дуновенья
 Ребенка, какъ свѣжичка отъ огня
 Весны — отъ говора людей распался
 Мои мечтанія....

Но силу воли

Не побѣдить бы говору людскому, —
 Мой міръ былъ цѣль, хоть блескъ его изчезъ;—
 Зачѣмъ у сердца чуждаго людей,
 Счастливаго въ себѣ самомъ, осталось
 Горчайшее изъ всѣхъ чувствъ чловѣка —
 Сознаніе?...

Оно все погубило!

Я прозрѣлъ, я позналъ себя, я самъ
 Послѣдній, тяжкій молота ударъ
 Нанесъ мной созданному міру, — храму,
 Гдѣ больше не свѣтилось ужъ огней....
 Храмъ дрогнулъ, палъ.... Зачѣмъ въ своихъ обломкахъ
 Не схоронилъ онъ дерзкаго, того,
 Кто создавалъ его? Вся сила жизни
 Сосредоточилась въ одной завѣтной мысли, —
 Распалась мысль, а жизнь какъ устояла?
 Зачѣмъ она осталась?...

Домъ родной,

Вотъ ты, на скатѣ сизаго холма,
 И такъ же въ свѣтломъ солнечномъ закатѣ
 Горятъ твои окошки, также вьются,

Щебечуть птички надъ твоею кровлей,
 И такъ-же вѣетъ яворъ у порога,
 И такъ-же блѣдный цвѣтъ ночной, въ тиши,
 Благоухаетъ подъ навѣсомъ мирта,
 Все такъ-же, какъ и было!... Гдѣ-же ты,
 О радость сердца, ты, чѣмъ трепетало
 Оно, когда ребенокъ, я спѣшилъ
 Въ часъ вечера туда, къ моей родной,
 Спѣшилъ, бѣжалъ, какъ будто мнѣ хотѣлось,
 Чтобъ солнца лучъ исчезнуть не успѣлъ,
 Не освѣтивъ еще лобзаний нашихъ?
 А вы, восторги юноши, когда
 Моя невѣста, прежняя подруга
 Забавъ и игръ, съ улыбкою встрѣчала
 Меня, любимца сердца у порога,
 Гдѣ вы?... Стремясь за лавровымъ вѣнкомъ,
 Я затопталъ цвѣтокъ любви прекрасный, —
 И кто теперь его съ земли подниметь
 И освѣжить?...

Создатель, о Создатель!

Дай мнѣ опять привычку къ тихой жизни,
 Безъ прежнихъ грезъ, безъ прежняго волненья,
 То благо, что безумный я отвергъ!
 Печаль есть въ сердцѣ, — а печаль дятя!
 Она привыкнетъ скоро; ей нужна лишь
 Одна любовь! — дай мнѣ ее найти!...

—

А ихъ любовь была всеильна. Часто
 Она мои порывы укрощала
 И примиряла съ неудачей. Часто
 Отъ поцѣлуевъ высыхали слезы,
 Которыхъ-бы весь міръ не осушилъ!
 О, я опять прозикну въ это лоно
 Святой любви, — я выплачу предъ ними
 Мое безумье, — а онѣ простятъ,
 Онѣ меня не назовутъ бездарнымъ
 И гордости моей не оскорбятъ, —
 Изъ устъ, гдѣ спать и ласка и улыбка,
 И поцѣлуй, упрекъ не излетитъ!
 Онѣ меня къ землѣ опять приучатъ,

Я на землѣ вновь міръ себѣ создамъ,
 Но не холодный, строгій міръ искусства,
 А міръ любви и свѣтлый, и живой,
 Я буду счастливъ!...

Нѣсколько минутъ,

И я паду въ объятія ихъ; слезами
 Я встрѣчу счастье, снова въ міръ войду,
 Какъ тихое дитя, — опять на руки
 И на заботы матери любимой....

Я испугаю ихъ, когда войду.
 Пежданнымъ счастьемъ опечалить можно.
 Я распрошу о нихъ; вотъ очень кетати
 Старикъ. Опъ мнѣ знакомъ. Я помню
 Всѣ лица всѣхъ моихъ сосѣдей прежнаихъ;
 Могильщикъ, онъ идетъ сюда....

Мой путь

Лежалъ черезъ кладбище; я-же грѣшавый,
 И не подумалъ помолиться. Здѣсь
 Лежитъ моихъ родныхъ довольно.

Боже!

Дай мнѣ прожить такъ тихо какъ они,
 И какъ они здѣсь лечь, а ихъ, усопшихъ,
 Не позабудь во царствіи Твоемъ!... *(Подходитъ къ старику.)*
 Другъ, добрый вечеръ.

СТАРИКЪ.

Добрый вечеръ. Вѣрно

Издалека?

ДЖУЛІО.

На родину иду.

СТАРИКЪ.

А далеко-ли?

ДЖУЛІО.

Нѣтъ, мой путь не дологъ;

До ближняго селенія, и здѣсь....
 Я многихъ знаю, — такъ хотѣлъ узнать
 О нихъ....

СТАРИКЪ.

А, ты давно здѣсь вѣрно не былъ?

ДЖУЛІО.

Лѣтъ пять. А все, Антоніо, тебя

Въ лицо узналъ. Ты все такой же свѣжій,
Веселый, какъ и былъ....

СТАРИКЪ.

Вотъ чудо, — что-же я

Тебя не помню?

ДЖУЛИО.

Память измѣнила

Тебѣ, нѣ измѣнился самъ я; что-же дѣлать?...
(Вотъ странность, — я не знаю, какъ начать!...)

Скажи, старикъ, что всё у васъ какъ прежде
Живутъ?... Здѣсь, помнится, была красотка, —
Терезой звали, — что она?...

СТАРИКЪ.

Она?...

О первой ты о ней спросилъ, не даромъ,
Она была красавица.—Давно
Ужъ замужемъ и счастлива.

ДЖУЛИО.

Давно?...

СТАРИКЪ.

Да будетъ тоже лѣтъ тому пятокъ.
Ты зналъ ее, такъ стало-быть и слышалъ
Что у нея безумный былъ жепихъ;
Ее оставилъ, самъ ушелъ, — куда,
Про то Богъ знаетъ. Видишь, грѣхъ попуталъ,
Хотѣлъ попасть въ художники....

ДЖУЛИО.

Ну, онъ

Ее оставилъ, это слышалъ я.
Она.... Неужли скоро такъ забыла
Того, кому обручена была?

СТАРИКЪ.

Ты мнѣ смѣшонъ. Она въ семнадцать лѣтъ
Красавица, — и помнитъ о безумномъ?
Да стоилъ-ли онъ памяти? онъ мать
Одну оставилъ, бросилъ; та въ тоскѣ,
Ждала, и долго, долго все ждала,
Все плакала одна и горевала,
И всякій день до вечера съ утра
Съ дороги глазъ не отводила.... Горько
Имѣть одно дитя, когда оно въ душѣ
Не любить насъ....

Отд. I.

ДЖУЛИО.

Не любить!...

СТАРИКЪ.

Да, не любить.

Любилъ-ли онъ ее, когда безъ слезъ

Ее оставилъ и въ пять лѣтъ не вспомнилъ?

Господь надъ нею сжалился, ее

Позвалъ къ себѣ....

ДЖУЛИО.

Что ты сказалъ? она....

СТАРИКЪ.

Она скончалась; вотъ ея могила.

ДЖУЛИО.

О матушка!... прости! Твой сынъ виновещъ!

=

ПЯЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МУДРЕННЫЙ КОНТРАКТЪ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ,

М. И. ВОСКРЕСЕНСКАГО.

==
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
==

ГЛАВА I.

Замѣчено, что всѣ иностранцы, которымъ грѣхъ, кажется, пожаловаться на русскую хлѣбъ-соль, всегда отзываются о Россіи съ невыгодной стороны, и иногда даже — Богъ имъ прости! клеветаютъ на насъ слишкомъ недобросовѣстно. Русскій человѣкъ не злопамятенъ, и потому я не обинуясь скажу, что Дрезденъ, въ который мнѣ теперь понадобилось захватить перомъ моимъ, городокъ очень, очень порядочный и миленькій; сосѣдка его, Саксонская Швейцарія, еще лучше, да и самыя нѣмцы — народъ предобрый и очень гостепріимный, въ особенности для русскихъ путешественниковъ.

Не огорчить-бы читателя и не потерять-бы его расположенія тѣмъ, что русскій романъ начинается въ чужихъ краяхъ? А нечего дѣлать! Надо такъ, любезный читатель, потому что, вотъ видите-ли.... романъ мой, онъ не то, чтобы совсѣмъ романъ, въ немъ есть кусочикъ и были; а былъ,

вѣдь извѣстное дѣло, требуетъ и разсказа вѣрнаго, по-крайней-мѣрѣ въ отношеніи къ мѣстности, и потому будьте снисходительны, не поскучайте побывать со мной на нѣсколько времени въ Дрезденъ. Мы-же скоро воротимся и на родину.

Съ словомъ: Дрезденъ, почти всегда сливается идея о знаменитой дрезденской картинной галлерей, а съ именемъ дрезденской галлерей — Мадонна Рафаэля и Корреджіева почь, которыя обѣ висятъ въ одной залѣ. Въ эту любопытную для каждаго образованнаго путешественника залу попрошу я и васъ, читатель, только не въ настоящее время, а перенесясь мысленно за восемнадцать лѣтъ назадъ, то-есть въ прошлый 1832 годъ по нашему лѣтосчисленію.

Въ знаменитой залѣ, гдѣ, какъ замѣтилъ я выше, висятъ двѣ еще знаменитѣйшія картины, въ одиннадцать часовъ утра, въ половинѣ іюля мѣсяца, 1832 года, по обыкновенію толпились кучи знатоковъ, любителей, вояжеровъ, и просто зѣвакъ отъ нечего дѣлать. Въ углу, на небольшомъ диванчикѣ, сидѣли двѣ нѣмки и съ флегматическою важностію вязали одна чулокъ, другая кошелекъ, вѣроятно для своихъ сожителей. Нѣмки рѣдко дарятъ своею работою постороннихъ мужчинъ; это не въ ихъ нравахъ. У средняго окна испитой, рыжеватенькій мальчикъ въ веснушкахъ силился перевести на свое полотно чью-то чужую живописную знаменитость. Высокій господинъ въ зеленыхъ очкахъ ходилъ съ каталогомъ въ рукахъ отъ одной картины къ другой и, казалось, болѣе повѣрялъ нумера, нежели разсматривалъ живопись. Двѣ отдѣльныя кучки сгруппировались у Рафаэлевой Мадонны и Корреджіевой ночи. Передовые знатоки съ лорнетками, вставленными въ правый глазъ, въ полголоса сообщали другъ другу свои замѣчанія, они дѣлились восторгомъ не то поддѣльнымъ, не то искреннимъ. Были и такіе, которые морщились отчего-то; иные записывали что-то карандашемъ въ своихъ книжкахъ. Одни лица смѣялись другими, приливъ и отливъ былъ почти безпрестанный; толковъ, замѣчаній и разсужденій на всѣхъ возможныхъ европейскихъ языкахъ и пересказать нельзя. Потому что каждый изъ посѣтителей знаменитой галлерей считалъ за долгъ отпустить какую-нибудь официальную фразу въ родѣ общепринятаго и весьма благоумнаго разговора о погодѣ между двумя незнакомыми ли-

цами, которые стыдятся молчать, но въ то же время и не знаютъ, съ чего начать непривычную бесѣду.

Изъ общей картины восторженныхъ посѣтителей картинной галлерей всѣхъ болѣе выдавался молодой человѣкъ, на видъ лѣтъ двадцати, съ черненькими усиками, довольно пріятной наружности, одѣтый довольно изысканно и не безъ вкуса, съ модными замашками и съ рѣшительнымъ тономъ во всѣхъ разговорахъ и сужденіяхъ, что легко можно было замѣтить по его словамъ, когда онъ обращался къ окружающимъ его дилеттантамъ живописнаго дѣла; говорилъ онъ по нѣмецки и довольно бѣгло, а къ какой націи принадлежалъ онъ по рожденію, трудно было рѣшить, потому что отлчительно характеристическаго въ его фізіономіи ничего не оказывалось.

Въ одну изъ самыхъ жаркихъ тирадъ его въ пользу Рафаэлевой Мадонны, въ залу вошелъ довольно скорою походкою другой молодой человѣкъ, весьма благородной наружности, одѣтый просто, но изящно, съ манерами, обличающими безошибочно не низкое происхожденіе. Онъ былъ блондинъ чистой породы, въ большихъ голубыхъ глазахъ его не горѣла восторженность, какъ у большей части любителей всего изящнаго и прекраснаго, за то въ нихъ изображалось какое-то любознательное, но вмѣстѣ умное, и если можно такъ выразиться, степенное любопытство, ищущее повѣрить на дѣлѣ то, о чемъ много читано и еще больше слышано.... По всему видно было, что молодой человѣкъ въ первый разъ входилъ въ знаменитую залу для осмотра двухъ извѣстныхъ всему просвѣщенному свѣту картинъ.

Послѣдняя догадка подтвердилась тѣмъ, что вошедшій молодой человѣкъ, миновавъ всѣ картины, подошелъ прямо къ Корреджіевой ночи и довольно долго и пристально вглядывался въ нее. Если по лицу можно угадывать чувство человѣка, то новый посѣтитель картинной галлерей остался не слишкомъ доволенъ тѣмъ, что видѣлъ.

Отъ Корреджіевой ночи онъ подошелъ къ знаменитой Мадоннѣ Рафаэля и началъ пристально вглядываться въ нее. Лицо его и у этой картинѣ сохранило тоже самое выраженіе.

Подойдя ко второй картинѣ, молодой человѣкъ помѣстился почти рядомъ съ другимъ молодымъ человѣкомъ съ чернень-

жими усиками, о которомъ говорили мы прежде. Этотъ послѣдній не спускалъ съ него глазъ съ самой первой минуты, какъ онъ вошелъ въ залу.

Молодой человѣкъ довольно долго и пристально вглядывался и во вторую картину, какъ будто не довѣряя себѣ и усиливаясь открыть въ ней то, чего не находилъ.... Чувство какой-то грусти или почти досады ясно рисовалось на прекрасномъ и благородномъ лицѣ его.

Господинъ съ черненькими усиками не смотрѣлъ болѣе на картину, а, казалось, только подмѣчалъ различную игру физиономіи этого новаго и послѣдняго посѣтителя залы. Замѣти что и тотъ въ свою очередь пересталъ смотрѣть на Мадонну и, по видимому, собирався выдти изъ залы, онъ не выдержалъ и оборотился къ нему съ полунасмѣшливымъ вопросомъ на нѣмецкомъ языкѣ:

— Что? Неужели и эта не нравится вамъ, милостивый государь?

— Извините, я не говорю по-нѣмецки, отвѣчалъ молодой человѣкъ на французскомъ языкѣ, бросивъ на спрашивающаго такой взглядъ, которымъ обыкновенно спрашиваютъ посторонняго человѣка: А что тебѣ за дѣло до меня?

— А! вы вѣрно путешественникъ, чужестранецъ? продолжалъ настойчиво господинъ съ черненькими усиками, обращая на этотъ разъ къ молодому человѣку уже французскую фразу.

— Вѣроятно не здѣшній, если я не говорю по нѣмецки; съ легкою ироническою улыбкою отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— А позвольте узнать, откуда вы?

— Издалека, сухо отвѣтилъ послѣдній.

— Кажется, обѣ знаменитыя картины здѣшней галлерей вамъ не понравились? продолжалъ неотвязчивый господинъ съ усиками.

Молодой человѣкъ замолчалъ на нѣсколько минутъ и теперь еще пристальнѣе началъ вглядываться въ любопытнаго собесѣдника, какъ будто для того, чтобы рѣшить въ умѣ своемъ, стоитъ онъ дальнѣйшаго разговора и искренняго отвѣта, или нѣтъ?

— Да, онъ обѣ мнѣ не совсѣмъ нравятся, наконецъ от-

вѣтилъ онъ тономъ человѣка, который привыкъ открыто и смѣло всегда излагать свое мнѣніе, — еслибъ даже это мнѣніе противурѣчало общему.

— А почему? довольно наглымъ тономъ спросилъ первый молодой человѣкъ.

— На это я не буду отвѣчать вамъ.

— Отчего такъ?

— Оттого что.... оттого что.... Ну, да такъ какъ вкусы бываютъ различные и объ нихъ нельзя спорить, то вѣроятно вамъ не покажется страннымъ, если я отвѣчу вамъ, что объ картины, о которыхъ идетъ теперь рѣчь, пришли не по моему вкусу въ живописи.

Такъ какъ оба молодые люди разговаривали довольно громко, то около нихъ, естественнымъ образомъ, образовался кружокъ любопытныхъ. На многихъ лицахъ показалась улыбка при послѣдней репликѣ молодаго человѣка своему навязчивому антагонисту, который невольно вспыхнулъ, какъ зарево, и началъ еще болѣе горячиться на словахъ, тогда какъ противникъ его сохранялъ совершенное хладнокровіе, что всегда даетъ большой перевѣсъ въ дѣлѣ спора.

— Но, милостивый государь, продолжалъ первый молодой человѣкъ, для пользы науки.... то-есть, я хотѣлъ сказать, для пользы живописнаго искусства, позвольте попросить васъ отъ лица всѣхъ насъ окружающихъ объяснить намъ, чѣмъ эти картины, признанныя вѣками за геніальныя произведенія, вамъ не нравятся? тѣмъ болѣе, что вы, вѣроятно, сами артистъ, живописецъ.

— Вы ошиблись и тутъ, съ прежнимъ хладнокровіемъ отвѣчалъ молодой человѣкъ съ голубыми глазами; я отроду не бралъ кисти въ руки. Но думаю, что о картинахъ — и не бывши совершенно живописцемъ — всякому позволено имѣть свое мнѣніе, тѣмъ болѣе, что по моему крайнему разумнію, картины вѣдь и пишутся для цѣлаго человѣчества, а не для небольшого цѣха мастеровыхъ въ этомъ ремеслѣ. Такъ или нѣтъ, государь мой?

— Оно почти такъ, но тѣмъ не менѣе картины Корреджіо и Рафаэля....

— Должны безусловно возбуждать удивленіе каждаго? На это я несомнѣнно согласенъ съ вами. Чѣмъ огромнѣе де-

рево — тѣмъ огромнѣе отъ него падаетъ и тѣнь на солнцѣ. Чѣмъ громаднѣе талантъ, тѣмъ разительнѣе бываютъ и ошибки его; кажется, противъ этого нельзя спорить. Впрочемъ, опять повторю и вамъ самимъ, государь мой, и тѣмъ, отъ лица которыхъ вы сдѣлали мнѣ послѣдній вопросъ вашъ: у всякаго свой вкусъ и свой взглядъ. Можетъ — быть, мой и ошибоченъ, но я не навязываю его никому, слѣдовательно не въ чемъ, кажется, и винить меня? Не правда-ли, господа?

Тутъ молодой человѣкъ обвелъ спокойными глазами всѣхъ окружающихъ, какъ-бы требуя согласія на свои слова, но хладнокровно-молчаливые нѣмцы ухитрились какъ-то такъ кивнуть головами своими, что самому смѣтливому человѣку нельзя было рѣшить положительно: былъ-ли это съ ихъ стороны знакъ согласія или отрицанія.

— Я даже скажу вамъ, продолжалъ молодой человѣкъ, не дождавшись ни отъ кого отвѣта, я даже скажу вамъ — хоть и не въ моихъ правилахъ пускаться въ излишнія объясненія — что именно мнѣ не понравилось въ этихъ знаменитыхъ картинахъ.

— Очень любопытно! прервалъ его господинъ съ усиками...

— Любопытные не прерываютъ чужихъ рѣчей, а слушаютъ внимательно, замѣтилъ съ прежнихъ хладнокровіемъ молодой человѣкъ и потомъ продолжалъ, обращаясь ко всѣмъ вообще. Эти картины, относительно искусства, слабо подѣйствовали на меня во-первыхъ тѣмъ, что я ожидалъ найти въ нихъ гораздо больше того, что вижу. Обманутое ожиданіе охлаждаетъ энтузіазмъ, какъ-бы великъ онъ ни былъ. Въ прославленной Корреджіевой ночи, я даже не бывши живописцемъ, нашелъ ошибку въ невѣрно-разположенной группировкѣ трехъ боковыхъ фигуръ, старика, юноши и женщины. Эти полусогнутыя ноги столько-же принадлежатъ старику, опирающемуся на палку, сколько и юношѣ, у котораго, отъ его изогнутой фигуры, совсѣмъ не видно ногъ. Посмотрите сами, господа!

Тутъ молодой человѣкъ показалъ рукою на картину Корреджіо и продолжалъ въ томъ-же тонѣ:

— Впрочемъ, это мое личное мнѣніе — еслибы даже оно

показалось и смѣшнымъ кому-нибудь — я не вправѣ сердиться, а все-таки стою на своемъ. Что-же касается до прославленной всѣми возможными поэтами и прозаиками Мадонны Рафаэля, то опять — таки искренно признаюсь вамъ, что я не нахожу въ ней и сотой доли той небесной красоты, о которой мечталъ я. Съ перваго взгляда — даже, — зовите меня вандаломъ — картина эта показала мнѣ не болѣе, какъ полинялымъ отъ времени шитьемъ по канвѣ, — чему можетъ-быть способствовать и то, что она къ несчастію за стекломъ, что я нахожу не совсѣмъ приличнымъ и выгоднымъ для масляной картины.

При этой послѣдней, можетъ-быть дѣйствительно слишкомъ смѣлой выходкѣ, молодого четовѣка съ голубыми глазами, окружавшіе его нѣмцы — сколько они ни нѣмцы — но вполношились всѣ до одного и только что успѣли переглянуться другъ съ другомъ, какъ будто совѣтуясь, какъ лучше поступить имъ съ профаномъ, какъ уже этотъ послѣдній вывелъ изъ залы, теряясь въ толпѣ посѣтителей, наполнившихъ собою смежныя залы картинной галереи.

Задорный молодой челоѣкъ съ черненькими усиками громко началъ сожалѣть, что онъ упустилъ цѣнителя картинъ, который, по его словамъ, дешево-бы не раздѣлался съ нимъ.

— Оригинальный чудакъ! сказалъ одинъ толстый и почти квадратный нѣмецъ.

— Не знатокъ! сказали двѣ нѣмки, занимавшіяся вязаньемъ на небольшомъ диванѣ.

— Просто долженъ быть сумасшедшій! прибавилъ одинъ плѣшивенькой нѣмчикъ съ физиономіею, похожею на измятую корзинку.

— Или англичанинъ! довершили нѣкоторые и съ важностію разошлись по домамъ, почуя желудкомъ часть близкаго объѣда. Нѣмцы объѣдаютъ рано, чтобы выиграть себѣ побольше времени до ужина, который у нихъ во всеобщемъ употребленіи, какъ пиво, кофе, трубка и газеты — четыре вещи, безъ которыхъ коренной дрезденецъ не можетъ существовать.

Вечеромъ этого-же самага дня молодому челоѣку съ черненькими усиками снова суждено было встрѣтиться съ своимъ противникомъ и именно вотъ по какому случаю. Гуляя

по прекрасной террасѣ на берегу Эльбы, откуда открывается очаровательный видъ на Саксонскую Швейцарію съ ея картинными горами, неприступными утесами и шумными водопадами, молодой человекъ нашъ случайнымъ образомъ встрѣтился носомъ къ носу съ высокимъ господиномъ въ сѣромъ пальто, у котораго была такая большая голова и такіе огромные черные бакенбарды, что ихъ хватило-бы безъ малѣйшаго ущербана двоихъ. Чуть не стукнувшись лбами, и молодой человекъ съ черненькими усиками и господинъ съ огромною головою и бакенбардами оцѣпенѣли отъ взаимнаго удивленія, протянули руки другъ къ другу и наконецъ бросились обниматься и цѣловаться, восклицая на этотъ разъ на чистомъ русскомъ языкѣ:

— Ты ли это? Тебя я вижу, мой дорогой толстякъ, Борецкій?

— Петя Черницкій! Ба, ба, ба! Ты это какими судьбами очутился въ Дрезденѣ?

— Очень просто, отвѣчалъ молодой человекъ съ черненькими усиками, котораго мы съ этихъ поръ уже будемъ называть Черницкимъ; очень просто, дружище Базиль, или, чисто по-русски, мой милый Василій Васильевичъ. Я вояжировалъ цѣлые полтора года и наконецъ теперь возвращаюсь въ Петербургъ къ батюшкѣ, который безпрестанно атакуетъ меня своими письмами и зоветъ назадъ, грозя болѣе не присылать денегъ.... По неволѣ вернешься домой, какъ здѣсь ни хорошо. А ты, мой тяжелый, лѣнивый москвичъ, какъ это рѣшился разстаться съ родиной? Давно-ли здѣсь? Гдѣ побывалъ, что видѣлъ? Куда и откуда теперь?

— Я въ отпускѣ на четыре мѣсяца по болѣзни, отвѣчалъ пополамъ съ одышкою толстякъ Борецкій. Былъ въ Карлсбадѣ на водахъ. Надоѣли проклятыя, какъ горькая рѣдька. Денегъ истратилъ кучу — а еще будетъ ли толкъ — извѣстно одному Богу. Московскій мой докторъ почти насильно вытолкалъ меня изъ Москвы за границу. Давно ли здѣсь? Да ужъ на обратномъ пути. А гдѣ побывалъ и что видѣлъ, спрашиваешь ты? Былъ, братецъ, во многихъ мѣстахъ; объѣхалъ всю Германію, былъ и въ Парижѣ на недѣлку — вездѣ, братецъ, смертная скука, ужасная дороговизна. Я же не знаю языковъ, и по французски-то болтаю, какъ знаешь ты, съ

грѣхомъ по поламъ.... Особенно нѣмки измучили меня совершенно. На станціи, ты у нихъ попросишь чаю — они подадутъ тебѣ какой-то горячій взваръ, похожій на все, кромѣ чаю! Ты закажешь яичницу — а онѣ принесутъ тебѣ разваренный черносливъ! Экипажи прескверные — разтрясуть тебя до смерти. А скука-то, скука-то, братъ Петя! Не съ кѣмъ промолвить роднаго словечка. Да еще въ добавокъ намедни было потонулъ на пароходѣ; сдѣлалась такая качка, что и теперь тошно вспомнить. Не дождусь, когда доберусь до родины. То-ли дѣло наша Россія — а въ особенности наша матушка Москва бѣлокаменная съ золотыми маковками. Только вспомнишь, такъ вотъ право, братъ Петя, такъ и хочется заплакать отъ радости. Да еще это только четыре мѣсяца вояжа — а чай ты-то сколько натерпѣлся въ полтора года?

— Ну, нѣтъ, у насъ на этотъ счетъ съ тобой совершенно различные взгляды, отвѣчалъ съ улыбкою Черницкій. Я, другъ Базиль, и не видалъ, какъ пролетѣло это время!

— А далеко ты былъ?

— Обѣхалъ почти всю Европу.

— Вишь ты какой молодчина. Ну, а что Петя, какая сторона здѣсь по твоему всѣхъ лучше?

— Безспорно Италия.

— Хотѣлось было и мнѣ туда. Близко былъ, да подумалъ: что толку? Языка опять не знаю. Итальянцы-же, говорятъ, народъ продувной! Еще, пожалуй, оберутъ тебя ни за копейку. Ужъ мнѣ и Парижъ-то достался сокомъ. Ужъ народецъ, братъ Петя, тамъ! мастеръ выманивать деньгу у нашего брата русскаго медвѣдя, какъ величаютъ они насъ! Да и не въ одномъ Парижѣ, вездѣ только и хлопчуть о томъ, какъ бы вытянуть у тебя лишнюю копейку. Ужъ такой надувательный народъ вездѣ! Тамъ тебя уговорять влѣзть на какуюнибудь башню или колокольню — для видовъ, какъ говорятъ они. Да для чьихъ, спрашиваю я? Вѣрно больше для ихъ собственныхъ, нежели для путешественниковыхъ. На иную штуку лѣзешь, лѣзешь, устанешь какъ собака, а взойдешь — взглянешь да и плюнешь. Стоило за что деньги платить канальямъ! Не помню въ какомъ-то городишкѣ проводникъ тащилъ меня версты четыре, чтобы посмотреть пушку, которой,

по словамъ его, нѣтъ больше во всемъ свѣтѣ. На дѣлѣ оказалось, что она и въ подметки негодится нашей московской царь-пушкѣ! Или уговорить тебя иная ракалія осмотрѣть, чортъ знаетъ тамъ чей, знаменитѣйшій кабинетъ рѣдкостей, натуральной, да минеральной.... Заплатишь за входъ да и увидишь себѣ пять, шесть птичьихъ да звѣриныхъ чучель, которыхъ я и прежде не очень полюбивалъ.

— Перестань, Базиль, ты мелешь сущій вздоръ. Хорошо, что насъ здѣсь никто не понимаетъ. А природа-то здѣсь, Базиль? продолжалъ возражать Черниціи; развѣ это то, что у насъ! А растительность-то? Былъ ты въ Швейцаріи?

— А ты былъ на Кавказѣ да въ Крыму?

— Нѣтъ.

— Вотъ то-то и есть! Посмотрѣлъ бы ты братъ, Петя, тамошнюю природу да растительность, такъ, можетъ быть, пересталъ-бы такъ горячо хвалить и здѣшнюю. Въ томъ-то вся и штука, что мы съ чужими краями знакомимся прежде, нежели съ нашимъ отечествомъ; а вѣдь это, по моему, вовсе на выворотъ.

— Ну полно, полно Базиль, съ вынужденною улыбкою сказалъ Черниціи. Пойдемъ-ко лучше въ Бельведеръ курить сигары, слушать музыку, да для радостной встрѣчи выпьемъ чего нибудь бутылочку....

— Какой еще тутъ, Бельведеръ? Этотъ трактиръ-то что-ли? Вѣдь чай опять надо платить за входъ?

— Бездѣлка — зильбергрошъ за входъ; это почти даромъ. Мы въ Россіи платимъ по десяти рублей за входы въ концертъ, а здѣсь....

— За то въ Россіи рублей-то больше, чѣмъ у нѣмцевъ зильбергрошей.

Два друга вошли въ огромную, красивую залу Бельведера, наполненную народомъ и имѣющую свой собственный, ей одной принадлежащій, характеръ. Зала эта, не смотря на ея огромность и слѣдовательно удобство для танцевъ, не смотря на отборный оркестръ музыкантовъ, помѣщенныхъ на возвышенной красной эстрадѣ, уставлена была вся маленькими столиками, за которыми помѣщались цѣлыми отдѣльными семействами туземные жители. Одни пили кофе, отъ котораго

въ Дрезденѣ не отказываются ни въ какое время дня; другіе пили пиво — второй любимый напитокъ, послѣ кофе, для нѣмца; иные курили табакъ и читали газеты. Нѣкоторыя дамы приходили съ своими рабочими корзинками и даже маленькими дѣтьми — и все это шумѣло, разговаривало, смѣялось, веселилось за одинъ зильбергрошъ! И дешево и сердито! по русской поговоркѣ. Черезъ верхніе хоры, въ видѣ театральныхъ ложъ, открывались другія отдѣльныя залы. Тамъ играли на бильярдѣ, въ шахматы, лото — а нѣкоторые сидѣли и за бивстексомъ или поджареными колбасами. Нѣмецъ, веселясь сердцемъ, никогда не забываетъ и желудка; оттого, можетъ быть, онъ всегда и кажется нѣсколько тяжеловатымъ.

Въ примыкающемъ къ Бельведеру саду также гуляло не малое число посѣтителей, а попозже, когда садъ освѣщался шкаликами, по бесѣдкамъ видѣлись и парочки, только влюбленную нѣмецкую пару трудно разобрать, что она такое: братъ-ли съ сестрою, учитель-ли съ ученицею, или любовникъ съ милою своего сердца. Нѣмецкая фізіономія не имѣетъ большой игры, какъ напримѣръ французская. Рейнвейнгъ не похожъ на шампанское и эти два вина могутъ служить вывѣскою своихъ націй.

Войдя въ залу Бельведера, наши двое друзей къ счастью застали около входной двери одинъ незанятый столикъ, за которымъ и усѣлись. Черницкій предложилъ своему товарищу сигару и спросилъ, какое вино онъ любитъ болѣе?

Неприхотливый толстячекъ Борецкій отдалъ этотъ выборъ совершенно на волю своего гостепріимнаго друга, говоря, что у него теперь такая чертовская, употребляя его выраженіе, жажда, что онъ даже не прочь и отъ дрезденскаго пива, хоть оно много хуже знаменитаго въ то время московскаго Кроповскаго пива.

Въ ту самую минуту, когда Черницкій обдумывалъ какого-бы вина приказать подать себѣ, у входа въ залу появился, также съ сигарою въ зубахъ, давшиій молодой человекъ съ голубыми глазами, надѣлавшій столько шуму и различныхъ толковъ въ картинной галлерей. Обведя глазами всю залу и видя, что въ ней не было рѣшительно ни одного мѣста не занятаго, онъ поманилъ къ себѣ одного изъ прислужниковъ

и приказалъ подать стулъ и столикъ подѣ навѣсъ двери, выходявшей къ передней части сада.

Приказаніе, разумѣется черезъ минуту было исполнено и новый гость Бельведера, не смотря на то, что явился послѣднимъ, занялъ позицію всѣхъ выгоднѣе, къ большой досадѣ Черницкаго, которому онъ заслонилъ собою очаровательный видъ на террасу Эльбы.

— Видишь ты этого господина съ телячьими глазами? спросилъ, съ худо сдерживаемою досадою, Черницкій своего товарища.

— Ну да, разумѣется вижу, отвѣчалъ Борецкій; только глаза у него совсѣмъ не похожи на телячьи и даже, коли правду говорить, ничѣмъ не хуже, если еще не лучше нашихъ съ тобою....

— У тебя во всемъ такой странный вкусъ....

— Ну, оставимъ мой вкусъ въ сторонѣ; что-же такое этотъ господинъ, по твоему, съ телячьими глазами, что-же въ немъ такого особеннаго, что ты обратился ко мнѣ съ вопросомъ о немъ?

— Я съ нимъ встрѣчаюсь сегодня въ другой разъ, сказалъ Черницкій, искоса поглядывая на своего знакомаго незнакомца. Не знаю, кто онъ и что онъ такое, знаю только, что онъ большой неучъ, невѣжда, и мнѣ хотѣлось-бы какъ нибудь поискуснѣе проучить его, или, какъ говорится по русски, позбавить съ него спѣси. Я не люблю, кто корчитъ изъ себя такую важную особу.

— Да можетъ быть онъ и не корчитъ? Можетъ быть онъ и въ самомъ дѣлѣ важная особа, отвѣчалъ почти въ полголоса Борецкій. Одѣтъ онъ довольно богато; манеры не простыя....

— Хвастунишка, ничто другое! съ запальчивостію продолжалъ Черницкій. Видишь, какимъ владѣтельнымъ принцемъ развалился на стулъ! А гляди, спросить себѣ не больше какъ стаканъ сахарной воды. Знаемъ мы, наглядѣлись по свѣту такихъ щегольковъ! Погоди-же, мы сами зададимъ ему тону.... Фу, эти проклятые музыканты! на силу кончили. Какъ они надобѣли мнѣ съ этою глупою увертюрою изъ Фрейщюца! Я ее никогда терпѣть не могъ.... Хотѣ бы сыграли что нибудь порядочное.

Въ эту самую минуту, какъ будто нарочно, молодой человекъ съ голубыми глазами подзвалъ къ себѣ прислужника и сказалъ довольно громко на французскомъ языкѣ :

— Попроси музыкантовъ, чтобы они повторили увертюру изъ Фрейшюца; я ее очень люблю, какъ и всякій образованный любитель музыки.

Прислужникъ черезъ минуту воротился и доложилъ, что у оркестра есть программа на цѣлый вечеръ, за который имъ платять извѣстную сумму и они никакъ не могутъ отступить отъ нея....

Молодой человекъ, вмѣсто отвѣта, опустилъ руку въ карманъ, вынулъ пять лудировъ и сказалъ очень хладнокровно :

— Отдай отъ меня капельмейстеру.

Черезъ двѣ минуты прекрасная увертюра изъ Фрейшюца снова огласила залу Бельведера своими дивно гармоническими звуками.

Черницкій, чувствуя, что онъ и тутъ, по русской пословицѣ, грибъ съѣлъ, чтобы чѣмъ нибудь залить досаду свою, улыбнулся какъ-то не очень весело и закричалъ громко :

— Келнеръ ! двѣ бутылки шампанскаго !

Однажды навсегда считаю нужнымъ замѣтить къ слову, что расчетливые нѣмцы рѣдко пьютъ дорогое вино, и слѣдовательно никому не покажется удивительнымъ, что два сосѣдніе столу Черницкаго нѣмца, какъ-то странно вытянули свои физиономіи и даже нѣсколько посторонили стулья, какъ бы по своему невольному чувству уваженія къ человеку, который безъ дальнихъ размышленій хочетъ вдругъ промотать четыре или пять талеровъ, тогда, какъ имъ этой суммы на кутежъ въ Бельведерѣ становится чуть не на полгода.

Шампанское было подано. Пробки хлопнули, вино зашумѣлось въ стаканалъ и Черницкій съ своимъ другомъ, чокнувшись, съ улыбкою принялись удивлять добродушныхъ нѣмцевъ. Одна изъ вылетѣвшихъ пробокъ случайнымъ образомъ упала на самую средину столика, за которымъ сидѣлъ съ своею сигарою молодой человекъ съ голубыми глазами — что доставило не малое удовольствіе задорному Черницкому.

Но и это обстоятельство не пошло ему въ прокъ. Молодой человекъ очень хладнокровно взялъ со стола пробку, вни-

мательно посмотрѣлъ на ея штемпель и поманилъ къ себѣ пальцемъ прислужника.

— Это Монте-белло? спросилъ онъ его, показывая пробку.

— Точно такъ-съ.

— Вино самой дурной фабрикаціи. Есть у васъ другіе сорта?

— Есть.

— Какіе?

— Шести различныхъ названій.

— Подай мнѣ для обращика по бутылкѣ каждаго.

Черницкій съ досады чуть не захлебнулся своимъ виномъ. Борецкій крикнулъ выразительно.

Когда всѣ шесть бутылокъ на большомъ серебряномъ поднось были поданы нашему голубоглазому чудаку, ко всеобщему удивленію нѣмцевъ и къ вящей досадѣ Черницкаго, онъ хладнокровно сказалъ прислужнику:

— Откупорь всѣ разомъ.

Тотъ исполнилъ приказанное, въ недоумѣніи поглядывая кругомъ себя, какъ будто приглашая всю публику посмотреть, что изъ этого будетъ.

Молодой человѣкъ взялъ стаканъ и началъ наливать въ него по немножку изъ каждой бутылки, до-тѣхъ-поръ, пока не наполнилъ его, по самые края, потомъ, затянувшись своею сигарою, поднесъ его къ губамъ, обдалъ табачнымъ дымомъ и выпилъ съ небольшою разстановкою.

Всѣ сосѣди смотрѣли на эту операцію, притая дыханіе, какъ будто молодой человѣкъ выпилъ ядъ — и вотъ сейчасъ начнутся съ нимъ предсмертныя судороги...

— Этакъ вино таки сносное! сказалъ молодой человѣкъ, ставя стаканъ на поднось и потомъ прибавилъ очень хладнокровно: — Возьми, я больше не хочу.

По залѣ пробѣжалъ шопоть всеобщаго удивленія. Черницкій бѣсился и выходилъ изъ себя.

Въ эту самую минуту въ дверяхъ залы показалась небольшая дѣвочка съ полною корзинкою цвѣточныхъ букетовъ, которые обыкновенно предлагаютъ онѣ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, чтобы получить себѣ что-нибудь въ родѣ милостины. Черницкій только что успѣлъ вынуть изъ кошелька талеръ, чтобы бросить его бѣдной дѣвочкѣ, вмѣсто обычнаго зильбер-

гроша, и хотъ этой благородною щедростію уколотъ своего противника, какъ уже тотъ остановилъ дѣвочку и спросилъ, сколько у нее всѣхъ букетовъ.

— Двадцать восемь, робко отвѣчала дѣвочка.

— Почему каждый, моя милая?

— Что пожалуете, сударь; вотъ я выберу вамъ самый лучший....

— Я беру всѣ, душенька! съ ласковою улыбкою сказалъ молодой человѣкъ и подалъ изумленной дѣвочкѣ золотую монету, прибавя: раздай всѣ эти букеты маленькимъ дѣтямъ, которыхъ здѣсь такъ много, а завтра утромъ принеси мнѣ цвѣтовъ. Я стою въ гостинницѣ: Отель де-Саксъ.

Всѣ нѣмки — маменьки ласково улыбнулись щедрому иностранцу. Дѣвочка побагровѣла отъ радости нечаяннаго барыша и низко присѣдала.

— Фарсеръ! прошипѣлъ въ полголоса еще болѣе взбѣшенный Черницкій.

— Молодецъ! неволью сказалъ толстякъ Борецкій; желалъ-бы я узнать, какой онъ націи?

— Вашъ соотечественникъ, русскій! ласково отвѣтилъ на чистомъ русскомъ языкѣ молодой человѣкъ, вставая съ своего мѣста и пожавъ крѣпко руку Борецкаго.

Вслѣдъ за этимъ онъ вынулъ деньги, расплатился съ прислужникомъ и доставши изъ бумажника визитную карточку, привѣтно подалъ ее Борецкому, приподнявъ свою шляпу и отправился гулять по террасѣ.

Черницкій остолбенѣлъ отъ удивленія.

На корточкѣ написано было: *Валеріанъ Григорьевичъ Бильской*.

ГЛАВА II.

Я общалъ читателю, что мы скоро будемъ на родинѣ и въ слѣдствіе того: дѣйствіе второе, явленіе первое; театръ представляетъ столичный городъ С.-Петербургъ, а въ ономъ большую улицу, называемую Большою Морскою.

По этой-то Большой Морской, часу въ десятомъ осенняго петербургскаго утра, которое не описываю въ подробности, потому что петербургцы сами знаютъ каково оно, а иногород-

нимъ особамъ и самымъ искуснымъ перомъ не опишешь, какъ оно скверно, въ томъ же самомъ году, въ которомъ были мы съ читателемъ въ Дрезденъ, въхалъ полурысцою колиберъ или Ванька, какъ зовутъ такого устройства экипажъ въ Москвѣ, нагруженный двумя большими дорожными, туго-набитыми чемоданами и достаточнымъ числомъ узловъ и узелковъ, шкапулокъ и ящичковъ разнаго рода и различныхъ назначеній. Къ спиитъ самаго извозчика, жался притиснутый поклажею лакей, достаточно глупой физиономіи съ рыжеватыми, какъ будто полувыщипанными бакенбардами и громко, почти во всеуслышаніе жаловался на то, что всѣ петербургскіе извозчики, не извѣстно для чего, имѣютъ несчастную привычку всегда прежде ударить возжей по лицу сѣдока, а потомъ уже свою лошадь и въ добавокъ имѣютъ такіе спокойные и прекрасно устроенные экипажи, что встающему съ нихъ сѣдоку отчего-то все кажется, что онъ сейчасъ только упалъ съ кровли и переломалъ себѣ всѣ ребра.

Подѣхавши къ большому, помнится, пяти-этажному дому, въ которомъ помѣщалась одна изъ дилижансовыхъ конторъ, постоянно и нѣсколько лѣтъ уже перевозившая народъ русскій изъ Питера въ Москву и обратно, колиберъ, навьюченный чемоданами, остановился, лакей съ рыжеватыми бакенбардами слѣзъ съ дрожекъ и молча, скорчивъ такую мину, которая ясно говорила: „не въкъ-же суждено страдать чело-вѣку! Вотъ и я доѣхалъ до мѣста!“, началъ навьючивать чемоданы на широкія плеча свои для перетаскиванія въ контору, извозчикъ, какъ обязательный чело-вѣкъ, а можетъ быть и чувствующій, что онъ даромъ слупилъ лишній двугривенникъ за коротенькую поѣздку, усердно бросился помогать ему, причемъ не преминулъ, таща нѣсколько ящичковъ, изъ одного изъ нихъ, не плотно закрытаго, вытащить пару сигаръ, совсѣмъ не кстати высунувшихъ свои кончики на воздухъ.

— Чьи чемоданы? спросилъ одинъ изъ прислужниковъ конторы вошедшаго лакея.

— Барскіе; хладнокровно отвѣтилъ лакей.

— Какого барина?

— А вотъ прочти билетъ, такъ узнаешь.

И онъ подавъ прислужнику печатный билетъ, обыкновен-

но выдаваемый путешественникамъ изъ Петербурга до Москвы, съ прописаніемъ кто и когда ѣдетъ.

— *Второй номеръ* — внутри кареты! прокличалъ прислужникъ, передавая чемоданы на вѣсы.

— Еще что есть? спросилъ онъ лакея, который между тѣмъ разсчитывался съ извозникомъ.

— Больше ничего, отвѣчалъ тотъ.

— А эти узлы, мѣшокъ да ящички?

— Это пойдетъ съ бариномъ въ карету.

— Да что тутъ такое, однако?...

— Мало-ли что.... Почитай все съѣстное. Подушка подь себя; апельсины, двѣ книжки; сигарки, да кой-какое бѣлье. Баринъ говорилъ, что этого вѣсить не слѣдуетъ.

Прислужникъ проворчалъ себѣ подь носъ что-то въ родѣ замѣчанія на счетъ того, что многіе набиваютъ въ дорожные мѣшки совершенно излишнія тяжести для того только, чтобы чемоданы вѣсили меньше, да еще и не даютъ на водку тѣмъ, которые по добротѣ своей смотрятъ сквозь пальцы на такія злоупотребленія.

Пока вѣсили чемоданы *второго номера*, въ залу набралось довольно много разнокалиберныхъ гостей. Вообще у насъ такъ заведено, что на каждаго уѣзжающаго, круглымъ счетомъ, набирается пятеро провожатыхъ. Бываетъ даже и такъ, что инаго отца семейства, ѣдущаго по дѣламъ на двѣ недѣли изъ Петербурга въ Москву или изъ Москвы въ Петербургъ, провожаютъ двѣ, три, иногда даже и четыре огромныя семьи, причемъ не обходится безъ слезъ, поцѣлуевъ, иногда истерикъ, а порой и шампанскаго.... Но какъ-бы ни было, а по моему мнѣнію все это очень ясно доказываетъ патріархальность русскаго челоуѣка, созданнаго болѣе для сидячей, нежели для бродячей жизни.

За чемоданами номера втораго, на вѣсахъ появились чемоданы и номера перваго, ихъ привезъ также лакей, только много лучшей наружности, нежели первый съ рыжеватыми бакенбардами, который и не замедлилъ отнестись къ нему съ вопросомъ:

— Ты не отъ того-ли барина, что записался на первый номеръ?

— Да.

Отд. II.

— Ёдешь вмѣстѣ съ нимъ въ Москву?

— Ёду вмѣстѣ съ нимъ въ Москву. А ты кто такой, и отчего такой любопытный?

— Да оттого, отвѣчалъ рыжеватый лакей, что мы будемъ съ тобою дорожными сосѣдами. Я тоже съ моимъ бариномъ отправляюсь въ Москву... Твое мѣсто гдѣ?

— Въ кабриолетъ.

— То есть, на передкахъ?

— Ну да, хоть на передкахъ, по твоему.

— Ну такъ намъ и сидѣть рядомъ всю дорогу; твой баринъ еще не прїѣзжалъ?

— Сейчасъ будетъ.

— У моего къ твоему есть просьба.

— Какая?

— Нельзя-ли помѣняться номерами? онъ, видишь ты, привыкъ всегда сидѣть на правой сторонѣ, а номеръ достался съ лѣвой... такъ онъ и того....

— Смотри пожалуй, какой нѣженка твой баринъ! Ну а у тебя тоже нѣтъ-ли этакъ какихъ привычекъ на счетъ сидѣнья?

— По мнѣ все равно. Было бы гдѣ прикурнуть къ уголку.

— Слава Богу, что хоть ты безъ претензій, господа сами уладятся между собою, а вотъ и мой прїѣхалъ.

— А вонъ и мой также.

Въ эту минуту слѣдомъ одинъ за другимъ вошли два молодые человека въ дорожномъ костюмѣ; смѣтливый читатель можетъ быть угадалъ уже, что оба они его старые дрезденскіе знакомцы, Черницкой и Бѣльской, которыхъ судьба, какъ нарочно, опять столкнула въ конторѣ дилижансовъ.

Войдя въ контору, Черницкій съ разсѣяннымъ видомъ и не обращая вниманія ни на кого, прошелъ прямо черезъ первую входную комнату во вторую залу, къ столу, за которымъ помѣщалась книга записывающихся для проѣзда изъ Петербурга въ Москву: онъ обратился къ главному конторщику, съ вопросомъ, или правильнѣе сказать, съ просьбою.

— Послушайте, нельзя-ли мнѣ перемѣнить второй номеръ внутри кареты на первый?

— Но вѣдь это совершенно все равно; замѣтилъ конторщикъ; мѣста рѣшительно одинакія.

— Такъ; да для меня тутъ большая разница; я имѣю глупую привычку всегда сидѣть съ правой стороны.

— Отъ глупыхъ привычекъ порядочный человѣкъ долженъ стараться отучать себя! произнесъ сзади чей-то звучный голосъ; первый нумеръ внутри кареты мой — и я никакъ не согласенъ уступить его.

Черницкій оглянулся съ изумленіемъ назадъ и изумился еще болѣе, увидя предъ собою дрезденскаго своего непріателя Бельскаго.... Впрочемъ, оба они, по какому-то непонятному чувству взаимнаго уваженія, не могли удержаться отъ холоднаго поклона другъ другу.

— Какъ? это опять вы? полуласковымъ и полудосаднымъ тономъ произнесъ Черницкій.

— Къ вашимъ услугамъ, какъ и всегда! хладнокровно отвѣтилъ Бельской. Судьба опять назначила меня быть вашимъ дорожнымъ товарищемъ сутокъ на трое....

— Почему не такъ. Только я попрошу моего дорожнаго товарища уволить меня отъ неумѣстныхъ наставленій и замѣчаній о моихъ привычкахъ; будутъ-ли онѣ глупы или умны — это ужъ мое дѣло.

— Напротивъ: въ настоящемъ случаѣ онѣ столько-же и мои, какъ ваши, потому что о перемѣнѣ нашихъ нумеровъ въ каретѣ вы ни къ кому не могли отнестись, кромѣ меня; потому только я и счелъ себя въ правѣ сдѣлать вамъ отвѣтъ, который, не смотря на простоту его, принять вами за обидное замѣчаніе.

Черницкій хотѣлъ было отвѣчать что-то, но въ эту самую минуту, дорожная карета подъѣхала къ крыльцу. Всѣ отправились по своимъ мѣстамъ, зная, что дилижансы слишкомъ нецеремонны и не привыкли ждать своихъ трехдневныхъ плѣтниковъ-пассажировъ.

Кто ѣздилъ въ почтовыхъ каретахъ и дилижансахъ, тотъ вѣроятно знаетъ, что ничто столько не сближаетъ въ самое короткое время двухъ совершенно постороннихъ людей, какъ общая карета. Это въ некоторомъ родѣ Робинзонъ съ Пятницей на нѣсколько сутокъ. Слишкомъ разборчивымъ быть нельзя и не приходится, до тѣхъ поръ, пока не ступишь на землю твердою стопою. Но съ другой стороны никто столько не можетъ вамъ надѣлать и неудовольствій въ

самое короткое время, какъ вашъ дорожный товарищъ, если вы, по несчастію, не сошлись съ нимъ въ характерахъ. Онъ шутя отравитъ вамъ ни за что, ни про что двое или трое сутокъ вашего вояжа, въ которомъ вы, можетъ быть, считывали уже на удовольствіе. Изъ этой категоріи исключаются впрочемъ вояжи съ хорошенькою товаркою, въ которую на третьи сутки окончательно влюбляются!

Можете себѣ легко представить, къ которой изъ вышеписанныхъ категорій принадлежали наши двое вояжеровъ, Черницкій и Бѣльской которыхъ судьба засадила на трое сутокъ въ дилижансъ отъ Петербурга до Москвы! Каждый изъ нихъ въ первую минуту готовъ былъ почти отказаться отъ досадной поѣздки, но видно обстоятельства каждаго были такъ расположены, что нельзя было промедлить поѣздкою, и они волею неволею должны были помѣститься въ общую временную тюрьму свою.

Началось съ того, что каждый изъ нихъ, не желая имѣть малѣйшаго прикосновенія къ постылому сосѣду, прижался къ своему углу, отчего между ихъ двоихъ, безъ малѣйшей нужды, можно было помѣстить третьяго вояжера. Мало этого: Черницкій съ досады, какъ только выѣхали они въ московскую заставу, хотѣлъ закурить сигару; Бѣльской очень хладнокровно замѣтилъ ему, что съ нѣкотораго времени онъ получилъ отвращеніе отъ сигарнаго запаху и потому проситъ его не курить, тѣмъ болѣе, что и въ правилахъ дилижансовой ѣзды эти вещи допускаются не иначе, какъ съ согласія дорожнаго товарища. Раздосадованный Черницкій, съ своей стороны въ отмщеніе врагу, попросилъ своего сосѣда закрыть на глухо окно, говоря, что онъ привыкъ всегда ѣздить въ закрытой каретѣ, не смотря ни на какой жаръ. Дѣлать нечего; какъ ни досадно, а надобно было одному послушаться другаго!

Въ продолженіе первыхъ сутокъ ѣзды нѣсколько подобныхъ описаннымъ выходокъ еще появились на сцену. Когда одинъ садился за котлетку, другой доказывалъ кондуктору, что онъ не хочетъ ждать лишнихъ десяти минутъ. Когда другому нужно было, помнится въ Новгородѣ, забѣжать на минутку къ пріятелю, первый ни за что въ свѣтъ не хотѣлъ

промедить ни минуты, противъ назначеннаго на перепряжку лошадей времени.

На другія сутки въ враждебномъ подвижномъ гнѣздѣ произошли весьма значительныя измѣненія и именно вотъ по какому случаю:

Черницкій чрезвычайно любилъ спать въ дорогѣ; карета качивала его, какъ люлька. Бѣльской, напротивъ, никакъ не могъ сомкнуть глазъ, чтобы вздремнуть хоть минуту, Во время ночи, которая на этотъ разъ была очень свѣтла, онъ почти съ завистію смотрѣлъ на своего дорожнаго товарища, который спалъ крѣпкимъ сномъ и въ это же самое время онъ невольно вглядывался въ его прекрасныя, благородныя черты и внутренно не могъ не отдать справедливости красивой наружности своего спутника. Случилось такъ, что сонный Черницкій, мѣняя свое не совсѣмъ ловкое положеніе, повернулся къ нему головою и помѣстился почти на плечѣ своего врага. Бѣльскому жалко было прервать сладкій сонъ человѣка, и онъ даже поддержалъ нѣсколько рукою склонившуюся къ нему во снѣ голову.... При одномъ довольно значительномъ толчкѣ кареты, Черницкій быстро проснулся, поднялъ голову, открылъ глаза и, слѣдовательно, не могъ не замѣтить своего положенія на плечѣ товарища, равно, какъ и его дружественнаго вниманія къ себѣ. Ему стало какъ-то совѣстно, и въ то-же время пріятно такое неожиданное сближеніе съ человѣкомъ, доселѣ непріязненнымъ къ нему. Черницкій рѣшился заговорить.

— Извините.... я, кажется, обезпокоилъ васъ, сказалъ онъ мягкимъ голосомъ, обращаясь къ своему товарищу.

— Ничего; вы заснули; а во снѣ человѣкъ не отвѣчаетъ ни за что, съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ отвѣчала Бѣльской.

— Но моя голова....

— Во снѣ смирѣе, нежели на яву.

И тутъ оба молодые человѣка не могли удержаться отъ невольной улыбки и оба въ одно и тоже время протянули другъ другу руки.

— Ну, право, мы съ вами до-сихъ-поръ похожи были на капризныхъ ребятишекъ, которые дуются другъ на друга за то, что въ игрѣ одинъ другаго толкнулъ неосторожно, хоть

и безъ умысла, сказалъ послѣ небольшого молчанія Бѣльской, обращаясь съ ласкою къ своему дорожному товарищу.

— А все дѣло началъ Дрезденъ, съ улыбкою замѣтилъ Черницкій.

— Человѣкъ иногда упрямое животное.

— Больше капризное, нежели упрямое.

— Это почти одно и тоже. Въ мужчинахъ это чувство называютъ упрямствомъ, а въ женщинахъ капризомъ.

— На этотъ разъ я согласенъ съ вами.

— А мнѣ бы хотѣлось, чтобы и на слѣдующіе разы мы оба были во всемъ согласны между собою.

Молодые люди снова протянули другъ другу руки и крепко пожали ихъ взаимно, въ задатокъ, если не дружбы, то по-крайней-мѣрѣ пріязни.

— Начнемъ съ того, что узнаемъ имя сосѣда, продолжалъ въ томъ-же дружескомъ тонѣ Бѣльской, фамилію я давно знаю...

— Меня зовутъ Петръ Григорьевичъ, отвѣчалъ Черницкій; а Валерьяна Григорьевича Бѣльскаго я зналъ давно, по его визитной карточкѣ, отданной мнѣ въ Дрезденъ.

— Ну, главное дѣло сдѣлано; теперь мы знаемъ другъ друга порядочно, сказалъ смѣясь Бѣльской. Начнемъ-же наши новыя дружескія отношенія съ того, что помѣняемся мѣстами. Первый нумеръ смиряется передъ вторымъ и уступаетъ ему преимущество, по любимой привычкѣ облакачиваться на лѣвую сторону.

Молодые люди съ веселымъ искреннимъ хохотомъ помѣнялись мѣстами.

— А второй нумеръ, съ своей стороны, позволяетъ первому открыть окно кареты, тѣмъ больше, что утро прекрасное, да ему и самому надобно сидѣть въ душной атмосферѣ, сказалъ Черницкій.

— Такъ ужъ кстати закурите и сигару, любезнѣйшій Петръ Григорьевичъ, сказалъ въ свою очередь Бѣльской; да коли у васъ великъ запасъ, такъ подѣлитесь и со мною. Я до нихъ самъ страстный охотникъ!

— Bravo! вскричалъ Черницкій. Насилу-то мы оба заговорили, какъ слѣдуетъ, и сбросили съ себя глупыя и душные маски взаимнаго притворства! А вонъ, кажется, и стан-

ція! Теперь ужъ мы не будемъ-же на зло торопить другъ друга и съ удовольствіемъ напьемся нашего утренняго чаю, не правда-ли?

— Я только что объ этомъ думалъ самъ.

— Тѣмъ лучше. Жаль, что на тощахъ я не люблю шампанскаго, а то бы сейчасъ....

— Пустилъ мнѣ пробку въ голову, какъ въ Дрезденскомъ Бельведерѣ! прервалъ со смѣхомъ Бѣльской, выходя съ повымъ пріателемъ изъ кареты и заказывая чаю на двѣ персоны.

Само собою разумѣется, что съ этой минуты взаимнаго примиренія молодыхъ людей остальная дорога до Москвы сдѣлалась для нихъ самымъ пріятнымъ препровожденіемъ времени. Ничто столько не сокращаетъ разстояній, какъ взаимная дружеская бесѣда, а наши молодые друзья геройски начали вымѣщать другъ на другъ долгое свое молчаніе.

Разумѣется, рѣчь началась съ того, почему они, оба бывши коренными петербуржцами, до-сихъ-поръ не знали другъ друга. Послѣ многихъ взаимныхъ разказовъ и припомнаній нашли, что они кой-гдѣ и встрѣчались въ обществахъ, но судьба какъ-то отталкивала ихъ другъ отъ друга. Отцы ихъ занимали довольно видныя мѣста по службѣ и даже не совсѣмъ были незнакомы. Уясня для себя взаимно всѣ эти необходимые пункты, молодые люди склонили разговоръ естественнымъ образомъ и къ настоящей своей повѣздкѣ въ Москву бѣлокаменную.

— Я объѣхалъ почти всю Европу, сказалъ Бѣльской, и къ стыду моему долженъ признаться, что не бывалъ въ Москвѣ.

— Я въ этомъ отношеніи похожъ на тебя, любезный Валерьянъ, сказалъ Черницкій.

Нужно замѣтить, что между молодыми людьми въ Россіи существуетъ обыкновеніе: познакомясь съ полчала времени, называться уже друзьями и перейти на простое *ты*. Хорошо это или дурно, не мое дѣло судить, а замѣтить кстати и можно, и должно.

— Говорятъ, что Москва славный и вмѣстѣ оригинальный городъ, продолжалъ Бѣльской. Не даромъ-же его зовутъ

сердцемъ Россіи. Мой отецъ особенно любитъ его; онъ природный москвичъ.

— Право? съ улыбкою подхватилъ Черницкій, а у меня папан московская урожденка, и, чтобы рассказать тебѣ, какъ она много любитъ Москву, достаточно одного: она и теперь всѣмъ и каждому говоритъ торжественно, что нашъ Петербургъ ничего не значитъ въ сравненіи въ старушкою Москвою!

— Извинительная вещь, Пьеръ. Всѣ любятъ невольнымъ образомъ свою родину.

— Не спорю, если и мы съ тобой, не смотря на наше долгое пребываніе въ чужихъ краяхъ, раздѣляемъ это мнѣніе.

Въ эту самую минуту дилижансъ, шумно подката къ станціи, остановился для перемѣны лошадей.

— Въдъ это кажется послѣдняя станція? спросилъ Черницкій у кондуктора.

— Точно такъ-съ.

— Какъ бишь она называется?

— Черная Грязь.

— Значитъ черезъ два, три часа мы и въ Москвѣ, прибавилъ Бѣльской, усаживаясь опять въ карету, изъ которой было вышелъ. Какъ здѣсь скоро перепрягаютъ!

Дилижансъ помчался быстро по московскому шоссе. Друзья весело закурили новыя сигары и продолжали откровенный разговоръ свой.

— А кстати, позволь сдѣлать тебѣ очень естественный вопросъ, Пьеръ, сказалъ Бѣльской: ты зачѣмъ ѣдешь въ сердце Россіи, по дѣламъ, или изъ простаго любопытства?

— Я сейчасъ собирался спросить тебя объ этомъ-же самомъ, Валерьянъ, отвѣчалъ Черницкій, и чтобы быть вполне искреннимъ съ тобою, скажу, что тебѣ врядъ-ли угадать, зачѣмъ я ѣду въ Москву!

— Также, какъ и тебѣ никакъ не угадать этого на счетъ меня. Я даже думаю вполне удивить тебя, открывши настоящую причину моего путешествія.

— Я никакъ не меньше; однимъ словомъ, чтобы не томить тебя долго понапрасну, я скажу, что ѣду въ Москву — жепиться!

— Bravo! Bravo! громко захохотавши подхватилъ Бѣльской. Ну послѣ этого, какъ ты хочешь, а сама судьба рѣши-

лась свести насъ на дружбу; представь себѣ, мой другъ, что вѣдь и я ѣду въ Москву точно за тѣмъ-же, за чѣмъ и ты!

— Какъ! И ты хочешь жениться?

— Да; отецъ мой страшно желаетъ этого.

— Точно также, какъ и моя мама.

— Меня съ этой цѣлью почти прогнали изъ Петербурга, не смотря ни на какія возраженія съ моей стороны.

— Одинакая исторія рѣшительно и у меня. Я даже везу въ моемъ бумажникѣ рекомендательное письмо батюшки къ моему будущему тестю, его старому университетскому товарищу.

— А я отъ мамы къ моей будущей тещѣ, ея старинной институтской подругѣ.

Съ этими словами оба молодые люди механически взяли за свои бумажники, вынули оттуда по письму, передали ихъ одинъ другому, и... вдругъ отчего-то смолкли и почти съ изумленіемъ взглянули другъ на друга.

Адресъ писемъ былъ на одну фамилію, вся разница состояла только въ томъ, что одно письмо было къ мужу, а другое къ женѣ, слѣдовательно наши молодые друзья ѣхали въ Москву свататься на одной и той-же невѣстѣ, ибо и тотъ и другой знали хорошо, что у Петра Спиридоныча Ракитина и супруги его Марьи Семеновны, извѣстныхъ старожиловъ московскихъ, была единственная дочь Юлія Петровна!

Бѣльской замѣтилъ справедливо: сама судьба рѣшилась безпрестанно наталкивать ихъ другъ на друга!

Есть въ жизни такія положенія, что человекъ въ первую минуту не знаетъ, разсердиться ему или засмѣяться? Въ одномъ изъ этихъ положеній находились въ настоящее время наши оба героя. Они выбрали послѣднее, то-есть, засмѣялись.

— Значить, мы опять враги съ тобою, любезный Шерь? сказалъ Бѣльской, протягивая дружески руку своему дорожному товарищу.

— Мало того враги, еще соперники! съ новымъ смѣхомъ отвѣчалъ Черницкій, крѣпко пожимая протянутую ему руку.

— А какъ слышно, хороша собою общая невѣста? продолжалъ въ томъ-же тонѣ Бѣльской.

— Я объ ней столько-же знаю, какъ о китайскомъ императорѣ! отвѣчалъ Черницкій.

— А есть у тебя охота жениться?

— Ровно никакой. Помилуй, мнѣ всего двадцать два года. А у тебя?

— И охота и годы одинакіе съ твоими.

— Слѣдовательно ссориться намъ все-таки не за что?

— Рѣшительно не за что! Аргорос; ты, Пьеръ, гдѣ остановишься въ Москвѣ?

— У одного пріятеля моего батюшки, Вѣнецкаго, гдѣ-то на Плющихѣ!... А ты, Валерьянъ, гдѣ?

— Я остановлюсь въ нумерахъ, въ первой гостинницѣ. Адресъ будетъ у тебя черезъ полчаса.

— Я объ этомъ-то и хотѣлъ просить тебя. Надѣюсь, что мы и въ Москвѣ будемъ неразлучны, какъ въ этомъ дилижансѣ, тѣмъ больше, что намъ придется-же встрѣчаться часто въ одномъ и томъ же домѣ, то-есть, у стариковъ Ракиныхъ.

— Разумѣется! А, кстати, вонъ и Москва издали привѣтствуетъ насъ своими золотыми маковками! Посмотри, какая прелестная и вмѣстѣ величественная картина, Пьеръ!

— Правду сказать, ни Парижъ, ни Лондонъ не имѣютъ при подъѣздѣ къ нимъ такого чудеснаго вида.

— Посмотри, какъ блестятъ на солнцѣ золотыя главы въ центрѣ города... А въ серединѣ ихъ высокая башня...

— Это вѣрно Иванъ Великій въ Кремль.

И друзья невольно и какъ будто сговорясь, сняли свои дорожныя фуражки и перекрестились.

Черезъ часъ они были въ Москвѣ. Бѣльской остановился на Тверской, въ гостинницѣ Копа и Лейба. Черницкій отправился отыскивать Плющиху и въ ней домъ Вѣнецкаго, который уже ожидалъ къ себѣ петербурскаго гостя, списавшись напередъ съ отцемъ одного изъ нашихъ героевъ.

ГЛАВА III.

Въ чудесный вѣкъ живемъ мы! Въ золотое время пишемъ мы, любезный читатель и милая читательница (предполагая, что и тотъ и другая найдутся у меня). Благодаря желѣзнымъ дорогамъ и стальнымъ перьямъ, лети себѣ быстро, какъ

стрѣля, какъ мысль, какъ время! Желѣзная дорога мчитъ тебя тысячи верстъ въ сутки. Стальное перо не уступаетъ рельсамъ и вотъ на этомъ—то основаніи нынѣшній романистъ, какъ и я же грѣшный, можетъ благосклоннаго читателя въ первой главѣ прокатить въ Дрезденъ, во второй въ Петербургъ, а въ третьей воротиться преспокойно въ матушку Москву бѣлокаменную!

Москва! Много въ этомъ словѣ сливается для русскаго челоуѣка. Всего два слога въ ея имени, а длинный рядъ думъ, воспоминаній, надеждъ и радостей тянется передъ воображеніемъ, когда теплымъ задушевнымъ голосомъ произнесешь это священное для каждаго имя! Вотъ тутъ—бы славный случай для автора блеснуть своими историческими свѣденіями о Москвѣ, представить читателю много родныхъ событій, напомнить ему двѣнадцатый годъ и прочая и прочая, на что такъ щедры бывають наши романисты; но такъ какъ я имѣю причину думать, что все это давнымъ давно извѣстно моему читателю не хуже моего, то умѣряю мой патріотическій восторгъ, откладывая въ сторону мои глубокія историческія свѣденія, въ которыхъ онъ, вѣроятно, и не сомнѣвается, и приступаю къ дальнѣйшему развитію моей очень обыкновенной повѣсти, къ которой двѣ предшествовавшія главы, служили не болѣе, какъ прологомъ, или по—русски: это была не сказка, а присказка, а сказка впереди, господя! И вотъ она начинается, прошу почитать да похваливать, а не по вкусу придеть, хоть и бросить да помалчивать.

Есть на Руси поговорка: что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай. Не оспоривая справедливость, какъ всѣхъ русскихъ поговорокъ вообще, такъ и этой въ особенности, замѣчу только одно: эта поговорка можетъ быть приспособлена ко всѣмъ, не только русскимъ, но даже и иностраннымъ городамъ, кромѣ Москвы, потому что въ этомъ городѣ столько различныхъ народовъ и обычаевъ, сколько кривыхъ и такъ называемыхъ глухихъ переулковъ — что ихъ и на досугъ не перечтешь скоро! Шутки въ сторону: наша старушка Москва такъ причудливо разнообразна и разнохарактерна, что по частнымъ чертамъ никакъ не сумѣешь опредѣлить цѣлаго характера, начиная съ архитектурнаго разнообразія и

оканчивая, пожалуй, разнообразіемъ самыхъ нравовъ и обычаевъ. Въ архитектурномъ отношеніи Москва похожа на большой пестрый сеймъ всѣхъ возможныхъ европейскихъ зданій, изъ которыхъ каждый отдѣльный стиль выслалъ своихъ представителей. Здѣсь вы найдете и византійскій соборъ, и венеціанскій дворецъ, и швейцарскую хижину, и римскую колонаду, и частичку парижакаго Лувра, и лондонской конфорть, и бѣдность. Что-же касается до нравовъ и обычаевъ, они, опять таки скажу, такъ разнохарактерны, что ихъ трудно уловить самымъ наблюдательнымъ перомъ во всѣхъ ихъ подробностяхъ. Это безпрестанно вертящійся калейдоскопъ, въ которомъ никогда не поймашь постоянного рисунка. Да и нельзя иначе; потому-что въ Москвѣ есть люди, которые могутъ проживать по вѣрной ариеметической выкладкѣ тысячу рублей каждый часъ своей жизни, и есть люди, которые круглый годъ съ семействомъ живутъ на ста двадцати рубльяхъ! Есть одинокіе богачи, занимающіе огромные пяти-этажные дома; и есть семейные бѣдняки, которые самъ-десять жмутся въ тѣсной каморкѣ какого нибудь околозаставнаго захолустья. Въ Москвѣ есть богатые бронзовые фонтаны на красивыхъ площадяхъ, и есть переулки съ грязными во время дождей лужами, гдѣ преспокойно полощатся утки! На наружной стѣнѣ магазина, гдѣ продаются лучшія картины извѣстнѣйшихъ европейскихъ мастеровъ, нерѣдко вывѣшиваются мелкою промышленностію лубочныя изображенія, какъ „Бонопарту не до пляски, растерялъ свои подвязки,“ и прочее, въ подобномъ родѣ. Въ Москвѣ есть пышныя гостинницы, не уступающія ни чѣмъ парижскимъ, и есть рестораціи, на вывѣскахъ которыхъ рука подаетъ изъ за-облаковъ поднось съ чаемъ и карафиномъ кизлярки. Рядомъ съ пышнымъ домомъ, гдѣ у мраморнаго крыльца стоитъ высокій швейцаръ съ золоченою булавою, красуется домикъ, выкрашенный масляною краскою светло-зеленаго цвѣта, съ амурчиками доморощеннаго живописца, похожими больше на мосекъ, нежели на амуровъ — и у этого домика ворота вѣчно на замкѣ; калитка въ полроста человѣческаго съ секретною щеколдою и на дворѣ цѣпная собака, спускающаяся на ночь для отправленія должности дворника-оберегателя отъ воровъ. Въ Москвѣ одни садятся за обѣдъ ровно въ тотъ часъ, когда другіе ужина-

ють; одни ложатся въ постель тогда, какъ другіе просыпаются и берутся за работу. Одни голодаютъ всю жизнь, обладая знаніемъ чуть не всѣхъ европейскихъ языковъ, другіе живутъ милліонерами, не зная все русскои грамоты и означая фамилію свою крестикомъ на дѣловыхъ бумагахъ. Есть молодые люди, которые въ грязную осень пѣшкомъ съ Бутырокъ на послѣдній рубль идутъ въ театръ, послушать новую оперу, и есть старики, которые, будучи сосѣдями театру по домамъ своимъ въ пять этажей, ни разу не бывали въ немъ, а для праздничной потѣхи приглашаютъ къ себѣ на домъ шарманку съ обезьяной или мужичка съ райкомъ за плечами, который показываетъ всему семейству за гривенникъ „какъ корабли плаваютъ на Окіанѣ, и т. п. Въ одной только Москвѣ вы можете увидѣть на одной и той же улицѣ пышный поѣздъ богатой купеческой свадьбы, гдѣ женихъ за цугъ подвѣчныхъ лошадей съ зеркальною каретою платитъ въ вечеръ смышленому извозчику сто цѣлковыхъ, и гдѣ на невѣстѣ съ подсурмленными бровями на полмилліона брилліантовъ — а черезъ домъ, также съ невѣстою, выходитъ толпа дѣвокъ и свахъ, которыя во всё горло поютъ свадебныя пѣсни и провожаютъ наканунѣ свадьбы невѣсту въ баню, — и всё эти вещи такъ привычны, такъ обыкновенны, что на нихъ никто не обращаетъ и вниманія. Въ Москвѣ бываютъ даже нерѣдко два различные климата на одной и той-же улицѣ; потому что на солнечной сторонѣ ѣздятъ на колесахъ и гуляютъ въ сюртукахъ; а на тѣневой, пробираются еще на саночкахъ по не совсѣмъ растаявшему снѣгу и кутаются въ теплыя шубы — и все это ни о чемъ нашему брату, коренному москвичу!

Послѣ такого длиннаго предисловія о разнохарактерности древней столицы Москвы, читателю, а особливо иногородному, совсѣмъ не покажется страннымъ, если я введу его теперь въ домъ очень богатаго человѣка, кореннаго москвича, постоянного жителя Старой Мъщанской улицы, нравы которой, точно также какъ и нравы Замоскворѣчья, отстали отъ обычнаго столичнаго быта. Домъ этотъ принадлежитъ съ давнихъ временъ фамиліи Ракитиныхъ, послѣдними представителями которой въ настоящее время обрѣтаются на лицо, старикъ Петръ Спиридоновичъ Ракитинъ съ супругою Марьей Семеновной и

единственную дочь и въ послѣдствіи времени богатою наслѣдницей, Юліей Петровной Ракитиной.

Прежде нежели познакомлю я читателя съ хозяевами дома, Ракитиными, не излишнимъ почитаю описать имъ самый домъ ихъ въ Старой Мѣщанской улицѣ, потому что онъ имѣлъ въ себѣ столько первобытной простоты, различныхъ странностей и стародавнихъ обычаевъ, что безъ надлежащаго предваренія, легко подумаешь, что дѣйствіе происходитъ въ семисотыхъ годахъ, да и не въ первопрестольной столицѣ Москвѣ, а въ какомъ нибудь саратовскомъ или оренбургскомъ захолустьѣ.

Домъ Ракитиныхъ существовалъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, вѣроятно съ незапамятныхъ временъ, потому что и переулочъ, въ которомъ стоялъ онъ, назывался, если не официально, по-крайней-мѣрѣ по сосѣднимъ преданіямъ „Ракитинскимъ переулкомъ“. Да и не даромъ носилъ онъ на себѣ это названіе; вся правая сторона его обставлена была огромнымъ каменнымъ заборомъ, съ затѣйливою желѣзною рѣшеткою, изъ-за которой видѣлся старинный въковой садъ съ высокими деревьями и съ кучами птичьихъ гнѣздъ на нихъ, что дѣлало его болѣе похожимъ на густую рощу, нежели на обыкновенный садъ. Въ серединѣ заборъ этотъ вдавался правильнымъ полукругомъ внутрь и образовалъ огромнаго размѣра ворота; за ними видѣлся большой зеленый кругъ, огороженный красивою балюстрадой, мимо которой съ любой стороны былъ подъездъ къ самому дому, построенному въ одинъ этажъ, но за то въ самыхъ большихъ размѣрахъ. Домъ этотъ былъ именно то, что въ старину называлось „барскими хоромами“, и имѣлъ очень странное расположеніе: среднія стеклянныя двери его вели прямо въ большую парадную гостиную, между тѣмъ, какъ два крыльца по сторонамъ устроены были надлежащимъ образомъ и вели черезъ переднія комнаты въ залы. Наружность была совсѣмъ не богата и совершенно не обѣщала того, что можно было найти во внутренности. Характеръ такихъ домовъ вполне противоположенъ характеру современныхъ намъ зданій, у которыхъ наружность всегда щеголеватѣе внутренности, что даже нерѣдко встрѣчается и въ самихъ хозяевахъ этихъ домовъ.... Что дѣлать! Знать таковъ духъ нынѣшняго време-

ни! Казовый конецъ всегда немножко попоряднѣе самой матеріи.

Дѣйствительно, внутренняя отдѣлка и убранство комнатъ дома Ракитиныхъ вовсе не соответствовала довольно мизерной наружности его. Это былъ вполне стараго времени вельможный домъ. Тутъ было все, и шелкъ, и бархатъ, и золотые кисти, и японскій фарфоръ и французская бронза, и карарскій мраморъ. Описывать въ подробности всѣ эти вещи — значило бы написать длинный реэстръ, или правильнѣе сказать, прейсъ-курантъ лучшаго и богатѣйшаго магазина рѣдкостей, картинъ и галантерейныхъ вещей. Только при внимательномъ взглядѣ, какъ на магазинъ, такъ и на похожій на него домъ, замѣтно было, что они содержатся не въ большой опрятности и давно не имѣють охотниковъ на то, чтобы любоваться, а еще больше, на то, чтобы поддерживать всѣ эти прекрасныя и богатыя вещи, которыя собраны тутъ въ кучу. Дѣйствительно: богатый въ старину домъ Ракитиныхъ въ настоящее время нашего разсказа былъ какъ-будто заброшенъ, не смотря на то, что въ немъ постоянно проживали послѣдніе его представители. Замѣтно было и даже ярко бросалось въ глаза, что хозяева пользовались богатствомъ наслѣдственнымъ, а не нажитымъ собственными трудами, и что многому они не знали цѣны, отъ привычки и увѣренности, что это ихъ даровая собственность. Тутъ ничего не прибавлялось, ничто не улучшалось, и даже почти ничто не береглось, какъ-бы слѣдовало по общепринятому порядку вещей: тутъ просто „доживалось“, если можно такъ выразиться, впрочемъ доживалось все-таки очень богато и пышно, особенно для посторонняго и не слишкомъ глубоко прозрѣвающаго глаза.

И этому такъ надлежало быть.

Предки Ракитина были нѣкогда люди знаменитые и вѣрные слуги Царя и отечества. Одни изъ нихъ, судя по стариннымъ портретамъ во весь ростъ, которые красовались въ длинной залѣ, были храбрые воины, изукрашенные ранами на груди, изъ которыхъ каждая была прикрыта или крестомъ, или наградною звездою; другіе служили во флотѣ и далеко, и со славою водили русскіе побѣдоносные корабли; третьи заседали въ Сенатѣ и славились нѣкогда знаменитыми граж-

данскими доблестями; четвертые... но всѣхъ портретовъ въ длинной залѣ Ракинина не перечтешь, потому что они занимали рѣшительно всѣ простѣнки между оконъ, а оконъ было очень не мало, какъ и во всѣхъ старинныхъ хоромахъ, похожихъ болѣе на прозрачные фонарики, нежели на дома. Встарину любили жить открыто, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Что-же касается до послѣднихъ, или правильнѣе сказать, предпослѣднихъ представителей нѣкогда знаменитой фамиліи Ракининыхъ, они почему-то не заблагодарасудили шествовать по стопамъ своихъ достойныхъ дѣдовъ и прадѣдовъ и, сочтя на досугъ итогъ огромнаго богатства, нажитаго трудами ихъ предшественниковъ, рѣшили въ умѣ своемъ, что не только имъ и ихъ дѣтямъ, но и внукамъ достаточно будетъ на всю жизнь помотать и пожить весело, сложивъ руки и ровно ничего не дѣлая для общей пользы, не теряя между-тѣмъ ничего и въ общемъ мнѣніи, ибо имя Ракиновыхъ приобрѣло уже такой значительный вѣсъ въ свѣтѣ, что само по себѣ было весьма достаточнымъ титуломъ, чтобы выгодно красоваться въ свѣтѣ.... И вотъ они дѣйствительно сложили руки и начали жить, ничего не дѣлая для общества, кромѣ частыхъ вечеринокъ и баловъ, которые въ свое время гремѣли на всю Москву. Разочли они вѣрно, только не совсѣмъ. Дѣтямъ ихъ осталось дѣйствительно еще очень много денегъ и деревень, а что касается до внуковъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и послѣдній настоящій представитель фамиліи Ракининыхъ, Петръ Спиридоновичъ, они уже никакъ не могли быть тѣмъ, чѣмъ нѣкогда были ихъ мотоватые дѣды, и вынуждены были, не безъ досады и грусти, видѣть, какъ гаснутъ постепенно одна за другою всѣ блестящія звѣздочки ихъ стариннаго величія, къ которому такъ давно привыкли, какъ они сами, такъ и весь людъ, ихъ окружающій.

Понятная, впрочемъ, вещь, что огромный костеръ и угасая все-таки жарче и свѣтлѣе, нежели небольшая вязанка дровъ въ печи бѣдняка. Ракинины и въ паденіи своей фамиліи все еще не вышли изъ ряду московскихъ богатыхъ фамилій, и Ракининскій переулочекъ не даромъ носилъ свое прозваніе.

Съ обѣихъ сторонъ дома, какъ сказали мы выше, виднѣлись два огромные старинные сада. Эти сады по всей спра-

ведливости могли стать въ сравненіе съ домою. Оба они также, какъ и домъ, грустно доживали вѣкъ свой. Широкия и нѣкогда изищно прекрасныя аллеи, теперь были запущены и заглохли; дорожки мѣстами поросли непрошеною травою. Красивыя бесѣдочки въ китайскомъ вкусѣ разваливались, цвѣтныя стекла перебиты, въ разныхъ мѣстахъ обезображенныя статуи, которая безъ руки, которая безъ ноги. У амура, около большой цвѣточной клумбы, отвалилось правое крыло; у Венеры не оказывалось въ наличности лѣваго уха, Аполлонъ очень не картинно рисовался въ зелени съ перешибенной переносицею. Два большіе пруда, въ которыхъ нѣкогда хозяева колокольчикомъ вызывали рыбу на поверхность воды и кормили ее изъ своихъ рукъ бѣлымъ хлѣбомъ, теперь почти пересохли и заволоклись густою тиною; красивыя лодки и ялики съ разноцвѣтными флагами, сиротливо и полусгнившія валялись на берегу; рѣшетчатыя пристани полуобвалились въ воду, однакъ словомъ вездѣ проявлялись слѣды запустѣнія и невниманія хозяевъ; нѣкогда пышныя и полныя плоды оранжереи, теперь обращены были въ простые сараи для складки дровъ и сухихъ сучьевъ. Теплицъ не было и въ поминѣ.

Позади дома тянулись огромныя деревянныя зданія — „службы“, какъ обыкновенно зовутъ ихъ у насъ. Въ этихъ „службахъ“ проживало безчисленное множество старой дворни съ кучею дѣтей, племянниковъ и внуковъ. Однимъ словомъ, народонаселеніе Ракитинскаго задняго двора было очень значительное. При барскихъ домахъ въ Москвѣ искони-вѣку проживаетъ куча дармоѣдовъ. Это ужъ такъ заведено и очень способствуетъ къ конечному разоренію нѣкоторыхъ падающихъ дворянскихъ фамилій.

Быль когда-то у Ракитиныхъ и свой собственный огромный лошадиный заводъ, да такой, что Ракитинской породы лошадь цѣнилась въ пятеро противъ обыкновенной, но и заводъ теперь перевелся совершенно; о немъ осталось одно преданіе.

Быль когда-то у Ракитиныхъ и богатый скотной дворъ и выписныя англійскія и тирольскія коровы, снабжавшія молокомъ своимъ не только барскій домъ, но и всѣ сосѣдніе

квартиры; но теперь и скотный дворъ былъ въ той-же самой категоріи, какъ и огромный лошадиный заводъ.

Однимъ словомъ, домъ Ракитиныхъ въ настоящемъ его положеніи нѣкоторымъ образомъ похожъ былъ на современную намъ Помпею, гдѣ только по развалинамъ можно догадываться, что было нѣкогда на такомъ и такомъ мѣстѣ. Одинъ только огромный домъ сохранилъ еще свою аристократическую физиономію и заслонялъ собою все остальное, отчасти полуразрушенное, а отчасти и такое, что не легко было узнать прежнее его назначеніе.

Описавши домъ, обратимся къ его хозяевамъ.

Петръ Спиридоновичъ Ракитинъ, послѣдняя отрасль своей фамиліи, въ то время, какъ мы знакомимъ съ нимъ читателя, былъ уже старикъ и носилъ на плечахъ своихъ ровно семьдесятъ лѣтъ. Супруга его, Марья Семеновна Ракитина, дама — какъ говорятъ у насъ въ Москвѣ „известныхъ лѣтъ“, что обыкновенно выражаетъ „за сорокъ“. Единственной дочкѣ ихъ, Юліи Петровнѣ, было ровно шестнадцать.... Какъ? скажетъ кто-нибудь: у такихъ стариковъ и такая молоденькая дочь? Да, милостивые государи, именно это было точно такъ и вотъ по какому случаю или, лучше сказать, въ слѣдствіе вотъ какихъ предшествовавшихъ обстоятельствъ.

Петръ Спиридоновичъ Ракитинъ, настоящій семидесятилѣтній старикъ, до сорока лѣтъ своей жизни былъ какимъ-то исключительнымъ существомъ, совершенно не похожимъ на обыкновенныхъ людей его круга. Рожденный отъ богатыхъ родителей и, слѣдовательно, обеспеченный на всю свою жизнь, если-бы даже эта жизнь прошла въ совершенной бездѣйственности съ его стороны, Петръ Спиридоновичъ неизвѣстно почему, съ самыхъ раннихъ лѣтъ получилъ непреодолимую склонность не къ умственнымъ, а болѣе къ механическимъ занятіямъ. Страсть его была лѣпить и вырѣзывать изъ дерева и картона различные домики, модели церквей, башенъ, театровъ, манежей и прочаго, въ этомъ родѣ. Далѣе, онъ пристрастился вдругъ, Богъ знаетъ съ чего, къ токарному ремеслу и вытачивалъ даже, надо сознаться, не безъ успѣха различные табакерки, бомбоньерки, ларчики, вазы, однимъ словомъ, всѣвозможныя бездѣлушки въ этомъ родѣ. Занятія науками шли у него совершенно въ обратномъ по-

рядкѣ; то-есть, онъ занимался ими и мало и не охотно, не смотря на то, что съ самаго почти младенчества окружень былъ всеми возможными гувернерами и учителями. Особенно не дались ему языки. Сколько ни бились съ маленькимъ Петинькою Ракитинымъ, онъ не выучился порядочно болтать даже по-французски, что въ тогдашнее время у многихъ считалось первѣйшею необходимостію въ образованіи русскаго юношества.

— Да вѣдь я природный русскій человекъ и буду всегда жить въ Россіи, говаривалъ упрямый ребенокъ, когда его стыдили тѣмъ, что онъ мало успѣвалъ во французскомъ языкѣ. — На что-же мнѣ нужна вся эта иностранная тарабарщина?

— Ну, а когда случится вамъ вояжировать, поѣхать во Францію? возражалъ ему его учитель.

— Этого никогда не случится.

— Почему такъ?

— Да зачѣмъ я туда поѣду? Мнѣ и здѣсь хорошо.

— Конечно такъ, но все-таки пріятно посмотреть на свѣтъ, на разные обычаи, на природу.

— Прочту себѣ „Всемирнаго путешественника“ вотъ тебѣ и все тутъ. А случится нужда отправиться куда-нибудь въ Нѣмечину, возьму себѣ кошелекъ съ золотомъ, погремлю имъ надъ ухомъ какого-бы то ни было мусьяка — повѣрьте, онъ не затруднится, какъ разъ пойметъ все, что мнѣ надобно. Этотъ языкъ знаютъ во всемъ свѣтѣ!

Учитель смалчивалъ, покачивалъ головою и дѣла оставались въ такомъ-же порядкѣ, какъ и прежде. А случится бывало, если учитель осердится не на шутку, ученикъ подаритъ ему новую трость съ затѣйливо-выточеннымъ наболдашникомъ — буря и прошла. Отецъ Петра Спиридоновича былъ въ то время весьма важнымъ чиновникомъ, рѣдко бывалъ дома и не могъ слѣдить за успѣхами своего сына. Что-же касается до матери, то она была, какъ и всѣ богатые маменьки, изъ баловницъ боловница. Это послѣднее обстоятельство послужило, какъ нельзя лучше, къ тому, чтобы изъ ребенка не вышло ничего путнаго.

Почти такой-же порядокъ дѣлъ остался и въ то время, когда балованный сыночекъ подросъ и сдѣлался изъ Петиньки

Петромъ Спиридоновичемъ. Его почти поневолю записали на службу, и то сыскали такое мѣстечко, гдѣ ничего не нужно было имѣть при себѣ, кромѣ хорошо очиненнаго гусиного пера для переписыванія дѣльныхъ бумагъ, сочиняемыхъ другими.

Наконецъ отецъ Петра Спиридоновича нечаянно умеръ апоплексическимъ ударомъ, къ ущербу отечества и къ общему сожалѣнію всѣхъ его окружавшихъ. Жена немногимъ пережила любимаго мужа и такимъ образомъ нашъ Петръ Спиридоновичъ вдругъ остался послѣднимъ представителемъ фамиліи Ракитиныхъ.

Обрисовывая характеръ Петра Спиридоновича, мы ни разу не коснулись его сердца — что не совѣмъ въ порядкѣ вещей. Взглянемъ мелькомъ и на это обстоятельство: Петръ Спиридоновичъ, любившій заниматься, какъ выше сказали мы, механическими работами, прихватилъ какъ-то немножко и анатомію человѣческаго тѣла и имѣлъ даже у себя въ рабочей комнатѣ человѣческой скелетъ. За скелетомъ последовала покупка анатомическихъ рисунковъ.

Петръ Спиридоновичъ, въ тѣ счастливые года, когда у молодыхъ людей просыпаются въ груди благородныя страсти и молодое сердце начинаетъ бить тревогу и просить любви, дѣйствительно ничего подобнаго не чувствовалъ и продолжалъ обычныя свои механическія занятія. Такъ шло у него до пятидесяти-двухъ лѣтъ: ни одна женщина въ природѣ не дѣлала на него ни малѣйшаго впечатлѣнія, между тѣмъ, какъ многія, зная его огромное состояніе, старались привлечь на себя его вниманіе, тѣмъ болѣе, что старушка Москва по преимуществу передъ другими городами, богата невѣстами всѣхъ возрастовъ и всякихъ состояній, и что у ней всѣ, мало-мальски выгодные женихи, состоятъ отмѣченными въ длинномъ ея регистрѣ.

Не помню кто-то изъ старинныхъ романистовъ въ своемъ сантиментальномъ романѣ написалъ, что каждый смертный носить въ груди своей не полное сердце, а половинку его, и что онъ до-тѣхъ-поръ несчастливъ, пока судьба не столкнетъ его со смертною, у которой въ груди именно парная ему половинка сердца. — Этою встрѣчею двухъ парныхъ половинокъ романистъ и объяснялъ взаимную любовь мужчи-

ны и женщины. Сколь ни нелѣпо съ перваго взгляда такое опредѣленіе любви, но есть случаи въ жизни, гдѣ именно годится такое опредѣленіе. Ни дальше, ни ближе, его, по всей справедливости, можно было приспособить къ нашему чудаку Петру Спиридоновичу, до пятидесяти двухъ лѣтъ не сознававшему въ себѣ даже и половинчатого сердца.

Разъ какъ — то, бывши въ гостяхъ у стариннаго пріятеля своего покойнаго отца, онъ взглянулъ пристально на вполне уже отцвѣтшую дочку его, нѣчто въ родѣ „разборчивой невѣсты“ Крылова, и задумался. Сорокалѣтняя дѣва увѣряла послѣ всѣхъ своихъ знакомыхъ, что и она вдругъ при этомъ взглядѣ почувствовала, что у нея въ груди какъ будто что-то зашевелилось и закололо. — Вслѣдствіе такого новаго и до-сихъ-поръ неизвѣстнаго ей ощущенія, растроганная дѣва поподчивала табакомъ Петра Спиридоновича и даже предложила ему съ легкою краскою на дѣвственныхъ ланитахъ, не угодно-ли ему будетъ составить съ нею партію... въ домашній бостончикъ, по пятаку фишка. Петръ Спиридоновичъ просопѣлъ о своемъ всегдашнемъ удовольствіи составлять партію такой изящной во всѣхъ отношеніяхъ особѣ и роковая партія бостона по пятаку фишка началась, продолжалась и окончилась какъ нельзя лучше. Разъ только Петръ Спиридоновичъ, очень неудачно объявившій мизеръ, былъ пойманъ по второму ходу съ дамою самъ другъ; причеиъ зрѣлая дѣва сдѣлала довольно острое, хотя и не новое замѣчаніе, что кто несчастливъ въ картахъ, тотъ счастливъ въ любви. Петръ Спиридоновичъ еще болѣе задумался, да наконецъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ и брякнулъ послѣ партіи бостона предложеніе о взаимномъ бракѣ, какъ-бы желая повѣрить на самомъ дѣлѣ, не будетъ-ли онъ послѣ несчастно-проиграннаго мизера счастливѣе въ любви.

Оказалось, что поговорка вѣрна, ибо ровно черезъ мѣсяць послѣ бостонной партіи состоялась и другая: именно партія между имъ Петромъ Спиридоновичемъ Ракитинымъ и Марьею Семеновною, по отцѣ... не помню какъ.

Плодомъ поздняго и столь нечаяннаго брака оказалось премиленькое существо, носящее въ настоящее время нашего разсказа романическое имя Юліи Петровны, съ которою въ

непродолжительномъ времени читатель имѣеть познакомиться.

Набросавъ слабый очеркъ стариннаго дома Ракитиныхъ, и познакомя читателя съ хозяевами его, съ которыми впрочемъ онъ познакомится еще короче изъ нашего разсказа, мы теперь уже начнемъ безостановочно продолжать начатое, извиняясь въ длинномъ, но тѣмъ не менѣе необходимомъ отступленіи.

ГЛАВА IV.

Новѣйшіе романисты всего чаще сравниваютъ женщинъ, въ особенности молодыхъ дѣвушекъ, съ цвѣтами. Сходство, которое находятъ они въ этомъ случаѣ, по бѣльшей части, состоитъ въ томъ, что красота дѣвушекъ похожа на красоту цвѣтка, а внутреннія достоинства ихъ на прелестный цвѣточный запахъ — хоть между нами сказать — не всякій красивый цвѣтокъ имѣеть хорошій запахъ, точно также, какъ и не всякая красавица имѣеть внутреннія достоинства. Я съ своей стороны также готовъ на это сравненіе, только сходство опредѣляю я совсѣмъ другими чертами, и именно вотъ какими: цвѣтокъ, чѣмъ онъ ранѣе развертывается и чѣмъ онъ красивѣе, тѣмъ скорѣе его срываютъ съ вѣтки; точно также и дѣвушка красавица, чѣмъ раньше она развертывается и чѣмъ она милѣе, тѣмъ скорѣе выдаютъ замужъ и, слѣдовательно, не даютъ ей времени покрасоваться въ жизни своею молодою прелестію и порадовать собою взоры ее окружающихъ. Тутъ-бы даже по всей справедливости можно продолжать сравненіе и сказать, чѣмъ махровѣе роза или что одно и то же: чѣмъ богатѣе невѣста и проч. и проч., но мы остановимся на однихъ первыхъ чертахъ сродства, иначе-бы это завлекло насъ очень далеко, а не всякій читатель, а въ особенности читательница любитъ длинныя отступленія.

Догадается всякій, что мы хотимъ повести рѣчь о главной героинѣ нашего разсказа, Юліи Петровнѣ Ракитиной, которой имя было упомянуто нами, а портретъ не нарисованъ, какъ слѣдуетъ во всякомъ порядочномъ романѣ, по обще-принятой издавна формѣ; но сказать по совѣсти, въ нашъ взыскательный вѣкъ, написать нравственный портретъ дѣвушки

свѣтскаго круга — вещь трудная. А все-таки надо сказать что-нибудь хоть слегка.

Юлія Петровна Ракина была, какъ слѣдуетъ всемъ романтическимъ героинямъ, хороша собою, высока, стройна, съ голубыми глазами, густыми волосами, темнорусаго цвѣта, съ роскошной косой. Улыбка у ней была — какъ цвѣтокъ распускающійся; ножка — чуть не китайская. — Вотъ и все; кажется довольно для наружности, чтобы фигурировать приличнымъ образомъ въ любомъ современномъ романѣ. По-французски Юлія Петровна говорила чисто и безъ большихъ ошибокъ; танцевала ловко и охотно, на фортепяно играла бѣгло, хоть и безъ особеннаго вкуса и души, что дается весьма не многимъ барышнямъ, да и дается не учителями, которымъ платять подъ часъ очень не дешево за ихъ уроки, а самой природой, которая въ этомъ случаѣ распоряжается сама собою и особенно бываетъ какъ-то не слишкомъ щедра и благосклонна къ многимъ московскимъ барышнямъ-пьянисткамъ. Прочія науки, которыя обыкновенно входятъ въ составъ образованія молодыхъ барышенъ — она знала на столько, чтобы иногда въ разговорѣ ввернуть словцо другое, третье для доказательства, что и мы-молъ знаемъ кое-что не хуже кого другаго; а свѣту, особенно большому, какъ его называютъ, чего — же больше. Юлія Петровна была охотница до чувствительныхъ стихковъ, имѣла альбомъ въ зеленомъ сафьянномъ переплетѣ, съ золотою застежкой, въ которомъ хранились бережно росписки всѣхъ друзей и подругъ ея и въ стихахъ и въ прозѣ, никакъ на четырехъ различныхъ языкахъ, не смотря на то, что сама она знала только два. Эта роскошь въ то время, о которомъ пишу я — была вещью самою обыкновенною и позволительною. Почитывала она и романцы на французскомъ языкѣ, „за недостаткомъ русскихъ,“ какъ говорятъ многія московскія барышни, не смотря на то, что „этого недостатка“ въ самомъ-то дѣлѣ не оказывается. Принималась она даже писать стихи къ лунѣ и неземному идеалу, да нашедши, что нѣтъ ничего упрямѣ русской рѣзвы, оставила попытку, къ немалому счастью современной нашей поэзіи, а можетъ быть вѣдь и на бѣду — и то сказать. Не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь, есть русская поговорка.... Однимъ словомъ, Юлія Петровна Ракина была самая обык-

новенная дѣвушка, и коли вы хотите, отнюдь не просилась ни однимъ изъ своихъ качествъ въ современный романъ, за то современный романъ самъ напросился къ ней совершенно неожиданно, какъ увидитъ читатель впоследствии.

Были въ домѣ Ракиныхъ и еще кой-какія второстепенныя лица, какъ на примѣръ, Авдей Семенычъ, старикъ управитель, ходившій съ незапамятныхъ временъ въ коричневомъ широкомъ фракѣ, съ стальными пуговицами въ пятакъ величиною, и имѣвшій обыкновеніе при каждомъ разговорѣ съ кѣмъ-бы то ни было, послѣ трехъ, а много четырехъ словъ, вставлять стереотипную фразу: *приблизительно доложитъ*. Была еще „Домна Ѳоминишна“ для дворни и просто „Ѳоминишна“ для господъ, старая дѣва, экономка въ домѣ и любимица барыни, которой платья и чепцы обыкновенно донашивала она на себѣ, гордясь таковымъ милостивымъ и постояннымъ благоволеніемъ къ ней матушки, доброй барыни. Была еще черноглазая вострушка Лиза, горничная и доверенная особа молодой барышни, за которой настойчиво ухаживали двое рослыхъ лакѣевъ дома Ракиныхъ; но такъ какъ всѣ эти лица, какъ сказали мы выше, второстепенныя, то мы и удовольствуемся, назвавъ ихъ только по именамъ, какъ въ театральной афишѣ, и пусть они сами рекомендуются читателю въ продолженіе предстоящаго разсказа.

Утро. Кабинетъ Петра Спиридоновича Ракина. Скучныя описанія, а дѣлать нечего, надобно сказать нѣсколько словъ объ этомъ кабинетѣ, потому что онъ имѣетъ свою собственно ему принадлежащую физиономію.

Кабинетъ Петра Спиридоновича, при всемъ богатствѣ своего хозяина, не отличался ни роскошью, ни даже обыкновеннымъ убранствомъ. Онъ скорѣе съ перваго взгляда похожъ былъ на огромную игрушечную лавку, загроможденную различной формы и величины моделями изъ картона, точеными фигурками, всѣхъ возможныхъ видовъ, и уродливыми куколками, собственнаго рукодѣля досузаго хозяина. Тутъ были модели: московскаго Кремля, Экзерциръ-гауза и даже Большаго Петровскаго Театра. Тутъ были выточенные изъ дерева, различной величины, трости съ фигурными наболдашниками, коробки, табакерки, шары и даже подсвѣчники. Тутъ были куклы, которыми можно грызть орѣхи, деревянные пе-

чатки, дубовыя прессъ-папье, ножи и даже трубки съ крышечками въ видѣ Наполеоновой трехъ-угольной шляпы. Въмѣсто письменнаго стола стоялъ большой токарный станокъ. На этажеркахъ и кушеткахъ помѣщались молотки, щипцы и рубанки различныхъ формъ, пилы, подпилки, кривые ножи. Въ одномъ углу навалена куча толстой разноцвѣтной бумаги, въ другомъ симметрически разложены тоненькія лоснящіяся дощечки краснаго, чернаго и простаго дерева. Въ деревянныхъ вазахъ, съ преузорочными ручками и крышками, наложены были клеи, воскъ и краски. Въ большой красивой корзинкѣ, вѣроятно сначала имѣвшей предназначеніе бросанія въ нее ненужныхъ записокъ и конвертовъ, красовались стружки и обрѣзки клееной бумаги. На окнахъ видѣлись чучелы различныхъ птицъ, бѣлокъ и маленькихъ собачекъ. По стѣнамъ висѣли вмѣсто картинъ запыленные старинныя каски, кольчатые вооруженія и нѣсколько паръ заржавленныхъ пистолетовъ съ паломанными замками, огромная кукла въ человѣческой ростъ, съ надѣтымъ на нее платьемъ китайца, довершала картину, для полноты которой слѣдуетъ теперь помѣстить самаго чудака хозяина, описаннаго мною на скорую руку кабинета.

— Есть старики, которые сколько-бы ни жили на свѣтѣ, никакъ не могутъ привыкнуть къ мысли о своихъ преклонныхъ годахъ; они какъ будто не замѣчаютъ, живя день за день, долговременности своего существованія, забываютъ о томъ, что здѣшняя жизнь дается человѣку на болѣе или менѣе извѣстный срокъ, и до послѣдняго часа своего существованія строятъ себѣ воздушные замки и загадываютъ на будущее, точно съ такою-же твердою увѣренностію, какъ и вѣтреная молодость. Къ числу такихъ счастливыхъ или несчастныхъ, назовите, какъ хотите, стариковъ принадлежалъ и нашъ Петръ Спиридоновичъ Ракитинъ, какъ увидитъ читатель.

Утро, въ которое мы вводимъ читателя въ кабинетъ Петра Спиридоновича, проведено было хозяиномъ его въ весьма важномъ и серьезномъ занятіи: онъ вырѣзывалъ изъ картонки модель огромнаго колеса, которое будетъ вертѣться при помощи крыльевъ, какъ у обыкновенной мельницы при вѣтрѣ и этимъ самымъ будетъ качать длинный насосъ и под-

нимать на высоту воду изъ рѣки. Нужды нѣтъ, что у Петра Спиридоновича не было ни одного имѣнія съ такою мѣстностію, гдѣ бы можно было приспособить съ пользою такое новое открытіе по части механики и даже гидравлики. Онъ хлопоталъ для другихъ, и даже, если не для настоящаго, такъ для будущаго. Всѣ гении обыкновенно работаютъ для потомства. Впрочемъ, къ чести нашего времени должно сказать и то, что спустя не больше полугода, нашелся человѣкъ, съ жадностію ухватившійся за новое открытіе, съ полугода устроивалъ у себя на дачѣ повозобрѣтенный Ракитинскій колодезь, перетратилъ кучу денегъ, и что-жъ вы думаете? Въдѣ достигъ—таки желаемаго. Дѣйствительно, крылья машины завертѣлись при вѣтрѣ, даже насосъ, хоть лѣнливо, да заходилъ и въ какой нибудь часъ времени, не больше, машина во всемъ своемъ ходу, подняла ему на довольно значительную высоту, воды.... цѣлый стаканъ! Не правда-ли, что послѣ этого весело смотрѣть и слѣдить, какъ быстро идетъ впередъ любознательное человѣчество, по всемъ отраслямъ искусствъ и науки.

Передъ барининомъ, вполне занятымъ своею важною работою, стоялъ въ почтительномъ отдаленіи, съ письмомъ въ рукахъ, старикъ управитель, Авдей Семенычъ, въ своемъ вѣчномъ коричневомъ фракѣ со стальными пуговицами.

Прошло этакъ съ четверть часа и Петръ Спиридоновичъ взглянулъ на своего стараго управителя, который, чтобы не пропустить удобной минуты, почтительно протянулъ руку съ письмомъ къ барину, сопровождая это движеніе поклономъ.

— Это послѣ, Семенычъ, сказалъ отклоняя отъ себя письмо, Петръ Спиридоновичъ; а вотъ скажи-ко ты мнѣ, у кого ты бралъ въ послѣдній разъ картузную бумагу?

— Все у того-же, примѣрно доложить, купца Евдокимова, батюшка Петръ Спиридоновичъ....

— Скотина онъ, твой Евдокимовъ! Такъ и скажи ему отъ меня, Семенычъ, продолжалъ въ томъ-же тонѣ Петръ Спиридоновичъ. Какая это картузная бумага? просто дрянь! Посмотри самъ, Семенычъ. Можно-ли изъ нея вырѣзать что нибудь нужное? Крошится себѣ, какъ сырая глина, да и все тутъ; скажи купцу, что я не заплачу ему денегъ; да и тебѣ

впередъ прикажу брать всѣ запасы для моихъ работъ не у него въ лавкѣ, а у другаго, кто посоветливѣе! Вѣдь баринъ-моль не на игрушки покупаетъ у васъ картузную бумагу. Ему нужно, чтобы все было исправно, какъ слѣдуетъ; этими вещами не шутятъ!

— Слушаю, сударь, скажу безпретѣнно, отвѣчалъ съ новымъ поклономъ управитель и опять протянулъ къ барину руку съ пакетомъ. Теперь, примѣрно доложить, на счетъ этого письма, батюшка Петръ Спиридоновичъ; съ ранняго утра, какъ вы еще почивать изволили, его принесъ лакей отъ какого-то прѣзжаго господина и говоритъ, что очень нужно.

— У всякаго свои нужды, Семенычъ, замѣтилъ Петръ Спиридоновичъ, снова отклоняя отъ себя подаваемое письмо, а вотъ я тебѣ хотѣлъ еще сказать на счетъ клея да красокъ: и они вѣрно берутся у Евдокимова, потому что прескверныя. Клей совсѣмъ не держитъ, а краски не распускаются себѣ, да и все тутъ! Ты ни зачѣмъ не присмотришь порядочно, Семенычъ; старь сталь; видно плохо видишь? а?

— Вѣстимо дѣло, батюшка Петръ Спиридоновичъ; идешь не въ гору, а подъ гору, отвѣчалъ старикъ управитель.

— А хороша штука, которую я дѣлаю? спросилъ послѣ небольшого молчанія баринъ, принимаясь снова за свой рабочий ножикъ и показывая управителю вырѣзываемую модель. А какъ ты думаешь, Семенычъ?

— А Господь ее вѣдаетъ, батюшка Петръ Спиридоновичъ! Наше дѣло темное; не спознаешь, что это такое, а должна быть хороша, потому что не станете же вы трудиться за пустяками!

— Дѣло говоришь, Семенычъ; оно таки не пустяки и выдуть, сказалъ съ довольною улыбкою Петръ Спиридоновичъ. Отдѣлаю окончательно, такъ объясню все тебѣ....

— А я, примѣрно доложить, опять все на счетъ письма-то, батюшка Петръ Спиридоновичъ, продолжалъ старикъ управитель и протянулъ въ третій разъ руку къ барину; лакей говоритъ, что очень-де нужно вашей милости....

— Охъ, надоѣлъ ты мнѣ съ этимъ письмомъ! Какіе, право, люди! Не дадутъ минуты заняться дѣломъ.... Ну, что тамъ такое? Давай сюда это глупое письмо; отъ кого такое?

И Петръ Спиридоновичъ, взявши на этотъ разъ отъ упра-

вителя письмо, повернулъ его раза три въ рукахъ, взглянулъ на адресъ, осмотрѣлъ печать и наконецъ вскрылъ конвертъ.

— Ни почеркъ, ни печать не знакомыя, проворчалъ онъ себѣ подъ носъ; отъ кого-бы это было? А! Изъ Питера! продолжалъ онъ, посмотрѣвши на подпись письма. Отъ моего стариннаго дружища Черницкаго! посмотримъ, что такое онъ пишетъ? А! Я впрочемъ припоминаю себѣ... догадываюсь...

И Петръ Спиридоновичъ, надѣвъ золотыя очки на носъ, принялся пристально за чтеніе письма; между тѣмъ какъ старикъ управитель, слазивъ къ себѣ въ боковой карманъ, досталъ еще какую-то небольшую бумагу, сложенную вчетверо и приготовился ко вторичной подачѣ барину.

Прочитавъ довольно не скоро письмо своего стариннаго дружища Черницкаго, какъ называлъ его Петръ Спиридоновичъ, онъ долго сидѣлъ задумавшись и механически чертилъ что-то ножомъ по столу, потомъ потеръ себя лѣвою рукою по лбу, какъ-бы въ знакъ усталости отъ непривычнаго дѣла думать, и обратилъ глаза свои на управителя.

— Это еще что такое, Семенычъ? Ты сегодня, какъ почтовая сума, весь нагруженъ записками?

— Это, примѣрно доложить вашей милости, записка не издадека шла, отвѣчалъ съ почтительною полуулыбкою управитель. Это записка повара о сегодняшнемъ столѣ...

— Вотъ это кстати, у меня-же сегодня будетъ обѣдать небывалый гость, петербургскій привъзжій, Семенычъ; такъ оно, знаешь, не дурно будетъ позаняться этою статьею попристальнѣе, посмотримъ, что онъ такое сегодня приготовилъ къ столу.

И Петръ Спиридоновичъ снова вдѣлъ очки на носъ и занялся чтеніемъ.

— Ленивыя щи съ поджаренымъ чернымъ хлѣбомъ, началъ онъ, медленно произнося каждое слово. Вотъ это первый вздоръ, Семенычъ, это не годится для петербургскаго гостя. Вели сдѣлать супъ какой помоднѣе; я вѣдь плохо знаю ихъ названія-то.... Какіе тамъ у него? Претаньеры, пюре да жульени.... что нибудь этакое, понимаешь?

— Понимаю, сударь, какъ не понять, отвѣчалъ управитель.

— Да пирожки чтобы были непременно слоеные, съ хорошенькимъ фаршемъ.

— Слушаю, сударь.

— Галантирь изъ дичи... продолжалъ читать Петръ Спиридоновичъ; ну это не дурно! Жаркое... Вотъ ужъ прямо и жаркое, Семенычъ? Это опять не годится. А соусу развѣ нѣтъ?

— Видно нѣтъ, батюшка Петръ Спиридоновичъ.

— Вѣтъ непременно соусъ, Семенычъ; хоть тамъ изъ цыплятъ что-ли какойнибудь....

— Какіе сударь теперь цыплята, время осеннее, замѣтилъ управитель.

— Ну, спаржи купить, Семенычъ. Вѣдь спаржа бываетъ и осенью? спросилъ баринъ.

— Бывать-то бываетъ, только дорогонька....

— Дорога голова на плечахъ, Семенычъ; петербургскіе гости у насъ не всякій день обѣдаютъ. Надо показать имъ, что и мы живемъ порядочно въ Москвѣ. Спаржа-же вещь деликатная... Слышишь, Семенычъ, чтобы непременно была спаржа, да покрупнѣе....

— Слушаю, сударь.

— И соусъ къ ней чтобы былъ послаще и погуще. Вѣдь этотъ питерскій модный народъ привыкъ все къ сладенькому, да къ хорошенькому.

— Слушаю, сударь. Соусъ-то послаще вещь не диковинная. Стоитъ только, примѣрно доложить, выдать сахару побольше.

— Жареная индѣйка, продолжалъ Петръ Спиридоновичъ. Индѣйка! повторилъ онъ послѣ небольшого молчанія, какъ бы совѣтуясь съ самимъ собою; индѣйка! Оно конечно вещь хорошая, индѣйка; только если онъ подастъ опять такую-же индѣйку какъ третьяго дня, онъ просто острамитъ меня на всю Москву. И гдѣ онъ беретъ такихъ маленькихъ индѣекъ? Я думалъ просто, что это жареная курица....

— Такихъ, примѣрно доложить, изъ деревни доставляютъ, батюшка Петръ Спиридоновичъ....

— Откуда-бъ то ни было, все скверно, Семенычъ. Видно имъ тамъ не даютъ подрости порядкомъ.... Староста ни за

чѣмъ не смотритъ, а вѣдь это его дѣло. Прибавить къ жареной индѣйкѣ еще пары двѣ рябчиковъ, Семенычъ.

— Прибавимъ-съ.

— Да чтобы къ жаркому огурцовъ-то не подавали; они же у насъ какъ-то не удались этотъ годъ; всѣ такіе сморщенные.... Приготовить хорошенкій салатъ, да тамъ разныхъ соленьевъ, что-ли какихъ.

— Слушаю батюшка, Петръ Спиридоновичъ.

— Хлѣбное.... Посмотримъ, какое хлѣбное, началъ Петръ Спиридонычъ и только было разинулъ ротъ, чтобы выговорить его названіе, какъ дверь кабинета отворилась настежь и въ комнату вошла въ попыхахъ супруга Петра Спиридоновича, Марья Семеновна, въ сопровожденіи своей любимцы Ѳомишишны, которая, какъ вѣрная тѣнь, обыкновенно слѣдила за доброю барыней, тѣмъ болѣе, что у Марьи Семеновны какъ-то придумывались чуть-ли не каждую минуту различныя приказанія, переходившія дворнѣ Ракитиныхъ обыкновенно чрезъ Домну Ѳомишишну, какъ называла ее вся домашняя прислуга.

Марья Семеновна такъ рѣдко дѣлала утренніе набѣги въ ученый кабинетъ своего супруга, что онъ почти испугался, увидя ее въ ея утреннемъ пестромъ капотѣ, чуть не на распашку и въ огромныхъ папильоткахъ, которыя не совсѣмъ красиво торчали изъ-подъ чепца.

— Что такое сдѣлалось у насъ въ домѣ? Ужъ не пожаръ-ли? быстро спросилъ испуганный старикъ, обращаясь къ своей дражайшей половинѣ, которая въ попыхахъ, входя въ кабинетъ, наткнулась на токарный станокъ, стоявшій не совсѣмъ, правду сказать, на мѣстѣ — и разорвала правую полу своего капота.

— Ну, право, къ вамъ нельзя войти порядочному человѣку, Петръ Спиридоновичъ, начала съ видимою досадою Марья Семеновна, осматривая съ сожалѣніемъ свой утренній капотъ, между тѣмъ, какъ Ѳомишишна, всплеснувъ руками, быстро начала шарить въ своемъ огромномъ мериносовомъ ридикулѣ, который, какъ шестой палецъ, постоянно торчалъ на ея правой рукѣ — ища иголку съ ниткой и собираясь на мѣстѣ пособить горю барыни.

— Войти-то, матушка Марья Семеновна, можно ко мнѣ

всякому безъ опаски, отвѣчалъ довольно хладнокровно Петръ Спиридоновичъ; а вбѣжать опротягу — ну вотъ это другое дѣло; тутъ поневолю наткнешься на что-нибудь. Да и меня-то перепугали и отъ дѣла отвлекли, какъ видится не изъ чего, Марья Семеновна.... А кстати доброе вамъ утро! Хорошо-ли почивали? Пожалуйте ручку поцѣловать, да прошу покорно садиться.... Семенычъ, кресло барынѣ.

Супруги нѣжно разцѣловались. Управитель подставилъ кресло, обмахнувши напередъ съ него пыль и стружки, которыя обыкновенно красовались чуть-ли не на всей мебели Петра Спиридоновича. Барыня съла, Домна Ѳомииншна начала проворно зашивать неожиданную прорѣху, шепча что-то себѣ подъ носъ и безпрестанно покачивая головою. Семенычъ почтительно отошелъ и помѣстился около входной двери, причесть, сдѣлавши злодѣйскій полуоборотъ на лѣво, не упустилъ случая нюхнуть богатырски изъ своей огромной табакерки — самодѣльщинки барина, недавно подаренной ему.

— Ну что-же такое вы мнѣ скажете, мой другъ, Марья Семеновна? началъ нѣжный супругъ, обращаясь съ учивостію стариннаго французскаго маркиза къ своей дорогой полови-нѣ, и что это за бумага такая у васъ въ рукахъ?

— Письмо, милый дружокъ, Пьеръ; отвѣчала на этотъ разъ довольно мягкимъ голосомъ супруга.

— Счастливый сегодня день на письма, улыбаясь, сказалъ старикъ. Откуда такое, мамочка?

— Изъ Петербурга, жизнь моя.

— Отъ кого?

— Отъ старой моей подруги и пріятельницы, Надежды Григорьевны Бѣльской. Ты вѣрно знаешь, я, бывало, такъ много и часто рассказывала тебѣ о ней.

— Не помню что-то.... А развѣ это письмо касается и до меня?

— И очень касается, Пьеръ; мнѣ пужно переговорить съ тобою наединѣ о весьма важномъ дѣлѣ.... Полно, Ѳомииншна, ползати по полу; зашьешь послѣ; ступай, жди меня въ уборной, да приготовь все къ туалету.

— Слушаю, сударыня.

— Коли твое дѣло не больно къ спѣху, моя душа, на-

чалъ Петръ Спиридоновичъ, дѣлая полуоборотъ головою къ своему управителю, такъ ужъ вотъ дай мнѣ покончить съ Семенычемъ на счетъ сегодняшняго стола....

— Очень кстати. А я сама сейчасъ хотѣла говорить объ этомъ. Сегодня надобно заказать обѣдъ получше, потому что....

— Я-таки это самое и дѣлаю. Вотъ мы остановились на хлѣбномъ.... У меня сегодня будетъ обѣдать одинъ молодой человекъ, прїѣзжій изъ Петербурга, Марья Семеновна....

— Скажите лучше двое молодыхъ людей, прїѣзжихъ изъ Петербурга, прервала жена; я сегодня также жду къ себѣ дорогаго гостя.

— Въ такомъ случаѣ, Семенычъ, вели спаржи взять побольше, замѣтилъ хладнокровно Петръ Спиридоновичъ, обращаясь къ управителю. А кто такой твой петербургскій гость, Марья Семеновна?

— Сынъ моей прїятелицы, Валеріанъ Григорьевичъ Бѣльской. А твой кто?

— Сынъ моего стараго закадычнаго друга, Петръ Григорьевичъ Черницкій.... Вотъ я сейчасъ только прочелъ письмо его отца, въ которомъ онъ....

— А я также сейчасъ прочла письмо моей прїятелицы, въ которомъ она.... Ну да прежде покончи съ Семенычемъ, мой другъ; а потомъ мы съ тобой потолкуемъ кой-о чемъ наединѣ. Семейные разговоры всегда должны быть съ глазу на глазъ.

— Ладно. Ну, подойди-ко сюда, Семенычъ, началъ Петръ Спиридоновичъ, принимаясь снова за реэстръ кушаньямъ. Мы остановились на хлѣбномъ.... У него назначена молочная каша съ сахаромъ.... Ну какое это хлѣбное? — каша такъ каша и есть. Какъ вы думаете, Марья Семеновна, какое-бы назначить хлѣбное поделкатнѣе для нашихъ гостей? Развѣ вафли со сливками?

— Что вафли, мой другъ Петръ Спиридоновичъ! нѣтъ, это не годится. Нужно что-нибудь поважнѣе, велимъ приготовить лучше мороженаго....

— И прекрасно, душа моя! Именно мороженаго. Слышишь, Семенычъ? у меня чтобъ вскипѣло мороженое къ обѣду.

— А послѣ плодовъ какихъ-нибудь....

- Именно плодовъ! Чтобъ была дыня, да груши, Семенычъ!
- Слушаю-сь, дыня да груши.
- Не дурно-бы и шампанскаго! прибавила Марья Семеновна нѣсколько робко: такъ, хоть-бы бутылочку....
- Что одну! Нечего и ротъ марать, подхватилъ разходившійся старикъ. Семенычъ! чтобы готовы были двѣ бутылки шампанскаго къ обѣду.
- Слушаю, сударь.
- Ну, теперь ступай отсюда; намъ нужно переговорить съ барыней о дѣлѣ.
- А ты все еще шьешь, Ѳоминишна? сказала Марья Семеновна своей экономкѣ; вѣдь ужъ я тебѣ приказала....
- Дошила, вотъ и совсѣмъ дошила! Капотецъ какъ ни въ чемъ не бывалъ, проговорила старуха экономка, собираясь за выходящимъ управителемъ.
- Да не забудь, Семенычъ, прокричалъ баринъ вслѣдъ уходившему, чтобы шампанское стояло во льду.... слышишь?
- Слушаю, сударь, все будетъ исправно.
- Да не забудь, Ѳоминишна, прокричала въ свой чередъ и барыня уходившей экономкѣ, сказать Танюшкѣ, чтобы моръ всѣ три юбки были разглажены.
- Слушаю, сударыня моя, будьте покойны.
- И управитель съ экономкой вышли изъ кабинета, оставивъ наединѣ старыхъ супруговъ.
- А что это, Домна Ѳоминишна, наши господа-то такъ расходились сегодня? спросилъ управитель экономку; ужъ не женихи-ли къ барыниѣ нашей понаѣхали изъ Питера?
- А что ты думаешь, Авдей Семенычъ, отвѣчала въ полголоса экономка; дѣло статочное, мнѣ и самой сдается, что все это не даромъ....
- И спаржа и шампанское.... началъ опять Семенычъ.
- И всѣ три юбки разгладить... продолжала въ томъ-же тонѣ экономка.
- Только вѣдь вотъ что мудрено, Домна Ѳоминишна, ихъ двое, а невѣста-то одна; какъ тутъ дѣлать? спросилъ управитель.
- Извѣстно какъ, отвѣчала экономка; кого барыня выберетъ, тотъ и будетъ барышнинимъ мужемъ! Вѣдь она главная въ дому!

— А баринъ-то, что-же? сказалъ оскорбленнымъ тономъ старикъ Семенычъ.

— Ужъ гдѣ вамъ съ нимъ, Авдей Семенычъ, знайте, лѣпите да вырѣзывайте, да вытачивайте себѣ набалдашники, да табакерки, а ужъ домъ — наше дѣло съ барыней.

— Разходились что-то сегодня и вы, матушка Домна Ѳоминишна. Нѣтъ, баринъ-то не того... Какъ-же иной часъ такой окрикъ задасть, что на поди!

— Да ужъ будетъ въ этомъ случаѣ на нашей улицѣ праздникъ, Авдей Семенычъ!

— Анъ на нашей, коли на то пошло, Домна Ѳоминишна!

— Анъ нѣтъ!

— Анъ да!

И старые, вѣрные слуги чуть не перебранились изъ пустяковъ, да такъ, что экономка едва не забыла о барыниныхъ юбкахъ, а управитель о спаржѣ и шампанскомъ — вещахъ, столь важныхъ и необходимыхъ для встрѣчи двухъ неожиданныхъ петербургскихъ гостей.

ГЛАВА V.

Оставшись съ глазу на глазъ, нѣжные старики-супруги приступили къ взаимнымъ объясненіямъ. Началось, разумѣется съ того, что оба они прочли другъ другу полученныя ими письма, въ которыхъ, какъ уже знаетъ читатель, рѣчь шла о прелестной Юліѣ Петровнѣ Ракитиной, и которая были присланы по адресамъ отъ старинныхъ нашихъ знакомцевъ, Бѣльскаго и Черницкаго, приписавшихъ съ своей стороны, что зная всегдашнее радушное хлѣбосольство Москвы бѣлокаменной и старинную дружбу родителей, они явятся, каждый просто за просто, обѣдать къ Петру Спиридоновичу и Марьѣ Семеновнѣ. Не станемъ спорить и въ томъ, что новые друзья поступили въ этомъ случаѣ со взаимнаго добровольнаго согласія. По-крайней-мѣрѣ, это послѣднее обстоятельство позволено подозрѣвать каждому.

— Ну, что ты скажешь мнѣ на это дружеское посланіе и лестное предложеніе моей старой пріятельницы и подруги, любезнѣйшій Пьеръ? спросила Ракитина, прочтя вслухъ мужу письмо, полученное ею.

— Этотъ-же самый вопросъ собирался я сдѣлать тебѣ, Ма-

рья Семеновна, на счетъ письма и такого-же предложенія моего стараго друга и товарища, отвѣчалъ Петръ Спиридоновичъ.

— Ты отецъ, Пьеръ, и въ этомъ случаѣ, по-крайней-мѣрѣ, твой голосъ долженъ быть первымъ....

— Первый ничего не значить, коли послѣ него есть второй. Ты всегда была полной хозяйкой въ домѣ, Марья Семеновна; а этотъ вопросъ, чисто домашній, слѣдовательно совершенно по твоей части, а не по моей.

— Если такъ, то я съ моей стороны никакъ-бы не прочь, Пьеръ, отъ лестнаго предложенія моей доброй пріятельницы, Надежды Григорьевны Бѣльской. И она и мужъ ея люди очень богатые и значительные въ петербургскомъ обществѣ. Сынъ также, хоть и молодъ, но уменъ, какъ пишетъ она, не по лѣтамъ. Учился отлично, долго вояжировалъ. Всѣ эти обстоятельства, согласись самъ, Пьеръ, слишкомъ лестны для каждаго семейства, въ которое захочетъ вступить молодой человѣкъ его достоинствъ....

— Да, если захочетъ, а вѣдь еще мы съ тобой не знаемъ, захочетъ-ли онъ, Марья Семеновна, увидѣвши наше житье-бытье съ тобою....

— Что у тебя за странныя выраженія, Пьеръ? сказала съ улыбкою не безъ значенія, Марья Семеновна. Право, другой подумаетъ, что ты говоришь по собственному опыту, что наша супружеская жизнь....

— Другаго, кто-бы могъ это подумать, здѣсь нѣтъ, Марья Семеновна, хладнокровно отвѣчалъ Петръ Спиридоновичъ. Мы бесѣдуемъ съ тобою наединѣ. А съ глазу на глазъ правда — вещь дозволенная, даже и въ супружествѣ, сколько я знаю.

— Марья Семеновна улыбнулась опять; только значеніе этой улыбки было совсѣмъ другое. Такъ улыбаются на медвѣдя, которому надѣли желѣзный намордникъ и который въ слѣдствіе этого сдѣлался очень ручнымъ, послушнымъ своему хозяину съ палкой въ рукѣ, и „даже полюбилъ его“, какъ увѣряетъ этотъ хозяинъ, показывающій его за деньги извѣстнаго рода публикѣ.

— Ахъ ты мой старый ворчунъ! начала Марья Семеновна съ вышеписанною улыбкою, послѣ небольшого молчанія, и съ ласковымъ видомъ запустила свою, еще не совсѣмъ

дурную для ея лѣтъ, ручку въ скудный остатокъ съдыхъ волосъ своего стараго Филемона....

Иной насмѣшникъ сказалъ-бы, что со стороны трудно рѣшить, была-ли это ласка или таска между нѣжными супругами! Мы, всегда снисходительные къ подобнымъ видамъ, съ своей стороны принимаемъ это за первое и какъ будто не замѣчая того, что Петръ Спиридоновичъ значительно поморщился при женниной ласкѣ, продолжаемъ рассказъ.

— Ахъ ты мой старый ворчунъ и шутникъ! продолжала Марья Семеновна. Всегда найдеть сказать мнѣ что-нибудь любезное! Но шутки въ сторону: дѣло, о которомъ мы начали съ тобою, Пьеръ, требуетъ полнаго нашего вниманія и глубокаго соображенія.

— Пожалуй, давай глубоко соображать! съ прежнимъ хладнокровіемъ сказалъ Петръ Спиридоновичъ и взялъ съ своего рабочаго стола молотокъ, неизвѣстно по механической-ли привычкѣ держать его часто въ рукахъ, или въ смыслѣ предосторожности отъ новыхъ супружескихъ ласкъ своей дражайшей половины.

— А наше глубокое соображеніе съ тобою, Пьеръ, должно состоять вотъ въ чемъ именно, продолжала въ томъ-же тонѣ Марья Семеновна. Мы были когда-то богаты; теперь мы просто нуль. Теперь мы чуть не нищіе. У насъ дочь невѣста, у которой приданого, кромѣ этого стараго и полуразвалившагося дома, нѣтъ ничего. Еще къ счастью, что она хороша собою и не похожа ни на меня, ни на тебя, Пьеръ, которые никогда не были красавцами....

— Да; вотъ это такъ! прервалъ жену Петръ Спиридоновичъ; впрочемъ, продолжай, я не буду больше прерывать тебя.

— При такомъ незавидномъ положеніи дѣлъ нашихъ, продолжала Марья Семеновна, намъ надобно считать за счастье, что судьба посылаетъ такого завиднаго жениха, каковъ сынъ моей доброй пріятельницы Бѣльской. Сегодня онъ будетъ у насъ обѣдать и увидитъ Юлиньку. Я надѣюсь, что она ему понравится, и такимъ образомъ все это дѣло устроится, какъ нельзя лучше; что-же касается до самаго жениха — объ этомъ нечего и толковать много. Ни намъ, ни Юлинькѣ не приходится быть слишкомъ разборчивыми, тѣмъ болѣе, что....

— Но ты забыла, Марья Семеновна, прервалъ Петръ Спиридоновичъ, что я заказывалъ управителю приготовить спаржи побольше; и это именно для того, что у насъ сегодня объѣдаетъ не одинъ гость, а два, или лучше сказать, не одинъ женихъ, а двое?

— У одной невѣсты два жениха быть не могутъ...

— А не сама-ли ты хвасталась подь часъ, что у тебя въ дѣвкахъ ихъ было около десятка, Марья Семеновна?

— Десятками считаютъ огурцы, а не жениховъ, Пьеръ, съ улыбкою замѣтила Марья Семеновна; но шутки всторону, продолжала она, я надѣюсь, что ты въ настоящемъ случаѣ не будешь упрямымъ и примешь, какъ слѣдуетъ, сына моей доброй пріятельницы?

— Этого же я надѣюсь и отъ тебя, мой другъ, въ отношеніи къ нашему другому гостю, сыну моего стариннаго пріятеля Черницкаго, который, сколько я знаю, имѣеть ровно тѣ же самыя преимущества, какъ и женихъ, предлагаемый тобою.

— Не можетъ-быть!

— Почему такъ?

— Мой женихъ человекъ очень богатый.

— Мой также.

— Одинъ сынъ у отца...

— Также какъ и мой.

— Красавецъ собой, потому-что моя старая пріятельница пишетъ, что онъ живой портретъ ея, а она въ свое время была очень недурна.

— И мой молодецъ; потому старикъ Черницкій также пишетъ, что сынъ весь въ него; а имъ, бывало, всѣ любовались въ полку.

— Ну, да однимъ словомъ, вскричала разгорячившаяся непривычнымъ сопротивленіемъ своего супруга, Марья Семеновна, твоего жениха я не хочу!

— Ну, а если, въ свою очередь, я тебѣ скажу тоже самое, Марья Семеновна?

— Нѣтъ, ты не скажешь...

— Почему?

— Потому.... потому что это не твое дѣло; ты знай лѣпи свои глупыя модели, да вытачивай разныя фигурки...

— А въ такомъ случаѣ напрасно-же ты и приходила ко

мнѣ, душа моя, хладнокровно замѣтилъ Петръ Спиридон овичъ; ты только помѣшала моимъ занятіямъ; прощай пока, за объездомъ увидимся.

И Петръ Спиридоновичъ, подвинувъ кресло свое къ рабочему столу, принялся опять лѣзнуть и слаживать хитрую модель свою. Марья Семеновна хотѣла что-то сказать еще, но въ эту минуту въ корридоръ, ведущемъ въ кабинетъ Петра Спиридоновича, послышалась чья-то легкая походка, шелестъ женскаго платья, два тихіе удара въ дверь, и вслѣдъ за этимъ чей-то довольно пріятный голосокъ спросилъ полушопотомъ:

— Папаша, можно къ вамъ войти?

— А вотъ и Юлинька! очень кстати! сказала самоувѣреннымъ голосомъ Марья Семеновна.

— Что за бурное утро сегодня выдалось мнѣ, проворчалъ подъ носъ Петръ Спиридоновичъ. Мой рабочій кабинетъ совершенно въ осадномъ положеніи; его безпрестанно бомбардируютъ! Войдите, Юлія Петровна, я очень радъ васъ видѣть! прибавилъ онъ громко, снова отодвигаясь отъ своего рабочаго стола и кладя на мѣсто инструменты, которыми было онъ вооружился, для окончанія хитро задуманной модели.

— Bon jour, papa! Доброе утро, милый папаша! весело проговорила, впрхнувши, какъ легкая бабочка, въ кабинетъ отца, Юлія Петровна, поочередно цѣлуя то мать, то отца, которые, съ своей стороны, оба улыбались ей съ любовію.

Удивительный контрастъ составляла эта вошедшая въ кабинетъ дѣвушка съ двумя дѣйствующими лицами нашей повѣсти, то-есть, съ Петромъ Спиридоновичемъ и Марьей Семеновной. Если-бы кто со стороны взглянулъ на эту тройную группу, то всего менѣе сказалъ-бы, что это дочь въ присутствіи отца и матери. Такъ стары и дряхлы на взглядъ были виновники ея жизни, выражаясь обыкновенною романической, довольно впрочемъ истертою, фразою. Поздній бракъ сдѣлалъ то, что старикъ Ракитинъ съ женою скорѣе могли почестся дѣдушкой и бабушкой милой дѣвицы, нежели отцомъ и матерью. Къ тому-же Юлія Петровна была такая красавица, что почти мудрено было представить, что она имъ обязана жизнію, точно такъ, какъ мудрено представить розовую почку на старомъ кустѣ репейника.

Хороша была картина, да не дурна и рама: милая дѣвушка

ка умѣла такъ искусно и къ лицу одѣваться, что небогатый, но съ большимъ вкусомъ прибранный туалетъ возвышалъ еще болѣе цѣну ея молодыхъ прелестей. Такимъ искусствомъ вполне обладаютъ весьма немногія женщины. Большая часть изъ нихъ слѣдуютъ господствующей модѣ настоящей минуты, не разбирая того, идетъ-ли къ нимъ эта мода или нѣтъ, и забывая главное, то-есть то, что хорошенькая женщина должна не *слѣдовать* модѣ, а *выдумывать* ее; не она должна одѣваться по рисунку, а рисунокъ долженъ сниматься съ нея.

На Юліи Петровнѣ былъ, кажется, простенькій утренній клетчатый капотецъ, съ перетянутой чернымъ поясомъ таліей; но надобно было видѣть, какъ былъ сшитъ, или правильнѣе сказать, какъ сидѣлъ на ней этотъ простенькій капотецъ! Право, иное бальное и даже очень богатое платье не сдѣлало бы такого эффекта! Впрочемъ, я всегда былъ той мысли, что истинная красота и достоинства женщины сильнѣе бросаются въ глаза наблюдателя, когда онъ видитъ ее дома, а не на балѣ. Дома она — женщина; а на балѣ — гостья, а между этими двумя понятіями огромная разница; въ этомъ согласится со мною, вѣроятно, всякій здравомыслящій человекъ. Каштановые, густые и лоснящіеся волосы Юліи Петровны были просто зачесаны за уши, и оттуда сбѣгали на шею двумя красивыми змѣйками; густая коса закручена небрежно подъ небольшую черепаховую гребенку; на шеѣ накинутъ газовый бѣлый платочекъ, концы котораго завязывались простымъ узломъ, въ рукахъ у ней была только-что сорванная въ саду послѣдняя, запоздалая роза — вотъ кажется и все, что можно рассказать о Юліи Петровнѣ... Ну, что тутъ особеннаго, изысканнаго? А между-тѣмъ она такъ и просилась въ картинку! Молодость сама по себѣ красота, особливо если она рядомъ съ отцвѣтшею жизнію.

— Ты ужъ, кажется, вѣтренница, успѣла побѣгать и по саду? сказала Марья Семеновна, съ улыбкою глядя на разгорѣвшееся и цвѣтущее лицо своей дочери.

— Ахъ, да, мамаша; я сейчасъ объжала всѣ наши куртинки, весело отвѣчала дочь; что за прелестное утро, не смотря на то, что осеннее! Такъ бы и не вышелъ изъ саду! И если бы не старая Ѳоминышна пришла звать меня одѣваться...

— Ты очень кстати пришла сюда, Юлишка, началъ въ свою

очередь Петръ Спиридонычъ обыкновеннымъ своимъ хладнокровнымъ тономъ. Мы съ матерью сейчасъ говорили о тебѣ.

— Обо мнѣ, папаша?

— Да, о тебѣ, душечка. Мы хотимъ выдать тебя замужъ.

Милая дѣвушка вспыхнула, какъ зарница, и уронила изъ рукъ розу.

— Вы шутите, папаша? наконецъ проговорила она съ усиленіемъ. Не правда-ли, сѣге тапан, вѣдь папенька шутить?

— Не совсѣмъ, отвѣчала мать. Къ тебѣ дѣйствительно сватаются два жениха, дочь моя...

— Даже два! быстро прервала Юлія Петровна; значить, справедливо замѣчаніе, что бѣды всегда приходятъ къ человѣку попарно...

— А я не вижу тутъ ни одной, замѣтилъ тѣмъ-же холоднымъ тономъ отецъ.

— А если и есть, такъ она по-крайней-мѣрѣ неминущая, прибавила мать. Просидѣть вѣкъ въ дѣвкахъ — не большая находка.

— А выйти замужъ старухой и еще того хуже, повершилъ Петръ Спиридоновичъ, искосившись на жену. Куй же-лѣзо, пока горячо, есть русская пословица — а всѣ русскія пословицы очень не глупы.

— Но, милый папаша...

— Нечего много толковать, дочка. Да мнѣ-же и некогда, и такъ почти потерялъ сегодня цѣлое утро. Поди, одѣнься хорошенько къ обѣду, вотъ и все тутъ. Сегодня у насъ обѣдаетъ одинъ молодой человѣкъ, пріѣзжій изъ Петербурга, Петръ Григорьевичъ Черницкій, сынъ моего стараго пріятели, съ которымъ бы я никакъ не прочь породниться — понимаешь? Посмотри на него попристальнѣе, поболтай съ нимъ, а послѣ мнѣ скажешь, по душѣ-ли онъ тебѣ. Прощай!

И Петръ Спиридоновичъ опять подвинулся къ своему рабочему столу и принялся за молотокъ.

— Но, та сѣге тапан... снова начала дрожащимъ голо-сомъ бѣдная дѣвушка, у которой ужъ и румянецъ успѣлъ сбѣжать съ лица, обращаясь боязливо къ матери: неужели это все не шутка?

— Нечего много разговаривать, и я скажу тебѣ въ свою очередь, отвѣчала Марья Семеновна, вставая съ кресель и

приготовляясь идти. Пойдемъ вмѣстѣ одѣваться. Сегодня у насъ обѣдаетъ сынъ моей старой пріятельницы и любимой подруги, Валерьянъ Григорьевичъ Бѣльской, именно для тебя пріѣхавшій изъ Петербурга; я надѣюсь, что онъ тебѣ понравится и.... тогда мы поговоримъ обо всемъ обстоятельно съ тобою.... Пойдемъ.

— Но ради самаго неба, вскричала на этотъ разъ съ испугомъ, озадаченная нежданною новостію, дѣвушка: позвольте мнѣ сказать вамъ обоимъ хоть одно слово!

— Ну, что тамъ такое? спросили отецъ и мать.

— А если.... если оба эти женихи мнѣ не понравятся? Тогда что?

— Не можетъ быть! отвѣчали оба нѣжные родители въ одинъ голосъ.

— Или.... если я не понравлюсь ни одному изъ нихъ? продолжала снова разгорѣвшаяся дѣвушка.

— Какое предположеніе! сказала мать.

— Пріѣхали изъ—за семи сотъ верстъ.... Не шутка! Не воротятся—же оба съ пустыми руками! повершилъ отецъ и принялся за работу.

У дѣвушки навернулись на глазахъ двѣ крупныя слезы. Она вздохнула и молча пошла за матерью. Она даже не подняла и упавшую розу!

ГЛАВА VI.

Наши два молодые героя, Бѣльской и Черницкій, пріѣхали изъ Петербурга въ Москву, именно за тѣмъ, чтобы жениться, но такъ какъ оба они намекали на одну невѣсту, то и рѣшились, вслѣдствіе недавно заключенаго союза дружбы, пробовать каждый своего счастья въ дочери Ракитина, не мѣшая другъ другу. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя—же жениться двоимъ на одной! Кому вынется, тому сбудется, говоритъ святочная пѣсня, и вотъ они оба отправились вынимать свои жребіи изъ таинственной урны судьбы, за обѣдомъ Петра Спиридоновича Ракитина.

Вѣроятно, каждый изъ моихъ читателей знакомъ съ романами Вальтеръ—Скотта, а знакомый съ ними вѣрно помнить этого добраго и усерднаго стараго слугу Калеба, въ „Ламермурской Невѣстѣ“, котораго вся жизнь сосредоточилась

въ томъ, чтобы скрыть какъ нибудь отъ посторонняго глаза бѣдность и совершенное паденіе дома Равенсудовъ. Къ чести русскихъ слугъ, обязаны сказать мы здѣсь, что старикъ Семенычъ, управитель Ракитиныхъ, былъ ничѣмъ не ниже Калеба Вальтеръ-Скоттова. Обѣдъ, приготовленный и сервированный подъ его непосредственнымъ надзоромъ, былъ такъ хорошо слаженъ и обставленъ, что постороннему человѣку могъ служить вполнѣ ручательствомъ за богатство его хозяина. За то надобно было и посмотрѣть на лицо старика Семеныча! Тутъ написано было столько удовольствія, почти радости! Добрый старикъ безпрестанно взглядывалъ на своего барина такими веселыми глазами, и съ такою добродушною улыбкою самодовольства, какъ будто спрашивая: „Не правда-ли, сударь, я снарядилъ сегодня обѣдецъ хоть куда? Можно быть спокойнымъ на счетъ петербургскихъ гостей!“ Самая походка его, когда онъ обходилъ торжественно столъ съ сидящими господами, на этотъ день имѣла какой-то особенный важный характеръ. Я знавалъ старыхъ слугъ, принадлежавшихъ разорившимся нѣкогда знаменитымъ русскимъ фамиліямъ, которые сокрушались и часто даже не переживали паденія своихъ господъ, между тѣмъ какъ тѣ, довольно хладнокровно сносили свое несчастье.... Такіе слуги стоятъ добраго слова о нихъ, не только въ романѣ, но и въ самой жизни.

Въ Москвѣ издавна всѣ обѣды — дѣло великое. За ними зачастую рѣшаются дѣла значительной важности. Это можетъ быть объяснено тѣмъ, что коренной москвичъ любитъ потолковать о всякомъ дѣлѣ пообстоятельнѣе — ну, а за обѣдомъ и времени достаточно, и толковать удобно и не скучно. Само собою разумѣется, что одинъ изъ такихъ обѣдовъ былъ теперь и у Петра Спиридоновича Ракитина.

Началось съ того, что оба пріѣзжіе изъ Петербурга были приняты и обласканы всѣмъ семействомъ, какъ нельзя болѣе, потомъ отрекомендованы и познакомлены, какъ съ самою невѣстою, такъ и со всѣми гостями, случившимися на этотъ день въ домѣ Ракитиныхъ. Оба молодые люди не могли оставаться равнодушными къ такому ласковому и почти родному пріему, и черезъ часъ времени успѣли какъ-то такъ коротко

сойтись и съ хозяевами, и съ гостями, что совершенно забыли о томъ, что они не дома. Въ Петербургъ такихъ вещей и слыхомъ не слыхано, а у насъ, въ Москвѣ, онѣ самое обыкновенное и простое дѣло. Старая дружба отцовъ и матерей у насъ, какъ родовое наслѣдство, переходитъ и къ дѣтямъ.

Во время обѣда, само собою разумѣется, оба молодые люди были, такъ сказать, главными лицами, на которыхъ сосредоточивалось общее вниманіе. Оба петербургцы знакомы съ большимъ свѣтомъ, къ тому же недавно воротились изъ чужихъ краевъ, наконецъ и то, что оба богатые женихи.... Какъ вы хотите, а по неволѣ займешься пристально такими дорогими гостями! Разспросовъ о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, была куча со всѣхъ сторонъ. За жаркимъ, когда подали неизбѣжное за московскими зваными обѣдами шампанское, языки развязались еще больше, лица у всѣхъ какъ-то процвѣли, даже самъ Петръ Спиридоновичъ, всегда холодный и ровный, разогрѣлся какъ-то болѣе обыкновеннаго. Выпивъ первый бокалъ за здоровье пріѣзжихъ гостей, а второй за общее, онъ обратился къ своему преимущественному гостю, то-есть, къ Черницкому, сыну своего стариннаго пріятели.

— А скажите-ко мнѣ, батюшка, Петръ Григорьичъ, началъ онъ съ довольною улыбкою, что вы тамъ во Франціи-то, въ этомъ.... какъ его? Парижѣ-то, долгонько пробыли?

— Около полугода, Петръ Спиридонычъ, отвѣчалъ Черницкій, допивая, съ разстановкою, свой бокалъ шампанскаго.

— Хорошо тамъ?

— Очень не дурно.

— Веселѣе нашего живутъ?

— Конечно, французы мастера веселиться.

— Ну, а что тамъ, какъ идутъ этакія разныя искусства? продолжалъ спрашивать въ томъ-же тонѣ любознательный Петръ Спиридоновичъ.

— То-есть, о какихъ искусствахъ говорите вы, Петръ Спиридонычъ? спросилъ Черницкій.

— Ну, да вотъ хоть не далеко сказать, какъ этакъ идетъ тамъ токарная работа, разные слѣпки, модели....

— О! эта часть тамъ въ полномъ совершенствѣ.

— Вотъ за это люблю! а вы не привезли съ собою чего нибудь этакаго?

— Есть кой-что, и даже очень много у меня дома, въ Петербургъ...

— Жаль, что не здѣсь; любопытно-бы взглянуть, тѣмъ больше, что я по этой части и самъ...

— А что, мосье Бѣльской, прервала фразу своего благо-вѣрнаго супруга Марья Семеновна, обращаясь къ своему гостю, какъ называла она сына задушевной пріятельницы своей Надежды Григорьевны; а что, мосье Бѣльской, вѣрно вы во всѣхъ земляхъ бывали въ тамошнихъ театрахъ, не правда-ли?

— Конечно такъ; отвѣчалъ Бѣльской.

— Скажите-же намъ искренно, гдѣ театръ всѣхъ лучше?

— Искренно сказать вамъ, Марья Семеновна? спросилъ въ свою очередь, нѣсколько подумавши Бѣльской.

— Ну да, разумѣется, искренно! Да, что впрочемъ, и спрашивать: вѣрно въ Парижъ?

— Нѣтъ.

— Въ Лондонѣ?

— Тоже нѣтъ.

— Ахъ да! Я забыла Миланъ! Вѣрно Scala.... такъ, кажется, его называютъ?...

— И опять-таки нѣтъ, Марья Семеновна, съ улыбкою сказалъ Бѣльской.

— Но наконецъ гдѣ-же? спросила съ изумленіемъ и почти съ досадою Ракитина, имѣвшая претензію знать кой-что и не выѣзжая съ роду изъ Москвы бѣлокаменной.

— Лучшие театры, какіе видѣлъ я въ Европѣ, хладнокровно сказалъ Бѣльской, это театры петербургскій и вашъ московскій.

— Шутите, Валерьянъ Григорычъ!

— Совершенно нѣтъ, Марья Семеновна. Миланскій знаменитый театръ, во-первыхъ меньше, или по-крайней-мѣрѣ ужъ не больше ихъ обоихъ; не говорю объ отдѣлкѣ и удобствахъ помѣщенія. Наши много ушли впередъ. Парижскіе театры немножко грязненьки.... какъ подчасъ и самыя пьесы, которыя даются на нихъ. Театры лондонскіе и бѣдны, и скучны, и темны. Въ Италіи хороши оперы, но не зданія, въ которыхъ они даются. Германія въ этомъ отношеніи и подавно отстала отъ обѣихъ нашихъ столицъ....

— Будто?

— Вы требовали искренняго отвѣта и я далъ вамъ его, тѣмъ-же хладнокровнымъ тономъ сказала Бѣльской.

— Славны бубны за горами! проговорилъ вполголоса Петръ Спиридоновичъ.

— А видѣли вы Notre-Dame de Paris, мосье Черницкій? спросила бархатнымъ голосомъ одна молодая дама съ темными голубыми глазками.

— Сколько разъ!

— Лазили и на башни?

— Даже написалъ тамъ свое имя.

— Какъ вы счастливы! А я заочно, по Виктору Гюго, знаю этотъ соборъ и только!

Въ такихъ, или почти такихъ разговорахъ и вопросахъ прошелъ весь длинный и пышный обѣдъ для петербургскихъ гостей Петра Спиридоновича Ракитина. Послѣ обѣда всѣ отправились въ садъ, гдѣ въ большомъ, болѣе другихъ уцѣлѣвшемъ павильонѣ былъ приготовленъ кофе. Нѣкоторымъ изъ гостей Петръ Спиридоновичъ предложилъ отправиться въ бильярдную, гдѣ и шары и кн были собственнаго своего точенія. Соблазнительно! Нѣкоторые и дѣйствительно соблазнились, отчасти по собственной охотѣ, отчасти изъ угожденія старику хозяину, который любилъ похвастать своимъ мастерствомъ.

Дамы не отпустили отъ себя ни на минуту петербургскихъ гостей. Московскія дамы вообще очень ласковы къ прѣзжимъ. Такая ужъ у нихъ добрая натура. Всегда есть что-то материнское въ ихъ обращеніи съ заѣзжимъ человекомъ. Это говорю я не эпиграмму.

Вниманіе обоихъ молодыхъ людей, естественнымъ образомъ, болѣе всего было обращено на Юлію Петровну Ракитину. Объ этомъ читатель и самъ смекнетъ. Къ тому-же, если ужъ говорить правду, Юлія Петровна Ракитина изъ всего общества этого достопамятнаго дня, такъ рельефно выдвигалась впередъ своею молодою свѣжею красотою, что и всякое бы вниманіе обратилось исключительно на ее одну. Что-же сказать о молодыхъ людяхъ, изъ которыхъ каждый видѣлъ въ ней возможную для себя невѣсту?

Говорятъ многіе, что первое впечатлѣніе, которое дѣлаетъ на насъ человѣкъ, бываетъ всегда вѣрно и безошибочно... Правда это или нѣтъ? Мнѣ кажется, что правда. Но вѣря въ

справедливость перваго впечатлѣнія, не имѣю-же я права требовать этого и отъ моихъ читателей. Скажу имъ только одно: впечатлѣніе, сдѣланное въ этотъ день Юлією Петровною Ракитиной на обоихъ моихъ героевъ, было рѣшительно одинаковое. То-есть, она понравилась имъ обоимъ съ перваго взгляда. Мнѣ, какъ романисту, это очень выгодно. Вотъ тебѣ и готовая завязка романа: двое влюблены въ одну! Матерія хоть не новая, но очень обильная. Пиши себѣ, что хочешь; но каково-то было моимъ героямъ? Ихъ взглядъ на эти вещи, сколько я думаю, былъ совершенно не такой, какъ у меня. Романъ въ жизни не всегда хорошъ, какъ и самая жизнь въ романѣ не всегда имѣетъ розовый оттѣнокъ.... У всякой вещи есть изнанка.

Но такъ какъ во всякой любви женщина играетъ не послѣднюю, если не первую роль, и какъ въ романѣ ни одинъ „герой“ не можетъ существовать безъ „героини“, по давно и не нами введенному порядку, то не излишнимъ будетъ здѣсь заглянуть на минутку, по праву автора заглядывать во всѣ углы, и въ сердце Юліи Петровны Ракитиной, въ этотъ достопамятный день Ракитинскаго обѣда со спаржею и шампанскимъ. Bravo! И тутъ тоже самое! Первое впечатлѣніе, которое сдѣлали на нее два пріѣзжіе петербургскіе гостя, точь въ точь такое-же, какое сдѣлала и она на нихъ. Оба они ей очень понравились. Всѣмъ не перетягивали ни на ту, ни на другую сторону. Шансы обоихъ были совершенно равные, по-крайней-мѣрѣ, на первый разъ. Конечно, милая дѣвушка ни въ одного въ нихъ не влюбилась страстно, безотчетно, какъ случается съ нѣкоторыми слишкомъ восприимчивыми душами, но оба они были одинаково не противны ей, а ужъ и это не бездѣлица для перваго свиданія. Если первый взглядъ женщины, брошенный на мужчину, не есть взглядъ презрѣнія, или, что еще хуже, насмѣшки, то еще дѣло этого мужчины не совсѣмъ потеряно. Искры огня не всегда ударяютъ отъ перваго удара кремня объ огниво. Во второй и въ третій разъ можно приловчиться гораздо лучше.

Въ продолженіе обѣда и остальнаго дня, проведеннаго въ гостепріимномъ домѣ Ракитиныхъ, оба молодые люди имѣли нѣсколько разъ случай заговорить кой о чемъ съ интересовавшею ихъ Юлією Петровною и, надобно признаться, оба

они были весьма великодушны другъ къ другу. Никакъ не мѣшали взаимнымъ объясненіямъ. Соперничества въ нихъ не было и малѣйшей тѣни. Любовь не успѣла еще поссорить дружбы, какъ это нерѣдко случается въ жизни.

Вечеромъ, уѣзжая изъ гостепріимнаго дома Ракитиныхъ, гдѣ, разумѣется, съ обоихъ съ нихъ взято было слово „ѣздить по чаще и безъ церемоніи“, наши друзья, на пути домой, перекинулись между собою слѣдующими взаимными вопросами и отвѣтами :

— Ну, что Черницкій?

— Что Бѣльской?

— Какъ она тебѣ показалась?

— Очень не дурна. А тебѣ?

— Премелинькая!

— Отецъ съ матерью тоже, кажется, очень хорошіе и добрые люди.

— Кажется.

— Что-же касается до гостей....

— Ну, эти со всячинкой! Впрочемъ, я весь день провелъ превесело!

— И я также. И очень не глупа эта Юлія Петровна. Славно говорить. А какіе быстрые и умные глазки, ты не замѣтилъ, Валерьянъ?

— Не совсѣмъ.... Впрочемъ, я не вѣрю поговоркѣ, что глаза — зеркало души, Пьеръ, тѣмъ больше, что и зеркала не всѣ бываютъ вѣрны.

— Правда, да вѣдь съ одного раза не узнаешь порядочно человѣка.

— Иногда даже и съ двухъ.

— Завтра мы опять тамъ?

— Не больно-ли ужъ скоро? лучше послѣ завтра. У меня же завтра много визитовъ.

— Рѣчь. И такъ до послѣ завтра! Но вѣдь съ тобою-то мы увидимся?

— Разумѣется! Обѣдаемъ вмѣстѣ.

— Прощай, Валерьянъ!

— До свиданія, Пьеръ.

Въ этотъ-же вечеръ, послѣ разъѣзда гостей и въ домѣ Ракитиныхъ былъ небольшой семейный разговоръ, почти въ родѣ предшествовавшаго.

— Ну, какъ тебѣ понравился, сударыня дочка, мой дорогой гость, Петръ Григорьевичъ Черницкій? спрашивалъ Петръ Спиридоновичъ свою Юлиньку; не правда-ли, что онъ славный молодецъ? А?

— Да, онъ очень хорошъ, папаша, спокойнымъ голосомъ отвѣчала дѣвушка.

— А что ты скажешь на счетъ сына моей милой Надежды Григорьевны, Валерьяна Григорьевича Бѣльскаго, Юлинька? спросила въ свою очередь мать; будь искренна, мой дружокъ, сознайся, что онъ чудо, какъ милъ, уменъ и любезенъ.

— И этотъ очень хорошъ, мамаша! тѣмъ-же ровнымъ и спокойнымъ голосомъ отвѣчала дочь.

— А который изъ нихъ тебѣ лучше нравится? продолжалъ допрашивать Петръ Спиридоновичъ.

— Да, который изъ нихъ выгоднѣе подѣйствовалъ на твою душу? прибавила Марья Семеновна, ласково поглядывая на дочь, и какъ бы упрасывая ее этимъ взглядомъ назвать сына ея задушевной пріятельницы, Надежды Григорьевны Бѣльской. Но на этотъ разъ дочь оказалась педогадивою и отвѣчала очень хладнокровно:

— Не знаю, право, какъ вамъ сказать.... Оба они, кажется, очень хорошіе молодые люди. Каждый имѣетъ свои достоинства.... Къ тому-же я еще такъ мало видѣла ихъ; почти ничего не говорила.

— Но, однако?... возразилъ отецъ.

— Но все-таки?... прибавила мать.

— Оба очень хороши. А на душу мою, какъ говорите вы, не подѣйствовалъ еще не одинъ. Вотъ все, что я могу сказать вамъ. Но я такъ устала.... Прощайте папаша! Вонне пшш, маман! У меня ужъ давно глаза слипаются.

И Юлія Петровна ушла въ свою комнату, оставя родителей безъ удовлетворительнаго отвѣта.

Марья Семеновна въ раздумьи закачала головою; Петръ Спиридоновичъ зѣвнулъ во весь ротъ, махнулъ рукою, хотѣлъ сказать что-то, да повидимому передумалъ, и отправился молча въ свой рабочій кабинетъ, спальню тожь.

МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ЮГАННА-ХРИСТИАНА БРАНДЕСА, НѢМЕЦКАГО АКТЕРА И ДРАМАТУРГА

XVIII ВѢКА.

.... Vita est nobis aliena magistra.

Жизнь для насъ суровая наставница.

Катонъ.

ГЛАВА IX.

При наступленіи зимы, мы начали приближаться съ своею аптечкою къ Данцигу. Однажды, остановившись въ большомъ подгородномъ селѣ, хозяинъ встрѣтилъ своего стариннаго пріятеля, показывавшаго кукольную комедію. Для возобновленія давнишняго знакомства, онъ велѣлъ подать штофъ водки и кружку пива, а докторша угостила дорогаго гостя самымъ пышнымъ обѣдомъ, какой только могла поставить корчемная кухня. Пріятели были въ восторгѣ отъ неожиданной встрѣчи послѣ многихъ лѣтъ разлуки. Они опростали вдвоемъ нѣсколько штофовъ и кружекъ, сопровождая каждый стаканъ клятвами въ вѣчной дружбѣ. Мнѣ позволено было присутствовать при угощеніи; добрая госпожа въ разговорѣ осыпала меня даже такими лестными похвалами, что возбудила любопытство гостя, который не спускалъ съ меня глазъ. По окончаніи пирушки, онъ подошелъ ко мнѣ, покачиваясь

отъ дѣйствія угощенія, отвелъ меня въ сторону, и изъявилъ крайнее удивленіе, что такой молодець рѣшался быть слугою жалкаго шарлатана, таскаться съ нимъ по деревнямъ, чтобы надувать глупыхъ мужиковъ, и носить такой тяжелой сундукъ. Я былъ очень пораженъ его оскорбительными отзывами о человѣкѣ, котораго онъ за минуту передъ тѣмъ душилъ въ своихъ объятіяхъ и такъ увѣрялъ въ своей неизмѣнной дружбѣ. Однако-же я рассудилъ за лучшее не показывать ему своего негодованія, и отвѣчалъ только, что я совершенно доволенъ своею судьбою. — «Покаместъ доволенъ, вѣрю, возразилъ онъ, но погоди, шарлатанъ отправится на ярмарки въ Данцигъ, Торнъ и другіе города, и будешь ты кривляться арлекиномъ и цотѣшать публику, между-тѣмъ какъ почтенный господинъ будетъ продавать свои негодныя зелья». Я былъ пораженъ этою мыслью и отвѣчалъ, что никогда не соглашусь на такую роль. — «Такъ послушай, продолжалъ онъ, послѣдуй моему совѣту, брось его, какъ можно скорѣе и приходи ко мнѣ въ Проусть*. У меня будетъ тебѣ житье самое привольное; только что тащить изъ деревни въ деревню телѣжку съ куклами и легонькими декораціями; да, когда я буду давать представленіе, бить въ барабанъ и объявлять, какая идетъ комедія; а получать будешь за то по тышфу** въ день». Едва успѣлъ онъ договорить свое предложеніе, какъ полноувѣсный кулакъ разсѣкъ воздухъ и обрушился такъ неожиданно на моего фигляра, что онъ ткнулся носомъ объ полураскаленную желѣзную печь, и обжегъ себя жесточайшимъ образомъ все лицо и руки. Это былъ кулакъ моего господина, который подслушалъ неподписка нашъ разговоръ. Тутъ начались ужасныя объясненія. Я слышалъ, какъ они называли другъ друга ворами и живодерами, криво другъ друга плетью и клеимомъ. На шумъ ихъ приближалъ наконецъ корчмаръ, чтобы унять ссору и высвободить несчастнаго кукольника, котораго грозный врачъ втиснулъ между стѣною и печкою, гдѣ онъ едва не испекся. Когда его вытащили изъ за печки, онъ приосанился и сталъ вѣтушиться. — «Я честный человѣкъ, а не воръ, закричалъ онъ; а вотъ этотъ мошенникъ, этотъ разбойникъ, продолжалъ онъ, указывая на моего хозяина, выдастъ себя за врача, а въ самомъ дѣлѣ — бѣглый работникъ Гранденіскаго палача». — Лжешь, не работникъ, вскричалъ мой хозяинъ, обидѣвшись, я почти самъ хозяинъ; мнѣ стоило только захотѣть, и я получалъ бы должность палача! А ты—что ты? Заклейменный

* Большое село, въ одной милѣ отъ Данцига.

** Старшая польская монета, дѣною около 15 копѣекъ серебромъ.

воръ! Меня обдало морозомъ отъ этихъ открытій, и я не хотѣлъ ни минуты долѣе оставаться съ этими людьми. Я шмыгнулъ въ дверь.

ГЛАВА X.

Боясь скорого открытiя моего побѣга и погони, я шель такъ скоро, что къ ночи прибылъ въ Нейшотландтъ, предмѣстье Дандига; но никто не хотѣлъ дать мнѣ пристанища въ такую позднюю пору. Къ несчастью моему, я оставилъ въ рукахъ шарлатана нѣсколько гульденовъ, выработанныхъ у него на службѣ, которые могли бы теперь доставить мнѣ убѣжище. Къ довершенiю бѣдствiя, весь день предъ тѣмъ и всю ночь шель проливной дождь.

Я находился опять въ томъ-же жалкомъ положенiи, какъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ: нуждаясь во всемъ, безъ пристанища отъ дождя и холода, и даже безъ надежды встрѣтить хоть искру состраданiя въ обывателяхъ, которые на стукъ мой прiотворяли только двери, чтобы взглянуть на меня въ шель, и ворча опять захлопывали ихъ. Все это приводило меня въ отчаянiе. Дождь все усиливался; не ожидая уже никакой помощи, я побрелъ на удачу, безирестанно спотыкаясь на корни и камни и падаль. За то не только ноги и руки, но даже и лицо мое было все изрѣзано. Наконецъ послѣднiя силы оставили меня, я упалъ на сырую землю, изнуренный усталостью и почти безъ чувствъ. Около полуночи погода стала утихать; когда дождь пересталъ стучать о кровли и землю, я услышалъ плескъ моря, которое было въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ меня. — «Чего мнѣ еще ждать, подумаю я, лучше кончу свою горькую жизнь въ морскихъ волнахъ!» Я всочилъ и поспѣшно пошелъ въ ту сторону, откуда доходилъ до меня плескъ, столь обольстительный въ минуту страданiя. Но едва я ступилъ нѣсколько шаговъ въ глубокой темнотѣ, какъ наткнулся на что то въ родѣ избушки, изъ которой вѣяло теплотой. Ощупавъ ее хорошенько, я убѣдился, что это была печь, въ которой не задолго передъ тѣмъ сушили коноплю. Голосъ природы, требовавшей отдыха, былъ въ эту счастливую для меня минуту сильнѣе воли; я устыдился своего малодушия, повялъ пѣзу этой неожиданной помощи Провидѣнiя, внушавшей мнѣ желанiе самосохраненiя, и рѣшился улечься въ этомъ тѣсномъ убѣжищѣ, въ ожиданiи зари.

Во все время своего послѣдняго странствiя, я не провелъ ни одной ночи такъ спокойно; я спалъ почти до полудня, и когда проснулся, платье на мнѣ было сухо и силы мои совершенно

свѣжи. Жерло печи было обращено къ сосѣднимъ домамъ. Привыкну встрѣчать вездѣ одно безчеловѣчіе и боясь подвергнуться новымъ жестокостямъ, я не смѣлъ выйти изъ своего убѣжища въ виду прохожихъ, и рѣшился, не смотря на голодъ и жажду, выждать въ немъ ночи.

Въ это время я въ первый разъ серьезно задумался надъ своимъ положеніемъ. Я увидѣлъ всю бѣдственность его; понялъ, какія могутъ быть послѣдствія моего безразсудства, и со страхомъ сталъ смотрѣть въ будущасть. Всѣ мои несчастія происходили отъ одного проступка, къ которому привело меня обольстительное чтеніе глупыхъ романовъ. Этотъ проступокъ подвергъ меня голоду, наготѣ, презрѣнію людей и другимъ опасностямъ. Полтора года провелъ я въ этомъ удивительномъ положеніи, рыская по землѣ, какъ сумасшедшій, безъ размышленія и почти безъ сознанія своего достоинства. Безчувственность, въ которой я находился все это время, удивляла меня еще болѣе, чѣмъ легкомысліе, съ которымъ я бросился во всѣ эти опасности и шелъ къ своей гибели. Раскаяніе извлекло горькія слезы изъ моихъ глазъ. Я усердно благодарилъ Бога, такъ чудесно хранившаго меня, и твердо рѣшился возвратиться, какъ блудный сынъ, съ поканіемъ къ ногамъ матушки, которая, конечно, была такъ огорчена моимъ побѣгомъ.

Между-тѣмъ, какъ я предавался этимъ размышленіямъ, наступила ночь. Какъ скоро сумерки нѣсколько слили окружности предметовъ, я вышелъ изъ своей темницы и пошелъ вымолить себѣ гдѣ нибудь кусокъ хлѣба, чтобы утолить мучившій меня голодъ. Едва я ступилъ нѣсколько шаговъ, передо мною остановилась карета; изъ дверцы высунулась голова и спросила, что случилось? — «Ничего, сударь, я уловилъ вкуть», отвѣчалъ извозчикъ, слѣзая съ козелъ. Отыскавъ вкуть, онъ сѣлъ опять на козлы. Въ душѣ моей засіялъ лучъ надежды; я думалъ, что сердце путешественника должно быть доступно состраданію, и что онъ благосклонно выслушаетъ мое горе. Но я только что хотѣлъ представить ему свое бѣдственное положеніе въ самыхъ трогательныхъ чертахъ, какъ онъ закричалъ: «Ну что-же, скоро-ли мы тронемся? пошелъ, извозчикъ». И ямщикъ, закутавшись въ кафтанъ, махнулъ по лошадямъ, и карета понеслась. Мнѣ было все равно; куда ни идти; убѣдившись, что на жалость нейшотландскихъ обывателей нечего было надѣяться, я рѣшился ѣхать съ пасторомъ, въ твердомъ убѣжденіи, что онъ не оставитъ меня безъ помощи. Я побѣжалъ за каретою и вскочилъ на запятки, не бывъ примѣченъ. Черезъ часъ карета остановилась въ Альт-

шотландѣ, въ противуположномъ концѣ Данцига, передъ небольшимъ, но довольно щеголеватымъ домомъ. Дверь тотчасъ отворилась и на порогъ явились двѣ молодыя дѣвушки со свѣчами, а за ними молодая дама вышла на встрѣчу прїѣзжему. Во время проѣзда я приготовилъ прекрасную рѣчь, чтобы изложить свою нужду будущему благодѣтелю; какъ скоро карета остановилась, я соскочилъ, чтобы начать свою мольбу. Увидѣвъ меня, молодая дама вскрикнула и упала почти безъ чувствъ на руки служанкамъ. Путешественникъ, выходявшій въ это время изъ кареты, осмѣтрѣлся кругомъ, чтобы узнать причину внезапнаго испуга; взоры его остановились на мнѣ въ то самое мгновеніе, какъ я открывалъ ротъ, чтобы воззвать къ его милосердію. — «Это что значить? кто ты, бездѣльникъ?» закричалъ онъ гнѣбнымъ голосомъ. «Представьте себѣ такую дерзость! негодяй прїѣхалъ сюда за моею каретою на запяткахъ! А ты чего смотришь, извозчикъ?»

Дама (оправляясь и нюхая стклянку). Оставь его, другъ мой, не серлись; испугъ мой совѣмъ прошель.

Прїѣзжій (ворча сквозь зубы). Что за наглая скотина! (Взявъ руку хозяйки) Я немножко запоздалъ, душа моя, извини.

Я приблизился съ умоляющимъ взоромъ; хотѣлъ говорить, но слова останавливались у меня въ горлѣ.

— Уберешься ли ты? закричалъ прїѣзжій, или я тебя...

Дама. Отгони-же его, извозчикъ. (Ведя прїѣзжаго подъ руку въ комнату). Охъ эти нищіе; ни днемъ, ни ночью нѣтъ отъ нихъ отбою!

Я. Ради Христа, господа, сжаьтесь надъ бѣднякомъ... подайте только кусокъ черстваго хлѣба!

Но ни прїѣзжій, ни жена его не слушали и дверь захлопнулась съ такимъ шумомъ, что всё стекла задребезжали. Между-тѣмъ извозчикъ тихонько слѣзъ съ козелъ и я не успѣлъ еще опустить умоляющихъ рукъ, какъ онъ утѣшилъ меня, стегнувъ кнутомъ по спинѣ. Мнѣ не было охоты продолжать такую бесѣду, и я пустился со всѣхъ ногъ; но злодѣй все-таки успѣлъ еще отыскать мнѣ нѣсколько здоровыхъ ударовъ.

ГЛАВА XI.

Это жестокосердіе разрывало мнѣ сердце; я бросился на ступени первой попавшейся мнѣ лѣстницы и предался отчаянію.

Когда я вышелъ изъ этой страшной дремоты, было уже около

полночи. Я почувствовалъ, что всё мои члены околѣли. Чтобы отогрѣть свое полунагое тѣло, я пробѣжалъ нѣсколько улицъ; остановившись на минуту, я слышалъ не въ далекомъ разстояніи музыку. Я пошелъ по направленію звуковъ и очутился передъ входомъ гостиницы, въ которой слышались мнѣ веселый смѣхъ и пляска. «Музыка, подумалъ я, радуется сердце, а радость дѣлаетъ человека сострадательнѣе; можетъ быть, и мнѣ найдется тутъ убѣжище, можетъ быть и мнѣ не откажутъ въ кускѣ хлѣба». Я хотѣлъ попытать счастья и вошелъ. Надежда моя на этотъ разъ оправдалась; гости дали мнѣ нѣсколько денегъ, а сострадательный хозяинъ указалъ мѣстечко за печкою и подаль мнѣ вдоволь хлѣба и пива.

Этотъ хорошій пріемъ изгладилъ изъ моей памяти жестокосердіе, которое я встрѣчалъ въ другихъ и ободрилъ меня. Но эти утѣшительныя размышленія были скоро прерваны суматохою, которая поднялась между гостями. Одинъ пьяный гость, переставъ танцовать, хватился своего носоваго платка и, не находя его, сталъ кричать, что его украли. На кого могло пасть подозрѣніе, какъ не на нишаго, сидѣвшаго за печкою? Меня вытащили на средину комнаты, обыскали мои лохмотья, но въ нихъ не нашлось ничего. Гость разъярился больше прежняго, кричалъ, что я спряталъ платокъ, и требовалъ, чтобы вора растянули на лавку и сбѣли до тѣхъ поръ, пока онъ не сознается.

Содержатель гостиницы, у котораго сердце было мягче, общалъ меня наказать, но просилъ всѣхъ присутствующихъ хорошенько поискать у себя. Платка нигдѣ не находили и зарваръ, хозяинъ его, требовалъ немедленнаго моего наказанія. Всѣ мои мольбы и увѣренія были тщетны; принесли плетку и два коюха уже готовились схватить меня и положить на скамью, поставленную посреди комнаты; къ счастью моему, одинъ толстякъ, вгравшій въ карты, закричалъ коюхамъ, чтобы они подождали до конца партіи, потому что онъ хотѣлъ видѣть экзекуцію. Увы, партія кончилась черезъ нѣсколько минутъ, и толстякъ всталъ, чтобы удовлетворить свое звѣрское любопытство. Но въ ту же минуту одинъ изъ гостей закричалъ, чтобы меня не трогали, потому что платокъ найденъ. Онъ былъ на стулѣ толстяка, который, занявъ мѣсто хозяина, когда тотъ пошелъ плясать, сбѣгъ на его платокъ.

Радость моя, когда я увидѣлъ себя избавленнымъ отъ жестокаго и позорнаго наказанія и оправданнымъ, могла сравниться только съ моею страхомъ за минуту предъ тѣмъ. Пьяный гость тотчасъ сталъ извиваться предо мною и бросилъ мнѣ нѣ-

сколько тифъ; трактирщикъ, обрадованный моею невинностью, подалъ мнѣ еще ѣсть и пить; всѣ гости наперерывъ старались вознаградить меня за несправедливое подозрѣніе и страхъ щедрыми подавціями. Одинъ только толстякъ, первый виновникъ всего, не сказалъ мнѣ добраго слова, а хладнокровно сѣлъ опять за карты.

Въ числѣ людей, находившихся въ гостинницѣ, былъ одинъ разнощикъ, который принялъ во мнѣ особенное участіе и спросилъ меня о причинѣ моей крайней нищеты. Я рассказалъ ему откровенно всю свою исторію, и добрый разнощикъ былъ тронутъ ею до слезъ. Онъ одобрилъ мое намѣреніе возвратиться въ родной городъ, и посоветовалъ, такъ какъ я былъ нѣсколько свѣдушъ въ торговлѣ и какъ я собралъ въ гостинницѣ порядочныя деньги, купить на нихъ табакъ и продавать его въ розницу въ деревняхъ, болѣе отдаленныхъ отъ Данцига; самъ онъ началъ тѣмъ же, говорилъ онъ, и мало по-малу скопилъ довольно денегъ, чтобы начать дѣлшки покрупнѣе. Я съ радостью принялъ предложеніе, пересчиталъ свои деньги, къ которымъ добрый разнощикъ прибавилъ еще злотый, и нашелъ, что съ ними можно было начать. На слѣдующее же утро я купалъ въ табачной лавкѣ нѣсколько фунтовъ браншскаго табаку, который окрестные крестьяне брали съ особенною охотою и пустился съ своимъ товаромъ въ путь. Въ восторгѣ отъ внезапной переменъ въ своей судьбѣ, я скоро забылъ прошлое горе. Я уже строилъ планы на будущее время, рассчитывалъ уже барыши съ будущихъ барышей. Едва пройдя нѣсколько миль отъ города, я началъ предлагать свой товаръ поселянамъ; но, желая слишкомъ скоро разбогатѣть и брать сто на сто барыша, не находилъ покупателей.

Я очень основательно разсудилъ, что былъ еще слишкомъ близко къ большому торговому городу, гдѣ поселяне могли ежечасно покупать свой запасъ изъ первыхъ рукъ, и рѣшился идти далѣе, въ глубь Каудубин.

Однажды я пришелъ въ довольно большое село, гдѣ могъ съ довѣрчивостью надѣяться на хорошей сбытъ. Въ этой пріятной надеждѣ, я вошелъ на постоялый дворъ, и смѣло разложилъ свой товаръ, предлагая его всѣмъ проходящимъ. Шьяный мужикъ подошелъ ко мнѣ и потребовалъ табакъ на дутхенъ; я отсыпалъ ему, сколько, мнѣ казалось, приходилось; но не успѣлъ оглянуться, какъ онъ хватилъ меня по уху. «Ахъ ты мошенникъ! развѣ столько табакъ даютъ на дутхенъ? ты думаешь, я пьянъ, такъ и не вижу? вотъ я тебя, бездѣльникъ!» Я умолялъ его простить меня, извиняясь тѣмъ, что я не успѣлъ еще приаровитъ; но тѣмъ

болѣе я извинялся, тѣмъ болѣе онъ ярлся. Видя, что онъ не отстаетъ, я сталъ звать на помощь. Хозяинъ въ то время возвращался изъ церкви; услышавъ шумъ, онъ вошелъ и спросилъ, въ чемъ дѣло? На бѣду мою, онъ самъ торговалъ табакомъ. Узнавъ, что я торгую тѣмъ-же товаромъ, онъ принялъ сторону моего противника; видя въ моемъ поступкѣ явное покушеніе на присвоенную имъ монополію, онъ объявилъ безъ околичностей, что у меня товаръ контрабандный, что оборванному нищему, не имѣющему гроша за душою, не откуда взять табаку, какъ развѣ украсть его въ Данцигѣ. Мужики подтвердили его мудрое рѣшеніе и у меня мигомъ отобрали весь мой товаръ. Сначала я противился всѣми средствами этому насилію, но увидѣвъ, что ни убѣжденія, ни просьбы ни къ чему не ведутъ, я сталъ грозить, что пойду жаловаться сельскому судѣ. — «Какъ, ты-же пойдешь жаловаться? вскричалъ разгнѣванный хозяинъ; жаловаться на меня? Сдѣлай милость, жалуйся, я самъ и судья.» За этимъ посыпался на меня такой градъ палочныхъ ударовъ, что мнѣ едва достало духу броситься въ дверь. Но я попалъ изъ огня въ полымя; ибо, какъ я не переставалъ кричать и вопить на грабежъ и разбой, взбѣшенный хозяинъ спустилъ собакъ; на ихъ лай сбѣжались собаки со всего села и преслѣдовали меня съ такою яростью, что козачно изорвалц-бы въ клочки, еслибъ я не успѣлъ, къ счастью, добѣжать до живаго огорода и перескочить черезъ него, подвергаясь опасности сломить себѣ шею.

Тутъ я былъ внѣ опасности; однако ноги мои были все искусапы разъяренными собаками, руки испарапаны въ кровь шипами огорода, голова, спина и плечи такъ избиты, что я едва могъ двигаться. Однако-же для бѣльшей безопасности, я потащился вонъ изъ деревни, черезъ рвы и колючіе огороды. Вышедши изъ деревни, я опустился на траву и долго рыдалъ и проливалъ горючія слезы падъ своею горемычною судьбою. Мой табакъ, на который я употребилъ все свои деньги, пропалъ безвозвратно. За исключеніемъ старой, истертой шляпенки, ветхаго, изодраннаго собаками платья, (жилетъ мой давно былъ отданъ за кусокъ хлѣба), — грязной, изорванной рубашки, и старыхъ шароваръ, которыя я долженъ былъ подвязывать веревкою, чтобы не растерять ихъ по клочкамъ, у меня не было ничего, кромѣ ранъ и синяковъ. Въ эту минуту я горько плакалъ, раскаялся, и молилъ Бога, чтобы онъ послалъ мнѣ какую нибудь службу.

ГЛАВА XII.

Въ такихъ размышленіяхъ о своей судьбѣ, я доташился до деревенскаго колодца, у котораго ломовой извозчикъ поймъ лошадей; горло мое горѣло и я подошелъ къ ведру, чтобы выпить холодной воды. Извозчикъ испугался, увидѣвъ меня, и подумалъ, что я былъ въ рукахъ разбойниковъ. На распросы его, я рассказалъ ему, какъ могъ, несчастную исторію моей табачной торговли и ея жалкія послѣдствія.

— Бѣдняжка, сказалъ онъ; жаль мнѣ тебя душевно! Что-жъ ты теперь думаешь дѣлать? Куда ты идешь?

— Въ Штеттинъ.

— А, я туда-же ѣду съ кладью; если хочешь, можешь идти за возомъ, стеречь его по ночамъ, когда случится нужда, и поить лошадей; а я позабочусь о томъ, чтобы ты былъ сытъ.

Я былъ въ такомъ восторгѣ, что встрѣтилъ наконецъ сострадательнаго человѣка, что согласился на все и нѣсколько дней исполнялъ свою обязанность, сколько позволяли мои силы; но извозчикъ проходилъ отъ трехъ до четырехъ миль въ день, и я такъ усталъ, что не могъ уже за нимъ слѣдовать. Добрый извозчикъ принужденъ былъ оставить меня, но на прощаніи далъ мнѣ нѣсколько грошей на прокормленіе, и общалъ, какъ скоро пріѣдетъ въ Штеттинъ, зайти къ матушкѣ и предупредить ее о скоромъ моемъ возвращеніи. На постояломъ дворѣ, гдѣ мы разстались, я встрѣтилъ молодаго парня моихъ лѣтъ; онъ предложилъ мнѣ сложиться, имѣть все общее, и вмѣстѣ просить подаванія. Онъ былъ изъ Грейфсвальде, званіемъ скорпякъ и возвращался домой изъ странствія. Дорога его шла черезъ Штеттинъ; мнѣ очень пріятно было найти себѣ спутника и мы отправились вмѣстѣ.

Товарищъ мой былъ гораздо опытнѣе меня въ нищенскомъ ремеслѣ. Онъ научилъ меня многимъ хитростямъ, которыя считалъ необходимыми для возбужденія состраданія. Въ деревняхъ, черезъ которыя мы проходили, онъ всегда бралъ на себя сборъ съ того конца, гдѣ жили пасторъ, помѣщикъ или богатые арендаторы; а мнѣ предоставлялъ прочихъ обывателей. По выходѣ изъ деревни, мы сходились и дѣлили добычу. Мой сборъ состоялъ обыкновенно изъ хлѣба; онъ же, напротивъ, рѣдко приносилъ хлѣбъ, а по бѣльшей части деньги, иногда бѣлье, платье, и другія вещи, которыя онъ продавалъ въ другихъ деревняхъ, и выручкою значительно наполнялъ нашу общую кассу.

Не смотря на удовольствіе, которое доставляли мнѣ веселый нравъ и живая бесѣда товарища, однако-же я съ безпокойствомъ видѣлъ ежедневное возрастаніе приносимой имъ добычи. Наконецъ, я убѣдился, что онъ былъ просто воръ и даже годный только на вистлиду. Несчастливая судьба Лормана, котораго я помянулъ въ своемъ дѣтствѣ, какъ пріятеля отца, живо представилась моему воображенію и я сообщалъ свои опасенія товарищу. Но онъ уже закоспѣлъ въ преступленіи и былъ слишкомъ слабъ и легкомысленъ, чтобы противустать безпрестанно представлявшимся искушеніямъ. Увы! мое предсказаніе скоро сбылось.

Однажды, когда мы раздѣлились въ большомъ селѣ, чтобы собирать подаянія, каждый съ своей части, я вдругъ услышалъ въ пасторскомъ домѣ шумъ, который все возрасталъ, и я скоро увидѣлъ, что воръ былъ схваченъ на дѣлѣ и окруженъ прислугою, которая веза его къ сельскому судѣ, а можетъ-быть и въ тюрьму. Испугавшись, я поспѣшилъ выйти изъ деревни, прячась по возможности за домами, и такимъ-образомъ ушелъ отъ опасности быть посаженъ съ нимъ въ тюрьму и повѣшенъ или подверженъ другому уголовному показанію.

Нѣсколько дней спустя, я пришелъ въ Луповъ, почтовый ямъ въ нижней Помераніи. Здоровье мое чрезвычайно пострадало отъ успій во время пути съ извозникомъ и особенно отъ жестокостей сельскаго судьи. Скоро избитый, искусаивный и изрѣзаный цога мой такъ разболѣлся, что я не въ состояніи былъ ходить. Къ счастью, почтовый смотритель и содержатель постоялаго двора, Брунвеманъ, былъ человекъ сострадательный. Мое жалкое положеніе, мои печальныя приключенія сильно тронули его; узнавъ, что я намѣренъ возвратиться въ родной городъ, онъ вызвался держать меня у себя и кормить даромъ до моего выздоровленія, а между-тѣмъ совѣтовалъ мнѣ извѣстить матушку о своемъ пребываніи у него и просить ее выслать мнѣ небольшое денежное пособіе на продолженіе пути. Я послушался его совѣта, и благодѣтель мой взялся самъ отправить письмо.

Здоровье мое скоро начало поправляться, благодаря попеченіямъ смотрителя и нѣкоторымъ врачевнымъ средствамъ. Сельскій фельдшеръ обмывалъ мои раны, заставлялъ собакъ облизывать ихъ, перевязывалъ ихъ, и онѣ скоро совѣтъ зажили, такъ-что я могъ надѣяться быть въ состояніи продолжать путь къ тому времени, къ которому я ждалъ денегъ отъ матушки. Но прошло нѣсколько недѣль, а не было ни отвѣта, ни денегъ. Смотритель извѣщалъ мнѣ свое удивленіе и я съ прискорбіемъ замѣтилъ, что онъ начиналъ сомнѣваться въ моей правдивости и въ истинѣ

разсказавной моею исторіи. Жена его такъ не церемонилась; она прямо говорила мнѣ, что я напалъ ея мужу, чтобы возбудить его состраданіе. Скоро она отказала мнѣ въ пищѣ, которую я до тѣхъ-поръ получалъ со стола слугъ, и каждый день стала грозиться меня выгнать. Жестокость ея не столько огорчала меня, какъ недовѣрчивость ея мужа, который прежде былъ такъ милостивъ ко мнѣ. Чтобы не быть наконецъ выгнану женою, которая была главою въ домѣ, я рѣшился пуститься въ путь, не ожидая отвѣта отъ матушки, въ которомъ я и самъ вачивалъ уже отчаяваться. Хозяинъ свабдилъ меня на дорогу чулками и башмаками и далъ мнѣ полгульдена; и я простился съ этимъ другомъ человѣчества, съ сердцемъ, исполненнымъ благодарности за его благодѣянія. Нѣсколько дней спустя послѣ моего ухода, пришло письмо отъ матушки съ деньгами; честный смотритель, не зная, гдѣ я находился въ то время, отослалъ его обратно къ матушкѣ.

ГЛАВА XIII.

До тѣхъ-поръ погода стояла довольно умѣренная: но вскорѣ послѣ моего отпращиванія, наступила суровая зима. Глубокій снѣгъ не позволялъ мнѣ идти скоро; небольшія деньги мои всѣ вышли и обычною пищею моею стала вода съ чернымъ хлѣбомъ, который мнѣ давали очень скудно, потому что всѣ поселяне этого края чрезвычайно бѣдны.

Однажды выпало столько снѣгу, что я сбился съ большой дороги. Со страхомъ плуталъ я нѣсколько часовъ по снѣжной равнинѣ, пока не увидѣлъ наконецъ саней въ нѣкоторомъ разстояніи передъ собою. Поселянинъ, ѣхавшій въ пахъ, услышалъ мои крики, поворотилъ назадъ и, ежализвшись надо мною, посадилъ меня въ сани; но морозъ не позволилъ мнѣ долго пользоваться его позволеніемъ; я вышелъ изъ саней, и бѣжалъ рядомъ съ нимъ, чтобы отогрѣть свои прозябшіе члены. Къ вечеру мы приѣхали въ деревню мужика, въ окрестностяхъ Карлина. Ноги мои сильно пострадали отъ морозу. Добрый поселянинъ не только держалъ и кормилъ меня до тѣхъ-поръ, пока я могъ опять идти, но даже отвезъ меня за нѣсколько миль, къ своему брату, который держалъ постоянный дворъ на большой дорогѣ, и который по просьбѣ его, принялъ меня такъ же радушно.

На слѣдующій день, труппа актеровъ остановилась на постоя-

ломъ дворѣ моего благодѣтеля. Они хорошо позавтракали, смѣялись, были веселы и не замѣтили бѣдняка, сидѣвшаго за печкою. Пробывъ съ полчаса, они разсчитались съ хозяиномъ и отправились. Хозяинъ далъ мнѣ остатки ихъ завтрака и разсказалъ, что эта труппа ѣдетъ изъ Кенигсберга въ Штеттинъ, давати представленія. — «Въ Штеттинъ! повторилъ я со вздохомъ; и я туда иду, это мой родной городъ».

— Ты также хочешь въ Штеттинъ? Эхъ, ты горемычный, что ты не сказалъ мнѣ прежде? Это былъ бы прекрасный случай! У нихъ большая, крытая фура, и вѣрно стало-бы мѣсто для тебя. Впрочемъ, они еще не выѣхали изъ села; совѣтую тебѣ поспѣшить, постарайся нагнать ихъ.

Восхищенный мыслью, что могу увидѣть Штеттинъ скорѣе, чѣмъ предполагалъ и совершить путешествіе на всемъ готовомъ, поступивъ къ нимъ въ услуженіе, я тотчасъ рѣшился бѣжать за фурую. Хозяинъ благословилъ меня, далъ мнѣ выпить на дорогу стаканъ вина, и отпустилъ меня въ путь.

Все утро я сидѣлъ у горячей печки; дѣйствіе вина горячило мою кровь, такъ-что, вышедши изъ постоялаго двора, въ первую минуту я не замѣтилъ ни частаго снѣга, ни морозу. Я побѣжалъ за каретою и нагналъ ее черезъ добрые полчаса; но вѣтеръ былъ такъ холоденъ и рѣзокъ, что пробралъ меня насквозь и я не могъ слова вымолвить. Я могъ только знаками умолять, чтобы сжались надо мною и позволили мнѣ сѣсть въ фуру; но жестокосердые люди, шутившіе и хохотавшіе въ покойной фурѣ, не тронулись мои мольбами. Я все бѣжалъ подлѣ фуры и силился привести въ движеніе свои окоченѣвшія губы, чтобы объяснить свою просьбу. Отъ времени до времени занавѣска отдергивалась, изъ фуры выглядывало любопытное женское личико, но тотчасъ же удалялось, и снова общій хохотъ оглашалъ фуру. Наконецъ жестокое: «Пошелъ, ящикъ!» уничтожило послѣднюю мою надежду. Однако-же я все съ отчаяннымъ усиліемъ бѣжалъ за фурую, чтобы она сколько-нибудь заслоняла меня отъ вѣтра и мятели; но скоро дыханіе мое занялось, силы мои истощились и я уже не могъ бѣжать. Фура умчалась далеко и мнѣ оставалось только по возможности не упускать слѣдовъ ея на снѣгу. Къ довѣршенію несчастія, одинъ башмакъ мой завязъ въ снѣгу, и я тщетно старался его отыскать. Между тѣмъ, какъ я искалъ, фура совершенно скрылась изъ виду за непроницаемымъ облакомъ снѣгу, и я почувствовалъ, что всѣ члены мои начинали коченѣть. Тогда только подумалъ я о возвращеніи на постоянный дворъ; но уже было поздно. Куда я ни обращалъ взору, нигдѣ ничего не

видно, кромѣ окружающаго меня облака снѣгу, а въ нѣсколько мпшуть мятель занесла даже борозды, прорѣзанныя колесами фуры.

Тутъ мнѣ показалось, что я погибъ безвозвратно, что наступилъ мой послѣдній часъ. Я плакалъ навзрыдъ и молилъ Бога еще разъ спасти меня. Тотъ врожденный инстинктъ, который до послѣдняго мгновенія привязываетъ насъ къ жизни, заставлялъ меня все испытать для своего спасенія. Погрузившись въ эту единственную мысль, я тащился безъ башмака по глубокому снѣгу. Черезъ нѣсколько времени вѣтеръ утихъ и мятель улеглась. Я воспользовался этою минутою, чтобы перевести духъ и осмотрѣться кругомъ; мнѣ показалось, что въ нѣкоторомъ разстоянн отъ дороги былъ лѣсъ. Я бессознательно пошелъ въ ту сторону и увидѣлъ, что глаза меня не обманули; я прибавилъ шагу, въ надеждѣ, что деревья заслонятъ меня отъ непогоды. Едва я вступилъ въ лѣсъ, какъ услышалъ лай собакъ; я пошелъ на него и былъ спасенъ.

Въ ближайшей долинѣ увидѣлъ я мельницу. Что я почувствовалъ въ это мгновеніе, при этомъ неожиданномъ зрѣлищѣ, можетъ понять только тотъ, кто самъ бывалъ въ подобной опасности, кто видѣлъ съ глазу на глазъ почти неизбѣжную смерть. Я собралъ послѣднія силы, бѣжалъ, скакалъ черезъ пни, рвы и кустарники, и достигъ наконецъ цѣли; захывавшись, почти не владѣя окоченѣвшими членами, я бросился на дверь и упалъ безъ чувствъ.

Къ счастью моему мельничиха слышала, какъ я ударился объ дверь, отворила ее и увидѣла на порогѣ челоуѣка полулагаго и, повидимому, мертваго. Она вскрикнула, призвала сына; осмотрѣвъ меня и замѣтивъ во мнѣ еще слѣды жизни, они внесли меня въ сѣни, оттерли мнѣ все тѣло снѣгомъ, потомъ закутали меня въ теплыя одѣяла и, послѣ долгихъ успій, возвратили наконецъ къ жизни. Когда они разсудили, что опасность миновала, они внесли меня въ комнату умѣренной температуры.

Не безъ содраганія вспоминаю я объ этой опасности, страшнѣйшей изъ всѣхъ опасностей, когда либо угрожавшихъ мнѣ, и отъ которой я такъ счастливо былъ спасенъ. Не утихивъ на короткое время вѣтеръ, чтобы я могъ разсмотрѣть лѣсъ, и потомъ мельницу, не встрѣтъ я этихъ добрыхъ, сострадательныхъ людей, я погибъ бы непременно. Какъ скоро я очнулся, я возсѣлъ теплую, благодарственную молитву Богу, потомъ поблагодарилъ своихъ спасителей, которые смотрѣли на меня со слезами на глазахъ.

Мое желѣзное здоровье поправилось въ нѣсколько дней, благодаря неутомимымъ попеченіямъ этого сострадательнаго семейства. Однако-же хозяева не хотѣли отпустить меня, пока не прошли холода. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца своимъ странствіямъ, и какъ скоро морозы спали, я взялъ посохъ, еще разъ со слезами признательности поблагодарилъ великодушныхъ поселянъ, спасшихъ мнѣ жизнь, и отправился въ путь, сопровождаемый ихъ благословеніями и благодареніями.

Черезъ нѣсколько дней я достигъ Данума, небольшого города, не подальше отъ Штеттина. Тутъ я выждалъ вечера, чтобы не встрѣтиться въ своемъ рубищѣ кому-нибудь изъ старыхъ знакомыхъ, и къ ночи вступилъ въ свой родной городъ, послѣ полуторалѣтняго отсутствія.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

Долго не могъ я рѣшить, идти ли мнѣ прямо къ матушкѣ, или сначала идти къ теткѣ. Я боялся, что если представлюсь къ первой въ моемъ жалкомъ положеніи, оборваннымъ нищимъ, материнское сердце ея не выдержитъ этого удара; а идти къ строгой теткѣ мнѣ было страшно, потому что я былъ увѣренъ, что она встрѣтитъ меня выговоромъ. Случай привелъ меня въ тѣ стороны, гдѣ жила послѣдняя; я подошелъ къ дому, наружная дверь была отворена; не видя никого, я рѣшился войти. Первый шагъ сдѣлавъ, я взошелъ на лѣстницу, робко постучался въ дверь ея комнаты, и къ счастью, она вышла сама отворить ее. Сначала она приняла меня за дерзкаго нищаго, отступила съ досадою и даже съ нѣкоторымъ страхомъ. Я смиренно сказалъ свое имя. — «Боже мой! вскричала она, войди поскорѣе, пока никто тебя не видѣлъ.» И она повлекла меня въ свою комнату. Я бросился къ ея ногамъ и со слезами умолялъ ее простить мои прошедшія проказы. Во все это время она съ глубокимъ состраданіемъ смотрѣла на мое блѣдное, исхудалое лицо и мой нищенскій нарядъ, и послѣ нѣкотораго молчанія вскричала: — О да, все прощено, все забыто! слава Богу, что ты еще живъ и воротился! Но спрячься поскорѣе въ мою уборную, чтобы никто не видалъ тебя въ такомъ видѣ и си-

ди тамъ, пока я позабочусь обо всемъ, что тебѣ нужно. И она отвела меня на верхъ, тотчасъ приготовила мнѣ обѣдъ и постель, и оставила меня до слѣдующаго утра. Матушка пришла съ нею; не смотря на то, что она была уже предупреждена сестрою, однако - же видъ мой такъ поразилъ ее, что она почти упала безъ чувствъ въ ея объятія, и долго смотрѣла на меня съ раздрающимъ выраженіемъ горести. Наконецъ она собралась съ силами и бросилась на меня со всею нѣжностью материнскаго сердца. Разсказъ о всѣхъ моихъ бѣдствіяхъ сильно тронулъ обѣихъ и онѣ не могли сдѣлать мнѣ ни малѣйшаго упрека.

Когда первое волненіе свиданія успокоилось, онѣ стали разсуждать о томъ, что со мною дѣлать. Хозяинъ мой послѣ моего побѣга думалъ, что я былъ гораздо менѣе виновенъ, чѣмъ онъ полагалъ; онъ давно уже успокоился и самъ говорилъ, что тотчасъ принялъ бы меня обратно, еслибъ я возвратился ранѣе; но теперь мѣсто мое было занято другимъ больше года. Еще менѣе надежды было мнѣ поступить въ какой-либо торговый домъ; поэтому матушка и тетушка рѣшили послать меня въ Берлинъ, къ одному родственнику и поручить ему пріискать мнѣ приличную должность. Прежде всего они озаботились о томъ, чтобы пристойно одѣть меня; въ то же время тетушка старалась возстановить мои силы обильною и здоровою пищею; но я былъ такъ истощенъ голодомъ и усталостью, что это внезапное обиліе и спокойствіе имѣло вредное вліяніе на мое здоровье. Черезъ нѣсколько дней послѣ моего прибытія домой, я слегъ, пролежалъ всю зиму, и уже не разъ боялся, что я не встану; но моя желѣзная природа еще разъ восторжествовала надъ болѣзнію и съ наступленіемъ весны я совершенно оправился. Тогда тетушка, не смотря на тягость этой новой разлуки для матушки, стала торопить меня отпращиваніемъ, которое въ самомъ дѣлѣ уже слишкомъ долго откладывалось. Она убѣдительно рекомендовала меня моему берлинскому родственнику и такимъ образомъ я опять покинулъ родной городъ, въ полной увѣренности имѣть скоро приличное и выгодное занятіе.

ГЛАВА II.

Пріѣхавъ въ Берлинъ, я узналъ въ родственникѣ, которому тетушка поручила пристроить меня, молодаго человѣка, гостившаго за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ у моего двоюроднаго брата въ Штеттинѣ, и тогда уже зараженаго постыдными пороками, въ ко-

торые онъ хотѣлъ даже завлечь меня. Онъ былъ вовсе не секретаремъ при министрѣ, какъ увѣрялъ тетушку, а просто лакемъ; но какъ онъ имѣлъ хорошей почеркъ, то министръ употреблялъ его иногда для переписки бумагъ. Вліяніе его было слишкомъ ничтожно, чтобы мнѣ можно было ожидать отъ него какой нибудь пользы, при всемъ его желаніи служить мнѣ. По этому я принужденъ былъ самъ позаботиться о своемъ пристройствѣ.

Прежде всего я отправился къ нѣкоторымъ первостатейнымъ купцамъ, хвалилъ свои способности къ конторскимъ занятіямъ и предлагалъ имъ свои услуги; но не имѣя, къ несчастію, никакихъ рекомендательныхъ писемъ, вездѣ получалъ отказъ. Тогда я обратился къ нѣкоторымъ юристамъ, прося ихъ употребить меня для переписки бумагъ; но и они отослали меня, говоря, что у нихъ уже достаточно людей, набившихъ руку на эту работу.

Много драгоценнаго времени прошло въ этихъ напрасныхъ попыткахъ, а мнѣ не представлялось никакой надежды; между тѣмъ при всей моей бережливости, скудная казна моя примѣтно истощалась. Отъ моего родственника я не могъ ожидать никакой помощи, потому что онъ былъ мотъ и спускалъ все, что имѣлъ, на распутства, которыя впоследствии вовлекли его въ дурныя общества и довели до отчаянія и самоубійства. Съ другой стороны, мнѣ совѣстно было прибѣгать къ помощи матушки и отнимать у нея небольшія деньги, которыя она скопила съ такимъ трудомъ и въ которыхъ сама нуждалась. Однимъ словомъ, положеніе мое становилось съ каждымъ днемъ труднѣе. Родственникъ мой, которому я сообщилъ свое положеніе, совѣтовалъ мнѣ идти въ услуженіе; онъ находилъ во мнѣ нѣкоторыя природныя преимущества, которыя, вмѣстѣ съ моимъ образованіемъ, красивымъ почеркомъ и умѣніемъ быстро считать, подавали надежду, что я этимъ путемъ скоро выйду въ люди. Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ приводилъ мнѣ примѣры людей, которые изъ лакеевъ дошли до того, что сами держали слугъ и экипажи. Убѣжденный его доводами, я рѣшился послѣдовать его совѣту.

Вскорѣ за тѣмъ онъ доставилъ мнѣ и мѣсто. Какой-то подполковникъ фонъ-Юрга, нѣкогда служившій въ гвардіи, а теперь жившій пенсіономъ, искалъ слуги. Родственникъ мой представилъ меня, я былъ принятъ и прожилъ въ этомъ домѣ цѣлый годъ. Служба моя была не тяжелая; кормили меня хорошо, заботъ никакихъ, и я мало-по-малу полюбилъ праздную жизнь лакея.

Между-тѣмъ дошелъ до меня случайно слухъ, что открылось мѣсто у министра фонъ-Гоппе. Честолюбіе, столько времени подавленное тяжелою необходимостью, вдругъ во мнѣ проснулось;

это мѣсто показалось мнѣ вѣрнымъ средствомъ ускорить будущее свое счастье, и я уже рассчитывалъ на приличное мѣсто въ гражданской службѣ, чего я никакъ не могъ ожидать, оставаясь у подполковника. Полный этой сладкой надежды, я отправился къ министру, предложить ему свои услуги. Все пошло, какъ нельзя лучше; я ему понравился и онъ взялъ меня для услуженія его супругѣ. Новая госпожа приняла меня также очень благосклонно и я простился съ подполковникомъ.

У министра я вступилъ въ невѣдомую мнѣ до-тѣхъ-поръ сферу. До того, я могъ только любоваться на широкія и длинныя улицы города, на вѣщность дворцовъ и барскихъ палатъ; теперь же я каждый день видѣлъ ихъ внутреннюю роскошь, дорогую мебель, пышные наряды, брилліанты, великолѣпные праздники, обиліе во всемъ, тысячу вещей, о которыхъ я прежде не имѣлъ никакого понятія и которыя поражали меня удивленіемъ и восторгомъ. Я чуть не сошелъ съ ума, когда увидѣлъ въ первый разъ представленіе оперы. Я никогда еще не бывалъ въ театрѣ; музыка, освѣщеніе, декорации, костюмы, казались мнѣ волшебствомъ; я перенесся на седьмое небо и не могъ себѣ представить, чтобы эти пѣвцы и танцоры были такіе же люди, а не сверхъестественныя существа. Живой румянецъ, покрывавшій ихъ щеки, я принималъ за даръ природы, ибо я не зналъ еще румянъ; и собственное мое лицо, которое многіе хвалили за свѣжесть, показалось мнѣ мертвымъ, въ сравненіи съ ними. Рождественникъ мой вывелъ меня изъ заблужденія и успокоилъ мое самолюбіе.

Однако же, не смотря на новыя пріятности, которыя я открывалъ каждый день въ своемъ званіи, я, по своей легкомысленности, тиховько, украдкой оставилъ домъ министра и перешелъ къ одному богатому человѣку, прельщенный выгодами, которыя онъ обѣщалъ мнѣ. Спустя короткое время, онъ, по экстренному своему дѣлу долженъ былъ уѣхать изъ города на долго, и я былъ ему не надобенъ. Я остался безъ мѣста. Къ этому несчастью, воры украли мой чемоданъ, гдѣ находилось все мое имущество и деньги. Пропажи не было и слѣда. Возвратиться на прежнее мѣсто не было надежды, потому что министръ былъ очень недоволенъ моимъ поступкомъ. Я не ропталъ, будучи въ этомъ случаѣ самъ кругомъ виноватъ.

ГЛАВА III.

Долго я искалъ занятія и не находилъ. Наконецъ я рѣшился ѣхать въ Гамбургъ. Размышляя объ этомъ, и проходя случайно мимо почтамта, я замѣтилъ, что гамбургская почта готовилась къ отправленію. Я тотчасъ рѣшился: пошелъ ждать ее на дорогѣ и когда она нагнала меня, предложить себя въ спутники ямщику. Онъ радъ былъ воспользоваться этимъ случаемъ выгодать небольшія деньги, на станціи передалъ меня своему преемнику, и такимъ образомъ, переходя изъ рукъ въ руки, я пріѣхалъ на третій день въ Гамбургъ.

Изъ всей суммы, которая была у меня, за уплатою за проѣздъ, осталось у меня нѣсколько грошей, которые вышли въ два дня, и я очутился почти въ такомъ-же положеніи, какъ въ Польшѣ. Къ счастью, хозяинъ, у котораго я остановился, былъ человекъ безкорыстный и сострадательный; замѣтивъ плохое состояніе моихъ финансовъ и узнавъ, что я ищу занятія, онъ вызвался не только держать и кормить меня въ долгъ, но даже помочь мнѣ въ пріисканіи мѣста.

Первою моею мыслью было поступить въ купеческую контору; въ случаѣ неудачи я думалъ взять мѣсто домашняго учителя въ зажиточномъ домѣ; въ крайности готовъ былъ даже довольствоваться должностію домашняго секретаря у какогонибудь знатнаго человека. Но хозяинъ уничтожилъ всѣ эти надежды. — «Въ Гамбургѣ, сказалъ онъ, очень много способныхъ людей по всѣмъ этимъ частямъ; и чтобы добиться мѣста, надо имѣть сильное покровительство и болѣе приличную наружность.» Дѣйствительно, платье мое сильно пострадало отъ дороги. Я принужденъ былъ покориться благоразумнымъ совѣтамъ хозяина и довольствоваться званіемъ слуги; даже и такое скромное мѣсто было гораздо труднѣе пріискать, чѣмъ я полагалъ. «Умѣешь-ли завивать волосы, брить, знаешь-ли музыку, можешь ли чинить платье? Можешь ли присмотрѣть за садомъ, править лошадьми?» спрашивали меня люди, къ которымъ я обращался. Всѣ эти предметы выходили изъ круга моихъ знаній, и мнѣ отказывали.

Наконецъ хозяинъ узналъ, что у прусскаго резидента, г. Гехта, открылось служительское мѣсто, на которое требовался только человекъ честный, хорошаго поведенія и довольно приличной наружности. Хозяинъ совѣтовалъ мнѣ искать этого мѣста. Я тотчасъ отправился къ дворецкому, предложилъ свои услуги и показалъ аттестатъ отъ подполковника фонъ Юрги. Наружность

моя ему поправилась и онъ велѣлъ мнѣ придти на слѣдующій день, чтобы представиться самому резиденту. Въ радостной надеждѣ, что бѣдствія мои скоро кончатся, я явился задолго до назначеннаго времени. Но едва я вошелъ, какъ дворецкій сказалъ мнѣ, что резидентъ имѣетъ уже другаго на свободное мѣсто.

Послѣ этого мнѣ не предстояло рѣшительно никакого средства добывать хлѣбъ.

Я разсказалъ свое несчасіе хозяину; онъ отвѣчалъ, что мнѣ трудно будетъ найти мѣсто и совѣтовалъ поискать счастья на морѣ. Это предложеніе было мнѣ тѣмъ пріятнѣе, что оно пробудило во мнѣ мои давнишнія мечты и указало путь къ ихъ осуществленію. Я сталъ ходить каждый день на биржу, предлагалъ свои услуги разнымъ купцамъ, въ качествѣ корабельнаго писца. Но всѣ попытки мои остались безъ успѣха; мнѣ отвѣчали, что изъ меня никогда не выйдетъ даже порядочнаго матроса; нѣкоторые съ жестокосердою насмѣшкою совѣтовали мнѣ, если я такъ желаю идти въ море, отправиться на Гамбургскую гору къ такъ называемымъ продавцамъ челоувѣческаго мяса, которые вѣрно не откажутся исполнить мое желаніе. Не видя никакого средства жить, я рѣшился немедленно послѣдовать совѣту, но дорогою встрѣтилъ датскаго вербовщика. Онъ заговорилъ со мною, и узнавъ мое намѣреніе, старался меня отговорить и предложилъ мнѣ поступить въ военную службу. — «Званіе почетное, замѣтилъ онъ, и притомъ вовсе неопасное, потому что Данія, по своему положенію, рѣдко ведетъ войну.» Онъ увѣрялъ меня, что умѣя хорошо писать и считать, и получивъ нѣкоторое образованіе, я скоро выслужусь въ хорошей чинъ; что онъ тотчасъ представитъ меня своему генералу, у котораго онъ очень силенъ, на должность полковаго писаря и бухгалтера, а при первой ваканціи я буду произведенъ въ квартирмейстеры, или еще выгоднѣйшее званіе, и прочая. Я принялъ предложеніе вербовщика, но не хотѣлъ окончательно условиться съ нимъ, потому что желалъ предварительно переговорить съ хозяиномъ, чтобы опредѣлить сумму соразмѣрнаго требованію на меня. Вербовщикъ представлялъ мнѣ, правда, что поступивъ въ полкъ, я освобождался отъ уплаты старыхъ долговъ и былъ полный хозяинъ своему жалованью, но я не хотѣлъ обмануть добраго хозяина и настоялъ на своемъ. Вербовщикъ, убѣдившись, что со мною иначе не справиться, пошелъ со мною на квартиру, чтобы тамъ покончить дѣло.

Хозяинъ мой очень удивился, увидѣвъ меня съ такимъ спут-

никомъ. Однако же онъ скрылъ свое неудовольствіе и даже одобрилъ мое намѣреніе; но прибавилъ, что прежде надо мнѣ разсчитаться съ нимъ, а какъ онъ въ это время былъ занятъ другимъ дѣломъ, то просилъ вербовщика отложить окончаніе дѣла до слѣдующаго утра. Какъ ни больно было вербовщику выпустить меня изъ рукъ, однако же онъ долженъ былъ согласиться на требованіе хозяина, потому что тотъ объявилъ на отрѣзъ, что не хочетъ слушать его до завтрашняго утра. Какъ скоро онъ удался, хозяинъ сказалъ мнѣ, что одному знакомому ему купцу поручено нанять слугу для его сосѣда, голштейнскаго помѣщика. Онъ вызвался даже идти со мною и рекомендовать меня. Нечего и говорить, съ какою радостью я ухватился за эту мысль. Купецъ остался доволенъ моимъ аттестатомъ; хозяинъ рекомендовалъ меня, какъ нельзя лучше, и я тотчасъ былъ принятъ въ услуженіе къ совѣтнику фонъ-Бухвальду, жившему въ своемъ помѣстьѣ Фрезембургѣ, близъ Ольдеслоз. Добрый хозяинъ радовался моему счастью не менѣе меня самого; онъ разорвалъ нашъ счетъ и не хотѣлъ и слышать ни о какомъ вознагражденіи. Во избѣжаніе непріятностей отъ вербовщика, которому я далъ уже слово, я въ тотъ же вечеръ отправился на новое мѣсто жительства.

ГЛАВА IV.

Въ Фрезембургѣ я былъ прекрасно принятъ, не только самимъ совѣтникомъ, но и всею прислугою. Особенно ключница, добрая, жирная женщина, вѣсомъ въ добрые три центнера, любившая вѣжиться и окружать себя веселыми лицами, которые могли бы ее забавлять, полюбила меня съ перваго дня; она увѣряла, что я былъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на ея покойнаго мужа, котораго имя было у нея вѣчно на языкѣ. Можно себя представить, какъ я былъ обрадованъ радушнымъ приемомъ новаго господина и особенно покровительствомъ ключницы, которая выражала свое благорасположеніе не одними словами, а частыми подарками изъ кладовой, богато снабженной всякими съѣстными припасами. Чтобы отблагодарить ее за это вниманіе, я вызвался вести ея счета. Это доставило мнѣ новыя выгоды, потому что она осталась такъ довольна мною, что рекомендовала меня камердинеру. Камердинеръ имѣлъ ключи отъ

подвала; такимъ образомъ, къ вкуснымъ обѣдамъ и закускамъ присоединилось доброе вино, а я за то велъ и его счеты. Каждое первое число онъ представлялъ господину общій счетъ за истекшій мѣсяць. Я постарался написать этотъ счетъ, какъ можно чище и аккуратноѣе, и тѣмъ обратилъ на себя особенное вниманіе самаго господина. Съ этого времени мнѣ стали оказывать нѣкоторый почетъ; самъ совѣтникъ приказалъ освободить меня отъ обыкновенныхъ лакейскихъ занятій. Всего болѣе радовало меня, что это предпочтеніе нисколько не возбудило ни зависти, ни неприязни въ моихъ товарищахъ.

Однажды г-нъ фонъ - Бухвальдъ позвалъ меня въ свой кабинетъ и велѣлъ мнѣ разставить по мѣстамъ множество книгъ, разбросанныхъ по столамъ и стульямъ. Пока я этимъ занимался, онъ сказалъ мнѣ, что съ большимъ удовольствіемъ замѣтилъ порядокъ и исправность въ счетахъ, съ тѣхъ - поръ, какъ я занимался ими, и спросилъ, не буду - ли я въ состояніи продолжать нѣкоторыя дѣла, остановившіяся за болѣзнію его секретаря, разбитаго параличемъ. Я отвѣчалъ, что съ одинаковою ревностью исполню всякое его приказаніе, и просилъ испытать меня; онъ тотчасъ поручилъ мнѣ написать отвѣты на нѣсколько писемъ. Онъ остался доволенъ моею работою, и я въ тотъ-же день былъ назначенъ помощникомъ большому секретарю, съ примичнымъ возвышеніемъ жалованья.

Лаурихъ, — такъ назывался секретарь, — былъ старикъ чрезвычайно добрый и кроткій. Единственною цѣлью его жизни было дѣлать, по мѣрѣ своихъ силъ и способовъ, добро ближнему, не ожидая за то никакого вознагражденія. Новая моя обязанность безпрестанно сводила меня съ нимъ; замѣтивъ во мнѣ, между прочими качествами, сильное любознаніе, онъ старался, сколько позволяла ему тяжкая болѣзнь, не только пріучать меня къ дѣламъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ исправлять недостатки моего первоначальнаго воспитанія, внушать мнѣ твердыя и чистыя нравственныя правила, и знакомилъ меня съ литературою, которую я страстно любилъ. Библіотека его, довольно богатая, была для меня всегда открыта; онъ съ истинно отеческою заботливостію старался дать хорошее направленіе моему чтенію, и такимъ образомъ въ короткое время совершенно преобразовалъ меня.

ГЛАВА V.

Совѣтникъ фонъ - Бухвальдъ проводилъ обыкновенно большую часть лѣта въ своемъ помѣстьѣ, а зиму въ Любекѣ, который былъ въ четырехъ миляхъ отъ Фрезембурга. Лаурихъ, по болѣзни своей, оставался въ деревнѣ, и часы, которые проходили въ его урокахъ и бесѣдѣ, я долженъ былъ терять въ праздности. Общество слугъ уже не удовлетворяло меня, и я тѣмъ болѣе сталъ искать развлеченія въ книгахъ. Отъ времени до времени позволялъ я себѣ также ходить въ театръ. Представленія Зенерлинга, который всю эту зиму пробылъ въ Любекѣ съ своей труппою и забавлялъ любекскую публику, были не очень хороши; но они нерѣдко морили со смѣху интермедіями, не входившими въ программу ни авторовъ, ни директора.

На слѣдующую зиму пріѣхала въ Любекъ другая труппа, нѣсколько лучше, подъ управленіемъ Амберга. Она играла также нѣсколько серьезныхъ пьесъ, и не уродовала ихъ до такой степени какъ прежняя; но и тутъ не обошлось безъ уморительныхъ промаховъ и сценъ. Одинъ актеръ особенно смѣшил публику; онъ былъ довольно хорошъ, но чрезвычайно близорукъ; такъ что безпрестанно случалось ему принимать дочь за мать, горничную за госпожу и т. п.; онъ замѣчалъ свою ошибку только тогда, когда слышалъ отвѣтъ съ другаго конца. Нерѣдко случалось ему разбивать себѣ лобъ объ кулисы, или выходить, вмѣсто двери, въ окно, въ каминъ, въ зеркало. Однажды онъ долженъ былъ открыть пьесу монологомъ. Машинистъ поднялъ средній занавѣсъ, а смѣлой, вообразивъ, что это наружный, вышелъ на сцену и принялся говорить своей монологъ со всевозможнымъ жаромъ; зрители, правда, все слышали, но не видѣли говорящаго.

Я ходилъ съ своимъ господиномъ почти на каждое представленіе Амберговой труппы. Я скоро пристрастился къ театру и съ жадностью сталъ читать всѣ драматическія сочиненія, какія могъ достать. Съ самаго того времени, какъ чтеніе и уроки моего фрезембургскаго учителя расширили кругъ моихъ понятій, я рѣшился вступить на болѣе достойное меня поприще. Но какъ больно мнѣ было, когда я наединѣ вопрошалъ свою совѣсть и долженъ былъ сознать, что я самъ, своею безразсудностью и легкомысліемъ лишилъ себя болѣе почетнаго положенія въ обществѣ; что я самъ убилъ драгоцѣнные годы моей молодости!

На третью зиму, которую я провелъ въ Любекѣ, пріѣхала труппа Шенемана, которая до того времени играла въ Шверинѣ и

была на жалованьи у герцога. Дарованія ея главныхъ членовъ доставили ей блистательный успѣхъ на театрѣ, а ихъ поведеніе заслужило имъ уваженіе всего общества. Я не пропускалъ ни одного представленія и съ каждымъ разомъ во мнѣ болѣе разгоралась страсть къ театру.

Нѣсколько критическихъ статей о театрѣ и объ игрѣ разныхъ актеровъ, попавшіяся мнѣ въ руки, возбудили во мнѣ наконецъ желаніе испытать, довольно-ли во мнѣ таланту, чтобы поступить въ это званіе, и тѣмъ помѣнять праздную жизнь ни болѣе дѣятельную жизнь и на занятія по моимъ способностямъ. Тутъ замѣшалось самолюбіе и представило мнѣ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ и мою наружность, и способности, и познанія, почерпнутыя изъ разнообразнаго чтенія. Самолюбіе должно было побѣдить, и воображеніе представило мнѣ не только почетную, но и славную будущность.

Рѣшившись, я тотчасъ написалъ о своемъ намѣреніи своему доброму другу, Лаурнку. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что хотя ему и прискорбно было лишиться меня, однако-же онъ не могъ не одобрить моего желанія избрать болѣе достойное меня поприще. Какъ скоро я получилъ его согласіе, я уже ни о чемъ не думалъ, какъ только объ осуществленіи своего намѣренія, и для этого сталъ заводить знакомство съ вѣкоторыми изъ лучшихъ актеровъ. Они были довольны моею наружностью и моими основательными сужденіями о драматическомъ искусствѣ и, по просьбѣ моей, согласились поговорить обо мнѣ директору.

Когда все было готово, я открылся своему господину. Этотъ благородный человекъ, всегда оказывавшій мнѣ нѣкоторое уваженіе, очень обрадовался улучшенію моего положенія, и не только отпустилъ меня безъ всякаго затрудненія, но даже щедро одарилъ меня за прошедшую службу. Шенеманъ въ это время искалъ молодого человека моихъ лѣтъ — (мнѣ былъ двадцать второй годъ) — на роли новичковъ; поэтому онъ охотно привялъ меня, далъ мнѣ жалованія по пяти любскихъ марокъ въ недѣлю, и обѣщалъ возвысить его впоследствии, соразмѣрно моимъ стараніямъ и успѣхамъ. Такимъ образомъ вступилъ я на поприще, которому съ тѣхъ-поръ была посвящена большая часть моей жизни.

ГЛАВА VI.

Вскорѣ послѣ причисленія моего къ труппѣ, Шенеманъ закрылъ свой театръ въ Любекѣ и отправился съ труппою въ Гам-

бургъ. Я былъ принять въ актеры, но никто еще не удостоилъ меня ни одного совѣта. Съ небольшими теоретическими понятіями, почерпнутыми изъ постоянного посѣщенія театра и изъ чтенія, я не могъ далеко уйти; мнѣ недоставало практики, а чтобы пріобрѣсти ее, мнѣ нуженъ былъ умный и опытный руководитель. Шенемавъ поручилъ меня, правда, нѣкоторымъ изъ лучшихъ своихъ артистовъ; но они отговаривались неимѣніемъ времени, да и что имъ была за охота заняться образованіемъ дебютанта! Два человѣка сжалились наконецъ надо мною: это были машинистъ и балетмейстеръ. Машинистъ считалъ себя великимъ знатокомъ въ драматическомъ искусствѣ, потому что судилъ вкривь и вкосъ о пьесахъ и исполнителяхъ, все осуждалъ, все бранилъ; онъ вызвался учить меня декламациі. Балетмейстеръ видѣлъ въ драматическомъ искусствѣ одни жесты, движенія, картинныя положенія, и взялся посвятить меня въ тайны краснорѣчія тѣла. Первый подчеркивалъ въ моихъ роляхъ всѣ мѣста, на которыя слѣдовало ударять: онъ училъ меня, какъ должно, по примѣру великаго Эгофа, перваго актера нашей труппы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повышать, въ другихъ понижать голосъ, смотря потому, важно-ли оно или неважно въ ходѣ сцены, или должно выражать участіе, нѣжность, и прочая; какъ выражается упорство, гнѣвъ, даже ярость; научилъ меня представлять страхъ, надежду, любовь, ненависть, отчаяніе, словомъ всѣ страсти и всѣ чувства. Балетмейстеръ, съ своей стороны, училъ меня ходить граціозно, кетати употреблять руки и ноги, чтобы придавать болѣе силы или изящества словамъ. Напримѣръ, онъ училъ меня, что лицо должно быть всегда обращено въ треть къ актерамъ и въ двѣ трети къ зрителямъ; что когда поднимается правая рука, лѣвая должна выступать впередъ, и на оборотъ; что при извѣстныхъ движеніяхъ руки, верхняя часть руки должна отдѣлиться первая, подняться ровнымъ движеніемъ до извѣстной высоты, и согнуть-ея въ локтѣ; а потомъ уже должны прійти въ движеніе нижняя часть и самая кисть, а пальцы, слегка округленные, должны плавнымъ движеніемъ придавать колоритъ рѣчи. Это онъ называлъ змѣеобразною линіею или волнующимся движеніемъ. Онъ требовалъ, чтобы въ тоже время взоръ обращался по направленію движущейся руки, и такъ далѣе. Я пламенно желалъ учиться и, не сомнѣваясь въ глубокой учености своихъ наставниковъ, рабски слѣдовалъ ихъ наставленіямъ. Читатели увидятъ далѣе, какую они сдѣлали изъ меня карриатуру.

Первая роль, въ которой я представился публикѣ, была роль льстеца въ Ренъровой комедіи «Демокритъ». Благодаря моей мо-

лодости, пріятной наружности и довольно естественной игрѣ, — потому-что я въ своемъ волненіи забылъ наставленія своихъ учителей, — я имѣлъ порядочный успѣхъ. Но не то было въ Вольтеровой трагедіи «Смерть Цезаря». Миѣ досталась роль перваго римлянина, а роль втораго римлянина другому дебютанту. Желая перешегомать своего соперника, я, при изученіи роли, истощилъ все совѣты машиниста и все познанія балетмейстера. Сверхъ того я незадолго передъ-тѣмъ видѣлъ огромный успѣхъ Экгофа въ «Эдипѣ», и считалъ долгомъ идти по слѣдамъ такого знаменитаго артиста. И такъ, я вышелъ на сцену, убѣжденный въ своемъ необыкновенномъ знаніи искусства, и вовсе не размышляя о томъ, что мой римлянинъ только оплакиваетъ смерть Цезаря, а не приходитъ въ изступленіе, какъ Эдипъ. Какъ скоро миѣ подали знакъ говорить, я началъ декламировать роль согласно наставленіямъ машиниста, самымъ густымъ басомъ, или скорѣе глухимъ ревомъ, поочередно вытягивая и гнбая руки, переставляя ноги, словомъ, сопровождая рѣчь всеми хитростями, которымъ училъ меня балетмейстеръ. Соперникъ мой, напротивъ, стоялъ, какъ истуканъ, безъ малѣйшаго движенія, и заговорилъ жиденькимъ дискантомъ кастрата. Эта забавная противоположность возбудила, разумѣется, громкій смѣхъ во всей залѣ. Цезарь, — самъ Шенеманъ, — испускавшій духъ, проклиналъ насъ за спиною: — «Чтобы удавила васъ пелегкая! вотъ навязалъ миѣ чортъ такихъ болвановъ! да замолчите-ли вы, душегубцы!» Но мы были такъ ошеломлены хохотомъ и свистомъ всего театра, что ничего не видѣли ничего не слышали; трагедія дошла все тѣмъ-же порядкомъ до конца, и съ того памятнаго дня ее невозможно было уже играть на гамбургскомъ театрѣ. Ни живъ, ни мертвъ отъ этого публичнаго оскорбленія, горько обманутый въ надеждѣ своей восхитить публику образцовою игрою и стяжать лавры, подобныя лаврамъ Экгофа, бросился я, по опущеніи занавѣса, со сцены, поспѣшно раздѣлся, стараюсь отбиться отъ товарищей, изъ которыхъ одни преслѣдовали меня насмѣшками, другіе осыпали упреками, и побѣжалъ домой, ожидать съ трепетомъ послѣдствій этой трагической интермедіи.

Еще болѣе сжалось мое сердце, когда, на слѣдующее утро, явился ко миѣ, чуть свѣтъ, грозный театральныи разсильный съ приглашеніемъ пожаловать къ директору. — «Я слишкомъ поторопился ангажировать васъ, сказалъ миѣ Шенеманъ, когда я вошелъ; вы не имѣете ни малѣйшей способности къ театру, и я принужденъ поблагодарить васъ за вашу службу; вотъ ваше жалованье за время, проведенное въ моей труппѣ.» Я сталъ изви-

няться дрожащимъ голосомъ, сваливая всю неудачу на ошибку, въ которую ввели меня ложныя наставленія машиниста и балетмейстера, и просилъ списхожденія; но Шенеманъ не хотѣлъ и слышать о другомъ дебютѣ. Къ счастью моему, въ это время пришла его дочь съ Эргофомъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, они сжалились надо мною и старались умиловить грознаго директора. Эргофъ увѣрялъ, что и онъ при первомъ своемъ дебютѣ не подавалъ никакихъ надеждъ, и что талантъ его раскрылся уже гораздо позднѣе. Дѣвица Шенеманъ прибавила, что тоже вѣроятно будетъ и со мною, что въ способностяхъ у меня нѣтъ недостатка, но что мнѣ нужно поучиться и вызвалась учить меня. Шенеманъ убѣдился наконецъ ихъ ходатайствомъ и согласился оставить меня въ своей труппѣ, но съ тѣмъ, чтобы я занимался также перепискою ролей, въ случаѣ нужды, замѣнялъ суфлера и участвовалъ фигурантомъ въ пантомимахъ; для чего балетмейстеръ дастъ мнѣ надлежащія наставленія. Я согласился на все, и отдался, на этотъ разъ, однимъ страхомъ.

ГЛАВА VII.

Въ продолженіе всего лѣта наши сборы были такъ слабы, что едва хватали на уплату актерамъ одной половины ихъ жалованья. Это уменьшеніе моего небольшого жалованья на половину было для меня чрезвычайно тяжело, по дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ и нѣкоторыхъ предметовъ, необходимыхъ въ моемъ званіи, напримѣръ, башмаковъ, пряжекъ, шелковыхъ чулковъ, и прочая. Все, что я успѣлъ скопить въ два года, вышло въ нѣсколько мѣсяцевъ и я очутился въ такомъ безденежьи, что случалось мнѣ по нѣскольку дней ѣсть одинъ черныи хлѣбъ съ водою. Какъ и остальная половина платилась не совсѣмъ исправно, то для избѣжанія совершеннаго недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, я поставилъ свое хозяйство на самую экономическую ногу слѣдующимъ образомъ. Быдача жалованья производилась у насъ по субботамъ; если мнѣ удавалось получить нѣсколько денегъ, я въ этотъ день отправлялся въ лучшій трактиръ и утолялъ голодъ порядочнымъ кускомъ мяса и блюдомъ овощей; а чтобы не платить за пиво или вино, запивалъ свой обѣдъ супомъ, который, сказать правду, только на то и годился. За тѣмъ я закупалъ чернаго хлѣба и стараго сыру, и этимъ кормился всю недѣлю; илже же я воду, подливая въ нее иногда цѣмнаго снятаго молока.

Такая грубая и скудная пища естественно должна была имѣть вредныя послѣдствія для моего здоровья; сначала я получилъ медленную лихорадку, а потомъ все тѣло мое, съ ногъ до головы, покрылось отвратительною сыпью. При всѣхъ этихъ невзгодахъ, я однако же не унывалъ; и въ этой блестящей нищетѣ, — какъ выражаются обыкновенно актеры о подобныхъ эпизодахъ своей жизни, — я не терялъ надежды на болѣе свѣтлые дни, которыхъ, однако же, мнѣ суждено было ждать много лѣтъ.

Сильная ссора директора съ Экгофомъ ускорила совершенное разореніе труппы, такъ, что она не могла даже дотянуть до конца этой злосчастной зимы. Экгофъ подалъ въ отставку и поступилъ въ труппу Шуха, въ Бреславль. По выходѣ его, лучшія пьесы нашего репертуара были изуродованы, и Шенеманъ долженъ былъ прибѣгнуть къ импровизаціямъ. «Царство мертвыхъ», «Случайный братецъ» «Подлипало» и тому подобные фарсы смѣнили настоящія, писанныя драмы.

Этими импровизированными представленіями управлялъ комикъ Гантнеръ, необыкновенно искусный импровизаторъ; они имѣли сначала порядочный успѣхъ, какъ новизна; но публика, привыкшая къ болѣе сочной пищѣ, не могла долго довольствоваться повтореніемъ однихъ и тѣхъ-же пошлостей. Импровизаціи перестали давать сборы, въ писанныхъ пьесахъ роли Экгофа были такъ искажаемы, что самые записные любители театра бросили его. Намъ зачастую приходилось отиѣнять представленія, потому что въ касѣ не было продано ни одного билета. Наконецъ Шенеманъ долженъ былъ бросить труппу.

Между тѣмъ Экгофъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ въ труппѣ Шуха. Узнавъ объ отреченіи Шенемана, онъ простился съ Шухомъ и посѣдшилъ въ Гамбургъ, прежде чѣмъ труппа успѣла разбрестись. Онъ принялъ на себя управленіе, вмѣстѣ съ актеромъ Штаркомъ и балетмейстеромъ Миркомъ и отправился съ нею въ Киль, гдѣ только что открылась Крещенская ярмарка. Эта ярмарка привлекаетъ множество народу; на нее съѣзжаются, кромѣ купцовъ, всѣ гольштейнскіе помѣщики, потому что въ это время они оканчиваютъ всѣ расчеты между собою и съ купцами, заключаютъ новые контракты, берутъ подряды, и прочая. Намъ приняла съ восторгомъ.

Намъ недоставало двухъ необходимыхъ вещей для открытія представленій: костюмовъ и декораций. Дирекція обошлась безъ нихъ, какъ могла; давала только такія пьесы, въ которыхъ актеры могли играть въ своемъ обычномъ платьѣ; декорация же замѣнила бумагою, желтою, когда театръ долженъ былъ пред-

ставить компану, и зеленою, когда онъ представлялъ садъ или лѣсъ. Зрители, предупрежденные о бѣдственномъ положеніи труппы, были невзыскательны на этотъ счетъ, и обратили все свое вниманіе на достоинство пьесъ и на таланты исполнителей.

По окончаніи ярмарки, помѣщики и пріѣзжіе купцы разъѣхались, и сборы наши значительно уменьшились; мы должны были перекочевать въ другое мѣсто. Дирекція избрала Любекъ. Но тамъ театръ не могъ бы долго держаться безъ костюмовъ и декораций, а средства наши не позволяли намъ и думать о покупкѣ такихъ дорогихъ предметовъ. Экгофъ рѣшился писать къ бывшему директору курфиртскаго театра, Коху, который отказался отъ этого мѣста по случаю открытія военныхъ дѣйствій. Кохъ согласился, по предложенію Экгофа, принять начальство надъ осиротѣвшею труппою, и пріѣхалъ въ Любекъ съ необходимыми костюмами и декорациями; онъ далъ жалованье актерамъ, увеличилъ труппу нѣсколькими хорошими артистами съ прежняго своего театра, далъ еще нѣсколько представлений въ Любекѣ, и отправился въ Гамбургъ, съ превосходно организованнымъ театромъ. Разумѣется, что мы имѣли огромный успѣхъ, и дѣла наши нѣсколько мѣсяцевъ шли, какъ нельзя лучше. Но наступило лѣто; богатые купцы разсѣялись по дачамъ и деревнямъ; сборы стали упадать съ каждымъ днемъ, и наконецъ Кохъ съ своимъ театромъ очутился совершенно въ такомъ-же положеніи, какъ въ предшествовавшемъ году Шенеманъ. Чтобы не обанкрутиться въ конецъ, онъ принужденъ былъ отпустить всѣхъ актеровъ, безъ которыхъ можно было обойтись, въ томъ числѣ и меня, а остальныхъ посадить, на лѣтніе мѣсяцы, на половинное жалованье. Это уменьшеніе расходовъ дало ему возможность кое-какъ держаться.

ГЛАВА VIII.

Вотъ я опять пущенъ на всѣ четыре стороны, безъ всякаго средства списывать себѣ честное пропитаніе. Предложить свои услуги другому театру, съ моимъ ничтожнымъ талантомъ и неизвѣстнымъ псевдемъ, нельзя было и думать; а падо же мнѣ было чѣмъ нибудь жить. Со мною жилъ молодой человекъ, Мюллеръ, недавно дебютировавшій еще неудачнѣе меня, и такой же бѣдный и несчастный какъ и я; но онъ былъ предприимчивѣе, а главное, догадливѣе меня. Ему часто удавалось, разными средствами добы-

вать вѣскольکو денегъ и пищи, которыя онъ великодушно дѣлилъ со мною. Иногда, когда голодъ слишкомъ мучилъ насъ, мы ходили ночью на добычу въ садъ сосѣда, окруженный невысокимъ заборомъ. Я стоялъ на сторожѣ, между тѣмъ, какъ Мюллеръ лазилъ по деревьямъ и рвалъ плоды; онъ приносилъ порядочный запасъ, который, съ кускомъ хлѣба, былъ достаточно для нашего прокормленія на вѣскольکو дней. Мюллеръ поступилъ охотникомъ въ гамбургское войско; вскорѣ потомъ онъ отправился въ Америку, возвратился черезъ вѣскольکو времени въ Вѣну, поступилъ опять на театръ, сдѣлался хорошимъ актеромъ и составилъ себѣ безбѣдное состоявие. Оставшись одинъ, я скитался по старымъ товарищамъ, актерамъ, которые изъ жалости дѣлили отъ времени до времени со мною свой скудный обѣдъ. Когда и этого не было, я питался чернымъ хлѣбомъ съ рѣдкою. Но это положеніе стало мнѣ наконецъ очень тяжело; но судьба сжалилась надо мною и открыла мнѣ болѣе утѣшительное средство помочь бѣдѣ.

Поэтъ Дрейеръ выхлопоталъ себѣ, чрезъ посредство вѣсколькихъ друзей, бывшихъ въ силѣ при Копенгагенскомъ дворѣ, право издавать политическую газету въ Альтонѣ. Акеръ Штаркъ, бывший съ нимъ въ тѣсной дружбѣ, попросилъ его дать мнѣ при редакціи мѣсто писца; Дрейеръ согласился, и я могъ по-крайней-мѣрѣ зарабатывать достаточно для того, чтобы платить за квартиру и отъ времени до времени позволять себѣ болѣе питательную пищу.

Въ это-же время я познакомился съ корабельнымъ маклеромъ Витьесомъ, человѣкомъ очень добрымъ и сострадательнымъ. Узнавъ мое жалкое положеніе, онъ сжалился надо мною, а потомъ даже полюбилъ меня. Онъ не только помогалъ мнѣ отъ времени до времени деньгами, но бралъ меня съ собою каждый разъ, какъ дѣла позволяли ему сѣздить отдохнуть въ деревнѣ. Само собою разумѣется, что я не упускалъ этихъ случаевъ вознаграждать себя за всѣ лишенія, на которыя я былъ осужденъ въ городѣ.

Несчастные любятъ общество такихъ-же несчастныхъ. Я попыталъ это съ однимъ старикомъ, который былъ еще бѣдвѣе и несчастнѣе меня, оставшимъ актеромъ Штейнбрехеромъ. Жена его и дочь были въ трупѣ Коха и получали порядочное жалованье; но какъ онъ отъ старости впалъ въ совершенное ребячество, то гордые и безчувственные родные мало заботились о немъ, и почти совсѣмъ бросили его на произволъ судьбы. Его не терпѣли ни въ какомъ обществѣ, потому что, по бѣдности

своей, онъ ходилъ всегда въ грязномъ, истертомъ платьѣ. Такимъ образомъ, проштатавшись цѣлый день по городу, онъ долженъ былъ вечеромъ искать ночлега въ самыхъ бѣдныхъ корчмахъ, гдѣ онъ получалъ иногда небольшое подаліе отъ сострадательныхъ людей, знавшихъ его. Но этого было мало, чтобы порядочно кормиться, и онъ частенько бывалъ принужденъ довольствоваться чернымъ хлѣбомъ съ водою. Случалось иногда, что онъ, прозябнувъ, разогрѣвалъ свои старыя кости чаркою водки. Разумѣется, что водка на тощій желудокъ кидалась ему тотчасъ въ голову; онъ начиналъ качаться на ногахъ, и тотчасъ пошли трезвонить, что онъ горькій пьяница, и что по дѣломъ ему такая участь. Бѣдняга зналъ меня и, всеми отвергнутый, приходилъ нерѣдко ко мнѣ размыкать горе, а иной разъ и за помощью. Я дѣлилъ съ нимъ все, что могъ, и не смотря на собственную свою бѣдность, былъ ему настоящимъ благодѣтелемъ. Мы еще встрѣтимся съ нимъ въ этихъ запискахъ.

Дрейеръ былъ очень доволенъ моею исправностію и прилежаніемъ; полюбилъ меня и, замѣтивъ въ бесѣдахъ со мною, что я былъ довольно начитанъ и не безъ способностей къ литературнымъ занятіямъ, сталъ посвящать значительную часть своихъ свободныхъ часовъ дальнѣйшему моему образованію. Онъ охотно помогъ бы мнѣ и деньгами, но собственное его положеніе было немногимъ лучше моего; средства его были очень ограничены, а онъ, какъ многіе изъ его братья-поэтовъ, никогда не былъ бережливъ; за то онъ былъ кругомъ въ долгу и не расплатился до самой смерти. Пособія, которыя онъ получалъ отъ поэта Гагедорна, поддерживали его нѣсколько лѣтъ; но по смерти Гагедорна, ничтожная пенсія отъ принца Лудвига-Гольштейнъ-Готторпскаго, при которомъ онъ нѣкогда занималъ должность секретаря, скудное пособіе отъ совѣтника фонъ-Зальдерна и то, что онъ выручалъ за свои стихотворенія на торжественные случаи, составили весь его доходъ. Къ несчастію его и моему, право на изданіе газеты, которое онъ выхлопоталъ съ такимъ трудомъ, было отнято у него въ томъ же году по ходатайству французскаго посланника въ Копенгагенѣ, который оскорбился нѣкоторыми вольными выраженіями на счетъ герцога Ришельё. Вслѣдствіе того Дрейеръ долженъ былъ еще болѣе стѣснить свой образъ жизни, а я лишился небольшого дохода, которой получалъ отъ него.

Въ это время пріѣхалъ въ Гамбургъ датскій генералъ Штаркъ; онъ искалъ слуги, который могъ-бы въ то же время годиться въ писцы. Дрейеръ, желая сдѣлать что нибудь для меня, нѣ-

сколько разъ писалъ обо мнѣ своему покровителю фонъ-Зальдерву; но, не получая отвѣта, рекомендовалъ меня генералу. Я не имѣлъ никакихъ средствъ существованія и никакой надежды найти болѣе приличное занятіе. Я послѣдовалъ совѣту Дрейера, представился генералу, и былъ принятъ.

Вскорѣ послѣ того, новый господинъ мой сѣлъ на корабль и отправился въ Одензе, на островъ Фюнень, чтобы сдать свой полкъ другому командиру. При проѣздѣ черезъ Бельтъ, мы подверглись большой опасности; мы были застигнуты внезапнымъ штормомъ, отъ котораго корабль нашъ такъ сильно пострадалъ, что мы привуждены были со всевозможною послѣшностью возвратиться въ гавань и простоять въ ней нѣсколько дней. Когда буря улеглась, наступилъ такой штиль, что не было возможности идти на парусахъ; мы сѣли въ гребную шлюпку, и такимъ образомъ доѣхали до Одензе.

Не зная нікого въ Одензе, и не понимая даже языка жителей, я поневолѣ долженъ былъ искать развлеченія въ чтеніи; свободнаго-же времени у меня было много, потому что служба моя почти ограничивалась писаніемъ подъ диктовку генерала или перебѣленіемъ его писемъ, а переписка его въ послѣднее время сдѣлалась очень необширна. Мнѣ попался случайно въ руки старинный романъ подъ названіемъ «Орепоко»; онъ очень понравился мнѣ по содержанию, но изложеніе и особенно языкъ показались мнѣ нестерпимы. Отъ нечего дѣлать я взялся за перо и передѣлалъ всю книгу. Старый камердинеръ генерала подмѣтилъ мое занятіе, и въ отсутствіе мое показалъ мою работу генералу, который изволилъ остаться ею весьма доволенъ. Меня позвали въ кабинетъ и, къ великому моему удивленію, встрѣтили меня очень милостиво, и даже съ нѣкоторымъ почетомъ. Генераль похвалилъ мое прилежаніе, совѣтовалъ мнѣ продолжать работать, и приказалъ даже камердинеру отпускать мнѣ каждый день по бутылкѣ вина и освободить меня отъ самыхъ тяжелыхъ служительскихъ обязанностей. Эта неожиданная милость показалась мнѣ предвѣстіемъ болѣе почетнаго положенія, и я не могъ довольно пародоваться, что поступилъ къ такому щедрому покровителю таланта. Когда генераль былъ переведенъ въ другой городъ, я, по его обстоятельствамъ, оказался лишнимъ въ домѣ. Я отправился къ Дрейеру.

ГЛАВА IX.

Нѣкоторое время я имѣлъ занятіе у Дрейера. Его газета имѣла порядочный успѣхъ, потому что была составлена въ очень хорошемъ духѣ, и имя автора было всеми уважаемо. Онъ разсылалъ ее къ разнымъ дворамъ Германіи и многимъ знатымъ лицамъ. Я долженъ былъ переписывать статьи для газеты; но эта работа занимала меня только полнедѣли, остальное-же время я посвящалъ удовольствіямъ. Къ несчастію, я попалъ въ шайку шулеровъ и мошенниковъ, образовавшуюся подъ управленіемъ одного датчанина, по имени Гизе. Этому Гизе нуженъ былъ помощникъ; узнавъ, что я бѣденъ и ничѣмъ не занятъ, онъ приманилъ меня къ себѣ ласковымъ обращеніемъ, и мало-по-малу я сталъ его ежедневнымъ собесѣдникомъ.

Тутъ представилась мнѣ все наслажденія жизни, и я предался имъ со всею жаромъ человѣка, привыкшаго къ однимъ лишени-ямъ. Видя, какія суммы выигрывали каждый день игроки, я самъ сталъ играть и скоро это обратилось у меня въ страсть. Гизе, зная, что у меня ничего нѣтъ, и видя, что мнѣ не везло въ игрѣ, научилъ меня нѣкоторымъ изъ своихъ штукъ; но я употреблялъ ихъ только въ крайнихъ случаяхъ. Главнымъ моимъ дѣломъ было забавлять гостей, подчивать ихъ виномъ, кофе, пуштемъ и другими горячими напитками, между тѣмъ, какъ Гизе ихъ обыгрывалъ. Между прочими хитростями они употребляли слѣдующую: они скупали все карты въ городѣ, куда пріѣзжали на промыселъ, помѣчали ихъ знаками, примѣтными только для нихъ самихъ, и потомъ продавали ихъ опять черезъ своихъ сообщниковъ тѣмъ-же купцамъ, въ полцѣны, какъ карты, служившія въ знатныхъ домахъ. Такимъ образомъ, если даже жертвы ихъ приглашали ихъ играть въ незнакомыхъ домахъ, карты были всегда подготовлены для ихъ мошенничества.

Въ числѣ людей, разоренныхъ этимъ гнуснымъ племенемъ, былъ и прежній мой благодѣтель, корабельной маклеръ Витьесъ. Онъ имѣлъ несчастную страсть къ картамъ; а какъ извѣстно было, что онъ былъ человѣкъ богатый и получалъ хорошіе барыши, то шулеры тотчасъ отыскивали его и заманили въ свое общество. Сначала, чтобы внушить ему довѣріе, они давали ему выигрывать съ недѣлю, но потомъ выиграли у него вдесятеро болѣе. Мнѣ было чрезвычайно прискорбно видѣть въ рукахъ этихъ мерзавцевъ человѣка, котораго я уважалъ и любилъ. Я предупредилъ его о ихъ мошенничествѣ и умолялъ его совсѣмъ

бросить ихъ общество. Онъ послушался моего совѣта, но не долго. Страсть къ игрѣ совершенно уже овладѣла имъ; онъ сталъ ходить въ другія общества, бывшія въ связи съ обществомъ Гизе, и гдѣ его обобрали тѣмъ-же мошенническими средствами. Пронгрыши только разжигали въ немъ желаніе отыграться; онъ сталъ все свое время проводить за картами, запустилъ дѣла, проигралъ все свое состояніе, впалъ въ нищету, и наконецъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Трупъ его нашли въ Эльбѣ, въ деревенькѣ Нюстеденѣ, близъ Альтоны.

Такая-же почти участь постигла одного молодого нотариуса, который въ то же время принималъ взносы для государственной лотереи. Онъ незадолго передъ тѣмъ женился на молодой и прекрасной дѣвушкѣ, и нѣкоторое время былъ вполне доволенъ своимъ семейнымъ счастіемъ. Но у нихъ былъ родственникъ, принадлежавшій къ шайкѣ Гизе, что имъ было неизвестно. Этотъ родственникъ заманилъ молодого человѣка въ свое общество, которое показалось ему сначала такъ благородно, что и болѣе опытному человѣку не пришло бы въ голову никакого подозрѣнія. Его обласкали, приглашали нѣсколько разъ, не заводя и рѣчи о картахъ. Потомъ кто-то однажды предложилъ партію по маленькой, просто, для препровожденія времени. Несчастный согласился и выигралъ; это разохотило его. Мало по малу стали играть въ азартныя игры, и онъ опять выигралъ. Ободренный выигрышами, онъ сталъ наконецъ самъ предлагать партію и рисковать довольно значительными суммами. Шулера воспользовались этою минутою, и въ одинъ день выиграли у него не только все его собственное состояніе, но и хранившіяся у него казенныя и частныя суммы. Несчастный опомнился слишкомъ поздно. Онъ былъ разоренъ въ конецъ и сверхъ того ему не миновать было уголовного суда за растрату чужихъ денегъ. Жена его была въ это время беременна. Она была такъ поражена извѣстіемъ о преступленіи мужа, что разрѣшилась до срока и умерла.

Всѣ эти трагическіе случаи, совершившіеся, такъ сказать, на моихъ глазахъ, пробудили наконецъ мою совѣсть. Мнѣ страшно было подумать, что и я содѣйствовалъ въ нѣкоторой степени гибели этихъ несчастныхъ. Но не смотря на мое доброе желаніе, у меня не доставало силы воли, чтобы совершенно оторваться отъ гнусной шайки. Вкусный столъ сдѣлался мнѣ уже потребностью, и мерозъ подиралъ меня по кожѣ, когда я помышлялъ о нищетѣ, въ которой долженъ очутиться, если послушаюсь голоса совѣсти. Нужно было страхнуть это постыдное иго; угроки сами позаботились объ этомъ.

У одного изъ нихъ, Реймерса, было родственница. Изъ многочисленнаго круга ея знакомыхъ, я имѣлъ честь обратиться на себя особенно ея вниманіе; меня приглашали на всѣ обѣды и праздники, давашіеся у нея. Мнѣ прискорбно было видѣть эту женщину, которой сердце казалось мнѣ еще не совсемъ испорченнымъ, въ кругу мошенниковъ, и я вздумалъ дружескими, убѣжденіями и совѣтами, возвратить ее на путь добродѣтели, не думая о томъ, что самъ я былъ несколько не лучше ея. Въ первой бесѣдѣ, которую я завелъ объ этомъ, я открылъ ей, какъ я гнушался подлыхъ средствъ, которыя Гизе употреблялъ для обобраянія своихъ жертвъ, и жалость мою къ послѣднимъ. Она слушала меня съ большимъ вниманіемъ, соглашалась со мною во всемъ и, казалось мнѣ, рассказывалась даже въ своемъ образѣ жизни. Я былъ въ восторгѣ, что такъ скоро и безъ всякаго труда вырвалъ грѣшную душу изъ бездны разврата, и собирался уже увѣичать свое дѣло поразительною картиною кончины, ожидающей тѣхъ, кто упорствуетъ въ пороки, какъ вдругъ она вскопчила, расхохоталась и сказала мнѣ, что я очень краснорѣчивый философъ. Эта неожиданная развязка поставила меня совершенно въ тупикъ. Красавица продолжала трунить надо мною, красуясь и танцуя передъ зеркаломъ, поправляя свою прическу, и наконецъ выпорхнула изъ комнаты. Вѣроятно, она передала нашъ разговоръ и мой образъ мыслей Реймерсу, и обратила тѣмъ на меня вниманіе его и товарищей. Не смотря на стараніе мое скрывать отъ нихъ свое негодованіе, они скоро замѣтили, что я гнушался ихъ дѣйствіями, и рѣшились меня наказать. Однажды вечеромъ они насильно засадили меня за большую игру; полагаясь на ихъ обыкновенное снисхожденіе ко мнѣ, я съѣлъ и въ полчаса проигралъ все, что успѣлъ скопить, до послѣдней копѣйки. До того времени, если мнѣ случалось проигрывать, Гизе возвращалъ мнѣ на слѣдующій день весь мой проигрышъ; я думалъ, что тоже будетъ и на этотъ разъ, но онъ уклонился подъ разными предлогами. Я очень хорошо видѣлъ, что они не думали меня обобрать и бросить, а хотѣли только проучить; показать мнѣ, что они, по желанію, могутъ меня озолотить или погубить, и что впредь я долженъ быть осторожнѣе и припрятать совѣсть подалше. Но отвращеніе мое къ этимъ мерзавцамъ было уже такъ сильно, что я не могъ долѣе оставаться въ ихъ обществѣ; я махнулъ рукою на свои деньги и съ презрѣніемъ бросилъ гнусную шайку.

Вскорѣ послѣ того, австриецъ Иозефъ пріѣхалъ въ Гамбургъ, чтобы набрать трупну; онъ нѣкогда игралъ съ большимъ ус-

пѣхомъ арлекиновъ на разныхъ кочевыхъ театрахъ, а съ нѣкотораго времени былъ маркитантомъ при арміи герцога Фридриха Брауншвейгскаго, и составилъ себѣ этимъ порядочное состояніе. Послѣ того, какъ шулера облупили меня, какъ ляпку, всѣ мои средства ограничивались тѣмъ, что я зарабатывалъ у Дрейера, а этимъ жить не было никакой возможности. Поэтому я съ радостью принялъ предложеніе Іозефи поступить въ его труппу. Дрейеръ совѣтовалъ мнѣ то же, и я отправился, безъ дальнихъ размышленій, съ своимъ новымъ директоромъ въ Киль. Я игралъ роли новичковъ, и кромѣ того, долженъ былъ участвовать фигурантомъ въ балетахъ.

Бѣдный старикъ Штейнбрехеръ, о которомъ я уже говорилъ, также обратился къ Іозефи съ просьбою дать ему мѣсто въ своей труппѣ. Іозефи сжалился надъ нимъ, и поручилъ ему продажу билетовъ, назначивъ ему за то небольшое содержаніе. Старикъ послѣдовалъ за нами въ Киль, потомъ изъ Килия въ Падерборнъ, но тутъ заболѣлъ. Я удѣлялъ ему все, что могъ отложить изъ своего скуднаго жалованія, и пригласилъ также нѣкоторыхъ товарищей, побогаче меня, участвовать въ этомъ добромъ дѣлѣ. Но какъ все это было недостаточно, потому что все въ городѣ было очень дорого, то я написалъ въ Гамбургъ, къ его дочери, представилъ ей горестное положеніе ея большаго отца, и просилъ ее прислать ему нѣкоторую помощь. Она съ матерью получала до десяти талеровъ въ недѣлю. Послѣ нѣсколькихъ убѣдительныхъ писемъ съ моей стороны, она прислала наконецъ поллуидора. Но эта помощь пришла, когда бѣдный старикъ уже былъ на столѣ; однако же эта небольшая сумма послужила на покупку шести досокъ, чтобы сколотить ему гробъ, и похоронить его.

ГЛАВА X.

Несчастная страсть къ картамъ еще не совсѣмъ угасла во мнѣ. Благодаря своему знанію многихъ шулерскихъ уловокъ, выученныхъ въ шайкѣ, которая была гораздо искуснѣе шаекъ, прїѣзжавшихъ на ярмарку, я думалъ, что могъ безопасно посѣщать ихъ игорныя дома; я искусился, началъ опять играть, и довольно удачно, потому что игралъ осторожно и хладнокровно. Тутъ я нашелъ много случаевъ позабавиться и кой-чему научиться; въ Гамбургѣ я былъ еще слишкомъ простъ, чтобы пользоваться этими слу-

чаями. Что наиболѣе способствовало къ излеченію меня отъ пагубной страсти, это была несчастная участь одного чужаго мастера, прїѣхавшаго въ Киль, чтобы выгодно сбыть свой товаръ.

Онъ былъ страстный игрокъ, но безъ малѣйшаго понятія объ игрѣ. Я встрѣчалъ его каждый день въ кофейнѣ, которую я постоянно посѣщалъ. Иногда ему везло, но иногда онъ проигрывалъ огромныя суммы. Однажды вечеромъ, вмѣсто коммерческой игры, предложили банкъ. Купецъ, у котораго голова была на взводѣ, подошелъ къ столу и сталъ понтировать. Начало было заманчиво, онъ выигралъ; назначилъ другую карту и удвоилъ кушъ. Вдругъ счастье измѣнилось, онъ спустил и выигрышь, и ставку, и всѣ деньги, которая имѣлъ при себѣ. Онъ побѣжалъ домой за остальными деньгами, но и тѣ пошли туда же. Очередь дошла до часовъ; въ двѣ, три минуты и они очутились въ рукахъ банкомета. Это такъ остервенило его, что онъ предложилъ поставить свой товаръ. Прочіе повтеры старались удержать его; но чѣмъ болѣе его уговаривали, тѣмъ настоятельнѣе онъ требовалъ, чтобы ему дали отыграться. Банкометъ долженъ былъ согласиться; принесъ ящикъ, оцѣнили товаръ въ розницу, и несчастный сталъ ставить свои чулки, сначала парами, потомъ дюжинами; къ полуночи, онъ былъ голъ, какъ соколъ. Онъ долго стоялъ неподвижно, вперивъ свои помутившіеся глаза въ землю; наконецъ упалъ на стулъ и залился слезами. Нѣкоторые изъ зрителей, вмѣсто того, чтобы стараться его утѣшить и ободрить, имѣли жестокость упрекать его въ безразсудности. Эти упреки вырвали его изъ оцѣпенѣнія, и отчаянныя жалобы и проклятія посыпались съ его помертвѣлыхъ губъ: — «Не себя одного разорилъ я, вскричалъ онъ мрачнымъ голосомъ; я пустилъ по-міру жеву и пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей; теперь имъ остается только просить милостыню или воровать. Я, я одинъ, виновникъ ихъ бѣдствій, — можетъ быть... ихъ убійца!»

И онъ бѣгалъ по комнатѣ, ломая руки съ отчаянія; наконецъ остановился передъ банкометомъ, подумалъ и бросился къ его ногамъ, умоляя его отдать ему часть его товаровъ. Но безчувственный банкометъ холодно отвѣчалъ, что выигрышь слѣдался его собственностью, что онъ не вовлекалъ его въ игру, а даже отговаривалъ его; за тѣмъ онъ преспокойно уложилъ чулки въ ящикъ, отдалъ ихъ на сохраненіе содержателю кофейни, и вышелъ, потому что послѣ случившагося никому не доставало духу продолжать игру. Эта жестокость возмутила мнѣ душу; я отдалъ несчастному все, что при мнѣ было, и почти всѣ зрители послѣдовали моему примѣру.

Когда онъ немного успокоился, онъ поблагодарилъ насъ за участіе, и сказалъ, что въ этомъ положеніи не можетъ показаться семейству; что онъ напишетъ ему о своемъ несчастіи, а самъ отправится на чужбину и постарается трудомъ и бережливостью исправить по возможности свой непростительный поступокъ. Намѣреніе было похвальное, но несчастному не стало силы воли привести его въ исполненіе. Когда онъ остался одинъ, мысль о несчастныхъ послѣдствіяхъ его безразсудства привела его опять въ отчаяніе, и на слѣдующее утро его нашли разбитымъ на мостовой; онъ выбросился изъ окна четвертаго этажа. На столѣ его лежалъ запечатанный пакетъ, заключавшій деньги, данныя ему сострадательными свидѣтелями, съ надписью: «Моему несчастному семейству!» Въ пакетъ было означено его имя и жилище.

Цѣль Іозефи была воспользоваться стеченіемъ народа на ярмарку, чтобы набрать побольше денегъ; когда-же ярмарка закрылась, видя, что уже не будетъ порядочныхъ сборовъ, онъ распустилъ труппу, не заботясь о томъ, чѣмъ она будетъ существовать. Можно себѣ представить, что этотъ безчестный поступокъ поставилъ насъ въ ужасно затруднительное положеніе; мы подали жалобу мѣстному начальству и испросили позволеніе дать еще нѣсколько представленій въ собственную нашу пользу. Едва эти представленія кончились, какъ Іозефи получилъ приглашеніе немедленно прибыть съ труппою въ Падерборнъ, главную квартиру герцога Фридриха Брауншвейгскаго, чтобы доставить нѣкоторое развлеченіе войскамъ во время зимы. Онъ возобновилъ свои условія съ актерами, которые были очень ради этому скорому случаю заработать нѣсколько денегъ, и мы отправились, не теряя времени, въ Вестфалію.

Въ Альтопѣ я имѣлъ счастье случайно спасти труппу отъ неминуемой смерти. Нѣсколько дней была уже сильная оттепель, и ледъ на Эльбѣ былъ очень ненадеженъ. Іозефи, боясь потерять минуту, поѣхалъ впередъ, чтобы нанять сани, которыя должны были немедленно перевести насъ въ Гарбургъ. Зная, что укладка вещей займетъ добрый часъ времени, я отпросился у него на это время, чтобы посѣтить своихъ гамбургскихъ друзей, Дрейера и Мирка. Къ счастью, вмѣсто одного часу, я пробылъ два часа. Между тѣмъ рѣка тронулась, и пошелъ сильный ледъ. Нѣсколько саней, отправившихся не задолго передъ тѣмъ изъ Гамбурга, потонуло; и мы сами подверглись бы непременно той же участи, еслибъ я не опоздалъ. Іозефи, за нѣсколько минутъ бѣснвншійся на меня за долгое отсутствіе, благодарилъ меня теперь отъ всей

души. Мы поѣхали въ Бланкензе, въ двухъ миляхъ отъ Альтоны, и переправились черезъ Эльбу на лодкахъ, не безъ опасности быть затертыми льдомъ. Черезъ нѣсколько дней мы благополучно прибыли въ Падерборнъ.

Благодаря попеченіямъ маіора Бауера*, которому поручено было завѣдываніе зимними увеселеніями, мы нашли въ Падерборнѣ хорошей театр. Вся зима прошла въ представленіяхъ и балахъ.

По приказанію герцога, актеры были размѣщены по обывательскимъ домамъ; но какъ въ городѣ было необыкновенное стеченіе народу, то приходилось довольствоваться одними уголками. Мнѣ выпалъ на долю крошечный чуланчикъ въ подвальномъ этажѣ, въ грязной гостинницѣ. Отъ роду не видалъ я вичего сквернѣе; полъ былъ вымощенъ плитою и сырость была такая, что между камнями росла трава. Это дурное помѣщеніе имѣло вредное вліяніе на мое здоровье; я все время страдалъ лихорадкою, флюсами и ужасною зубною болью.

Въ концѣ мая, войско отправилось въ походъ и представленія наши прекратились. Герцогъ щедро наградилъ труппу; а Іозефи, не ожидая отъ насъ болѣе никакой пользы, распустилъ насъ, поѣхалъ въ Ганноверъ, женился на вдовѣ одного трактирщика и завелъ кофейню. Распущенные актеры разбрелись во все стороны, а я, не имѣя надежды попасть въ другую труппу, печально побрелъ въ Гамбургъ, къ своему старому другу Дрейеру.

Въ числѣ распущенныхъ актеровъ былъ пѣкто Бергеръ, котораго я особенно уважалъ за то, что онъ всѣхъ охотнѣе и щедрѣе помогалъ старику Штейнбрехеру. По закрытіи театра, ему удалось выхлопотать себѣ мѣсто въ провіантскомъ управленіи, съ очень хорошимъ окладомъ. Все мы завидовали его счастію, а между тѣмъ вышло, что онъ сдѣлался самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ нашихъ товарищей. Подобно всѣмъ людямъ своего сословія, онъ всегда наслаждался настоящимъ, не заботясь о будущемъ и не отложивъ ни гроша изъ своихъ довольно значительныхъ доходовъ. По окончаніи войны онъ опять поступилъ на театръ, нѣсколько разъ былъ директоромъ труппъ, но каждый разъ банкротился, потому что принимался за дѣло безъ достаточнаго капитала, и наконецъ впалъ въ крайнюю нищету. Много лѣтъ спустя, я встрѣтилъ его въ Гамбургѣ; онъ жилъ подавленъ. Въ довершеніе бѣдствія, неизлечимое бѣльмо ослѣпило его на оба глаза, и онъ не могъ ходить безъ вожаго. Видя, что онъ, какъ виноградъ, не могъ поступить ни въ одну изъ гамбургскихъ богадѣленъ,

* Впоследствии бывшего генераломъ въ русской службѣ.

я сдѣлалъ, что могъ, чтобы улучшить его состояніе; дѣлъ ему порядочную сумму изъ своихъ денегъ, и даже сдѣлалъ сборъ въ его пользу между знакомыми. Съ этимъ онъ могъ отправиться съ своимъ вожатымъ далѣе и продолжалъ обходить всѣ города, гдѣ были театры; старые товарищи вездѣ доставляли ему средства влечить свою бѣдственную жизнь.

ГЛАВА XI.

Во время пребыванія своего въ Падерборнѣ, я написалъ романъ: «Послѣдствія щедрости и честности.» Приѣхавъ въ Гамбургъ, я показалъ свой трудъ Дрейеру, который нашелъ его достойнымъ печати и самъ написалъ къ нему предисловіе, чтобы придать ему болѣе цѣны. Но сколько я ни возиася съ нимъ, ни одинъ книгопродавецъ не хотѣлъ его купить. Эта первая неудача надолго отняла у меня всякую охоту заниматься литературою.

Я опять остался безъ занятія, а шгорцые дома были для меня слишкомъ гнусны съ тѣхъ-поръ, какъ я приглядѣлся къ производившимся въ нихъ дѣламъ. Все, что я скопилъ у Юзефи, вышло въ короткое время, и я опять очутился въ прежней вишетѣ, безъ всякой надежды на улучшеніе. Однако-же я могъ еще кое-какъ существовать тѣмъ, что зарабатывалъ у Дрейера, перепискою его газеты, и помощью нѣкоторыхъ изъ актеровъ Коховой труппы. Всѣхъ болѣе принималъ во мнѣ участія бывшій мой учитель зловкенціи рукъ и ногъ, балетмейстеръ Миркъ. Я всегда находилъ готовый приборъ за его столомъ и былъ почти постояннымъ собесѣдникомъ его по вечерамъ.

Скоро испыталъ я новую горестъ. По возвращеніи изъ Падерборна, я счелъ обязанностью немедленно явиться къ дочери бѣднаго Штейнбрехера, чтобы извѣстить ее о смерти отца и дать отчетъ въ употребленіи ея денегъ. Это первое посѣщеніе дало мнѣ поводъ видаться съ нею и послѣ. Въ лицѣ ея было что-то невыразимо обворожительное; такая насмѣшливая фізіономія, такая повелительная осанка, и въ то-же время, въ минуты спокойствія, столько кротости, что, казалось, каждый долженъ былъ почестъ за счастіе идти за нее въ огонь и воду. Черезъ нѣсколько дней я былъ уже однимъ изъ самыхъ пламенныхъ, и въ то-же время, самыхъ робкихъ ея обожателей. Все, что мнѣ рассказывали о ея характерѣ, показалось мнѣ клеветою, выдумками зависти.

Я ходилъ почти каждый день въ театрѣ; и не только ея красота, но ея очаровательный голосъ, ея наивная игра, произвели на меня глубокое впечатлѣніе, которое я тщетно старался подавить. Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что она отъ времени до времени бросала томные взгляды на мою ничтожную особу, и съ особенною довѣрчивостію просила у меня разныхъ небольшихъ услугъ. Все это возбудило во мнѣ надежду, что она не совсѣмъ равнодушна ко мнѣ; и въ этой сладкой надеждѣ я осмѣлился высказать ей свою любовь въ пламенной записочкѣ. При первомъ случаѣ я робко сунулъ ей записочку въ руку, пѣжно поцѣловалъ бѣленькіе пальчики, и удалился. Сдѣлавъ первый шагъ, я старался являться ей на глаза какъ можно чаще; каждый вечеръ бывалъ въ театрѣ, въ ожиданіи, что она удостоитъ меня благопріятнаго отвѣта, или даже назначитъ мнѣ свиданіе для окончательнаго объясненія.

Однажды, когда я былъ за кулисами, пожиралъ глазами это волшебное существо и съ жадостію ловилъ каждый взглядъ, который она будто печально бросала со сцены въ мою сторону, я вдругъ увидѣлъ передъ собою ея мать. Я тотчасъ подошелъ къ ручкѣ; но она грубо отдернула руку, бросила къ моимъ ногамъ разорванную записку, и сказала съ презрѣніемъ: — «Вотъ, сударь, вашъ клочекъ бумаги; удивляюсь, вашей дерзости писать моей дочери подобный вздоръ!...» Я стоялъ, какъ вкопанный; и бормоталъ, въ видѣ извиненія, чортъ знаетъ какую ахинею о могуществѣ любви, о всепильной красотѣ ея дочери, о своемъ чувствительномъ сердцѣ, и прочее и прочее. Но гнѣвная мать прервала меня: — «Вы, сударь, дерзкій мальчишка, самовадѣянный глупецъ! ступайте горничнымъ и кухаркамъ рассказывать свою любовную чепуху. Гораздо-бы лучше вамъ, сударь, взять мѣсто лакея и чистить барскіе сапоги, чѣмъ бить баклуши на театрѣ и увиваться около честныхъ дѣвушекъ.»

Тутъ она оставила меня и преспокойно сѣла на свое мѣсто. Горя отъ стыда, я случайно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ дочь ея, окруженная нѣсколькими актерами, заливалась смѣхомъ, и по видимому объясняла имъ, въ чемъ дѣло. Въ это мгновеніе я почувствовалъ, какъ будто ледяная струя пробѣжала по моимъ жиламъ, и въ одинъ мигъ, пламенной любви моей какъ не бывало. Я медленно подобралъ клочки записки и тихонько вышелъ изъ театра, давая себѣ слово не влюбляться въ другой разъ въ актрису.

Положеніе мое становилось съ каждымъ днемъ печальнѣе. Я зарабатывалъ у Дрейера одинъ несчастный гульденъ въ недѣлю и при всѣхъ своихъ усиліяхъ не могъ найти другаго занятія. Платье мое изнашивалось, а новаго купить было не на что.

Восьмидесяти лѣтняя хозяйка, у которой я занималъ грязный чулачикъ, — и тотъ еще оспаривали у меня крысы и мыши, — была скупа и недовѣрчива; она знала, что все мое добро заключалось въ нѣсколькихъ книгахъ и двухъ вѣтхихъ рубашкахъ, за которыя она не много могла выручить; но и тѣхъ она не хотѣла потерять. Чтобы я въ одно прекрасное утро не далъ тягу съ своими пожитками, она каждое утро присылала ко мнѣ своего сына каменьщика, здороваго парня, который однимъ кулакомъ могъ бы сплюснуть меня въ лѣсть, требовать платы за постой. Какъ я ни представлялъ ему, что въ настоящее время это невозможно, что надо подождать, онъ грозился снять съ меня платье и удержать его въ залогъ, и затѣмъ согнать меня съ квартиры. Въ довершеніе горести, немногіе друзья мои, за исключеніемъ Дрейера и Мирка, явно охладѣли ко мнѣ, и каждую свою подачку сопровождали упреками въ праздности; говорили, что я радъ жить на чужой счетъ.

Одни совѣтовали мнѣ идти опять въ услуженіе, другіе искать мѣста при какомънибудь театрѣ. Я охотно рѣшился бы на послѣднее средство, но не могъ выйти изъ города безъ денегъ; надо было расплатиться съ долгами, надо было кормиться дорогою. Эти господа готовы были надавать мнѣ совѣтовъ съ три короба, но никто не хотѣлъ дать мнѣ средства воспользоваться совѣтами. Просить о томъ Дрейера и Мирка, единственныхъ истинныхъ моихъ друзей, я не хотѣлъ, потому что зналъ, что они были въ очень стѣсненномъ положеніи, по случаю различныхъ расплатъ.

Но въ то самое время, какъ нищета моя дошла до крайней степени, судьба выручила меня самымъ неожиданнымъ образомъ. Братъ балетмейстера Мирка, бывшій моимъ товарищемъ въ труппѣ Іозефи, былъ къ этому времени ангажированъ въ труппу Шуха, въ Штеттинѣ. Пріѣхавъ на мѣсто, онъ узналъ, что въ труппѣ нуженъ былъ молодой человекъ на роли новичковъ, онъ предложилъ меня директору, который обратился къ Дрейеру за свѣденіями обо мнѣ. Дрейеръ рекомендовалъ меня, какъ дебютанта, подающаго боль-

шія надежды, и я былъ принятъ, на жалованьи по четыре гульдена въ недѣлю. Это неожиданное счастье привело меня въ восторгъ; я тотчасъ заплатилъ долги изъ денегъ, присланныхъ мнѣ на дорогу, простился съ добрымъ Дрейеромъ, и отправился на мѣсто назначенія, гдѣ меня ожидало счастье обнять матушку, по слѣ восьми-лѣтней разлуки.

ЮМОРИСТИКА.

ОЧЕРКИ ТЕАТРАЛЬНЫХЪ ПРАВОВЪ.

ГЛАВНАЯ ПРОБА «ИФИГЕНИИ ВЪ ТАВРИДѢ».

(ГЛУКЪ И МЕГЮЛЬ.)

Любопытное зрѣлище представлялъ Парижъ 1-го января 1779 года. Ночью выпало много снѣга, но онъ уже потерялъ свою первоначальную бѣлизну, истоптанный пѣшеходами и экипажами. Улица Сентъ-Опорѣ походила на длинный, грязный ровъ, гдѣ толпились разряженные горожане, снѣша засвидѣтельствовать свое глубочайшее уваженіе меценатамъ. Тогда еще визитыя карточки не существовали и лицамъ необходимымъ каждый обязанъ былъ персонально изъяснить свои пожеланія годичнаго счастія. Въ преддверіяхъ вельможныхъ отелей тѣснились подчиненные и просители, записываясь у швейцара, который значительно улыбался догадливымъ, не оставлявшимъ его безъ прилагательнаго. Эти догадливые въ теченіе всего года имѣли свободный до-

ступь, а бѣднякамъ опъ заграждался золоченою булавою. На улицахъ, между тѣмъ, все кипѣло движеніемъ; посплски скрещивались съ носилками; пѣшеходы, счастливо избѣгнувшіе лошадиныхъ копытъ, должны были остерегаться носильщиковъ, которые тоже жались къ строеніямъ, сторонясь отъ встрѣчи съ гайдуками, скороходами и грумами, необходимой принадлежностью тогдашняго барича.

Окрестности Пале-Ройяля, близъ опернаго театра, отличались особенной оживленностью. Ко всеобщему удивленію, у довольно скромнаго домка улицы Бонъ-зафанъ постоянно останавливались экипажи. вмѣсто швейцара и егеря, усердныхъ посѣтителей принималъ очень наивный привратникъ, удивлявшійся ихъ многолюдству. Всѣмъ и каждому добрякъ говорилъ: «Господишь кавалеръ ушли со двора, угодно вамъ завернуть, такъ, часа въ три, они обѣдаютъ.... навѣрно застанете». Наконецъ, наскуча разсирсами и недѣйствительностью отвѣтовъ, привратникъ запрятался въ свою кануру и на новыя вопросительныя попытки принялся бросать оттуда одно отрывисто-сердитое «дома нѣтъ!» Этимъ лаконизмомъ не удовольствовался, впрочемъ, молодой человекъ, лѣтъ семнадцать, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ; онъ настоятельно хотѣлъ узнать, когда таинственный жилецъ бываетъ дома. Привратникъ, помня насмѣшки, счелъ за лучшее, безъ разсужденій, захлопнуть форточку подъ носомъ докучнаго и юноша принужденъ былъ удалиться въ смущеніи. Ровно годъ мучило его желаніе видѣться съ Глукомъ; это желаніе сдѣлалось его необходимою, предметомъ неразлучныхъ мыслей; и вотъ онъ не вытерпѣлъ и рѣшился самъ, незнакомый, идти къ знаменитому композитору, просить его покровительства и уроковъ. Задумать предпріятіе не трудно, трудно выполнить, и давно уже бѣднякъ со дня-на-день отсрочивалъ свое посѣщеніе. Природная робость и любовь къ автору «*Орфей*» и «*Альцесты*» всегда калобали его рѣшимость. 1-го января онъ, не раздумывая, отправился къ жилищу своего добраго генія. Еще съ вечера готовился онъ физически и морально къ важному свиданію: сперва тщательно осмотрѣлъ небогатый гардеробъ, потомъ, для эффекта, началъ сочинять вступительную рѣчь. «Милостивый государь, долженъ былъ сказать онъ, я бѣднякъ, молодъ, векормленъ вашими дивными произведеніями, алмазами французской сцены.... Я жаждалъ видѣть васъ, безсмертнаго творца ихъ, и, вѣрно, страсть моя къ искусству извинитъ мою смѣлость. Не отрицте меня, умоляю.

Подкрѣпите совѣтами мои первые шаги на трудномъ поприщѣ композиціи.» — Право, говорилъ себѣ нашъ юноша, коротко и ясно, рѣчь хоть куда.... Кавалеръ Глукъ непремѣнно скажетъ: «Молодой человѣкъ, люблю благородный порывъ, онъ предвѣстникъ вашихъ успѣховъ въ искусствѣ.... Приходите, мнѣ пріятно посвятить васъ въ его таинства...» И я буду посѣщать его, онъ будетъ давать мнѣ билеты въ театръ, услышу его оперы, начну самъ сочинять подъ его руководствомъ.... успѣхъ за успѣхомъ.... и со временемъ — я великій музыкантъ!» Съ такими сладостными мечтами заснулъ нашъ юный артистъ наканунѣ новаго года, то-есть 31 декабря 1778.

На другой день, завитый, припомаженный, напудренный, шегольщеголемъ, отправился онъ въ улицу Бонъ-зафанъ! Мы видѣли, какой пріемъ сдѣлалъ ему измученный привратникъ, и его грубое: «нѣтъ дома» довершило поражение нашего бѣдняка. Лопнули всѣ надежды; съ грустію въ сердцѣ, съ пошкшею головою отправился онъ въ обратный путь къ своему убогому жилищу. Теперь ужъ онъ не обращалъ вниманія на носильщиковъ, на кареты и прохожихъ, съ которыми сталкивался на каждомъ шагу; потупивъ глаза, онъ не замѣчалъ ничего, шелъ машинально — по грязи, по лужамъ, зацѣпляясь, ушибаясь.... но вдругъ громкое: берегись! берегись! вывело его изъ задумчивости, онъ оглянулся и увидѣлъ себя чуть-чуть не подъ копытами пары взбѣсавшихся копей. Бѣднякъ хотѣлъ броситься впередъ, на встрѣчу ему летитъ другая карета — нѣтъ спасенія!... Къ счастью, воровато тащатъ носилки, дверцы отворены, онъ съ быстротою молніи схватывается за воротникъ сидѣвшаго въ нихъ и благополучно вскакиваетъ туда, проклиная свою неудачу. Каково положеніе обладателя нарушенной собственности: грязныя ноги артиста изгадили атласныя штаны, — въ ужасѣ кричитъ онъ: «караулъ! помогите! я раненъ! погибаю!» Носильщики, не ожидавшіе повои тяжести, не сдержали носилокъ и разомъ опустили ихъ на мостовую. Несчастные сѣдоки крѣпко поздоровались лбами и только въ эту минуту разсмотрѣли другъ друга. «Ахъ! mon Dieu, это мосью Мегуль!» — О ужасъ! это господинъ Вестрисъ! — Встрѣча была одна изъ самыхъ юмористическихкихъ. Мегуль пускается рассказывать Вестрису, какимъ чудомъ спасся онъ отъ гибели и, стараясь прикрыть безпорядокъ навесенный одѣждѣ старика, кидается къ нему на шею, называетъ его своимъ избавителемъ, увѣряя, что безъ него, онъ уже не существовалъ бы на свѣтѣ. — Изъявленіямъ признательности не

было ковца. Старый танцовщик не противится ласкамъ, принимаетъ ихъ за должное и самоуверенно посматриваетъ на музыканта.

«*Mon ser ami* — радъ, очень радъ, что могъ спасти вамъ жизнь. Я еще ни разу не спасалъ.... и изъ знакомыхъ никто.... Вотъ Вестрисъ!... Кстати, у меня сегодня обѣдаютъ пріятели, мнѣ хочется непременно показать васъ имъ... иначе не повѣрятъ.... Зайдите домой, переодѣньтесь и приходите ко мнѣ въ три часа.... Я сегодня танцую.» Тутъ смущеніе Мегюля увеличилось, у него было одно выходное платье и оно красавалось на немъ; нечего дѣлать — надо было отказаться отъ приглашенія. — «Какъ вамъ угодно, возражаетъ Вестрисъ, съ своимъ итальянскимъ выговоромъ, какъ вамъ угодно, я не пушу васъ, ужъ покажу друзьямъ, какого спасъ славнаго малаго.... Увидите, все васъ полюбятъ.... это Поверръ, Доберваль, мамзель Гишаръ, мамзель Генель, синьоръ Легрэ, синьоръ Ларрива, мамзель Левассеръ, — все наши, все, кто танцуетъ и поетъ въ новой оперѣ.... Опера таки-того, ужъ разумѣется не дурна, когда пишетъ ее синьоръ кавальеро Глукъ.» При этомъ магическомъ имени Мегюль рѣшается на все и принимаетъ радушное приглашеніе. Вестрисъ даетъ ему во что переодѣться; носильщикамъ обѣщано на водку и они съ трудомъ опять двигаются въ путь, влача и жертву и ея избавителя. Мегюль продолжаетъ сидѣть на колѣнахъ у Вестриса, но, къ счастью, переходъ не далекъ и совершается безъ приключеній, потому что танцовщикъ живетъ тоже близъ Опернаго дома.

Нарядивъ съ грѣхомъ пополамъ нашего бѣдняка въ благовидную одежду, старый танцовщикъ представляетъ его своимъ пріятелямъ, какъ юношу съ большими надеждами. «Я познакомился съ нимъ въ домѣ, гдѣ даю уроки, говоритъ Вестрисъ, а сегодня вотъ спасъ его, не щадя собственной жизни.» Мегюль не прерываетъ хвастуна и увеличиваетъ похвалы, которыми съ избыткомъ надѣляетъ себя Вестрисъ. Мужчины не обращаютъ большаго вниманія на музыканта, за то дамочки посматриваютъ на него довольно ласково, потому что онъ не дурень и даже интересенъ въ своемъ импровизованномъ нарядѣ.

Обѣдъ непродолжителенъ и все расходятся рано; большая часть гостей участвуютъ въ вечернемъ представленіи. Прощаясь съ хозяиномъ, Мегюль отводитъ его всторону: «Голубчикъ, госпо-

динъ Вестрисъ, вы можете сдѣлать мнѣ огромную услугу: я долженъ переговорить съ кавалеромъ Глукомъ; представьте меня ему, умоляю васъ!» — Гм!... трудновато, «*ser ami*», трудновато... синьоръ Глукъ занятъ теперь новой оперой — никого не принимаетъ... Позже, черезъ мѣсяцъ, работа подвинется... Мнѣ нужно самому, тогда я возьму и васъ съ собою. — Мегюль вѣ себя отъ радости, онъ осыпаетъ старика благодареніями, обнимаетъ его, цѣлуетъ, ласкаетъ... Вестрисъ приписываетъ это признательности за спасеніе жизни, и юный музыкантъ возвращается домой съ новыми надеждами и цвѣтистыми мечтами.

Съ этой минуты онъ сдѣлался домашнимъ человѣкомъ у танцовщика — благодѣтеля. Предупредительный ко всѣмъ, даже мелочнымъ его желаніямъ, онъ пангрывалъ для него танцы на фортепьяно, заставляя его повторять театральныя па, хвалилъ, лестилъ, а иногда напоминалъ объ обѣщаніи. Такъ прошли два мѣсяца. Мегюль начиналъ уже сомнѣваться въ быточности надеждъ, но вотъ однажды, посѣтивъ Вестриса, онъ находитъ его больнымъ, разстроеннымъ, въ лихорадкѣ и въ постели. — «А! это вы, юный другъ мой, радъ, радъ видѣть васъ.... а я собираюсь умереть... Такое несчастіе.»

— Боже мой! что случилось съ вами?

— Бррръ! *ser ami*, злодѣи этотъ, выродокъ ада.... Глукъ.... Бррръ!... поклялся уничтожить меня.... Я обезчещенъ.... Посудите, онъ, варваръ, не хочетъ, чтобъ я танцевалъ въ его оперѣ..

— Отчего-же?

— *Recchié?*—такую арію написалъ, проклятый!... уши дереть.... ужасная, дикая арія.... Я просилъ ее передѣлать или написать другую, и онъ меня назвалъ.... знаете-ли какъ? — ослумъ! меня, Вестриса! сказалъ, что я ничего не смыслю въ музыкѣ, что онъ безъ меня обойдется, если я не хочу плясать подъ его адскую гармонию.... Каково? Бррръ!

— Но скажите, что это за арія?

— Ужасъ, ужасъ!... Въ оркестръ и цимбалы гремятъ, какъ грома, и скрипки режутъ, какъ звѣри лютые... просто драць.... Это бы еще ничего, я хотѣлъ поправить дѣло и утромъ сегодня, на репетиціи, только-что началъ прехоршенькое па, — вдругъ этотъ

бѣшеный вандалъ все испортилъ, — остановилъ меня... замѣьте, меня, Вестриса!... Что это, говоритъ, развѣ такъ пляшутъ дикіе?» — Хочетъ, видите, чтобъ я, первый танцовщикъ въ мірѣ, плясалъ какъ дикій... Бррръ!... Хочетъ, видите, чтобъ я страцалъ сивьора Ларриве и сивьора Легро, которые лежатъ скованные въ углу и ждутъ смерти послѣ дивертисмана... Нѣтъ, не соглашусь никогда... Я ушелъ изъ театра и заболѣлъ съ досады... Завтра пойду къ нему, заставлю сочинить новую арію... Объясню все, какъ слѣдуетъ... докажу, что онъ не смѣетъ забываться передъ такимъ танцовщикомъ, какъ я... Композиторовъ много, а Вестрисъ одинъ въ цѣломъ мірѣ. Уфъ! я хотѣлъ бы, чтобъ вся земля была въ его кабинетѣ и слышала, какъ я докажу ничтожество его искусства передъ моимъ. Къ несчастію, никого не будетъ, за то я послѣ расскажу цѣлому свѣту...

— Если вамъ угодно, прервалъ Мегюль, я пойду съ вами.

— O per Dio! Прекрасно, чудо хорошо, ser ami!... Зайдите за мною завтра, часовъ въ двѣнадцать... Увидите, какъ я угощу этого нѣмецкаго борова. Онъ не испугаетъ меня. Я его выучу... Прощайте... до завтра... Теперь я засну цемножко... совсѣмъ я разстроена... умираю!...

Мегюль посѣвши простишься съ огорченнымъ Вестрисомъ и на другой день, ровно въ двѣнадцать часовъ, онъ уже стучался у его дверей. Вестрисъ ушелъ со двора. Музыкантъ думаетъ, что не дождавшись, онъ одинъ отправился къ Глуку, стремглавъ летитъ къ жилищу композитора, взбѣгаетъ на лѣстницу, звонитъ, служанка отворяетъ ему: «Господинъ Глукъ занятъ и никого не принимаетъ!» Мегюль настаиваетъ, служанка немолтва. Въ это время является дородная дама съ самой добродушной, откровенной физиономіею и освѣдомляется о причинѣ спора. — «Сударыня, робко говоритъ ей Мегюль съ сильно бьющимся сердцемъ, господинъ Вестрисъ назначилъ мнѣ свиданіе... Онъ хотѣлъ посѣтить со мною господина Глука... Я думалъ, что онъ раньше меня пришелъ... и я... — И вы желаете его подождать? прерываетъ дама, такъ негодно ли вамъ пожаловать сюда?— и она ввела его въ большую, прекрасно меблированную гостиную, украшенную великолѣпнымъ портретомъ королевы. Помолчавъ съ минуту, Мегюль рѣшается спросить: «А гдѣ же господинъ Глукъ?»

— Мужъ мой? говоритъ дама.

— Какъ? Вы госпожа Глукъ! О Боже мой! сударыня, какъ я вамъ благодаренъ за вашъ ласковый пріемъ!... Добрая дама не совсѣмъ понимаетъ, за что ее благодарятъ, но лицо ея дышетъ такою добротою, внушаетъ такую довѣрчивость, что Мегиоль не скрываетъ отъ нея ничего. Онъ описываетъ свой энтузіазмъ, попытки видѣться съ Глукомъ, говоритъ, что день этотъ для него счастливѣйшій въ жизни, потому что онъ увидитъ творца дивныхъ созданій. Добрая дама слушаетъ его съ глубокимъ участіемъ. Между-тѣмъ время идетъ, Вестрисъ не является и Мегиоль замѣчаетъ, что разговоръ слабѣетъ. Онъ уже рассказалъ всю свою исторію, а мадамъ Глукъ, не обладая полнымъ знаніемъ французскаго языка, говоритъ очень мало. «Боже мой! печально восклицаетъ онъ вдругъ, значить и сегодня не сбудутся мои надежды!..»

— Послушайте, говоритъ ему мадамъ Глукъ, мужъ мой работаетъ. Говорить съ нимъ вы не можете, но если хотите только его видѣть....

— Возможно-ли, сударыня? — Это выше моихъ ожиданій! лепечетъ обрадованный артистъ.

Мадамъ Глукъ осторожно отворяетъ дверь, пропускаетъ молодого человѣка, запираетъ ее за нимъ и оставляетъ его за большою ширмою; между дверью и фортепяно. Кто опишетъ, не испытавъ самъ, то чувство, которымъ волновалось юное сердце музыканта въ присутствіи обожаемаго гениа?

Глукъ оканчивалъ четвертый актъ «*Ифигеніи въ Тавриду*» и занимался обработкою большой финальной сцены, — когда Тосасъ, раздраженный отказами Ифигеніи, готовится самъ заколоть и жрицу, и жертву. Глукъ старался въ эту минуту представить себѣ сценическій эффектъ и настоящее распределеніе группъ, потому что музыка его, выражая глубокое безпредѣльное чувство, могла осуществиться только на мѣстѣ самаго дѣйствія и подъ влияніемъ вѣрныхъ впечатлѣній. Глуку было тогда лѣтъ шестьдесятъ-пять; высокій ростъ и дородство чрезвычайно шли къ нему. Лицо его, избороженное оспою, отличалось особенною привлекательностію; женщина, взглянувъ на него, конечно не сказала бы «это былъ красавецъ», но оно осѣнялось гени-

емъ, который преобразуетъ своего избранника, заглаживаетъ его физическіе недостатки и заставляетъ васъ поклоняться ему невольно. Глукъ оказался Мегюлю чѣмъ-то неземнымъ. Окутанный длиннымъ шелковымъ халатомъ, въ черной бархатной шапочкѣ, отороченной узенькимъ золотымъ галуномъ, германскій композиторъ прохаживался по кабинету, погружаясь въ размышленіе. Вотъ, онъ останавливается, беретъ столъ и ставитъ его среди комнаты: «это жертвенникъ», говоритъ композиторъ; потомъ близъ него стулъ изображаетъ жрицу, а табуретъ — Тоаса, кресла представляютъ грековъ, скивоовъ и народъ. Разставя всѣхъ по мѣстамъ, онъ сбрасываетъ съ себя халатъ, и поетъ:

Узи, богиня, я снимаю баграницу

И въ жертву приношу тебѣ твою-же жрицу!

Теперь восклицаніе Ореста:

Закласть! кого? сестру?

Тоасъ продолжаетъ:

Сестру, ея дѣтей...

И вдругъ, выражая внезапный приходъ Пилада:

Не совершится-то, ты самъ умрешь, злодѣй!

восклицаетъ онъ и бросается на табуретъ Тоаса, чтобъ поразить его смертію. Табуретъ, не выдерживая сильнаго напора, опрокидывается и композиторъ, потерявъ равновѣсіе, падаетъ на шпину, скрывающую пашего артиста. Мегюль, въ свою очередь, отталкиваетъ громадную массу, придавившую его къ стѣнѣ; онъ задыхается; онъ готовъ призывать на помощь, какъ вдругъ съ шумомъ чрезъ противоположную дверь въ комнату вбѣгаетъ мужчина, преслѣдуемый госпожею Глюкъ, которая старается удержать его, но напрасно.... Это Вестрисъ, съ раскрасѣвшимся лицомъ, раздраженный отказомъ служанки, Вестрисъ—тигръ.... «Какъ! кричитъ онъ, принимая Лекевевскую позу, меня не допускаютъ до васъ, господинъ варваръ, когда я пришелъ требовать для себя другой музыки.... Слышите-ли: я не могу и не хочу танцовать подъ прежнюю!»

— А, такъ ты не можешь плясать подъ прежнюю! восклицаетъ Глукъ, оправляясь отъ паденія.— «Увидимъ, увидимъ, дружокъ!»— И схвативъ Вестриса за воротникъ, онъ принялся носить его по комнатѣ, приподымалъ по временамъ на воздухъ, и заставляя выполнять преоригинальный танецъ, постоянно напѣвая ему маршъ скивоовъ изъ перваго акта. Бѣдный танцовщикъ принужденъ былъ покориться праву сильнаго: «Синьоръ кавальеро, бормочетъ онъ задыхающимся голосомъ, буду танцевать, пощадите, прекрасно протанцую!... Уфъ!... Уфъ!...»— При каждомъ движеніи мощной руки антагониста, ноги его невольно двигаются, скрещиваются и выполняютъ самыя смѣлыя па и антрша самыя сложныя. Наконецъ онъ ногою встрѣчаетъ ширму, цѣпляется за нее, — тяжелая ширма валится и погребаетъ подъ собою композитора вмѣстѣ съ танцовщикомъ. Освобождаясь въ эту минуту отъ демонскихъ объятій, Вестрисъ не теряетъ времени, выбирается осторожно изъ-подъ ширмы, безъ шума прокрадывается къ дверямъ и исчезаетъ. Глукъ, ошеломленный непривычнымъ танцемъ, снова хочетъ приняться за свою жертву, но, къ удивленію, на ея мѣстѣ находитъ новое незнакомое лицо. Молодой человекъ, блѣдный, дрожащій отъ испуга, стоитъ передъ нимъ на колянахъ, объясняясь сквозь слезы: «Простите, господинъ Глукъ, простите! Я не танцую, право, не танцую!»

— Что же вы дѣлаете?

— Господинъ Глукъ, не сердитесь, ради Бога! — Я бѣдный музыкантъ.... благоговѣю предъ вашими произведеніями. Мнѣ позволили посмотреть.... взглянуть.... Ваша супруга такъ добра.... снисходительна....

Глукъ ровно ничего не понимаетъ изъ словъ Мегиюля; къ счастью жена его, которая боялась слѣдствій своей доброты и незамѣтно присутствовала въ кабинетѣ, спѣшитъ успокоить мужа. Благосклонная улыбка проясняетъ тогда чело великаго композитора. Давно ли талантъ его былъ униженъ упрямымъ старикомъ и вотъ такое признаціе юности вознаграждаетъ его за оскорбленіе. Находчивость, артистическій пылъ нравятся ему, онъ принимаетъ бѣдняка съ любовью, общается покровительствовать ему, давать уроки и позволяетъ посѣщать себя во всякое время. Мегиюль на седьмомъ небѣ; ласки Глука трогаютъ его до слезъ и голосомъ, трепещущимъ отъ волненія, съ сердцемъ полнымъ признательности, благодаритъ онъ композитора.

Легко угадать, часто ли посѣщаль онъ своего новаго наставника, уроки котораго, правда, были рѣдки, но одно слово открывало болѣе, чѣмъ годичныя занятія у другихъ. Мегюль и самъ уже прежде серьезно изучалъ техническую часть своего искусства, но нуждался въ его философіи. Чаще всего уроки заключались въ простыхъ бесѣдахъ учителя съ ученикомъ; Глукъ рассказывалъ, какъ приобрѣль онъ свою особенную манеру, какъ первые опыты его грѣшили за недостаткомъ образцовъ; какія муки испыталъ онъ, когда въ Италіи его сочиненія выигрывали постоянно ошибками, а не красотами, проходившими безъ замѣчанія.

Время между тѣмъ шло, релетниця «Ифигенія въ Тавриду» подвигалась; первое представленіе назначали 18 мая, а генеральную пробу 17.

Глукъ познакомилъ своего ученика съ нѣкоторыми отрывками этой чудной оперы; Мегюль горѣлъ желаніемъ услышать ее вполнѣ, но никогда не смѣлъ открыться наставнику, что кошелекъ его отказывался платить за театральныи билетъ. Глукъ самъ предложилъ ему быть на главной пробѣ. — «Зайди за мною, дружокъ, сказалъ онъ Мегюлю, я сведу тебя въ театръ.»

Ранехонько забрался нашъ бѣднякъ къ композитору, съ нетерпѣніемъ ожидаа условенной минуты и гордо отправился въ желанный путь съ своимъ знаменитымъ покровителемъ. Дорогою, идя рядомъ съ Глюкомъ, онъ смѣло смотрѣлъ на проходящихъ, взоры его ясно выражали: — «Видите-ли, первый музыкантъ въ мірѣ взялъ меня на репетицію своей оперы и говорить со мною, какъ съ равнымъ себѣ!» Пришли въ театръ, но тутъ все измѣнилось: у подъѣзда актеровъ было порядочное стеченіе любителей; Глука все привѣтствовали почтительными выраженіями восторга, и Мегюль привился раскланиваться, хотя его никто и не замѣчалъ. На театральной лѣстницѣ, привратникъ, поклонясь почтительно автору *Ифигеніи*, увидѣлъ идущаго за нимъ незнакомца и остановилъ его за фрачную фалду. «Нельзя, сударь, извольте вернуться, входъ воспрещенъ.» Мегюль уже дрожалъ, почти у цѣли — разрушались его надежды, но Глукъ былъ съ нимъ. — «Это пріятель мой!» сказалъ онъ громовымъ голосомъ привратнику и смущенный стражъ святнища искусство устранилъ все препятствія. Мегюль выросъ въ собственныхъ глазахъ, и досадовалъ только на то,

что одинъ ничтожный привратникъ слышалъ блестящее титло, давное ему Глукомъ.

На театрѣ Глука окружили авторы, актеры и даже вельможи, которые, въ то время, не пропускали ни одного драматическаго торжества.

Всѣ артисты, пѣвцы, танцовщики и неучаствовавшіе въ представленіи, явились на знаменитую пробу. Довольно тѣсная группа окружала одну артистку: это была Софія Арну, еще за годъ предъ тѣмъ покинувшая театръ. Поклонники слухомъ и взоромъ слѣдили ее, на лету подбирая остроты, надъ которыми она никогда не задумывалась. Много смѣялся тогда надъ приключеніемъ отъявленнаго пиччиниста: онъ просилъ Андорскаго князя прислать ему изъ Италіи партитуру оперы, которая тамъ наиболѣе славится и что-же: чрезъ нѣсколько времени получаетъ «*Орфей*», оперу Глука: судите о его отчаяніи. Насмѣшки градомъ сыпались на бѣднаго пиччиниста. Софія молчала, но увидавъ разочарованнаго въ толпѣ присутствующихъ, не выдержала.

— Ну, что, несчастный другъ мой? сказала она; не правда-ли, мы миримся съ нѣмецкою музыкою? Пора зажечь растрезанному сердцу....

— Нѣтъ, сударыня, возразилъ съ неудовольствіемъ пиччинистъ, видя, что всѣмъ извѣстна его тайна; нѣтъ, господнау Глуку не придется растерзать мнѣ сердцу.... довольно однихъ ушей!...

— Счастливы-же вы, отвѣчала Софія, особенно если самъ возьмется, онъ приставитъ другія.

Громкій смѣхъ увѣчалъ эпиграмму и Софія хотѣла уже продолжать свой смертоносный огонь, но ее прервалъ человекъ съ дѣловымъ видомъ и сверткомъ потъ подъ мышкою.

Это былъ режиссеръ Гессекъ. Онъ съ досадою обратился къ музыкантамъ и закричалъ: «Господишь капельмейстеръ, васъ ждутъ, приступайте!»

— Мы готовы, когда вамъ угодно, отвѣчалъ Франкёръ, давно уже занимавшій свое мѣсто.... Прикажите опустить завѣсъ!

При этомъ сигналѣ, зрители бросились въ залу. Началась репетиція.

«Ифигенія въ Тавриду» — произведеніе дивное и извѣстное цѣлому свѣту; поэтому здѣсь я не стану напоминать его красоты. Кого не растрогивали до глубины сердца первыя ноты интродукціи неподражаемою картиною тишины и переходомъ къ ужасной бурѣ, гдѣ слышатся раздирающія вопли безнадежной Ифигеніи и Дианнихъ жриць?

Оркестровка до сихъ поръ дивитъ насъ полнотою, а въ то время она казалось громадною. Тогда простой аккордъ тромбонъ заставлялъ уже трепетать. Глукъ самъ привезъ эти инструменты изъ Германіи, и въ оперѣ его они возвѣщали только приближеніе Евменидъ и адскихъ божествъ. Нынче подъ трескъ тромбонъ танцуютъ и оркестры вездѣ изобилуютъ ими.

Репетиція произвела эффектъ необыкновенный: аристократы ждали знака къ аплодисману отъ знатоковъ и артистовъ. Впечатлѣніе было слишкомъ сильно; у зрителей вырывались одни восклицанія восторга и ужаса, но такая похвала стоитъ безмысленно неистовыхъ рукоплесканій....

Глукъ не помнилъ себя отъ радости, но разсѣянно слушалъ приторныя комплименты, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ. Кто-то схватываетъ его за руку и цѣлуетъ, — это Мегиоль, а поцѣлуй — поздравленіе! Юноша задыхался отъ восторга и радости, ему было какъ-то тяжело, насилу могъ выговорить онъ: «Дорогой мой учитель!» и двѣ крупныя слезы скатились изъ глазъ его на руку композитора. Глукъ самъ разчувствовался и съ любовью сжалъ ученика въ объятіяхъ. «Спасибо, дружокъ, сказалъ онъ, я доволенъ тобой, какъ и ты мною.» Потомъ, чтобъ скрыть волненіе — онъ обратился къ герцогу.... «Не виновать я, герцогъ, если всѣ билеты разобраны; у меня самого одно только мѣсто для жены и, полагаю, она вамъ не уступитъ его.» Толстому герцогу откровенность пѣмца не показалась учтивою; впрочемъ, какъ придворный, онъ не могъ сердиться на Глука, любимца королевы, и удалился, вѣжливо откланявшись ему. Бѣдный Мегиоль слышалъ отвѣтъ учителя. «Нѣтъ билетовъ, отказано богатому герцогу — не увижу я перваго представленія!» съ грустью подумалъ молодой человѣкъ, но вдругъ блестящая мысль успокоилъ

да его. Опъ оглядывается, не смотритъ-ли кто за нимъ; никто не обращалъ на него вниманія, онъ возвращается въ залу, пробирается на мѣстницу, выше, все выше и черезъ нѣсколько минутъ, запыхавшись, достигаетъ амфитеатра. Тутъ темно, какъ въ аду, надежное мѣсто, для того чтобы сирататься. Мегиоль забивается въ уголь и принимается хохотать самымъ откровеннымъ смѣхомъ. «Хорошо еще, что я услышалъ отказъ герцогу, а то пришлось бы мнѣ прогуляться къ господину Глуку за билетомъ напрасно, и я не увидалъ ничего.... Здѣсь покойно; проведу только ночь да завтрашній день, и первый изъ зрителей буду на своемъ мѣстѣ. Славно придумаво.» Восхищенный выдумкой, юноша принялся припоминать красоты слышаннаго произведенія, общая себѣ заранѣе еще разъ насладиться имъ и не проронить ни одного звука. Время однако тянулось долго, очень долго. Въ густой темнотѣ, только желудокъ напоминалъ о проходящихъ часахъ. Послѣ скуднаго завтрака онъ ничѣмъ не подкрѣпилъ своихъ силъ и аппетитъ опережалъ время; по его расчету ночь проходила, а она едва начиналась. Къ счастью, истомленный дремотой, онъ легъ на полъ, боясь упасть со скамьи, и вскорѣ заснулъ. Тревожны были его сновидѣнія. Мысли, взволнованныя слышаннымъ и отошавшій желудокъ родили странныя мечты. Нѣсколько разъ просыпался онъ.... его удерживала какая-то невидимая сила, не давая ему подняться и бѣднякъ спѣшилъ закрыть глаза. Такъ нѣсколько разъ забывался онъ и наконецъ заснулъ глубоко. Явился новыя фантазій. Мегиолю снилось, что онъ умеръ, что фуріи стращаютъ его; подобно Оресту, слышалъ онъ шипѣніе ихъ змѣй; яркіе пламеники жгли ему глаза, крючковатые пальцы терзали тѣло; дьявольская музыка отзывалась въ ушахъ. Долго боролся онъ съ неприятнымъ кошмаромъ, — наконецъ проснулся. Бѣднякъ не чувствовалъ домашняго благосостоянія, когда послѣ тягостнаго сна, пробуждается въ покойной постелѣ и говоритъ: «какое счастье — это сонъ!» Онъ проснулся физически, но не морально; хотѣлъ подняться — рука опять встрѣтила препятствіе надъ головою. Представьте себѣ его ужасъ, мечта продолжалась, — онъ въ могилѣ. Гробовая крышка была просто скамья, подъ которую онъ скатился во снѣ.

Отчаянныя усилія вывеvodили наконецъ Мегиоля изъ тяжкаго положенія, но ужасъ его увеличился: онъ опять встрѣчаетъ скамьи и онѣ кажутся ему гробницами. Вотъ передъ нимъ неизмѣримая бездна.... вдаль мерцаетъ свѣтъ.... плохая скрипка на-

игрываетъ знакомую арію и являются длинныя, бѣлыя привидѣнія. Мало по малу они сближаются, группируются и рука объ руку выполняютъ сатанической танецъ подь тактъ какого-то чернаго демона. Привидѣнія повинуются каждому его знаку и повторяютъ каждое движеніе. Холодный потъ покрываетъ Мегюля, разсудокъ его помрачается, голова кружится, онъ хочетъ бѣжать отъ страшнаго зрѣлища и снова встрѣчаетъ могилы, въ одной изъ которыхъ лежалъ за минутой. Страхъ придаетъ ему силы, онъ преодолеваетъ препятствія; глаза его освоились съ мракомъ, — онъ на верху безконечной лѣстницы и спускается по ней безъ оглядки. Мракъ рѣдѣетъ, показывается красноватый свѣтъ, и бѣднякъ считаетъ уже себя въ аду, потому что его окружаютъ бѣлыя привидѣнія, которыя онъ видѣлъ издалека. Они вскрикиваютъ отъ ужаса и исчезаютъ, а черныи демонъ приближается. Мегюль хочетъ окончить свои мученія разомъ и сѣсть къ демону самъ, но тотъ отступаетъ предъ нимъ. Шаружность молодого человѣка не внушаетъ довѣрія: пудра разсыпалась по лицу и смоченная потомъ, образовала преотвратительную маску; прибавьте истощенный видъ, блуждающіе глаза, беспорядочность одежды, и вы поймете ужасъ чернаго демона, который бѣгалъ по театру, крича: кто это? что это? Вельзевулъ? Мандрэнь!... Я погибъ!... Уфъ!... погибъ!...» Услышавъ знакомый голосъ, Мегюль оцувствовался отъ сомпамбулизма, воспоминанія возвратились, — онъ въ оперѣ; привидѣнія — хорошенькія фигурантки, повторяющія балетныя танцы, а черныи демонъ — Вестрисъ, учащій подчиненныхъ. Ободренный открытіемъ, онъ останавливаетъ танцовщика, который съ трудомъ узнаетъ его. Музыкантъ рассказываетъ тогда о своемъ намѣреніи дожидаться въ театрѣ до вечерняго спектакля, но признается, что слишкомъ попался на свои силы, не обѣдалъ и чувствуетъ себя не хорошо. Толпа актеровъ и актрисъ окружаютъ Мегюля, громкій смѣхъ ихъ часто прерываетъ его разсказъ, которому беспорядочность одежды придаетъ еще болѣе комизма. Приходитъ Глукъ и съ удивленіемъ встрѣчаетъ ученика среди этой шумной бесѣды. — «Ну, голубчикъ, говоритъ онъ ему, развѣ не хочешь сегодня слушать моей оперы? Зачѣмъ ты не пришелъ ко мнѣ за билетомъ?»

— Помилуйте, г-нъ Глукъ, я слышалъ, какъ вчера вы отказали герцогу, могъ ли я...

— Для музыканта, для друга, всегда есть билетъ для входа.

Мегюль ожилъ.... онъ бѣжитъ изъ театра съ быстротою лани домой, сперва утоляетъ голодъ, потомъ приводитъ въ порядокъ свой единственный черный фракъ, загрязненный театальною пылью, одѣвается и гордо возвращается въ оперу, гдѣ получаетъ лучшее мѣсто въ партерѣ.

Здѣсь оканчивается наша исторія. Исполненскій успѣхъ *«Ифигеніи въ Тавридѣ»* извѣстенъ. Королева, графъ д'Артуа, все, что было на благороднаго и блестящаго при дворѣ, присутствовало на этомъ представленіи, триумфъ Глука, который хотѣлъ проститься съ Франціею. Удержанный всеобщими просьбами, онъ написалъ *«Эхо»* и *«Парциса»*, гдѣ встрѣчается превосходный хоръ и возвратился въ Вѣну. Передъ отъѣздомъ, Глукъ серьезно занялся съ своимъ ученикомъ и заставилъ его, для опыта, сочинить три оперы. Разставшись съ учителемъ, Мегюль самъ произвелъ сочиненіе, но никакъ не могъ разыграть его въ Большой Оперѣ. Наскуча безконечными отсрочками, онъ принялся за *«Ефрозину и Кордэна»*, и отдалъ свое произведеніе Комической Оперѣ. Такъ дебютировалъ онъ и съ этой минуты не разлучался съ успѣхами. Въ 1808 году, пользуясь уже громкою извѣстностію, онъ вздумалъ побывать на своей родинѣ. Приѣздъ парижской знаменитости взволновалъ маленькое мѣстечко. Мэръ долго придумывалъ, чѣмъ бы почтить достойнаго гостя и вотъ уговорилъ директора мѣстнаго театра дать, въ присутствіи самого автора, одно изъ его произведеній. Директоръ очень затруднился, обладая единственно комической труппой, но не отступилъ передъ препятствіями и разсѣкъ Гордіевъ узелъ разомъ. Наступилъ торжественный день.... На сцѣнахъ городскихъ зданій явилось объявленіе: *«Театръ въ Живе. Сегодня, для ознаменованія присутствія въ нашихъ сцѣнахъ знаменитаго соотечественника г-на Мегюля, назначается первое представленіе «Безуміе» оперы въ двухъ дѣйствіяхъ, гг. Бульи и Мегюля. Примѣчаніе. Г-да посьтители извѣщаются, что для лучшаго и скорѣйшаго хода пьесы — музыкальная часть будетъ выпущена.»* Публика не заставила себя ждать. Мегюль съ торжественностію приведенъ въ ложу мэра и принятъ громкими восклицаніями. Разыграли поэму *«Безуміе»*, безъ музыки, и каждый разъ, какъ проза Бульи рождала рукоплесканія, Мегюль принужденъ былъ вста-

вать и откланиваться за новоизобрѣтенную благодарность своихъ соотечественниковъ.

И мы знаемъ композиторовъ, которые, слушая выполнение своихъ оперъ, частенько завидовали Мегюлю!

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Сей домъ продается. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. *П. А. Смирнова*.

Двѣ сиротки. Комедія въ одномъ дѣйствіи, съ куплетами, передѣланная съ французскаго *Н. Сабуровымъ*.

Водевиль съ переодѣваніемъ, въ одномъ дѣйствіи, соч. *Г***. Музыка набрана изъ русскихъ романсовъ и цыганскихъ пѣсень.

Сцены изъ «Гамлета» Шекспира, въ переводѣ *Н. А. Полеваго*.

(*Бенефисъ Г-жи Жулевой.*)

Что Россія богата талантами-самородками, это не подвержено никакому сомнѣнію и ежедневно подтверждается новыми примѣрами. Недавно выведенный на сцену природный механикъ Кулибинъ; Курскій мѣщанинъ *Ө. А. Семеновъ*, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ астрономовъ-самоучекъ; московскій крестьянинъ Иванъ Мазинъ, изобрѣтатель суконнаго самоткацкаго стана; тульскій оружейникъ Гайдуровъ, придумавшій отливку желѣза, не лишая его природныхъ свойствъ; петербургскій житель Старчиковъ, изобрѣтатель золоченыхъ тканей для куполовъ и для кровель домовыхъ; Иванъ Глазыринъ, основатель и усовершенствователь въ Россіи произведеній изъ перематой бумаги (папье-маше), которымъ завидуютъ иностранцы — явленія самыя утѣшительныя для національнаго самолюбія; это природные гении, которымъ нельзя не уди-

вляться и которые ясно доказываютъ, что русская природа, богатая въ своихъ силахъ и средствахъ, способна ко всѣмъ утонченностямъ науки и глубокомыслія.

Въ искусствахъ творческихъ мы видимъ тоже самое. Въ поэзіи, въ живописи, въ музыкѣ и на сценѣ безпрестанно являются люди, поражающіе громадностію своихъ дарованій, своимъ удивительнымъ природнымъ тактомъ, быстротой своего соображенія, гибкостью и вѣрностію ума. Но къ сожалѣнію, всѣ эти могучія натуры не достигаютъ вершины своего развитія и не занимаютъ того мѣста, которое, по совершенству природныхъ дарованій, должно бы оставаться за ними въ области общечеловѣческихъ знаній. Причиною этого явленія недостатокъ ихъ образованія, отсутствіе должнаго направленія и часто слишкомъ раннее истощеніе творческихъ силъ въ дѣлѣ искусства, гдѣ рутинна и предварительная знавія служатъ облегчительнымъ рычагомъ таланта.

Талантъ есть зерно прекраснаго цвѣтка, но чтобы изъ него вышла роскошная, столбчатая роза, не должно оставлять его на произволъ случая: оно требуетъ ухода, вѣгги, правильной поливки, подвязки, подрѣзки лишнихъ отростковъ, выволока примѣсныхъ травъ, которыя вредятъ росту и полному развитію растенія.

Нигдѣ потребность этого ухода не бынаетъ болѣе ощутительна, какъ въ сценическомъ искусствѣ, труднѣйшемъ и многосложнѣйшемъ изъ всѣхъ. Богъ влилъ въ душу артиста теплоту чувства, воспримчивость, далъ ему силу выраженія, надѣлилъ его прекрасными органами для лицедѣйства; но всего этого мало. Познавъ самаго себя, почувствовавъ свое призваніе, для сценическаго художника начинается трудная наука: онъ долженъ представлять другихъ, стало быть знаніе одного человѣческаго сердца недостаточно, надо знать и жизнь, и общество, надо изучить всѣ тончайшіе оттѣнки каждаго темперамента; надо усвоить себѣ всѣ условія общежитія, и наконецъ, что всего труднѣе, выучиться владѣть своими физическими средствами и соразмѣрять духовныя силы, сообразно съ тѣсною рамой, въ которую они заключены драматическою картиною, гдѣ онъ является дѣйствующимъ лицомъ. Мы часто удивляемся совокупности (ансамблю) игры французовъ и пѣмцевъ, но эта совокупность есть ничто иное, какъ глубокое знаніе и строгое соблюденіе этихъ правилъ. Всѣ артисты вмѣстѣ смотрятъ на пьесу, какъ на картину, въ которой они должны занимать разные планы; ни одинъ изъ нихъ не заслоняетъ другаго, каждый остается въ колѣѣ, предначертанной ему авторомъ, и старается соблюсти свѣтъ и тѣнь, необходимыя въ картинѣ, зная, что чрезъ это выигрываетъ цѣлое, и самый его ха-

рактёръ, хотя-бы онъ былъ ничтоженъ по себѣ, выступить выпуклѣе и правильнѣе впередъ и произвести неизбѣжное впечатлѣніе. Оттого часто самая ничтожная пьеса производитъ сильный эффектъ, а самый значительный актёръ не боится выдти въ ничтожной роли.

Наука есть грань таланта. Самородокъ, какъ-бы драгоцененъ онъ ни былъ, безъ этой грани — теряетъ и блескъ и красоту свою. Но если природа творитъ самородки, то необходимы искусныя руки, которыя бы ихъ очищали и облагораживали. Поэтому, удивляясь часто природнымъ дарованіямъ въ русскомъ артистѣ, мы не можемъ слишкомъ строго осуждать въ немъ отсутствія науки и рутины. Конечно, передъ глазами русскихъ актёровъ есть великіе и прекрасные образцы на нашихъ иностранныхъ сценахъ, но для изученія ихъ нуженъ руководитель. Молодое дарованіе очень легко увлекается эффектами, которые принадлежатъ особенной личности и въ подражаніи обращаются въ пороки, точно такъ, какъ платье, превосходно обрисовывающее станъ полнаго человѣка, становится безобразнымъ мѣшкомъ на тощемъ туловищѣ. Подражать хорошему очень похвально, но въ творческихъ искусствахъ подражаніе требуетъ особеннаго такта, это трудная наука. Въ великомъ образцѣ можно перенять только взглядъ его на искусство, его умѣнье пользоваться средствами, талантъ расцвѣчиванія характеровъ. Для этого нуженъ тонкій, наблюдательный умъ, умѣющій выбрать то, что согласно съ природою перенимающаго, что усиливаетъ данныя его средства. Но самородные таланты, по большей части, надѣлены только впечатлительностью чувства, а не аналитическимъ умомъ, и потому у нихъ подражаніе почти тождественно передразниванію, обезьянству, которое въ конецъ губитъ природныя ихъ качества.

Къ числу прекрасныхъ, самородныхъ дарованій русской сцены принадлежитъ и г-жа Жулева, о бенефисѣ которой мы имѣли говорить. Съ перваго вступленія на помосты, мы привѣтствовали эту молодую актрису, предсказывая ей таланту, при постоянномъ изученіи и навыкѣ къ сценическимъ условіямъ, блистательное развитіе. Дѣйствительно, г-жа Жулева щедро надѣлена природою тѣми физическими данными, которыя составляютъ необходимость и украшеніе сцены: ростъ, лицо, игра мускуловъ, пріятный органъ, милая представительность — даютъ ей большія преимущества въ молодыхъ роляхъ. При этомъ мы подмѣтили въ ней энергію и теплоту чувства — первые признаки истиннаго призванія. Кромѣ этихъ качествъ, г-жа Жулева, владѣя не очень сильнымъ, но обаятельнымъ сопрано, поетъ со вкусомъ и съ глубокимъ чув-

ствомъ, хотя иногда слишкомъ робко и недвѣрчиво къ своимъ силамъ. Не смотря на то, скажемъ откровенно, она поетъ лучше всѣхъ своихъ петербургскихъ водевильныхъ соперницъ, хотя въ ней незамѣтно претензіи стать наряду съ оперными знаменитостями. Не вдавался въ бравурныя выходки и украшенія, которыя въ водевилѣ и, особенно еще при посредственныхъ способностяхъ, ставовятся такъ комически-смѣшны и неумѣстны, она умѣетъ придать словамъ должное выраженіе и особенную силу чувству. Въ мѣстахъ патетическихъ, голосъ ея, дрожащій и полный слезъ, невольно вливается въ душу слушателя.

Первое появленіе г-жи Жулевой на сценѣ живо напомнило незабвенный талантъ г-жи Асенковой и ужъ это одно было предвѣстіемъ ея прочныхъ успѣховъ. Но къ сожалѣнію, кромѣ немногихъ ролей, ею избранныхъ и послужившихъ ей для дебютовъ, она въ теченіе пяти, шести лѣтъ мало имѣла случаевъ развернуть свое дарованіе, не смотря на безчисленное множество ролей, по бѣльшей части, второстепенныхъ, сыгранныхъ ею на сценѣ. Прежде, чѣмъ артистка успѣла стать твердою погою на сценѣ, освоиться съ своимъ настоящимъ амплуа, сознать свои силы и привыкнуть къ сценической свободѣ, она уже сдѣлалась необходимою, неизбѣжнымъ лицомъ почти въ каждой новой пьесѣ, гдѣ только есть характеръ молодой дѣвушки или кокетки. Выучивая въ недѣлю по двѣ и по три роли для бенефисовъ, она при неопытности своей, не имѣла возможности вникать глубоко въ характеры, отбѣнять ихъ особеннымъ колоритомъ, придавать игрѣ своей выразительность и типичность. И при всемъ этомъ, ей не съ кѣмъ было посовѣтоваться, не у кого попросить наставленій. Оттого игра ея часто казалась однообразною, характеры тождественными, въ чемъ, впрочемъ, гораздо больше ея виноваты господа авторы водевилей, выливающие всѣхъ своихъ героинь въ одну и ту же стереотипную форму. Не смотря однако-жъ на скудность репертуара г-жи Жулевой, игра ея, особенно въ нынѣшнемъ году, привяла болѣе самостоятельный характеръ и нѣкоторыя роли были ею исполнены съ замѣчательнымъ талантомъ. Особенно хороша она была въ водевилѣ «Бархатная шляпка», гдѣ выполняла довольно оживленную роль чиновницы Клыковой. Кокетство, зависть, ревность, язвительная проція, которыя составляютъ главный элементъ этого характера, переданы ею мастерски. Но прошедшая масляница доставила г-жѣ Жулевой торжество, которое выше всѣхъ поддѣльныхъ, модныхъ овацій, торжество истиннаго таланта, оцѣненнаго всею массою публики и продолжающагося до-сихъ-поръ. Г-жа Н. Самойлова 1, во время всей

масляной ведѣли, до самого вечера поднесенія ей подарковъ ея поклонниками, оставила свободное поле своей молодой соперницѣ, и г-жа Жулева весьма счастливо воспользовалась вакантною ролью *Офеліи* въ «Гамлетѣ», чтобы показать публикѣ всю разносторонность, всю энергію и обаятельность своего замѣчательнаго дарованія. Никогда еще на русской сценѣ не вдали мы *Офеліи* до того совершенной, до того близкой къ идеалу Шекспира, до такой степени простодушной и трогательной. До г-жи Жулевой роль эту играли три актрисы: Г-жа Орлова (съ Московскаго Театра), г-жа Асенкова и, послѣ нея, Самойлова 1. Г-жа Орлова, хотя актриса съ прекраснымъ дарованіемъ, но холодная, передавала роль отчетливо, граціозно, но довольно театрално: изученіе и подготовка, какъ искусно ни были ею скрываемы, однако все-таки вредили простотѣ и наивности этого характера. Покойная Асенкова, при всей громадности своего самороднаго таланта, при всемъ сценическомъ тактѣ и увлеченіи на сценѣ, не совладѣла съ характеромъ *Офеліи*: она въ этой роли была водевильная героиня, въ ней недоставало ни дѣвственной скромности, ни мечтательной задушевности, необходимыхъ для вѣрнаго ея исполненія. Г-жа Самойлова 1, въ роли *Офеліи*, какъ и вездѣ, всемъ жертвовала эффектности, а въ мѣстахъ, гдѣ есть пѣніе, забывала о характерѣ лица, чтобы стяжать славу пѣвицы. Отсутствие всякаго внутренняго движенія, недостатокъ игры мимической, мечтательности и чувства, и наконецъ трагическая чопорность лишили характеръ *Офеліи* всякаго интереса и рѣзко противорѣчили мысли Шекспира. Ея пѣнію аплодировали, какъ хорошо исполненной музыкальной пьесѣ, а роль пропадала. Характеръ *Офеліи* вѣнецъ всей трагедіи Шекспира: онъ далъ ей мало участія въ разыгрывающейся драмѣ, но онъ обрекъ ее на нѣмое страданіе и разрѣшилъ ей языкъ только въ ту минуту, когда душа ея, истерзанная лишеніемъ всего, что составляло ея жизнь — любви Гамлета, любви отца, — потеряла свое сознаніе и непроизвольно высказываетъ свои страданія. Гамлетъ любилъ *Офелію* еще до отъѣзда въ Университетъ, они росли вмѣстѣ; это была страсть сильная и непорочная. Разлука ее только усилила въ молодой дѣвушкѣ. Все мечты ея стремились къ его возвращенію и она сберегала его подарки, залогъ ихъ прекрасной любви. Но вотъ онъ возвратился — и пѣтъ ей привѣта, и пѣтъ прежняго въ поминѣ, его обхожденіе холодно, даже сурово. Она не знаетъ тайнаго сердца, она не знаетъ, что страшное преступленіе и измѣна королевы убили въ душѣ его всю вѣру въ женскую добродѣтель, и самую любовь — въ ея зародышѣ. И вотъ ей хочется возвратитъ его къ

прежнимъ днямъ, напомнить о первой страсти и она употребляетъ для того полученные отъ него подарки, которые намѣрена ему возвратить. На этотъ нѣжный намекъ, Гамлетъ отвѣчаетъ ей горькой прощаніемъ, язвительной шуткой, которой настоящаго смысла она, невинная, понять не можетъ, но изъ которой однако-жъ видить, что все между ними кончено. Къ этому присоединяется насильственная смерть отца, нѣжно любимаго, — и бѣдное сердце молодой страдальницы не выдержало, разорвалось на части, и разумокъ ея затмился вмѣстѣ съ разрушеннымъ навсегда міромъ ея фантазій.

Превосходный характеръ, поражающій своей чистотою и наивностию и составляющій рѣзкій оттѣнокъ мрачному, по столь-же безсильному, по человѣческой природѣ своей, лицу Гамлета! Шекспиръ превосходно вставилъ Офелію въ свою драму: онъ не говоритъ о любви ея и Гамлета ни слова, любовь эта видна только изъ двухъ, трехъ намековъ и изъ послѣдующаго развитія трагедіи, потому-что эта любовь не составляетъ главнаго рычага дѣйствія и не сродна главной идеѣ драмы — показать, какъ преступленіе зрѣетъ и распространяетъ около себя язву. Отъ язвы этой гибнуть не только преступныя лица, но и доблесть и невинность; Офелія, добродѣтель и любовь, дѣлается первою жертвою; Лаэртъ, олицетворенное благородство и чувство — второю. Поэтому Шекспиръ выводитъ первую сцену безумія Офеліи, чтобы возбудить къ ней жалость и сочувствіе въ зрителѣ и тѣмъ вооружить его еще болѣе противъ виновника этого бѣдствія, котораго онъ, въ послѣдующей за тѣмъ сценѣ съ королевою, заставляетъ говорить:

....Видишь ли, Гертруда,
Бѣды не ходятъ одиноко, но толпою:
Погибъ Полоній, сынъ твой удалень —
Безуміемъ онъ заслужилъ изгнанье —
И вотъ народъ волнуется, бунтуетъ,
Подозрѣваетъ смерть Полонія и рошеть.
Напрасно скрыли мы его причину смерти!
И вотъ Офелія терлетъ разумъ,
И что всего важнѣе — мнѣ извѣстно,
Что братъ ея сюда пріѣхалъ тайно.
Онъ злобой дышитъ, разсѣваетъ слухи
И мститъ за смерть Полонія рѣшился,
Насъ обвиняя въ гибели отца.

Вторая сцена безумія Офеліи должна быть еще трогательнѣе: она обозоруживаетъ метящую руку ея брата, котораго скорбь

предъ страданіями этой невинной жертвы — становится ничтожною.

Г-жа Жулева превосходно поняла всё эти данныя: она является именно такою Офеліею, какою ее хотѣлъ вывести Шекспиръ. Чистота и простота характера сохранены ею отъ начала до конца. Въ сценѣ съ Гамлетомъ вы видите въ ней и скорбь, и нѣжность, робость и надежду, и все это прекрасно прикрыто дѣвственною стыдливостію. Когда Гамлетъ высказываетъ ей свою бѣдную выходку противъ всѣхъ женщинъ и совѣтуетъ идти въ монастырь, вы по лицу ея можете почти узнать, что творится въ ея душѣ и что будетъ съ этой бѣдной, слабой душою. Въ сценахъ безумія г-жа Жулева неподражаема. Это не аффектированное, театральное сумасшествіе, какъ мы его видали у другихъ актрисъ, вѣтъ, это тихое, бессознательное изліяніе движенія больной души. Пѣніе ея трогательно въ высшей степени, оно просто, но полно души и невольно потрясаетъ всѣ фибры вашего сердца. А при словахъ:

Онъ съ усмѣшкой отвѣчаетъ:

Клятвъ своихъ я не забылъ --

Развѣ дѣвица не знаетъ:

Я шутилъ! Вѣдь я шутилъ!

игра и выраженіе ея доходятъ до высокаго трагическаго элемента. Но болѣе всего поражаетъ въ ней эта простота и неизысканность, которая выдержана ею отъ начала роли до конца, и которая составляетъ въ сценическомъ искусствѣ гораздо труднѣйшую задачу, чѣмъ актерство, то есть ловкій подборъ эффектовъ и рѣзкихъ выходокъ для возбужденія бессознательныхъ рукоплесканій толпы.

Шекспировскіе характеры — пробный камень для артиста, это олицетворенная натура, ихъ надо продумать и прочувствовать насквозь, войти, такъ сказать, въ ихъ вѣдущую форму, чтобы достойно и правдиво выполнить. Талантъ г-жи Жулевой выдержалъ пробу на этомъ оселкѣ и оказался чистымъ золотомъ. Одна роль Офеліи поставила г-жу Жулеву на высокую ступень нашей сцены и результатъ этого выполненія для нея самый счастливый: не только самая трагедія, но даже сцены Офеліи, теперь повторяются безиреестанно, потому что публика не можетъ насмотрѣться на молодую артистку и въ каждое представленіе по пяти разъ вызываетъ ее, чтобы изъяснить свое удовольствіе и признательность. Вотъ это такъ *триумфъ*, достойное *истиннаго таланта!*

Сцены изъ «Гамлета» — и составляли главное украшеніе и капитальную пьесу бенефиса г-жи Жулевой. Бенефисіантка очень благоразумно выбрала то, въ чемъ она такъ прекрасна, и вся публика осталась очень довольна этимъ выборомъ, хотя остальные, новыя пьески и принадлежали къ разряду дюжинныхъ, бенефисныхъ издѣлій, и не представили ничего новаго, замысловатаго или забавнаго.

Сей домъ продается! оригинальная комедія сочиненія г. Смирнова — оригинальна только по весьма странной и почти несбыточной мысли, которую авторъ вложилъ въ голову, впрочемъ чрезвычайно пустую, главнаго своего героя, Андрея Федоровича Кривошапкина. Этотъ господинъ извѣдалъ на себѣ справедливость Грибоѣдовскаго стиха :

Что за коммисія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцемъ!

и потому хочетъ, во что-бы то ни стало, поскорѣ пристроить, или лучше сказать, сбыть съ рукъ, свою племянницу, Лизаньку, которой онъ замѣнилъ отца. Для этого онъ выдумалъ очень замысловатую штуку: онъ приклеилъ къ воротамъ своего домишка ерлыкъ съ надписью: *Сей домъ продается!* Когда является покупатель, онъ его прежде всего спрашиваетъ: женатъ ли онъ? На утвердительный отвѣтъ — онъ его выгоняетъ, на отрицательный — угощаетъ завтракомъ, или обѣдомъ, смотря по времени, и вмѣсто нечисленія удобствъ дома, расхваливаетъ свою племянницу. Такимъ образомъ попадаетъ къ нему и всесвѣтный волокита Сумеркинъ, который, какъ только вступилъ въ домъ, прежде всего замѣтилъ въ немъ хорошенькую дѣвушку и тотчасъ же пустился въ дояжуанство. Чтобы вѣрнѣе покорить ея сердце, онъ скрываетъ, что женатъ, и глупый дядюшка, безъ дальнѣйшихъ справокъ, лишь-бы сбыть свою Лизаньку за кого и какъ-бы то ни было, готовъ уже согласиться на ихъ бракъ и отдать въ приданое свой домишко. По счастью, является молодой человекъ, шуринъ Сумеркина, amoroso obligato всѣхъ водевилей и комедій, выводитъ волокиту на свѣжую воду, выманиваетъ у него свой вексель и обѣщаніе заплатить остальные его кутежные долги, и женится самъ на Лизанькѣ. Кривошапкинъ сбывъ свой товаръ и домъ, по мы очень сомнѣваемся, будетъ ли его племянница счастлива за такимъ франтомъ.

Когда въ основной мысли комедіи вѣтъ комическаго элемента, и когда она хочетъ быть забавною патянutoй и неправдоподоб-

ною мыслью, она никогда не достигаетъ цѣли. Событія плохо клеятся, и лица, при всемъ комизмѣ ихъ колорита, вовсе не смѣшны, потому что этотъ виѣшній комизмъ не имѣетъ внутренняго содержанія, изъ котораго положенія пьесы истекали-бы естественнымъ образомъ. Эту участь испытала и разбираемая нами комедія: она не имѣла успѣха.

Кстати: къ чему авторы наши прибавляютъ всегда слово «*оригинальная*» къ своимъ пьесамъ, когда тутъ же сказано, что она *сочиненіе* такого-то? Если это дѣлается для того, чтобы показать, что пьеса не переведена и не заимствована, такъ трудъ совершенно напрасный: слово *сочиненіе* уже ясно говоритъ, что это русское издѣліе. Если-же слово *оригинальная* употребляютъ съ цѣлію напередъ увѣрить зрителя, что мысль автора нова, изобрѣтеніе и изложеніе отличаются особенностями, свойственными только его перу, то слово это совершенно бесполезно. Каждый зритель самъ лучше обсудитъ достоинства пьесы, и если въ ней точно есть особенности, свѣжесть языка и колорита, то вѣрно назоветъ ее *оригинальною*. Литературная скромность налагаетъ уже на автора обязанность умалчивать о достоинствахъ своего произведенія и предоставлять ихъ волюнъ на судъ публики. Иначе это походило бы на то, еслибъ живописецъ, выставя свою картину, подписалъ подъ нею: «*превосходная работа такого то!*» или на обыкновенный гостинодворскій зазывъ: «*къ намъ пожалуйте-сь, у насъ товаръ самый отъмънныйшій.*»

Двѣ сиротки—небольшая пьеска, которая не имѣетъ претензій на *оригинальность* и чрезъ то, при всей своей скудности, много выигрываетъ. Юлія и Клара, двѣ швейки, сиротки, которымъ очень хочется найти друга сердца и обзавестись отдѣльнымъ хозяйствомъ. Являются два вздыхателя, одинъ промотавшійся франтъ, который напѣваетъ про любовь для развлеченія отъ долговъ, мосье Эдуардъ; другой — молодой, простодушный, и влюбленный живописецъ — мосье Антоній. Старшая сестрица, Юлія, начитавшись романовъ гг. Сю и Дюма — увлекается романтическими фразами Эдуарда и готова пасть въ подставляемую ей ловушку. По счастью, хозяйинъ ихъ дома, г. Гарнье, и догадливость меньшей, менѣе романтической сестры, Клары, спасаютъ ее отъ бѣды. Негодяя выгоняютъ, живописецъ женится и получаетъ въ приданое, очень кстати доставшееся неожиданно его невѣстѣ наследство.

Напрасно переводчики наши трогаютъ пьесы, въ которыхъ выведены мѣстные нравы французовъ. Типъ парижскихъ гризетокъ

вовсе не понятенъ въ Россіи и потому для нашихъ зрителей не интересенъ. Притомъ, эти пьески, столь эффектныя на французской сценѣ, все теряютъ въ исполненіи на русской. Г-жа Самойлова 2 прекрасная, умная актриса, но въ роли Юліи была совершенно не на своемъ мѣстѣ. Но наряду, манерамъ, нѣжности выраженія и движеній — она походила на благовоспитанную барышню высшаго круга, но советѣмъ не на гризетку, образованную чтеніемъ романовъ, пылкую по южной своей природѣ, но эксцентрическому характеру и при всемъ томъ наивно простодушную по обществу, въ которомъ выросла и обращается. Г-жа Жулева ближе подходила къ типу французской гризетки, но и въ ней не было мѣстнаго колорита.

Вслѣдствіе бѣднаго и довольно подержаннаго содержанія, недостатка колорита, чуждыхъ для насъ нравовъ и не советѣмъ удовлетворительнаго исполненія и эта пьеса не имѣла успѣха и, кажется, надолго осуждена спротивъ въ бездѣйствій, на полкахъ театральной бібліотеки.

Водевиль съ переодѣваніемъ — новая погудка на старій ладъ. Это старинный фарсъ въ триста шестьдесятъ девятый разъ вывороченный на изнанку, въ которомъ всю новизну составляютъ новые костюмы. Въ такихъ водевиляхъ обыкновенно выводятся два или три лица, изъ которыхъ одно неизрѣченно одуроченное, другое, ловкое на переодѣванія и передразниванія, дурачащее, и третье посредствующее — то есть необходимая связь между двумя первыми. Оно совершенно лишнее, но выводится только для того, чтобы второму пустою и безцѣльною болтовнею своею дать время мѣнять костюмы. Одуроченное лицо обыкновенно одарено такой наивно-пошлой простотою, что малый ребенокъ пойметъ, что оно до безконечности глупо. Представьте себѣ, что передъ нимъ является, на примѣръ собственная жена, подъ видомъ цыганенка и онъ не понимаетъ, что это женщина, переодѣтая въ мальчика; она приходитъ старухой — и онъ не замѣчаетъ, что у этой старухи зубы, словно выточенные изъ перламутра, а личико, какъ спѣлая роза, безъ морщинки и пятнушка; она выходитъ, наконецъ, деревенской дурочкой — а ему и недогадъ, что эта дурочка во сто кратъ умнѣй его самого. Лицо это какъ будто слѣпо и лишено всякой способности соображенія. И обмануть такого простака — право не заслуга. Таковъ, по крайней мѣрѣ, герой новаго «*Водевиля съ переодѣваніемъ*», нѣкій господишъ Шестаковскій. Этотъ отставной прапорщикъ и богатый наслѣдникъ, какъ рекомендуетъ его афишка, имѣя прелестную и умную жену,

влюбляется въ глупую и довольно двусмысленную цыганку. Чтобы отучить его отъ подобнаго волокитства и показать, что въ отсутствіи его какой нибудь дурачекъ Спичкинъ можетъ покуситься на любовь къ его собственной женѣ, добродѣтельная суруга рѣшается три раза переодѣться — въ три вышеприведенные вида. Конечно, способъ лечить любовь переодеваніемъ — довольно новый, но въ водевилѣ, онъ употребленъ съ полнымъ успѣхомъ.

Помантесъ, одна изъ подобныхъ пьесъ называлась «Опытъ искусства» и намъ кажется, что это самое приличное и подходящее названіе для всѣхъ прочихъ импровизаций въ эту тему, потому что онѣ пишутся собственно для того, чтобы дать артисту возможность выказать разнообразіе своего таланта. Главное лицо въ настоящемъ водевилѣ, г-жу Шестаковскую, занимала сама бенефисантка и выполнила ее очень искусно и граціозно. Роль эта принадлежитъ прямо къ сферѣ таланта г-жи Самойловой 4; тутъ нечего создавать, обумывать, выражать сильно или остроумно: тутъ надо быть только ловкой, веселой и умѣть передразнивать; но г-жа Жулева доказала своимъ исполненіемъ, что и въ этомъ родѣ она болѣе, чѣмъ опасная соперница лавреатки нашей сцены. Цыганскія пѣсни спѣты ею такъ мастерски, какъ мы ихъ не слыхали и въ коренномъ водевилѣ по этой части — въ «Цыганкѣ». Роль дурочки исполнена просто, наивно и естественно. Благодаря этому отличному выполненію, водевилъ имѣлъ успѣхъ и, вѣроятно, еще много разъ будетъ смотрѣться публикою съ удовольствіемъ. И за эту роль г-жа Жулева была нѣсколько разъ вызвана общимъ голосомъ публики. Желаемъ, чтобы успѣхи этой молодой артистки постоянно росли, въ той мѣрѣ, въ какой видимо развивается ея прекрасный талантъ.

Сюжетта или первый и послѣдній прощальный поцѣлуй. Драма въ 4 отдѣленіяхъ. Переводъ съ французскаго Н. Беккера.

Ревнивый мужъ и храбрый любовникъ. Шутка-водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго Н. Сабурова.

(Бенефисъ г-на Прусакова.)

Бываютъ люди, которые, по обстоятельствамъ или влѣдствіе какого нибудь важнаго случая въ своей жизни, страдаютъ болѣзненнымъ состояніемъ печени и мозга и оттого все видятъ въ черномъ цвѣтѣ, порицаютъ людей, и такимъ образомъ создаютъ

фантомы, отъ которыхъ сами приходятъ въ ужасъ и отчаяніе! Такие люди, какъ больные, заслуживаютъ снисхожденія и участія. Но совѣтъ напротивъ должно быть съ художникомъ, который, въ безсиліи своего творчества или изъ меркантильных видовъ, старается въ произведеніи своемъ, вмѣсто развитія какойнибудь психической идеи, создать пугалца, чтобы ими потрясать созерцателя, не заботясь о дальнѣйшемъ нравственномъ впечатлѣніи на его душу. Такое чисто физическое насліе чувству — достойно порицанія. Къ несчастію, французская литература, и въ особенности драматическая, истощивъ все пружины, дѣйствующія на человѣческую душу, и движимая корыстными цѣлями театральныхъ откупщиковъ, очень часто прибѣгаетъ къ подобнымъ насиліямъ, для произведенія трескучихъ эффектовъ и привлеченія въ театръ толпы. Пьесы эти пишутся дюжинами и сотнями забываются. Къ числу такихъ пьесъ принадлежитъ и «*Приданое Сюзетты*» (*La dot de Suzette*), названная въ русскомъ переводѣ — Первымъ и послѣднимъ *прощальнымъ* (?) поцѣлуемъ. Здѣсь все преувеличено: добро и зло, и является въ такихъ безчеловѣчно странныхъ формахъ, что теряетъ даже и тѣнь правдоподобія. Для приведенія своей мысли къ благополучной развязкѣ, авторъ употребляетъ всевозможныя натяжки, заставляетъ лица свои дѣйствовать безъ всякихъ причинъ и все лучшія сцены губить самъ, выводя положенія своихъ героев не изъ природы сердца человѣческаго, а просто по прихоти своей фантазіи. Разберемъ содержаніе его драмы.

Сюзетта сиротка, дочь мызника, взятая графиней Сенпетеръ и воспитанная ею по-графски. Она выросла вмѣстѣ съ сыномъ графини, Адольфомъ. Мы встрѣчаемъ ихъ въ полномъ разцвѣтѣ лѣтъ и въ минуту, когда сердца ихъ полны первой, пылкой, взаимной любви. Тайну ихъ узнаетъ графиня и въ тотъ-же мигъ рѣшается разлучить ихъ. Она отсылаетъ сына къ иностранному посольству, а Сюзеттѣ объявляетъ, что дѣлаетъ это не потому, чтобы не желала назвать ее дочерью, а только влѣдствіе письма своего покойнаго мужа, написаннаго на смертномъ одрѣ, въ которомъ онъ объявляетъ ей, что обѣщалъ женить сына на дочери какого-то сослуживца, въ благодарность за то, что онъ спасъ ему жизнь. Странная благодарность! Между тѣмъ является прасолъ Шеню Риго и проситъ у графини руки Сюзетты. Благотворительная графиня, чтобы однимъ ударомъ разсѣчь Гордіевъ узелъ опасной для ея честолюбія любви, не думая ни минуты, выводитъ къ нему Сюзетту и отдаетъ ее грубому и необразованному прасолу съ придачею порядочной суммы денегъ. Бѣдная сиротка

глотаетъ свои горькія слезы, но не смѣетъ противиться, потому-что, по желанію автора, она *жертва* пьесы, а жертва, ужъ извѣстно, должна страдать безпрекословно. Во второй картинѣ все готово къ вѣнчанію въ избѣ Шеню-Риго, гости со всей деревни собрались, потаріусъ пришелъ, самъ женихъ комически разряженъ въ прадѣдовскія платья. Графиня привозитъ и жертву-невѣсту, которая блѣднѣе померанцовыхъ цвѣтовъ, вплетенныхъ въ ея косу. Но въ рѣшительную минуту врывается молодой графъ, который Богъ вѣсть, какъ и черезъ кого, на дорогѣ въ Вѣну, узналъ обо всемъ случившемся, и такъ кетати и впору прискакалъ, чтобы разстроить бракъ своей возлюбленной. Слѣдуетъ маленькая сцена любовнаго неистовства и безумія, которая кончается тѣмъ, что графъ, по приказанію матери, все-таки уѣзжаетъ, оставя дѣла *in statu quo*, но давъ ей слово, что она его никогда болѣе не увидитъ, если не сохранитъ ему Сюзетту, то есть, если убьетъ все счастье его жизни. Это было геройство со стороны героя пьесы, теперь и героинѣ слѣдуетъ погеройствовать. Казалось-бы послѣ отъѣзда графа все должно придти въ порядокъ, тѣмъ болѣе, что и прасоль, пораженный и оскорбленный открытіемъ графа на счетъ любви Сюзетты, отказывается отъ ея руки, — такъ нѣтъ. Сюзетта сама, въ разговорѣ съ Шеню-Риго, умоляетъ, чтобы онъ не отвергалъ ея руки и говоритъ, что хотя она любитъ графа и всегда будетъ любить его, но постарается быть доброй и честной женою. «Зачѣмъ-же вы меня обманули прежде свадьбы, зачѣмъ тотчасъ не сказали, что любите другаго?» — спрашиваетъ онъ очень естественно. — Мнѣ не хотѣлось оскорбить моей благодѣтельницы и разрушить ея счастья! — отвѣчаетъ она довольно неудовлетворительно... и Риго тотчасъ же увозитъ ее въ Нормандію, къ своей матери, чтобы тамъ съ нею обвѣнчаться. Третья картина переноситъ насъ въ Лондонъ. Изъ прасола Риго сдѣлался богатымъ банкиромъ, вслѣдствіе разныхъ не совсѣмъ добросовѣстныхъ спекуляцій на счетъ заблужденій революціи. Здѣсь узнаютъ они, что молодой графъ Адольфъ, эмигрировавшій изъ Франціи, схваченъ и казненъ. При этомъ извѣстіи Сюзетта падаетъ въ обморокъ, а Риго бѣсится. Является бѣдная женщина просить помощи — Сюзетта узнаетъ въ нищей свою благодѣтельницу-графиню: обѣ плачутъ вмѣстѣ о погибели графа. Но въ четвертой картинѣ является самъ графъ, онъ спасся, но скрывается отъ поисковъ. Сюзетта его укрываетъ въ своемъ домѣ. Риго, который обходится съ Сюзеттою сурово и деспотически, очень холодно даетъ графинѣ большую сумму денегъ въ оплату за приданое Сюзетты, съ котораго онъ началъ свои спе-

жуящи, а графу устроиваетъ все къ скорому отъѣзду. Графъ прощается съ Сюзеттою, онъ примирился съ своею судьбою, но она говоритъ, что не переставала его любить и будетъ любить до гроба. Риго, подслушавшій разговоръ, не вытерпѣлъ: онъ объявляетъ, что онъ не женатъ, что посватался на Сюзеттѣ ради одного ея приданого, что онъ ее увезъ въ Нормандію и увѣрилъ всехъ, что она его жена, между тѣмъ-жилъ съ нею, какъ братъ съ сестрою; но что узнавъ короче ея прекрасный нравъ, влюбился въ нее и ревновалъ ее къ графу; теперь же, видя, что сама судьба ихъ соединяетъ, онъ оставляетъ свои безумные планы, отдаетъ ее графу и самъ уѣзжаетъ. «Будьте счастливы, заключаетъ онъ, а вы, Сюзетта, на прощаньи поцѣлуйте вашего брата!» что она и исполняетъ. Вотъ вамъ и *первый и послѣдній прощальный поцѣлуй*. Почему *прощальный*? — не извѣстно. Если *послѣдній*, то уже долженъ быть *прощальный*, потому послѣ *послѣднему* не бываетъ повторенія.

Теперь спрашивается, что хотѣлъ доказать авторъ и къ какой цѣли стремился все эти натянутыя положенія и насильственные сцены? Еслибъ графиней двигала фамильная гордость, общая слабость французскихъ вельможъ XVIII вѣка, то ея сопротивленіе браку сына съ Сюзеттою извинялось бы нравами времени и поколѣнія. Но нѣтъ, она любитъ бѣдную дѣвушку, какъ мать, она оцѣняетъ все ея прекрасныя качества, она знаетъ, что сынъ съ нею, и только съ нею одной можетъ быть счастливъ, — и не смотря на все это, обрекаетъ два прекрасныя, равно дорогія ея сердцу, существа на вѣчное страданіе. И все это потому только, что мужъ въ послѣднемъ письмѣ изъявилъ желаніе наградить своего спасителя родствомъ съ своимъ домомъ. Вѣроятно, еслибъ старикъ остался въ живыхъ и узналъ о страстной любви молодыхъ людей, то самъ отказался-бы отъ своей странной и смѣшной мысли, тѣмъ болѣе, что и онъ, какъ видно, не былъ зараженъ гордостью, ибо хотѣлъ же женить своего сына на дочери простаго воина. Но автору хотѣлось завязать драму изъ пустяковъ и вотъ она завязывается. Онъ идетъ даже дальше своей цѣли: для вящаго эффекта онъ дѣлаетъ графиню не только слабою и не мыслящею женщиною, онъ надѣляетъ ее еще жестокостію и безсердечіемъ. Развѣ не довольно того, что она разлучила молодыхъ людей, разрушила ихъ надежды на соединеніе? Нѣтъ: она хочетъ еще погубить Сюзетту навсегда, выдавъ ее, противъ влеченія, за человѣка необразованнаго, грубаго, ищущаго одного приданого. Это жестокость, тѣмъ болѣе отвратительная, что она сама создала Сюзетту, развила ея умъ, облагородила сер-

це, украсила ее блестящимъ воспитаніемъ — и всѣ эти благодѣянія разрушаетъ однимъ ударомъ, насильственнымъ бракомъ съ человѣкомъ, который не въ состояніи оцѣнить этихъ прекрасныхъ даровъ и грубостью своей натуры долженъ погубить ихъ въ самомъ разцвѣтѣ, а вмѣстѣ съ ними и всю духовную жизнь молодой дѣвушки. Это уже чистый геростратизмъ. Далѣе. Графъ вернулся по щучьему велѣнію: ужъ какъ дошла до него вѣсть о бракѣ Сюзетты, придуманномъ экспромтомъ, этого не будемъ разбирать; довольно того, что воззвать его возвращаетъ и Сюзеттѣ свободу, и если не общаетъ ей счастья, такъ по крайней мѣрѣ, спасаетъ ее отъ гибельнаго насилія. Графиня согласна уничтожить союзъ своей воспитанницы съ прасоломъ, она это торжественно общаетъ сыну. Самъ Риго отказывается отъ своей невѣсты. Для чего же Сюзетта сама насильно ему навязывается? Какая цѣль? Авторъ хотѣлъ этимъ выразить ея великодушіе. Плохое выраженіе, несообразное ни съ сердцемъ человѣческимъ, ни съ здравымъ разумомъ. Мы понимаемъ, что женщина можетъ отказаться принадлежать любимому человѣку, чтобы не переставать любить его; но едва ли она согласится связать судьбу свою съ другимъ лицомъ, одна мысль объ которомъ приводитъ ее въ содраганіе, потому что это лицо составляетъ явное противорѣчіе каждой мечтѣ, каждому помыслу, каждому бѣнію ея сердца. Она еще меньше согласится на это, когда, какъ Сюзетта, знаетъ, что такой поступокъ убьетъ графа, разрушитъ его счастье, даже можетъ побудить его къ самоубійству, какъ онъ самъ говорилъ своей матери. Если она хотѣла этимъ сохранить спокойствіе и счастье своей благодѣтельницы, то выборъ средства самый неудачный: ужели она упочитъ ея счастье, лишивъ ее любимаго сына, на котораго старуха надыхаться не можетъ? Опять неестественное драматическое насиліе, пужное автору для дальнѣйшаго развитія драмы. Наконецъ, богачъ Риго, грубо и деспотически обращающійся съ Сюзеттою, которая принесла ему счастье и богатство; ревнующій, не имѣя на то ни правъ, ни причинъ; честный человѣкъ, обогатившійся на счетъ несчастливцевъ, пострадавшихъ невинно отъ неистовствъ революціи; влюбленный въ Сюзетту и готовый погубить графа, чтобы обладать ею; этотъ самый Риго — дѣлается героемъ великодушія и благородства, почти-что сверхъестественнаго, и помрачаетъ собою графиню, которая имѣла всѣ средства сдѣлать людей, ее любившихъ, счастливыми, и погубила ихъ, тогда, какъ онъ, имѣя всѣ средства погубить этихъ людей, для него враждебныхъ, напротивъ, составляетъ ихъ счастье, въ ущербъ своему собственному. Какія противорѣчія въ одномъ и томъ-же

характеръ, какія несродныя черты съ грубостью натуры, приданной этому характеру! Если графиня можетъ быть слабою и малодушною женщиною, то едва-ли всякій прасоль долженъ быть героемъ доблести и благородства, и въ этомъ отношеніи цѣль автора пьесы, видная изъ главной мысли, явно высказывающейся въ этихъ двухъ главныхъ лицахъ, вовсе не достигнута. Мысль сама по себѣ нелѣпая, а выводъ натянуть зубами, съ полнымъ пренебреженіемъ къ истинѣ и правдоподобию.

Французскіе актеры мастерствомъ и обдуманностію игры своей умѣютъ пополнять недостатки пьесы и скрывать промахи автора, они придаютъ столько натуры характерамъ самымъ эксцентрическимъ, что невольно заставляютъ вѣрять въ ихъ истину и самое неестественное дѣйствіе дѣлаютъ правдоподобнымъ. У нихъ и «Приданое Сюзетты» казалось прекрасной психической картиною. Совсѣмъ другое произошло при представленіи той-же пьесы на русскомъ театрѣ. Г. Прусаковъ взялъ себѣ главный характеръ драмы, Шеню-Риго, и сдѣлалъ это лицо въ высшей степени неприятнымъ. Какъ актеръ съ дарованіемъ одностороннимъ и недостаточно провицательнымъ, онъ не могъ справиться съ задачей, которая была выше силъ его. Грубость натуры, данная авторомъ Шеню-Риго, выступила еще рельефнѣе въ игрѣ г. Прусакова, а проблески благородства, составляющіе патетическую сторону этаго характера, совсѣмъ исчезли. Сюзетта, какъ жертва, обреченная авторомъ на страданія въ продолженіе всей пьесы, и была страдальчески передана г-жею Самойловой 2. Странно, что это лицо, долженствующее сосредоточивать на себѣ весь интересъ, рѣшительно не возбуждаетъ ни малѣйшаго участія. Остальныя лица или вовсе безъ характеровъ, или выведены такъ, для красоты и для связи. Судить въ нихъ строго артистовъ нельзя, по можно сказать, что цѣлое лишено той совокупности, твердости и слаженности, которыя рѣшаютъ участь каждой пьесы на сценѣ, и безъ которыхъ даже лучшія творенія Шекспира, Мольера и Шиллера должны упасть съ перваго раза, а тѣмъ болѣе издѣлія, требующія сценической подготовки и эффектнаго исполненія.

Гораздо болѣе подобныхъ натянутыхъ драмъ мы любимъ простодушный, веселый и замысловатый французскій фарсъ, въ которомъ хоть нѣтъ правды, за то есть правдоподобіе, и который смѣшить до упаду, безъ всякихъ претензій на психологію.

Таковъ и «Ревнивый мужъ и храбрый любовникъ.» У г. Радена такая чудовищная физика, что зеркало и собственное сознаніе убѣдили его, что онъ непременно долженъ ревновать

свою жену, тѣмъ болѣе, что она молода, хороша и вѣтрена. Ну, вотъ онъ и ревнуетъ ее ко всѣмъ и ко всему, къ привратнику, къ служанкѣ, къ сосѣдямъ, даже къ себѣ самому. Готовитъ-ли она новое платье — ревность: для кого хочетъ рядиться? Вышиваетъ-ли ему ермолку — опять ревность: кому это она угодить хочетъ? Подойдетъ-ли поливать свои цвѣты — снова ревность: на кого это она въ окошечко поглядываетъ? Наклонить голову: — а, кому-то киваетъ. Дастъ знакъ служанкѣ: — Эге! да и съ этой у ней шуры-муры! Словомъ, ревность у Радена во всякомъ взглядѣ, во всякомъ мускулѣ — настоящий Бенгальскій тигръ. (Такъ онъ и названъ въ подлиппикѣ.) Вотъ, въ одно прекрасное утро, Раденъ замѣчаетъ, что въ противоположномъ домѣ по комнатѣ ходитъ молодой человѣкъ: — скверно! онъ куритъ сигарку: — еще хуже! — пускаетъ дымъ въ окошко: о, это ужъ изъ рукъ вонъ! Для чего это? Для кого это? Ужъ, разумѣется для жены. Онъ подзываетъ жену, дѣлаетъ ей допросъ, — оказывается, что она не только не знаетъ молодаго человѣка, но даже и не замѣчала его прежде. Да куда! увѣришь-ли ревнивца, онъ все несетъ свое. Аврелія для того, чтобъ избавиться отъ новыхъ сценъ, пишетъ письмо къ неизвѣстному сосѣду, въ которомъ проситъ его перемѣнить квартиру, чѣмъ онъ составитъ спокойствіе и семейное счастье бѣдной женщины. Молодой человѣкъ, къ несчастію, безтолковъ: онъ не понялъ записки и самъ является за объясненіемъ.

Изъ этого объясненія видно, что г. Трусель, артистъ — на всѣ руки, никогда не замѣчалъ и не думалъ объ мадамъ Раденъ, тѣмъ болѣе, что ему рѣшительно некогда заниматься такими пустяками. Онъ теперь занятъ дѣломъ чрезвычайно важнымъ, пріисканіемъ себѣ *позиціи въ свѣтъ*, то-есть положенія, вполне приличнаго его природнымъ способностямъ и наклонностямъ души, такого положенія, гдѣ можно хорошо пить и кушать, достаточно спать, и рѣшительно ничего не дѣлать. Онъ уже близокъ къ цѣли своихъ стремленій, которыя должны на дняхъ осуществиться посредствомъ брака съ толстою и брачливою вдовою токарнаго мастера, не жалющаю для него палокъ. Она уже презентовала ему восемнадцать тростей и тросточекъ, различнаго калибра — во изъявленіе своихъ нѣжныхъ чувствъ. Будущность представляется г. Труселю самая обольстительная. Пока онъ дѣлаетъ эти откровенія г-жѣ Раденъ, слышанъ голосъ бенгальскаго тигра.... Что дѣлать? бѣда, если онъ его застанетъ съ женою! Мадамъ Раденъ выпроваживаетъ его по черной лѣстницѣ, горничная его провожаетъ. Раденъ входитъ, подозрительно озирается, дѣла-

еть жень легкій допросъ и наконецъ успокоивается. Но вотъ вбѣгаетъ горничная съ восклицаніемъ: «пу, ушелъ!» — Кто ушелъ? Какъ ушелъ? Откуда? Искра брошена — бомба разразилась. Ловкая служанка тотчасъ нашлась: барыня послала за водовозомъ, но онъ уже ушелъ. — Стало быть онъ былъ здѣсь, посмотримъ.... и тигръ бѣжить въ кухню и выносить оттуда помюрки воды: Вотъ вся вода, какая есть въ домѣ, за чѣмъ же здѣсь былъ водовозъ? спрашиваетъ онъ въ бѣшенствѣ. «Въ томъ-то и дѣло: что барыня было сказала ему, что вода есть, а между тѣмъ ея нѣтъ.... я за впомъ и побѣжала, да онъ ушелъ.» — А! ну ладно. — Только гроза еще не миновала. Несчастный Трусель забылъ на столѣ свою палку. Мадамъ Раденъ прячетъ ее проворно за спину. Мужъ, который слѣдитъ за каждымъ ея движеніемъ, вскакиваетъ. «Что у тебя тамъ сзади?» — Ничего! отвѣчаетъ она, передавъ ловко трость проворной служанкѣ. — «Ничего, а у тебя, разбойница?» говоритъ онъ служанкѣ: покажи руку! другую.... Она показываетъ, но онъ ее повертываетъ и несчастная палка падаетъ на полъ.... «А! улика на лицо! Палка, трость.... модная.... съ наконечникомъ.... съ наболдашикомъ!...» — Ахъ, сударь, какіе вы смѣшные! Ну, что же за важность, что палка? Это барыня вамъ готовила сюрпризъ, нарочно купила. — Раденъ убѣжденъ, пристыженъ, и разбѣживается. Онъ выходитъ распорядиться по хозяйству. Въ эту минуту вбѣгаетъ по черной лѣстницѣ Трусель. — «Вы зачѣмъ опять здѣсь?» спрашиваетъ Аврелія. — А какъ же? Я забылъ мою палку, драгоценную палку, которую я получилъ отъ нея, она сегодня ее спроситъ, дѣлая инспекторскій смотръ всемъ палкамъ, которыя мнѣ подарила. — Но вотъ опять раздается голосъ тигра. — Трусель, слышавшій, что у того есть пистолетъ въ карманѣ, бѣжить опромѣтно и забываетъ вторую палку. Такимъ образомъ комическія сцены ревности мужа и трусости любовника продолжаются. Трусель попеременно теряетъ то шляпу, то башмаки и наконецъ, опростовосившись и безъ обуви, не знаетъ, какъ выбраться изъ дому. Мадамъ Раденъ, чтобы наконецъ отъ него избавиться, совѣтуетъ ему надѣть мужнины сапоги и шляпу. Раденъ съ пистолетомъ прячется въ часовой ящикъ, чтобы подстеречь «коварныхъ.» Но вотъ является Трусель въ своемъ комическомъ парадѣ и мадамъ Раденъ не можетъ удержаться отъ хохота. Тигръ понялъ, что когда женщина смѣется надъ мужчиною, то не можетъ любить его. Общій миръ — и возобновленіе семейнаго спокойствія.

Зрители хохочутъ до упаду отъ начала до конца пьесы, которая очень хорошо и стройно разыграна. Особенно очень заба-

вень г. Максимовъ 1, въ роли Трусея: подобные характеры рѣшительно его торжество.

Лакей, цирюльникъ, газетчикъ. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе *К. И. Мора*.

Вдова Сатанилова: или я Разорву этотъ бракъ! Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *г. Ермоловъ*.

Сцены изъ драмы: Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій, Дебютъ *г. Пронскаго*.

Пріѣздъ жениха или святочный вечеръ въ купеческомъ домѣ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *г. Соколова*.

Сцены изъ: «Гамлета»—Шекспира. Г. Славинъ — *Гамлетъ*.

(*Бенефисъ г. Славина*.)

Мы любимъ шутку, когда она заключаетъ въ себѣ что-нибудь забавное или остроумное, но и въ такомъ случаѣ она пріятна только въ гомеопатическомъ приѣмѣ. Представьте-же себѣ положеніе человѣка, когда его цѣлый вечеръ кряду будутъ забавлять шутками, въ которыхъ не только нѣтъ ничего остраго и смѣшнаго, но даже ощущается большой недостатокъ въ здоровомъ смыслѣ. Между-тѣмъ, таковъ былъ цѣлый бенефисъ г. Славина, весь, отъ начала до конца, составленный изъ однихъ шутокъ.

Первая шутка называется: «Вдова Сатанилова» и принадлежитъ изобрѣтательному уму г. Ермолова. Это передѣлка на *русскій ладъ* игриваго водевиля «Женихъ по довѣренности», съ множествомъ вставныхъ, бесполезныхъ лицъ, съ карриатурами, выходящими изъ области всего человѣческаго и съ фарсами, все не забавными. *Никто* Озартиковъ далъ слово жениться на вдовѣ Сатаниловой, а между-тѣмъ нарываетъ сочетаться бракомъ съ *нѣкоей* Натальей Семеновной и все бонется, что вотъ пріѣдетъ милая вдовушка и выцарапаетъ ему глаза. Пріятель его, Бракачевъ, берется отучить милую вдовушку отъ подобнаго изъявленія нѣжности и отъ дальнѣйшихъ притязаній на позднее замужество. Что-жъ бы выдумали онъ для этого дѣлаетъ? Залѣзаетъ въ каминъ и остается тамъ до конца пьесы, собственно для того, чтобы увѣнчать успѣхъ ея—лицомъ, запачканнымъ сажеею. А Сатанилова между-тѣмъ пріѣзжаетъ, ругается съ своимъ измѣнникомъ до хрипоты, самъ-же измѣнникъ притворяется нѣмымъ, подъ конецъ оба разыгрываютъ пантомимныя сцены и... и все это дѣлается для

того, чтобы позабавить образованную публику. Образованная публика, не находя этого вовсе забавнымъ, шипкаетъ.

Вторая шутка — «Лакей, цирюльникъ; газетчикъ». К. П. Моръ, отличный нѣмецкій актеръ, который иногда такъ забавенъ въ нѣкоторыхъ роляхъ, играемыхъ имъ на русской сценѣ, вздумалъ самъ написать для себя роль — и она вышла не совсѣмъ удачна. Начинается съ того, что вся эта пьеска, или, лучше сказать, эти двѣ-три сценки, потому что пьесы тутъ вовсе нѣтъ, написаны чисто въ нѣмецкомъ духѣ и никакъ не родятся съ русскими нравами, хотя дѣйствіе и происходитъ въ Россіи. Вторыхъ, самое событіе не совсѣмъ правдоподобно. Г. П. Н. газетчикъ, то-есть по нашему, издатель газеты, прискалъ себѣ слугу, изъ нѣмцевъ, который прежде былъ цирюльникомъ; этотъ цирюльничекъ-лакей въ отсутствіе барина пишетъ приходящимъ объявленія для газеты, а деньги беретъ себѣ. Въ объявленіяхъ онъ все перепутываетъ, и желающіе напечататься, въ сердцахъ, требуютъ своихъ денегъ обратно. Баринъ, узнавъ глупую проделку своего слуги, сгоняетъ его со двора. Вотъ и все!

Третья шутка: «Пріѣздъ жениха» не имѣетъ ровно никакого содержанія, а служитъ только рамкою для вставленныхъ въ нее танцовъ и пѣсенъ. Словомъ, это *разнохарактерный дивертиссементъ*. Но здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, выставленъ въ довольно вѣрной картинѣ не совсѣмъ очаровательный бытъ шукинодворцевъ третьяго разбора.

Четвертая шутка — сцены изъ Скопина Шуйскаго — съ весьма комическимъ ихъ выполненьемъ г. Пронскимъ. У этого дебютапта есть всѣ природныя дапныя, чтобы быть актеромъ, но его выговоръ, походка, жесты гораздо умѣстнѣе были-бы въ шуткѣ «Пріѣздъ жениха», чѣмъ въ драмѣ и патетической роли.

О. КОНИ.

ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

(Письмо изъ Парижа, отъ 13 іюля).

Прощаясь, нѣсколько недѣль назадъ, съ г-жею Віардѣ, и съ оперой «Пророкъ», мы никакъ не думали, что такъ скоро увидимъ опять произведеніе Мейербера, съ другою артисткою, и что эта новая Фидесъ такъ блистательно исполнитъ свою трудную задачу, не смотря на свѣжую еще память ея великой предшественницы. Г-жа Альбони явила въ этой роли неоспоримый талантъ, не только какъ пѣвица, въ этомъ уже давно никто не сомнѣвается, но и какъ актриса. Конечно, она постигла характеръ Фидесы не такъ всесторонно, какъ г-жа Віардѣ. Она довольствуется развитіемъ одной стороны роли, материнской любви; но за то эту сторону развиваетъ прекрасно, въ голосѣ и даже въ игрѣ ея много теплоты и чувства, въ нѣкоторыхъ сценахъ даже драматизма. Словомъ, эта роль — новый лавръ къ вѣнку пѣвицы, затмѣвающей всѣ прежнія.

Кромѣ дебюта г-жи Альбони, на театрѣ Большой-Оперы нѣтъ ничего замѣчательнаго. Новая опера Скриба и Обера, «Блудный сынъ», которая должна была идти въ скоромъ времени, отложена, по разнымъ обстоятельствамъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть даже до зимы. Возобновлена старинная опера Лебрёна «Соловей.» Опера эта, не смотря на имена автора либретта, Этьенна и композитора, очень не богата содержаніемъ; она написана единственно для того, чтобы дать пѣвицѣ случай блеснуть весьма труд-

востями вокализаций, подражая поочередно съ флейтою все́мъ трелямъ, переливамъ, руладамъ соловья. Г-жа Альберъ Гимъ первая производила фуроръ въ этой оперѣ, которая для нея и написана; потомъ въ ней собирали обильныя рукоплесканія г-жи Даморъ и Дорюсъ-Гра; нынче она возобновлена для продолженія дебютовъ г-жи Лабордъ. Она со славою исполнила все трудности партіи, требующей необыкновенной чистоты и вѣрности интонацій, и легкости и бѣглости вокализаций.

Это состязаніе съ воображаемымъ соловьемъ напоминаетъ намъ состязаніе дѣйствительное съ настоящимъ соловьемъ, о которомъ рассказываютъ все поклонники таланта г-жи Альбони, то-есть, весь Парижъ. Рассказываютъ, что въ послѣднее пребываніе великой пѣвицы въ Лондонъ, она была приглашена на великолѣпный праздникъ, который директоръ Лумлей давалъ на своей дачѣ, и на которомъ находилась вся лондонская знать и все артисты. Вечеромъ запѣлъ соловей, — не Альбони, а настоящій соловей. Графъ Дорсетъ попросилъ пѣвицу отвѣчать своему пернатому сопернику; между гостями тотчасъ составилсь пари за того и другаго состязателя. Г-жа Альбони охотно приняла предложеніе и начала пѣть; соловей умолкъ; но едва она кончила свою арію изъ «Итальянки въ Алжирѣ», соловей, будто понимая, что дѣло идетъ о его артистической чести, запѣлъ снова, и сталъ выдѣлывать такія мудренныя фигуры, такія салто-мортали, что державшіе сторону пѣвицы, считали уже пари проиграннымъ. Альбони однако же не отказалась еще отъ состязанія; она отвѣчала своимъ знаменитымъ *Grindisi* изъ «Луcreціи Борджіи», и поставила противника въ такой тупикъ, что онъ улетѣлъ, а пѣвица возвратилась побѣдительницею въ залу.

На театрѣ Комической-Оперы явился наконецъ давно обѣщанный «Сонъ въ Ивановскую ночь»; опера въ трехъ дѣйствіяхъ, гг. Розье и Лёвена, музыка г. Амбруаза Тома. Сначала слухъ носился, что содержаніе этой драмы заимствовано изъ фантастической комедіи Шекспира, носящей это названіе; мысль эта была довольно правдоподобна, потому что едва ли можно придумать что нибудь очаровательнѣе и поэтичнѣе этого предмета для фантастико-комической оперы; однако же на повѣрку вышло, что авторы заимствовали у Шекспира одно названіе, чтобы представить эпизодъ изъ его молодой жизни.

Французскій Театръ, за непывіемъ новыхъ пьесъ, возобновилъ драму Виктора Гюго «Анжело». Не смотря на то, что пьеса уже давно все́мъ извѣстна, это представленіе привлекло такую же многочисленную толпу и породило столько же толковъ и

споровъ, какъ первыя ея представленія въ 1835 году; что очень легко объясняется сходствомъ обстоятельствъ. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ каждая новая драма Виктора Гюго и Александра Дюма — (Александръ Дюма былъ тогда еще поэтъ, а не фабрикантъ литературнаго издѣлія) — была шагомъ къ водворенію новой школы, ими основанной; но кромѣ того, первое представленіе «Анжело» было событіемъ въ театральномъ мірѣ потому, что г-жа Марсъ въ первый разъ согласилась взять роль въ драмѣ, вышедшей изъ романтической школы. Нынче война классицизма и романтизма почти забыта, но все-таки еще вспыхиваетъ отъ времени до времени. Такъ было и при возобновеніи «Анжело», потому что роль Тизбы исполняла г-жа Рашель, послѣдняя представительница классической трагедіи. Это вторая попытка ея на поприщѣ романтической драмы, вполнѣ загладившая неудачу великой артистки въ «Дѣвицѣ де Бель-Иль». Характеръ страстной, пламенной актрисы, имѣеть болѣе сродства съ характерами классическихъ героинь, Федры, Андромахи, Гермионы, Камиллы, Роксаны, у которыхъ всегда въ рукахъ кляжалъ и проклятія на устахъ, чѣмъ съ характеромъ дѣвицы де Бель-Иль, существа полнаго женской кротости и преданности, готоваго на всякое самопожертвованіе, но неспособнаго къ чувствамъ ярости и мести. Не смотря на блистательный успѣхъ г-жи Рашель, партія, довольно еще многочисленная, старовѣровъ, которые думали ея примѣромъ доказывать преимущество классической трагедіи передъ новою драмою, очень негодуетъ на ея измѣну и начинаетъ снова вопить, что романтизмъ убилъ искусство. Старая пѣсня!

Французскій Театръ готовитъ также пьесу Альфреда де Мюссэ, «Подсвѣчникъ», игранную года два назадъ на Историческомъ театрѣ, и имѣвшую довольно слабый успѣхъ.

Неурожай на новыя пьесы въ этомъ мѣсяцѣ чрезвычайный, потому что всѣ театры принялись за возобновленіе старины. Театръ Одеона возобновилъ драму Фелікса Пиа: «Диогенъ»; Театръ Веселости драму Бальзака «Вотренъ». Странное дѣло, что Бальзаку никакъ не везетъ на театрѣ; изъ трехъ драматическихъ сочиненій его, только одно, самое слабое, «Мачиха», игранное, сколько мы можемъ припомнить, года три тому назадъ, имѣло нѣчто въ родѣ успѣха; комедія «Плутни Кинолы», пала; «Вотренъ» былъ игранъ одинъ разъ, въ 1840 году, и безъ успѣха; теперь онъ возобновленъ, но съ такимъ слабымъ успѣхомъ, что нельзя ручаться, чтобы онъ выдержалъ еще нѣсколько представленій. А между тѣмъ самый строгій судья не можетъ не сознаться, что эти произведенія, особенно «Плут-

ни Киволы,» заслуживаютъ другой участи. Въ нихъ есть послѣдовательно развитые характеры, есть движеніе; одинъ только въ нихъ недостатокъ, общій съ его романами: всегда видно, что авторъ свелъ всѣ эти лица за тѣмъ, чтобы высказать вамъ ту или другую мысль; это не живыя, самобытно-дѣйствующія существа, а мертвецы, которыхъ какой нибудь Піетро Абано или другой магикъ среднихъ вѣковъ вызвалъ изъ гроба, и возвратилъ имъ на опредѣленное время способность движенія и слова, но не далъ мысли и воли. Вы того только и ждете, что вотъ они исполнятъ возложенную на нихъ задачу и опять распадутся въ прахъ.

Пьеса, игранная на Театрѣ Водевиля, «Поцѣлуй-мимоходомъ», господъ Бризбарра и Нюна, такъ ничтожна, что мы не будемъ о ней и говорить. Если она была выслушана до конца, то это единственно благодаря превосходной игрѣ исполнителей. То-же самое должно сказать о «Воспитанницахъ мадамъ Шарлотты,» комедіи-водевилѣ господина Филиппа Марвиля, игранномъ на театрѣ Драматической Гимназіи. Впрочемъ, театръ Гимназіи выкупилъ эту неудачу новою пьесою Скриба и Мишеля Массона: «Элизы и Абейларъ.» Не думайте, чтобы это были тѣ Элизы и Абейларъ, которыхъ завѣщала намъ исторія среднихъ вѣковъ, какъ образецъ любви и вѣрности. Абейларъ господъ Скриба и Массона называется Астіапакомъ Робишономъ и воображаетъ себя новымъ Абейларомъ только потому, что онъ влюбленъ въ одну Лунзу, или поэтичнѣе Элизу; а у этой Лунзы есть старый опекунъ, который самъ прочитъ ее себѣ въ жены и потому обещалъ непрошеному жениху подвергнуть его самому оскорбительному наказанію для жениха. Робишонъ бѣжитъ, но послѣ долгихъ скитаній, съ помощью хитростей и плутней Лунзы, похищаетъ ее и женится на ней. Всего ума Скриба не стало бы, чтобы состроить хорошенкѣйшій водевилъ на такихъ пустыхъ дачныхъ, потому онъ выѣзжаетъ весь на острогахъ и двусмысленностяхъ, перѣдко довольно крупной соли.

Въ такомъ-же родѣ, но далеко не такъ забавенъ водевилъ господъ Карре, Барбье и Боплана, игранный на томъ-же театрѣ: «Мокрая Любовь.» Нѣкто, Кальфуціусъ такъ дался въ ученость, что поклялся вѣчно ненавидѣть женщинъ; это единственный его недостатокъ, если-бъ не то, онъ былъ бы прекраснѣйшій человекъ. Къ счастью, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, въ водевиляхъ, одна хорошенкѣйшая вдовушка рѣшилась непременно исправить его. И вотъ въ дождь и градъ графиня Берта, одѣтая франкфуртскимъ студентомъ, является къ

ученому медвѣдю, просить убѣжища на время грозы. Кальфуціусъ всегда готовъ услужить собрату, принимаетъ его съ истинно-нѣмецкимъ радушіемъ, разводитъ огонь въ каминѣ, чтобы сушить его промокшее платье, угощаетъ его, удерживаетъ его у себя ночевать, и даже хочетъ, по студенчески раздѣлить съ нимъ свою постель. Но студентъ не хочетъ его беспокоить и запирается въ комнату слуги; однако-же, по настоятельнымъ убѣжденіямъ гостепріимнаго хозяина, выходитъ уже не студентомъ, а въ настоящемъ своемъ видѣ. Кальфуціусъ сердится не на шутку, и очень невѣжливо замѣчаетъ хорошенькой графинѣ, что дождь уже прошелъ, погода разгуливается, и что можно ей отправляться домой. Слыхано ли однако же, чтобы водевильная вдовушка такъ легко отказывалась отъ побѣды? Чтобы не быть выпровоженною за дверь, графиня Берта притворяется, будто оступилась и такъ ушибла ногу, что не можетъ идти. Кальфуціусъ хотя и медвѣдь, но все-таки человѣкъ мягкосердечный и не можетъ отказать ей въ позволеніи отдохнуть. Графиня Берта опускается въ кресла и засыпаетъ, чтобы тѣмъ придать еще болѣе силы своимъ прелестьямъ. Разсчитъ ея вѣреть; когда она просыпается, Кольфуціусъ у ея ногъ, покрываетъ руку ея пламенными поцѣлуями, сознается побѣжденнымъ, и предлагаетъ прекрасной побѣдительницѣ свое сердце и руку.

Необыкновенный успѣхъ сельской драмы «Франсуа подкидышь», госпожи Жоржъ-Сандъ, передѣланной изъ ея-же очаровательнаго романа, побудилъ господъ Анисе Буржуа и Лафона составить водевиль изъ новаго ея романа «Маленькая Фадетта.» На этотъ разъ успѣхъ не соответствовалъ ожиданіямъ авторовъ. И не удивительно; изъ прелестной повѣсти, дышащей сельскою простотою и наивностью, они сочинили водевиль блѣдный, вялый, приторный, скучный, который вѣроятно послѣ двухъ, трехъ представленій, отправится на вѣки вѣковъ въ театральныя архивы. Миръ ему! чѣмъ смотрѣть этотъ паточный водевиль, лучше прочесть повѣсть госпожи Жоржъ-Сандъ, въ которой такъ живописно и съ такою свѣжестью изображается бытъ беррійскихъ крестьянъ.

Кромѣ «Фадетты» театръ Разнообразія поставилъ незатѣйливый, но уморительный фарсъ господъ Дювера и Лозанна «Въ Бастиліи.» Кто не знаетъ басни старика Лафонтена подъ названіемъ «Тяжущіеся и устрица» (les Plaideurs et l'huître). Переложите ее въ водевильную рамку, и получите помянутый фарсъ; само собою разумѣется, что тутъ идетъ дѣло не объ устрицѣ, а... просимъ извиненія за невѣжливость авторовъ, — устрица обратилась въ невѣсту, прекрасную, милую, умную; это говорятъ женщины, а мы,

зрители, невѣсты не видали, потому что весь фарсъ происходитъ между противниками и судьей; авторы въ этомъ случаѣ поступили очень благоразумно, потому что нельзя же хорошенькой и талантливой актрисѣ предложить роль — устрицы. Это было-бы невѣжество, варварство изъ рукъ вопъ. Дѣло въ томъ, что два пріятели, которыхъ роли исполняютъ Арналь и Леклеръ, собираются жениться на одной и той-же невѣстѣ; но какъ ни тотъ, ни другой не хочетъ ее уступить, то каждый въ свою очередь обращается къ общему благопріятелю, съ покорнѣйшею просьбою упрятать противника въ Бастилію. Что значить дружба! Общій благопріятель, чтобы не обидѣть ни того, ни другаго, исполняетъ обѣ просьбы, и обоихъ запираетъ, не въ Бастилію, а въ разныя комнаты своего загороднаго дома; тутъ они питаются сладкою надеждою перехитрить другъ друга, пока не пріѣзжаетъ благопріятель, чтобы представить имъ свою молодую жену, ихъ невѣсту.

Изъ двухъ пьесъ, составляющихъ весь итогъ новостей театра Монтансье, одна «Господицъ префектъ изволить тѣшиться,» въ первый-же вечеръ сошла со сцены въ сопровожденіи оглушительныхъ свистковъ. Другая, хотя не много лучше ея, однако-же, за немѣнѣемъ лучшаго, продержится въ некоторое время. Это «Половой отъ Вери», водевиль г. Лабитша. Мадамъ Галимаръ, узнавъ на опытѣ всѣ неудобства женской прислуги, рѣшилась замѣнить ее мужскою и нанимаетъ заочно человѣка, рекомендовавшаго ей одною кузною. Нанять лакея, дѣло кажется очень простое, а между тѣмъ прибытіе этого человѣка ставитъ весь домъ вверхъ дномъ. Надо сказать, что у каждаго изъ членовъ этого семейства есть грѣшокъ на совѣсти. Мосье Галимаръ, встрѣтившись какъ то съ хорошенькой швейкою, угостилъ ее ужиномъ у Вери, въ особенной комнатѣ подъ № 7; а въ то же самое время мадамъ Галимаръ находилась у Вери-же въ № 9, съ кузеномъ своимъ, алжирскимъ офицеромъ, который давно уже преслѣдуетъ ее своею любовью. Можете себѣ представить смущеніе этихъ трехъ лицъ, когда они узнаютъ въ Антуанѣ того самаго половаго, который прислуживалъ имъ у Вери. Хотя Антуанъ слишкомъ приглядѣлся у Вери къ подобнымъ свиданіямъ, чтобы обращать вниманіе на лицо, однако-же виновные трепещутъ, чтобы онъ ихъ не узналъ и не увидалъ, и потому наперерывъ стараются приласкать его; холятъ, лелѣютъ его, такъ что можно-бы подумать, что онъ баринъ, а они его слуги. Антуанъ катается, какъ сыръ въ маслѣ, и въ простотѣ своей знать не хочетъ, откуда ему такой почетъ и такое счастье. Одно обстоятельство довершаетъ суматоху. Антуанъ,

съ дѣтства покинутый родителями, вбилъ себѣ въ голову отыскать отца. Заботливость мосье Галимара внушаетъ ему мысль, что онъ-то и есть этотъ давно отыскиваемый отецъ. Съ этою мыслью, онъ считаетъ долгомъ окружать его попеченіями самаго нѣжнаго сына, самаго преданнаго слуги. Видя, что между мадамъ Галимаръ и ея кузеномъ затѣвается что-то недоброе, онъ такъ хитритъ, что принуждаетъ офицера возвратить кузневѣ, полученные отъ нея подарки и отправиться въ свой полкъ, и тѣмъ спасаетъ супружескую честь своего мнимаго отца.

Нѣсколько времени тому назадъ разнесся слухъ, что Евгений Сю написалъ драму для Театра Веселости, и дѣйствительно на первыхъ афишахъ «Жанъ-Баръ», явился съ именами Евгенія-Сю и Вильпѣва; однако-же знаменитый романистъ публично протестовалъ противъ приписанія ему пьесы, въ которой онъ, по словамъ его, участвовалъ только тѣмъ, что она заимствована изъ составленной имъ исторіи французскаго флота, и что онъ, лѣтъ десять назадъ, самъ извлекъ изъ нея нѣсколько драматическихъ сценъ для одного пріятеля, но потомъ совѣмъ бросилъ этотъ трудъ.

Участвовалъ-ли Евгений Сю въ сочиненіи «Жана Бара», или нѣтъ, а пьеса имѣла большой успѣхъ. Драмою ее собственно назвать нельзя, потому что это только рядъ картинъ, изъ жизни знаменитаго корсара, гордости французскаго флота и грозы англичанъ. Любви французовъ къ этому незабвенному и оригинальному представителю ихъ морской славы, любви очень понятной, должно приписать весь успѣхъ пьесы; потому что съ точки зрѣнія чистаго искусства, она не представляетъ рѣшительно ничего достойнаго вниманія. На очень слабую любовную интригу — Жанъ-Баръ былъ слишкомъ завязъ своимъ корсарскими дѣлами, чтобы быть героемъ въ любовныхъ дѣлахъ, — панизаны все его подвиги.

Въ заключеніе нашего мѣсячнаго перечня остается намъ поговорить о трескучей драмѣ «Шулера» (*Les chevaliers du lansquenet*), гг. Гранже и Монтепена, данной на Театрѣ Амбигю-Комикъ. Она заимствована изъ извѣстнаго романа гг. Фудраса и Ксавье де Монтепена, и отличается всеми достоинствами этого рода произведеній: изысканностью, натянутостію, трескучими эффектами, отсутствіемъ мысли и цѣли. Одинъ молодой человекъ, богатой, но разорившейся фамиліи, собралъ шайку подобныхъ себѣ негодаевъ, чтобы искать вѣрнаго счастья въ картахъ. Между прочими дураками, которыхъ они ошиповываютъ, находится пріѣзжій провинціалъ, богатый, какъ Крезъ, и простоватый, какъ откормленный степнякъ. Жоржъ тотчасъ сводитъ съ нимъ знакомство,

обыгрываетъ его и сдаетъ его для окончательной очистки нѣкоей мадамъ Мазаринъ, своей сообщницѣ, отъ которой протаву прямая дорога въ Клиши.

У Жоржа есть сестра, которая была похищена еще въ дѣтствѣ, и слѣдъ которой онъ успѣлъ отыскать. Не думайте, чтобъ онъ сдѣлалъ это изъ братской любви; напротивъ, онъ такъ боится, чтобы появленіе ея не поставило его въ необходимость выдѣлить ей часть изъ родительскаго наслѣдства, что похищаетъ ее и заключаетъ въ домъ, извѣстный только ему и его сообщникамъ. Есть, правда, старый отставной генералъ, которой знаетъ родство Пердиты съ Жоржемъ и можетъ разрушить планы брата; но ему не трудно зажать ротъ; для этого нуженъ только отчаянный дуэлистъ, не слишкомъ чистой совѣсти, какой имѣется у Жоржа подъ рукою въ лицѣ стараго фехтовальнаго учителя Кловиса Бисбля. Кловисъ вызываетъ генерала. Но тутъ явилась у Кловиса совѣсть; узнавъ отъ Пердиты, что Жоржъ ея братъ, и зачѣмъ ему нужна смерть генерала, онъ не хочетъ драться. Тутъ-же, какъ нарочно является изъ Клиши провинціалъ, съ мадамъ Мазаринъ, и Жоржъ изблеченъ. Злодѣй наказанъ. Развязка правдивая, но пьеса скучна и отвратительна.

Выводъ изъ всего этого перечня тотъ, что при наступленіи лѣта, зрители предпочитаютъ вольный воздухъ загородныхъ гуляній душнымъ заламъ театровъ, авторы разъѣзжаются по деревнямъ, отдохнуть отъ зимнихъ трудовъ, а директоры стараются спустить залежалый товаръ, который нельзя надѣяться сбыть въ другое время.

СМЪСЪ.

=

ДОСТОВѢРНЫЕ РАЗСКАЗЫ ОБЪ АБАЗИИ.

(Воспоминанія офицера, бывшаго въ плъну у Абазеховъ.)

—

ЛЕГЕНДЫ АБХАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

2. Бродяжный Осетинъ.

Красавица Доссана. — Всемогущее убѣжденіе. — Дорогая купля и страшная продажа. — Какъ расплачивается контрабандисты. — Жалкій наѣздникъ. — Два грѣха.

—

Легенда или преданіе о «Бродяжномъ осетинѣ» не принадлежитъ собственно абхазскимъ горцамъ: ее рассказываютъ кабардинцы, чеченцы, кисты, ингуши, осетинцы и абазехи. Для насъ она интересна и замѣчательна по странному сближенію съ европейскимъ преданіемъ о вѣчномъ, или странствующемъ жидѣ. — Вотъ какъ рассказываютъ объ этомъ Абазехи.

На правомъ берегу Уруха, нѣсколько верстъ повыше селенія Аксаргинъ, осетинцы еще и теперь указываютъ на страшный колодезь Байдагъ, названный *пропастью трехъ грѣховъ*. — На мѣстѣ этого колодца, во времена возникшаго въ горахъ христіанства, стояла сакля бѣднаго осетина Бурхана. Не смотря на уединенное жилище Бархана и его нищету, бѣдная сакля всегда была полна гостями, между которыми трудно было встрѣтить сѣдой усъ или изодранную чуху старого горца.... Казалось, всѣ юноши Осетин и Кабарды, вся горная молодежь были въ тѣсномъ куначествѣ съ Бурханомъ.... Но это только такъ казалось.... Не дружбы бѣдняка, не чарки пьянаго абхазскаго меду, не крова и отдыха искали джигиты и наѣзники у Бурхана, не для него спотыкался конь горцевъ подъ окнами сакли — нѣтъ! Бѣднякъ Бурханъ владелъ очаровательною

приманкою для молодежи, — такимъ сокровищемъ, за которое каждый дагестанскій татаринъ позволилъ-бы себѣ обрить бороду и отроснуть кудрявые зюльфы. Въ самомъ дѣлѣ, Доссана, родная сестра его, была дѣвушка рѣдкой и необыкновенной красоты. Ея дивныя прелести сводили съ ума всю молодежь Осетин.... Черные глазки, полные огня и страсти, стройный и гибкій станъ, перетянутый простымъ мишурнымъ снуромъ, звонкая пѣсня, рѣзвая, какъ струйки Уруха, чистая, какъ напѣвъ Халъ-Иль, пляска легкая, полная страсти и огня, все это составляло прелести Доссаны, прелести, заставлявшія биться страшною завистью сердца ея подругъ.... Вотъ для чего и для кого молодежь проводила дни и ночи у порога жалкой сакли Бурхана.

Однажды весною, гости его разѣхались довольно рано. Последній простился съ хозяиномъ ловкѣй и статный кабардинецъ Бессагъ-Бекъ, который на прощаньи такъ дружески обнялъ осетинца, наговоривъ ему тму лести и любезностей, что, казалось, не было никакого сомнѣнiя въ вѣчномъ куначествѣ между Бессагъ-Бекомъ и Бурханомъ и въ томъ, что послѣднiй уже получилъ отъ перваго богатый калымъ за красавицу сестру свою. Это обстоятельство оправдывалось еще и печальными лицами прочихъ гостей, простившихся съ прiателемъ на этотъ разъ довольно сухо. Едва только смолкъ звонъ серебряннoй уздечки бека, едва только скрылась его кабардника за утесомъ, какъ чей-то звонкiй голосъ окликнулъ Бурхана по имени. Осетинъ, оставшiйся до того на порогѣ сакли и слѣдившiй глазами за удалявшимися гостемъ, быстро бросился на знакомый зовъ и въ два или три прыжка достигъ до крутаго берега Уруха.

— А!... Сафаръ!... чертенокъ Сафаръ! вскричалъ осетинецъ, подходя къ мальчишкѣ, одѣтому въ легкое платье турецкихъ контрабандистовъ.... Три года не видалъ я тебя, а тотчасъ узналъ твой голосъ.... Что, трапезондскiй плутъ, продолжалъ Бурханъ, вѣрно опять въ нашихъ горахъ съ отцомъ мѣняете золото и порохъ на прелести горскихъ красавицъ?...

Мальчикъ лукаво улыбулся. Да, отвѣчалъ онъ, ты угадалъ, Барханъ... И сказать правду — не кормя добраго челоуѣка ни глиной, ни грязью, — настоящая весна не обливала насъ напрасно потоками съ вашихъ горъ: шесть каравановъ съ красивымъ товаромъ уже отправили мы изъ горной Абазiи въ Пичунду берегомъ Бзыби, да изъ Кабарды четыре чрезъ Мингрелию на Потн.... Не знаемъ только, чѣмъ-то насъ порадуетъ Бурханъ, и что подарить намъ Осетiя?

— Плохо, голубчикъ Сафаръ, очень плохо, отвѣчалъ осетинецъ

и не кормя добраго человѣка ни глиной, ни грязью, какъ говоришь ты, я тебѣ скажу, что въ Осетин нынче вамъ не добыть ни одного поготка, крашенаго хинной....

— Какъ?... куда-же вы, Бурханъ, запропастили вашихъ красавицъ?...

— Не дальше Персін.... Прошедшую осень васъ предупредили дербентскія промышленники....

— Плохо, очень плохо, повторю и я, — сказалъ мальчикъ.... Но, я думаю, продолжалъ онъ, это не помѣшаетъ тебѣ повидаться съ отцомъ моимъ.... Онъ ждетъ тебя на противоположномъ берегу. И мальчикъ, не дожидаясь отвѣта, прыгнувъ въ лодку, пригласивъ осетинца слѣдовать за собою.

Черезъ десять минутъ Барханъ уже кейфовалъ подъ густою чинарою, за душистымъ кальяномъ и прохладительными, растянувшись на мягкомъ коврѣ, подлѣ стариннаго друга своего, Абдула.

— Глупъ же ты, мой почтенный кунакъ, глупъ, какъ пустая пуговица, говорилъ старый Абдуль, поглаживая свою длинную бороду и покручивая ея заостренный кончикъ.... Клянусь семью имамами и седьмымъ небомъ, обещающимъ намъ столько блаженства — ты, глупъ!...

Бурханъ молчалъ и съ какимъ-то волненіемъ общипывалъ позументъ своей черкески.

— Да, глубокомысленно продолжалъ турокъ, — сама судьба бросаетъ въ твои карманы блестящіе піастры, а ты увертываешься отъ нихъ, какъ отъ пули!... Пхе!... ты, у котораго черкеска до тла съѣдена зубастымъ временемъ....

— Но видишь-ли, Абдуль....

— Вижу только, что ты упрямъ и глупъ, какъ горный лошакъ, перебилъ турокъ. Рѣшительно, я говорю правду, положи руку на сердце, которое вѣруетъ въ корашъ.... Пхе!... Не хотѣть, не желать этого сокровища!... добавилъ Абдуль, высыпавъ на коверъ груду золота.

Слезы сверкнули на глазахъ Бурхана въ то время, какъ золотой дождь искрился подъ рукою Абдула, пересыпавшею звонкіе піастры.

— Но, подумай.... началъ было Бурханъ.

— Вздоръ! Подумай ты, опять перебилъ запальчиво турокъ, — и онъ продолжалъ, играя сокровищемъ и, какъ-будто-бы не нарочно, роняя піастры на вѣтхую полу Бурхановой черкески.... Подумай, я тебѣ говорю, о томъ, что такое красота женщины?... Хе! Въдь она, мой задушевный кунакъ, не то, что вотъ этотъ

красивенькій пластръ.... Нѣтъ, не то!... онъ и устарѣетъ, и потеряетъ блескъ, а цѣна ему все таже.... а женщина!... У!... Бурханъ.... женщина не пластръ.... Право, нѣтъ! добавилъ Абдуль, думая, что сказалъ высокую истину.... Женщинѣ бѣда состарѣтся, продолжалъ онъ... Годомъ старше и сотнею пластровъ дешевле.... а за серебро женской сѣдины, ты знаешь, не дадутъ даже и мѣдью.... Такъ то... Вотъ и красавица сестра твоя, вѣдь ужъ извѣсти, она тоже женщина.... За нее теперь.... на!... мѣшокъ золота, а это, дорогой мой кунакъ, 15 тысячъ золотыхъ монетъ.... И при этомъ Абдуль тряхнулъ тяжелымъ мѣшкомъ, придвинувъ его къ Бурхану.... Пройдетъ годъ, полъ мѣшка не дамъ, два — наклоняешься за четверть, а черезъ три.... Ну! думай Бурханъ....

— О!... Абдуль.... продать сестру, родную сестру.... подумай, чего ты отъ меня требуешь! вскричалъ осетинецъ, дрожа отъ волненія и устремивъ пылающій взоръ на золото контрабандиста....

— Требую, чтобы ты согласился на свое счастье.... Безумецъ! разгадай только то, что ты лишаешь сестру всѣхъ чаръ и наслажденій первой адалыки султанскаго харема, а себя мѣшка, полного по самымъ завязки золотомъ. Съ нимъ-бы Бурханъ былъ первый наѣздникъ въ Осетин.... Насѣчка его винтовки горѣла-бы ярче солнца, его дорогой хорасанскій кинжалъ рубилъ-бы сталь, какъ нитку, толпѣ блестящихъ нукеровъ встрѣчала-бы съ поклономъ Бурхана, подводя ему скакуна, крытаго шалью стамбульскою, а гордые князья Большой и Малой Кабарды держали-бы ему стремя.... Да! тысячи барановъ, сотни вихрей копей и десятки красивыхъ горянокъ могли бы принадлежать тебѣ, Бурханъ.... и ты!...

Бурханъ задыхался.... Кровь прилила ему въ голову, шпрокая грудь его извивала въ борьбѣ братской любви съ жаждою золота. Сжавъ пылающую голову, съ глазами, полными крови, съ какимъ-то дикимъ воплемъ и стономъ Бурханъ бросился къ золотому мѣшку, — и, не глядя на кунака, прошепталъ: Доссана твоя, Абдуль!...

— И хорошо, и умно, — и чисто! отвѣчалъ спокойно Абдуль.... Спасибо, кунакъ.... Стало быть этотъ мѣшокъ твой.... владѣй имъ, какъ я завладѣю красавицею Доссаною.... Видишь-ли, какъ дѣло прекрасно уладилось.... тебя никто не можетъ упрекнуть, что ты продалъ родную сестру.... Мы только помѣнялись: я взялъ красоту, ты золото, а одно другаго стоитъ!.... Ну, полно же глядѣть такъ страшно, какъ-будто-бы я тебѣ вмѣсто пластровъ

сунуль въ руку горсть горячихъ углей.... Да благословить тебя Аллахъ, умный человекъ. Иди домой, и въ полночь привози Доссану на это-же самое мѣсто. Здѣсь тебя будутъ поджидать двое или трое изъ моихъ провожатыхъ, отъ которыхъ ты и получишь свое золото. Я же тихонько отправлюсь въ путь.... Прощай, Бурханъ.... Сафаръ! добавилъ турокъ, отправляясь съ кунакомъ и подожди полночи на томъ берегу.

Изнывая въ пыткахъ и терзаніяхъ совѣсти, какъ въ горячкѣ метался Бурханъ, валяясь на грязномъ войлокѣ въ мрачной и душной своей саклѣ. Нѣсколько разъ, какъ убійца, готовый заперсти кинжалъ надъ грудью своей жертвы, осторожно, съ изнывающимъ въ тоскѣ и раскаяніи сердцемъ, подымался онъ на локтяхъ, прислушиваясь къ ровному и легкому дыханію сестры.... Пора!... наконецъ прошепталъ онъ.... Доссана спитъ теперь.... Ночь темнѣ моей совѣсти и чернѣе глазъ Доссаны.... И тихо, трепеща всѣмъ тѣломъ, Бурханъ веровными шагами подошелъ къ сестрѣ....

— Доссана!... прошепталъ предатель, жарко поцѣловавъ уста красавицы.... Доссана! повторилъ онъ.

Дѣвушка вздрогнула, протянула впередъ свою атласную ручку — и поймала руку брата.

— Бурханъ!... Ты?... сказала она.

— Те!... Доссана.... Звѣзда души моей, шепталъ осетинецъ, стараясь измѣнить свой голосъ. Не говори такъ громко, продолжалъ онъ. Я погибъ, если проснется братъ твой....

При этомъ ужасъ и отчаяніе оледѣнили кровь въ жилахъ горянки.

— Я.... я твой рабъ, я твой Гассангъ-Бекъ.... продолжалъ Бурханъ.... О, прости, прости меня, дивная заря Осетіи, говорилъ онъ, покрывая жаркими поцѣлуями трепетавшую руку дѣвушки. Не позоръ пришелъ я внести въ твою саклю — нѣтъ, моя Доссана, нѣтъ!...

— Но, Гассангъ.... зачѣмъ-же ты здѣсь? сказала дѣвушка, выдернувъ руку свою изъ рукъ мнимаго бека.

— Те! Звѣзда души моей, не говори такъ громко.... выслушай меня.... Братъ твой на отрѣзъ отказалъ мнѣ.... и не принялъ отъ меня калымъ.... Напрасно молилъ я жестокаго Бурхана, напрасно, онъ только отвѣчалъ: — Сестра продана....

— Продана? почти вскрикнула дѣвушка.

— Те!... Да.... продана.... Но кому? этого я не знаю.... Спроси же, Доссана, теперь свое сердце: можемъ ли мы разстаться?... Могу-ли я дышать безъ тебя воздухомъ родныхъ горъ.... мо-

жеть ли горячее сердце мое, полное страсти, биться для счастья и радости, если дыханіе устъ твоихъ не повѣетъ прохладою нѣги и страсти на уста мои?... Жизнію-ли назову я жизнь безъ тебя?... Доссана, эта минута рѣшаетъ все для насъ.... Повтори же, для меня-ли бьется твое сердце?...

Дѣвушка рыдала.... Преступный братъ сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Бѣжимъ, бѣжимъ, Гассангъ! простонала она и упала на грудь предателя.

Дрогнуло сердце Бурхана, какъ будто-бы капля растопленного металла зашипѣла, канувъ на грудь его....

— Ты угадала мою мысль! могъ только прошептать онъ. Бѣжимъ за Урухъ.... Лодка ждетъ насъ, а за рѣкою мои вѣрные пукеры....

И взявъ сестру на руки, Бурханъ въ нѣсколько мгновеній достигъ лодки, скрытой за выдавшимся въ рѣку утесомъ.

Мальчикъ изъ всѣхъ силъ работалъ веслами. Дѣвушка со страхомъ озиравалась кругомъ и печально опустила голову на грудь мнимаго Гассанга, скрытаго мракомъ ночи.... Но вотъ еще нѣсколько взмаховъ веслами, и лодка ударилась о крутой берегъ.

Опираясь на руку Бурхана, Доссана поднялась на берегъ и въ то же мгновеніе шесть рукъ схватили ее и бережно усадили на лошадь. Съ гикомъ кинулись горцы на сѣдла и какъ вихорь помчались въ горы....

Ошеломленный, съ дикоблуждающимъ и обезумѣвшимъ взоромъ, остался предатель на мѣстѣ. Золото, за которое онъ продалъ сестру, кабардинцы увезли съ собою....

— Ограбили! Украли! только могъ прошептать Бурханъ, падая въ изнеможеніи на землю.

Утро освѣжило горячую голову осетинца и возвратило ему память. Блѣдный, истерзанный пыткой отчаянія, приподнялся онъ; взоръ его невольно обратился въ ту сторону, куда контрабандисты умчали Доссану.... Минувшее страшно воскресло тогда въ памяти Бурхана; онъ задрожалъ и въ страхѣ, какъ будто-бы преслѣдуемый ужаснымъ видѣніемъ, отступилъ шага на два, бросившись къ лодкѣ съ дикимъ и безумнымъ крикомъ: Украли!.... Ограбили!...

Съ этого дня окаменѣло сердце Бурхана для прекрасныхъ чувствъ человѣка.... оно запросило крови, мести и разбоя, всего того, что, по мнѣнію горцевъ, врачуетъ ихъ душевныя раны.

Съ этого дня опустѣла сакля Бурхана, и въ горахъ промчалась для однихъ горькая и печальная, для другихъ — пріятная и отрад-

ная вѣсть о томъ, что Доссану украли набардинцы. Кто не зналъ истины, готовъ былъ свалить вину на Гассангъ-Бека, но юноша скоро оправдалъ себя, сдѣлавшись абрекомъ.

Такъ прошелъ мѣсяць. Бурханъ неистовствовалъ. Дни и ночи проводилъ онъ въ ущельяхъ и трещинахъ скалъ, грабя путниковъ и не щадя ни женъ, ни дѣтей.... Рѣдко навѣшалъ осетинецъ свою родную саклю, не желая, впрочемъ, разстаться съ нею навсегда.... Были минуты, когда смолкала буря души его и сердце просилось отдохнуть, купаясь въ страшныхъ воспоминаніяхъ и прислушиваясь къ ужасному шопоту совѣсти; тогда онъ покидалъ ущелья и приходилъ на порогъ своей родной сакли.

Однажды мрачная и темная ночь раскинулась надъ холмами Осетин. Дождь шумѣлъ, падая крупными каплями на горный камень и разлетаясь мелкими брызгами. Журча и завывая, бѣжали потоки, хлеща мутнымъ каскадомъ чрезъ камни, нависшіе надъ пропастью. Вѣтеръ начиналъ стихать въ то время, какъ молнія, сопровождаемая раскатами грома, тамъ и сямъ разрывала облако, обливая на мгновеніе бѣловатымъ, но ярко-ослѣпительнымъ огнемъ черныя и мрачныя скалы.

Въ это время два путника осторожно, на измученныхъ коняхъ, пробирались лѣвымъ берегомъ Уруха.... Бѣжавшій впереди, казалось, не созданъ былъ для сѣдла: онъ безпрестанно вертѣлся на немъ, и при удвоенномъ бѣгѣ коня, непремѣнно припадалъ къ нему на гриву. Напротивъ, другой былъ лихой наѣздникъ, онъ прекрасно держался въ сѣдлѣ и съ изумительною ловкостію управлялъ конемъ. По всему было замѣтно, что путники не были ни кунаками, ни знакомыми. Отставъ одинъ отъ другаго шаговъ на тридцать, они видимо не старались сойтись. Наконецъ, передовой всадникъ остановилъ коня своего и выждалъ минуту, когда отставшій поравнялся съ нимъ.

— Скажи мнѣ, кунакъ, спросилъ онъ, не Бурхану-ли принадлежитъ та сакля, которая прилѣплена къ скалѣ надъ самою рѣкою, и которую намъ освѣщаетъ изрѣдка гроза?

Отставшій горецъ сдержалъ своего скакуна. Такъ и есть, подумалъ онъ, это женщина. Ну, спасибо ей, что заговорила, чуть чуть было не послалъ ей въ затылокъ пулю.... Вотъ-бы былъ шайтану праздникъ!... Хороша штука.... убить женщину!... Да гдѣ это она, провалъ возьми ее, достала такое богатое вооруженіе и сбрую?... — Нѣтъ, эта сакля не Бурхана, мой черноокій кунакъ, сказалъ онъ.

Наѣздница затрепетала. Горецъ продолжалъ:

— Была она его, это правда, а теперь и Бурхана-то самаго, я

чай, шайтаны заколотили въ какую нибудь трещину Казбека... Не бойсь, не проговорюсь... опять подумалъ про себя горецъ...

— Но, я думаю, перебила наѣздница, что кто бы ни жилъ въ этой саклѣ, навѣрно не откажетъ въ ночлегъ путнику?

— Навѣрно не откажетъ ни путнику, ни путницѣ, отвѣчалъ горецъ, лукаво подмигнувъ... Развѣ въ Осетіи не также дѣлается, какъ у всѣхъ честныхъ горцевъ? Прощай, красавица! И горецъ, стегнувъ плетью своего горячаго коня, въ нѣсколько мгновеній скрылся изъ виду хорошенькаго наѣздника... Остановясь у сакли Бурхана, онъ сбатовалъ своего коня, встряхнулъ мокрую бурку и прикладомъ винтовки отперъ двери шалаша...

— Кто пришелъ? спросилъ Бурханъ, растянувшійся, по обыкновенію, на грязномъ войлокѣ...

— Успокойся, кунакъ, отвѣчалъ гость, это я, твой вѣрный товарищъ Гули.

— Откуда?... Гдѣ пропадалъ?...

— Изъ Аксаргина... Но, дѣло не въ томъ, товарищъ, приготовься встрѣтить гостю...

— Гостю?...

— Да, ужъ вѣрно будетъ просить у тебя ночлега и чурека...

— Какъ... женщина... и одна?

— Пхе! Большая диковина... Отчего-же ей не ѣздить одной? ей вѣрно хорошо извѣстно, что въ горахъ ее никто не смѣетъ обидѣть... Развѣ ты не знаешь, что того, кто посягнетъ на жизнь или честь странствующей женщины, люди, шайтаны и звѣри растащутъ по клочкамъ?... И чуть, чуть было со мной не случилось этой бѣды... Вотъ хорошо-бы! право, безъ страха не могу вспомнить.. Брр... Гули готовъ былъ убить женщину... И очень, очень просто!... Видишь-ли, какъ бы это могло случиться. Изъ Аксаргина выѣхалъ я засвѣтло, еще до этого проливнаго дождя, который вымочилъ меня такъ, хотъ выжимай бурку и душу... Крупною рысью нагналъ я всадника, въ то время, какъ начинало уже темнѣть надъ нашими горами, и какъ мелкій дождь только что запрыгаль пузырьками на Урухѣ... Стой, подумалъ я, вотъ славно бы перевѣдаться съ этимъ джигитомъ, да завладѣть его конемъ и вооруженіемъ...

— Хорошъ конь, Гули?

— У!... конь — сокровище. Я бы за него отдалъ правый глазъ и лѣвую руку.

— Пхе!... Ну, а вооруженіе?

— Все залито серебромъ и золотомъ, Бурханъ...

— Золотомъ! вскричалъ Бурханъ, приподнимаясь на войлокѣ...

— Да, все: шашка, винтовка, кинжалъ, сѣдло и уздечка.... словомъ все!... Вотъ я приостановился и выправилъ винтовку.... Вдругъ, всадникъ обернулся ко мнѣ.... Глядь, джигитъ то мой безъ усовъ.... и съ такимъ носикомъ, съ такими губенками.... Ну, руки у меня и опустились....

— Дуракъ, Гули; на дѣвчонку пожалѣлъ пули!...

— Съ ума ты сошелъ, Бурханъ.... Или у тебя у живаго выклевали коршуны весь дряблый мозгъ?... Убить женщину!... Да развѣ свершалось такое страшное дѣло когда-нибудь въ нашихъ горахъ?...

— Нѣтъ. Но, было-бы болото, черти заведутся, говорятъ гуры. Былъ-бы случай....

— Замажь ротъ твой хоть подонками твоей совѣсти, вскричалъ Гули. Ты врешь, какъ пестуленый абрекъ, да и у того не прыгнетъ съ языка такой гадъ, какимъ ты бросаешь въ мои уши.... Перестань, Бурханъ.... Хотя мы съ тобой и разбойники,— но все-таки горцы.... Кто свершитъ два страшныхъ грѣха: убьетъ женщину и оттолкнетъ странника отъ своего порога, тому при первомъ шагѣ на Эль-Сыратъ шайтанъ подставитъ косматую ногу и грѣшнику летѣтъ въ преисподнюю джехннема.... Приготовься-же, продолжалъ Гули, встрѣтить и обласкать странницу, а я побѣгу набрать хворосту; очагъ нашъ холоднѣе твоего сердца. — Съ этими словами горецъ оставилъ саклю....

— Глупый мальчишка! прошенталъ Бурханъ, по выходѣ кунака; говоритъ о чести и правдѣовескихъ правилахъ.... Ха!... Какъ-будто иногда честь не покупается золотомъ.... Золото!... вотъ моя честь, совѣсть.... Пхе! Богатый конь, драгоценное вооруженіе!... У.... какъ защемило сердце, запросило оно своей обычной подачки.... И Бурханъ, шатаясь, нетвердымъ шагомъ подошелъ къ противоположной стѣнѣ, ощупалъ свою винтовку, снялъ ее и дрожащею рукою перемѣнилъ камень. Въ это мгновеніе, подъ крошечнымъ окномъ сакли, раздался конекій топотъ, и вслѣдъ за тѣмъ три легкихъ удара въ дверь.

— Кого надо? нерѣшительно спросилъ Бурханъ.

— Добрый человекъ, не откажи страннику въ почлегѣ, дождь размочилъ все платье мое до нитки, конь храпитъ и мечется, папуганый грозою, отвѣчалъ слабый голосъ....

— Сакля моя тѣсна и въ ней нѣтъ мѣста для всякаго бродяги....

— Но ради праха твоихъ отцевъ....

— Нѣтъ!...

— Сжался надъ бѣднымъ странникомъ, счастье и благополучіе внесу въ домъ твой...

— Нѣтъ!...

И слышно было, какъ зарыдалъ бѣдный путникъ, повернувъ усталого коня отъ негостепріимной сакли Бурхана.

По всему видно, что баба, прошепталъ осетинецъ: расплакалась!... Ну, къ дѣлу... Съ послѣднимъ словомъ злодѣй былъ уже за саклей.

Дождь не переставалъ лить ужасными потоками и молнія все еще бороздила черное небо, какъ Бурханъ, вспрыгнувъ въ сѣдло, заскакалъ впередъ путника и сталъ на среднѣй тропинки.

Скоро послышался мѣрный топотъ коня, двѣ или три искры сверкнули изъ подъ его копытъ и указали зоркому глазу хищника мѣсто странника. Бурханъ привсталъ на стремянахъ, дрожа отъ волненія, выправилъ винтовку — и съ иступленнымъ гикомъ ринулся впередъ, лѣвой рукой сдержалъ овъ коня, правой установилъ дуло винтовки въ припоръ къ груди странницы.

Въ ту же минуту надъ ближними горами разразился оглушительный раскатъ грома и молнія, казалось, разорвавъ облако, хлынула моремъ страшнаго, ослѣпительнаго огня, ярко и надолго освѣтивъ ужасную картину природы и преступленія.

Злодѣй и жертва узнали другъ друга...

— Бурханъ!... Братъ!... вскричала дѣвушка...

— Доссана!... Сестра!... простоналъ въ ужасѣ осетинецъ; но преступленіе уже было совершенно, курокъ былъ спущенъ и пуля прорѣзала грудь красавицы... Съ тяжкимъ воплемъ она тихо покатила на землю...

— Джумлетъ опозоренный... что ты сдѣлалъ? шептала Доссана, изнывая въ предсмертныхъ мукахъ... Три тяжкихъ и страшныхъ грѣха свершилъ ты, злодѣй. Ты продалъ меня, сестру, — продалъ въ неволю, но я спаслась на дорогѣ, завладѣвъ конемъ и оружіемъ контрабандиста и бѣжала въ родныя горы, бѣжала съ тѣмъ, чтобы принести тебѣ спокойствіе и прощеніе... Ты въ бурную и венастную ночь оттолкнулъ меня отъ своего позорнаго порога; ты посягнулъ на жизнь жепщины и убилъ сестру!... Пусть свершится надъ тобою кара небесная!... Пусть земля не приметъ праха твоего, такъ какъ ты не давалъ страннику пріюта!... Пусть имя твое заклеится позоромъ, какъ убійцы тайнаго, бездушнаго убійцы жепщины... Я умираю, и послѣднее мое слово — проклятіе тебѣ, преступный братъ!...

Убійца рыдалъ безъ слезъ... Дѣвушка, скрестивъ на груди руки, остановила на немъ взоръ полный тоски и ужаса.

На утро Гули нашелъ трупъ Доссаны, прострѣленный пулею на вылетъ, а на третій день трупъ Бурхана, — всплывшій на верхъ колодца, образовавшагося въ ужасную ночь на мѣстѣ его сакли...

Съ тѣхъ поръ, говорятъ горцы, тѣнь преступнаго осетина бродитъ въ скалахъ Кавказа и съ дикимъ хохотомъ встрѣчаетъ караваны съ несчастными горянками... Многіе горцы разеказываютъ, что имъ не разъ случалось проводить ненастные ночи съ бродяжнымъ осетиномъ, который часто встрѣчаетъ на дорогахъ запоздавшихъ путниковъ, предлагая имъ ночлегъ — и приводя къ своему колодцу...

Эта раздирательная легенда, при всемъ своемъ страшномъ безобразіи, очевидно имѣетъ прекрасную цѣль и поученіе для горцевъ: свято блюсти два благородныхъ обычая изъ множества ихъ обычаевъ, сдѣлавшихъ-бы честь правиламъ и не дикарей.

В. САВИНОВЪ.

ГЕБРИЕТТА ЗОНТАГЪ (графиня Росси.)

(*Біографическій очеркъ.*)

Было время, когда вся Европа приковала свое вниманіе къ битвамъ крестиносовъ съ карлистами, къ желѣзнымъ дорогамъ Америки и Англій, и къ оболстительнымъ ножкамъ Тальони... Время это прошло: Кабрера бросилъ мечъ, закурилъ сигару и открылъ табачную лавку, желѣзныя дороги перестали быть дорогой къ новостямъ, а Тальони — просто забыли... пирожки въ честь ея съѣдены и прическа à la Taglioni растрепана... Теперь все это смѣнилось слухами о всемирной выставкѣ, новостями о голодающихъ промышленникахъ Калифорніи, утонувшихъ по самую маковку въ золотомъ пескѣ, — и соловьиною пѣнею г-жи Зонтагъ.

Возвращеніе послѣдней къ своему дивному искусству, послѣ двадцатилѣтней разлуки съ нимъ, заставило вздрогнуть всѣ сердца, скрипки, дирекции и перья... Заставило даже забыть, на время, золотую кручу Калифорніи!...

Мы еще почти ничего не говорили о г-жѣ Зонтагъ — и въ настоящее время предлагаемъ нашимъ читателямъ разсказъ кстати, въ которомъ можно видѣть всю біографію знаменитой пѣвицы.

I.

Время было близко къ полуночи. Обычные посѣтители одной изъ гостинницъ Елисейскихъ Полей, давно уже разбрелись по домамъ и только двое мужчинъ, занявшихъ скромный уголокъ въ общей залѣ, оканчивали свой ужинъ. Одинъ изъ нихъ былъ молодой человѣкъ, щегольски одѣтый, съ веселою и выразительною фizioномією... Его непринужденность и безпечность, съ которою онъ что-то рассказывалъ своему товарищу, доказывали, что онъ истый парижанинъ, вскормленецъ бульваровъ и непремѣнный любимецъ гризетокъ... Другой, напротивъ, блѣдный и худой мужчина, лѣтъ тридцати пяти, съ рыжими усами и испаньолкой, надъ которой красовался огромный шрамъ разсѣченной губы — каждымъ своимъ жестомъ, взглядомъ и движеніемъ доказывалъ, что онъ нѣмецъ... Нѣмецъ, не туманный, не флегматическій, но одинъ изъ тѣхъ геттингенскихъ ученыхъ, которые во сто шагахъ бьютъ воробья въ хвостъ пулею, или пятнаютъ ея туза, какой угодною масти. На немъ была прекрасная венгерка, а подъ стуломъ валялась его фуражка.

— Только-то! сказалъ онъ, когда товарищъ его кончилъ рассказъ, и бросивъ почти цѣлаго рябчика въ огромную пасть своей лягавой собаки, германецъ покрутилъ рыжіи усы, закурилъ сигару и придвинулся къ своему собесѣднику... Ну, мой почтеннѣйшій другъ, продолжалъ онъ; все, что вы сказали, не даетъ вамъ права держать оппозицію противу неподражаемой Зонтагъ и хлопать, безъ умолку, Малибранъ... Нѣтъ и нѣтъ! Съ вашего позволенія, вы не знаете того, чѣмъ восхищаетесь, и того, противу чего возстаете... Я, дѣло другаго рода — я, въ теченіе шести неутомимыхъ лѣтъ побѣдокъ, споровъ и дуэлей, слѣдилъ за каждою минутою жизни и славы неподражаемой артистки и по пальцамъ перечту вамъ всѣ ея успѣхи и всѣ ея заслуги... Хотите-ли? Да... вы должны хотѣть этого... И, чтобы доказать, что я имѣю полное право требовать поединка и вашей жизни, если вы только не распустите вашъ батальонъ хлопалщиковъ, готовыхъ за Малибранъ остаться безъ головъ и рукъ, то прошу выслушать коротенькую повѣсть, которую я раскажу вамъ сейчасъ.

При этомъ германецъ однимъ глоткомъ осушилъ стаканъ стараго рейнвейну и продолжалъ. Было время, дрянное, гадкое время для музыкальной Германіи, когда прекрасныя и дивныя произведенія Вебера, Бетговена и Шпора, произведенія спѣсныя и глубокія, въ которыхъ проглядывалъ классицизмъ германской музыки, чахли,

забытыя, неизвѣстныя, неразгаданныя, потому, что ни Мара, ни Паста, ни Пизарони, ни знаменитая Малибранъ, соперница обожаемой Зонтагъ, не могли взяться за нихъ, или лучше сказать, не смѣли, изболованныя блистательными погремущками, легкими и дѣтскими папѣвами итальянской музыки.... А между-тѣмъ всѣ и каждый понимали, что этого мало для искусства — и что Германіи, прекрасной родиной великихъ композиторовъ, нужна заслуженная самобытность.... Но часъ насталъ, и Зонтагъ, знаменитая истолковательница гениальныхъ созданій Вебера и Бетговена, дала ходъ отечественной музыкѣ. Это было въ 1824 году, когда она явилась въ лейпцигской пѣмецкой оперѣ и дебютировала въ «Фрейшюцѣ» и «Эвриантѣ» Вебера. Успѣхъ дебюта былъ невѣроятный, торжество артистки совершенное... Гибкость ея голоса, совершенство дивныхъ гаммъ, этотъ непостижимый фейерверкъ ея трелей, и мысль, что пѣвица съ такимъ обширнымъ и прекраснымъ талантомъ рѣшилась посвятить его на изученіе и вокализацию отечественной, глубокой и строгой музыки, породили во всѣхъ тотъ восторгъ, нераздѣльный съ чувствомъ призвательности, который дается на долю немногихъ.... Любя мою родину и моихъ великихъ композиторовъ, я былъ въ числѣ всѣхъ, и на другой-же день написалъ біографію Генриетты Зонтагъ, которая съ восторгомъ читалась повсюду.... Коротка эта исторія: Въ Кобленцѣ, 13 мая 1805 года, родилась наша неподражаемая пѣвица, встрѣтивъ жизнь въ кругу нищеты и лишеній, брошенныхъ на долю ея родителей, бѣдныхъ странствующихъ комедіантовъ Германіи. Безсознательно свыкаясь съ своимъ назначеніемъ комедіантки, она очень рано начала артистическое поприще и, шестилѣтъ отъ роду, уже дебютировала на дармштатскомъ театрѣ, въ роли Соломен, въ оперѣ «Русалка».... Ея дѣтская простота, свѣжій голосокъ — вѣрность выполненія — обѣщавшіе много въ будущемъ, разумѣется, имѣли успѣхъ. Спустя три года — она явилась въ Прагѣ, гдѣ, подъ руководствомъ Вебера, открывшаго въ ней зародышъ вѣрнаго таланта, выполняла дѣтскія роли, и, обязанная въ тоже время своимъ раннимъ успѣхамъ, посѣщала пражскую Консерваторію. Здѣсь-же, случай и болѣзнь первой пѣвицы пражскаго театра, за которую выполняла она роль принцессы Наварской въ оперѣ Боельды «Жанъ Парижскій», дали ей возможность выказать всю силу своего прекраснаго дораванія. Но, до-сихъ-поръ, Генриетта Зонтагъ, едва-ли не руководимая только собственнымъ инстинктомъ и дарованіемъ, не имѣла передъ глазами ни высочайшихъ примѣровъ, достойныхъ изученія, ни случаевъ для соревнованія, такъ усиливающихъ и возвышающихъ даже обыкновенный

талантъ. Приѣздъ ея въ Вѣну и встрѣча съ г-жею Менвиль-Фодоръ, имѣли тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыми она одолжена теперь своею славою.... Изъ Вѣны, увѣнчанная заслуженнымъ удивленіемъ и успѣхомъ, она приѣхала къ намъ въ Лейпцигъ.... Ея прекрасная паружность, ея гибкій, дивный и серебрястый сопрано, любовь, съ которою она изучала высокую музыку германскихъ композиторовъ, все это заставило назвать Генриетту Зонтагъ первокласной европейскою пѣвицей.... Я бѣгалъ за нею, какъ тѣнь, и, забывая все: родину, друзей, мой милый Лейпцигъ, поклялся быть тамъ, гдѣ будетъ Генриетта Зонтагъ!... Дѣйствительно — изъ Лейпцига я поѣхалъ за нею въ Берлинъ, куда она была вызвана тамошнею дирекціею, гдѣ ея дебютъ на Кенигштадтскомъ Театрѣ увѣнчался полнымъ успѣхомъ.... Энтузіазмъ былъ общій.... Она сдѣлалась даже предметомъ ученыхъ толковъ и преній.... И самъ король Прусскій, уважая въ ней высокій талантъ ея, обласкалъ ее и принялъ ко двору своему. Здѣсь же я столкнулся съ какимъ то австрійскимъ капитаномъ, не раздѣлявшимъ со мною мнѣній о талантѣ Зонтагъ.... Не знаю, кто изъ насъ кого обидѣлъ, но мы дрались.... Капитанъ раскроилъ мнѣ губы; ударъ былъ очень не ловокъ, стоило-бы за него отплатить, но я дорожилъ временемъ.... Зонтагъ отправлялась въ Парижъ..... Это была ея первая поѣздка во всемірный городъ, какъ вы, господа величаете свой муравейникъ.... именно, первый фурорный дебютъ Зонтагъ въ Парижѣ совершился 1826 года, іюня 15, въ роли Розины въ оперѣ «Савильскій цирюльникъ». Молчу объ успѣхѣ, онъ выше всякаго описанія, особенно при исполненіи ея варіацій Роде. Второй дебютъ ея здѣсь, передъ которыми она почти навсегда разсталась съ Германіей, былъ, какъ теперь помню, 2 января 1828 года, въ роли Дездемоны.... И Зонтагъ заняла почетное, едва-ли не первое мѣсто между всѣми блестящими созвѣздіями музыкальнаго и пѣвучаго міра.... Ея трудная, высокая артистическая борьба съ Малибранъ, вилела здѣсь новый алмазъ въ вѣнокъ ея славы.... Нѣтъ спору, что она лишена тѣхъ средствъ, той энергіи, того пыла, которыми должна обладать артистка... Я сознаю, что ея назначеніе—легкая музыка: роли Ниветы въ *la Gazze*, Аменанды въ *Tancredi* и другія, но эти дивныя минуты, но это искусство, съ которыми она выходила съ побѣдою изъ борьбы съ Малибранъ въ роляхъ Донны-Анны и Симирамиды — ставятъ ея талантъ недосягаемо высоко!... Одно изумляло и поражало меня: зачѣмъ, для чего вы, безумцы, такъ страшно оспаривающіе первенство Малибранъ, не дадите сразиться соперницамъ одна на одну.... Хлопушки!... Га!...

И раскрасѣвшійся германецъ снова залпомъ проглотилъ стаканъ рейнвейну.... Я кончилъ, примолвилъ онъ, — завтра въ полночь, у лѣвой опушки Булонскаго Лѣса мы свидимся.... До завтра.... Церберъ!... Пойдемъ. И насвистывая какую-то ариетку изъ Фрейшюца, германецъ удалился.

II.

Была полночь. Въ это время подъ крупнымъ и проливнымъ дождемъ, высокій мужчина, закутанный въ широкій плащъ и сопровождаемый собакою, остановился у опушки Булонскаго Лѣса, при входѣ въ него съ восточной стороны.... Проклятая погода, прошепталъ нашъ знакомецъ, въ которомъ не трудно было узнать рослаго германца и жаркаго защитника славы Зонтагъ.... Долголи, продолжалъ онъ, — получить насморкъ или кашель, къ тому же и ростъ-то у меня не кстати геркулесовскій.... ни подъ одинъ кустъ не спрячешься, тогда какъ всякій-бы пигмей на моемъ мѣстѣ съ большимъ удобствомъ, точно божья коровка, могъ бы помѣститься въ этомъ орѣшникѣ.... Дѣлать нечего — изъ любви къ искусству, я готовъ умереть отъ простуды или отъ пули за эту женщину, которая не знаетъ о моемъ микроскопическомъ существованіи.... И германецъ, въ ожиданіи своего соперника, принялся пытаться искусство собаки, то заставляя ее подавать поноску, то бѣгать въ запуски и потомъ прыгать къ нему на мочу чія плеча.

Но, вотъ вдалекѣ послышались дребезжаніе и стукъ экипажа.... Мало по малу ясиѣ становились свистъ и хлопанье бича, и чрезъ нѣсколько мгновеній Церберъ громкимъ лаемъ встрѣтилъ наемный фіакръ, остановившійся у знакомаго намъ мѣста.... А! наслу-то.... добро пожаловать! вскричалъ нѣмецъ съ такимъ неприятворнымъ восторгомъ, какъ будто-бы изъ фіакра выпрыгнулъ ему на встрѣчу давно потерянный другъ, а не врагъ.... Но, въ самомъ дѣлѣ, къ не малому изумленію собаки и хозяина, французъ повисъ на шеѣ у послѣдняго, сжавъ его такъ горячо и крѣпко въ своихъ объятіяхъ, что германецъ, оттолкнувъ пріятеля объими руками, отступилъ отъ него шага на два, съ лицомъ, выражающимъ вопросъ и недоумѣніе.... Что это значить?... прошепталъ онъ.... Лобзанія! изліявія! объятія.... Чортъ меня возьми, если я что пибудь понимаю....

— Ахъ М-г. Баумавъ!... Вы, просто, великій человекъ!... Ахъ,

если-бъ вы знали, что случилось!... О, Зонтагъ... Это богъ искусства! Это....

— Что вы говорите?... Да вы ли это, М-г. Керъ?

— Я!... Я рабъ и поклонникъ таланта великой Зонтагъ....

— Объяснитесь, ради вашего безумія....

— О, все, все объясню.... Сядемте со мною въ фіакръ — и вы все узнаете.... Рѣшено, вамъ быть сегодня на седьмомъ небѣ.... Сядемте въ фіакръ....

— Ни съ мѣста!... Вотъ, на этихъ двухъ шагахъ земли вы должны объясниться.... Ну съ!...

— Упрямый человѣкъ.... Понимаете-ли, что я смирился предъ ея торжествомъ и талантомъ.... Ну, довольно вамъ; остальное въ фіакръ доскажу....

— Не бѣсите-же меня!... вскричалъ раздосадованный германецъ; клянусь славою Зонтагъ, что я затравлю васъ собакой, если вы....

— Те.... Те!... извольте, извольте, свирѣпый готъ!... Слушайте: дуэль наша не можетъ состояться, потому что я отнынѣ не хлопаю ни Малибранъ, ни Зонтагъ, а не хлопаю потому, что я теперь совершенно обезоруженъ и могу при нихъ только хлопать глазами.... Сегодня двѣ соперницы раздѣлили пополамъ вѣнокъ славы.... Сейчасъ только юркнула въ вѣчность незабвенная минута ихъ торжества.... Онѣ.... онѣ пѣли дуэты у князя Л^{ка} и сліяніе этихъ двухъ дивныхъ голосовъ подарило всѣхъ такими мнутами, за которыя надо платить не золотомъ, но слезами восторга и алмазами Бразиліи.... Партіи пѣть! Зонтагъ совершенство.... Вотъ вамъ моя рука, помиримся....

Какъ пораженный чѣмъ-то, нѣсколько мгновеній безъ словъ и вздоха оставался германецъ на мѣстѣ....

— И я былъ лишенъ этого высокаго счастья! прошепталъ онъ наконецъ....

Что дѣлать, другъ мой.... Что дѣлать!... Поѣдемте пить вашъ любимый рейнвейнъ.... Да здравствуютъ Зонтагъ и Малибранъ!...

За это надо-бы съ вами стрѣляться, но лучше поѣдемъ.... да здравствуютъ Зонтагъ и Малибранъ!...

И фіакръ помчалъ новыхъ друзей по направленію къ спящему городу.

III.

1830 года, въ одинъ изъ жаркихъ майскихъ дней, на траверзѣ съ прусскимъ берегомъ, быстро бѣжалъ легкій любскій пароходъ

по спокойной поверхности Балтики. Пассажировъ было очень не много. Одинъ изъ нихъ, нашъ старый знакомецъ Бауманъ, котораго не трудно-бы узнать по неизмѣнной его спутницѣ — лягавой сабакѣ, облакотясь на бортъ, протирая глаза и зѣвая довольно пачиво, съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ отдаленный берегъ.

Шуточка, наконецъ сказалъ онъ, сколько времени спалъ я.... вопъ, ужъ кажется и Мемель показался.... Нечего сказать, у другаго отъ горя тотчасъ явится бессонница, а у меня рейнвейнъ преисправно выгоняетъ сплннѣ.... И онъ зѣвнулъ.... Га!... Это что?... Или еще все съ просонья мнѣ мерещится, продолжалъ германецъ, устремивъ любопытный взоръ на одного изъ пассажировъ, дремавшаго въ кормовой части судна.... Право, какъ будто-бы мой старый врагъ и потомъ обязательный другъ, М-г. Керъ.... Да, онъ же.... Клянусь всѣми обручами гейдельбергской бочки!... И въ пять или шесть шаговъ Бауманъ перешелъ къ дремавшему знакомцу....

Ба!... Ба! Раздалось съ обѣихъ сторонъ и на глазахъ француза выступила пара крупныхъ слезъ при усердномъ пожатіи его маленькой ручки германскимъ Голіаоомъ....

— Ты какими судьбами?..

— А ты какъ?..

— Да просто, братецъ, отвѣчалъ М-г. Керъ, я изъ Петербурга — въ Парижъ....

— Изъ Петербурга?... Гм!... Стало быть и ты упивался тамъ славою и счастіемъ Зонтагъ?..

— Я?... И.... нѣтъ, братецъ.... Я, вотъ ровно годъ тому назадъ, какъ отправился въ эту столицу мигрень и насморка.... такъ, знаешь.... Ну, да просто читать публичныя лекціи французскаго языка.... Потомъ открылъ перчаточный магазинъ.... Ну, такъ себѣ, ничего.... столица славная.... Теперь ѣду въ Парижъ, а потомъ въ Лионъ и заведу шелковую фабрику.

— Ты.... который прожилъ всю жизнь свою на кредитъ?..

— Правда.... любезный; но прошу не забыть, что я читалъ въ Петербургѣ лекціи французскаго языка и потомъ торговалъ тамъ перчатками, а это что нибудь да общается.... Вотъ скажи, ты-то какъ?..

Германецъ махнулъ рукой и опустилъ на грудь голову.... Она, сказалъ онъ, измѣнила Европѣ, измѣнила Апполону для Ги-мея.

— Какъ! Зонтагъ.... замужемъ?..

— Нѣтъ, еще, по будетъ... за графомъ Россіи.... Это извѣстно

формально.... Представъ мое горе и горе цѣлой Германіи.... Она оставляетъ сцену, свое дивное, высокое призваніе, свою славу... О, клянусь честью, что эта высокая душа — не разъ застонеть и заболитъ горемъ въ разлукѣ съ искусствомъ и призваніемъ.... Не разъ откликнется втайнѣ ея сердце на призывъ воспоминаній, и тяжело, и страшно заплачетъ это сердце.... Но, мнѣ шепчетъ какой-то тайный, невѣдомый голосъ.... Зонтагъ заставитъ сама судьба вернуться къ той славѣ, къ тому вѣнку величія, который она теперь приобрѣла своимъ пѣніемъ. При этомъ невыдержанныя слезы показались на глазахъ германца....

— Въ мірѣ нѣтъ постоянства, примолвилъ онъ; люди сами не знаютъ за чѣмъ гоняются, чего шцуть и для чего, и для кого бросаютъ свое счастье, — голодному случаю... О, тяжело, нѣтъ силъ, какъ тяжело!... Другъ мой, пойдемъ, скоротаемъ грустныя минуты за рейнвейномъ.

Друзья взяли за руки и исчезли въ палубѣ...

СКАЗАНИЕ О ВОЛЬНОМЪ СТРѢЛКѢ (ФРЕЙШЮЦѢ) ВО ФРАНЦІИ.

У каждаго народа есть своя фантазія. Но если вы отправитесь во внутрь Франціи, въ ея провинціи, вы найдете тамъ преданія, до того сходныя съ преданіями Германіи и Шотландіи, что, безъ сомнѣнія, согласитесь въ общемъ происхожденіи всѣхъ этихъ народныхъ поэмъ. Поэты и художники различныхъ странъ, болѣе или менѣе, почерпали въ нихъ свои вдохновенія: въ Англіи — Шекспиръ и Байронъ, въ Германіи — Гёте, Гофманъ и Уландъ, въ Шотландіи — Оссианъ и Вальтеръ-Скоттъ.

Подите, недалеко отъ Парижа, въ Фонтенебло. Тамошніе лѣсничіе и дровосѣки разскажутъ вамъ, что они слышали, въ темныя ночи, шумъ и гамъ фантастической охоты великаго стрѣлка. Нѣкоторые утверждаютъ даже, будто они сами встрѣчали эту странную охоту, и испуганныхъ оленей, спасавшихся отъ своры, и огромныхъ борзыхъ собакъ, которыхъ порода уже давно перевелась, и блудяшіе огни, и охотниковъ, съ печально-звучащими рогами, и самаго великаго охотника, въ красномъ платьѣ, съ развѣвающимся перомъ, на черномъ, какъ ночь, конѣ, подъ копытами котораго дымится кустарникъ, около столѣтнихъ деревьевъ, образующихъ, въ самой чащѣ лѣса, «перекрестокъ великаго стрѣлка».

Вотъ вамъ предаіе, сходное, во многихъ отношеніяхъ, съ поэмой *Фрейшюца* безсмертной оперы К. М. Вебера.

Дѣйствіе происходитъ въ восьмидесяти мильхъ отъ Парижа, въ свѣжей, зеленѣющей долицѣ, на берегу Эндра, — глубокаго и тихаго ручья, который, какъ змѣя, пробирается въ травѣ, у подошвы отлогости, называемый Урманскою отлогостью. Передъ вами разстилаются большіе луга, окаймленные ивами, тополями, ясеню и орѣшникомъ; тамъ и сямъ разбросано нѣсколько хижинъ; въ высокой травѣ, усѣянной миліонами цвѣтовъ, пасутся стада; три, четыре мельницы спускаются уступами къ рѣкѣ; усталый мельникъ тихо идетъ за тощей лошадкой, черезъ хребетъ которой переброшены мѣшки съ мукою, — вотъ единственные предметы этой идиллической картины.

Самая таинственная и самая живописная изъ мельницъ, скрывающихся подъ зеленью орѣшника, принадлежала, вѣкогда, Бланшѣ. Теперь она пришла въ совершенный упадокъ; лѣтомъ, она даже останавливается, за недостаткомъ воды, а между-тѣмъ жернова Бланшѣ торжественно вертѣлись и вода потокомъ стремилась изъ-подъ колесъ, пока мельницей владѣлъ Муни Робень. Сосѣди не могли надивиться его счастью, и не знали, какъ объяснить его. Дѣло въ томъ, что Муни-Робень былъ колдунъ, что онъ продалъ себя *Жоржону*.

Что же такое Жоржонъ? Что такое Саміэль? Жоржонъ презлой духъ, онъ надѣляетъ мельницу водою, лугъ травой, скотъ жиромъ, и особенно охотника дичью, потому-что онъ преимущественно духъ охоты. Онъ шатается по засадамъ, по кустарникамъ, досаждастъ неловкимъ охотникамъ, по ночамъ прыгаетъ въ лугахъ съ цыплятами и, когда пробѣгаетъ лѣсъ, его всегда сопровождаетъ по крайней-мѣрѣ полсотни волковъ, хотя бы въ цѣлой окрестности не было ихъ ни одного. Встрѣтивъ его въ такомъ видѣ, все окрестные поселяне собираются на травлю; но, какъ ни бьются они, волки дѣлаются невидимками и лѣшій смѣется надъ охотниками. Дѣло въ томъ, что пріатели и любимцы Жоржона никогда не вмѣшиваются въ эти травли; они могутъ настрѣлять рябчиковъ и зайцовъ сколько душѣ угодно, только съ тѣмъ условіемъ, что должны уважать волковъ и помогать имъ укрываться отъ преслѣдованія. Вамъ скажутъ: «Что за охота бѣгать по лѣсамъ и хлопотать понапрасну: мы сегодня не встрѣтимъ ни одного волка. *Такой то* спряталъ ихъ въ своей ригѣ. Ступайте къ нему и вы найдете ихъ тамъ больше сотни.

О, сколько волковъ пріютилъ и спасъ отъ нашихъ пуль Муни-Робень! Благодаря ему, вѣроятно, мы никогда на четыре мили

въ окрѣжности, не встрѣчалъ ни одного волка, и въ этомъ отношеніи онъ былъ колдунъ очень полезный для овецъ».

Но колдуна всегда почитаютъ злымъ и вреднымъ, и на Муни-Робена оттого всѣ смотрѣли косо. А между-тѣмъ это было самое кроткое и услужливое существо на свѣтѣ. Онъ былъ еще молодъ, когда я зналъ его; высокъ ростомъ, худошавъ, пѣзнаго сложения, но удивительно силенъ. Я помню, что однажды, желая перейти черезъ его лугъ, чтобы избавиться отъ утомительнаго обхода, я былъ остановленъ широкимъ ровомъ, наполненнымъ водой и тиной. Вдругъ онъ вышелъ изъ за дерева. — Ты не перейдешь тутъ, дитя, сказалъ онъ: — это невозможно. Мнѣ, напротивъ, это не казалось невозможнымъ; но когда я попробовалъ стаять на острые и скользкіе камни, которые были разбросаны по рву и образовали родъ тропинки, я убѣдился, что дѣло труднѣе, нежели какъ оно казалось сначала. Со мною былъ ребенокъ еще моложе меня и сказалъ мнѣ: — Не хлопочи напрасно. Муни не хочетъ. Это мѣсто заговорено имъ, и хотя тутъ не много воды, мы непремѣнно утонемъ.

Такъ какъ это случилось днемъ, — а я ничего не боюсь въ это время, — я сталъ смѣяться надъ предостереженіемъ и началъ звать Муни-Робена. — Поди сюда, сказалъ я: — и если ты добрый колдунъ, то покажи мнѣ лучшую дорогу, которая тебѣ, безъ сомнѣнія, извѣстна. Онъ былъ очень доволенъ моими словами. — Я зналъ, отвѣчалъ онъ съ торжествующимъ видомъ: — что вамъ не перебраться безъ меня. Потомъ, подошелъ ко мнѣ, хотя онъ былъ очень блѣденъ и казался изнуреннымъ лихорадкой, взялъ меня на руки и, ступая по разбросаннымъ во рву камнямъ съ совершенною твердостью, не смотря на неуклюжіе деревянные башмаки, перенесъ меня на другой берегъ. — Ты, сказалъ онъ другому ребенку: — ступай за мной и не бойся ничего. Ребенокъ перешелъ безъ всякаго затрудненія, заговоръ былъ снятъ. Съ этихъ поръ, — мнѣ тогда было тринадцать лѣтъ, — Муни Робенъ всегда оказывалъ мнѣ дружбу и пріязнь.

Нѣсколько лѣтъ послѣ приключенія у рва, братъ мой, поселившись въ этой провинціи, вдругъ пристрастился къ охотѣ. Въ началѣ, это была страсть несчастная, потому-что въ нашихъ долинахъ, прорѣзаемыхъ рощами и кустарниками, дичь имѣетъ столько убѣжищъ, что охота за нею очень затруднительна. Братъ мой, желая сдѣлаться отличнымъ охотникомъ, пошелъ въ ученіе къ Муни.

— Во-первыхъ, дѣти мои, сказалъ Муни-Робенъ: — до пер-

ваго выстрѣла мы не должны встрѣтить ни женщины, ни дѣвушки.

Не смотря на эту предосторожность и на то, что мы, желая угодить колдуну, котораго продѣлки насъ забавляли, сдѣлали большою обходъ, чтобы не встрѣтиться съ какою нибудь запоздалою крестьянкою, мы очутились вдругъ прямо противъ пастушки, которая стерегла овецъ своихъ на концѣ луга. Такъ какъ она стоитъ на мѣстѣ, замѣтилъ братъ мой, — то этого нельзя назвать встрѣчей.

— Это дурно, замѣтилъ Муни-Робенъ и намъ будетъ невыгодно. Мы проведемъ два часа, не убивъ ничего.

— Но зачѣмъ-же убѣгаешь ты встрѣчь? зачѣмъ вѣришь ты дурнымъ днямъ, неудачамъ и дурному глазу? спросилъ я Муни-Робена недоумчиво.

— Вотъ видишь ли, молодецъ, ты говоришь, не понимая дѣла. Охота такая вещь, въ которой никто ничего не смыслить. Въ ней бываютъ извѣстные случаи — вотъ и все. Говорилъ-ли я тебѣ, что мы проведемъ два дурные часа? Они прошли; хорошо-же! Видишь ли ты на деревѣ сороку? Я убью ее — охота будетъ хороша. Если-же дамъ промахъ, то лучше вернуться домой: мы не убьемъ ничего.

Онъ убилъ сороку. — Не трогайте ее, не поднимайте, сказалъ онъ. — Сорока годится только на снятіе заговора.

— А! поэтому пастушка была колдунья? спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — колдуны и колдуньи существуютъ только въ воображеніи: но она имѣла дурное вліяніе. Она не виновата тому. Вліяніе теперь уничтожено, и мы найдемъ двухъ куро-патокъ у бѣлаго креста.

— Какъ! въ пол-мили отсюда? сказалъ братъ.

— Да, да, я знаю это навѣрное! Вы можете встрѣтить теперь кого хотите и стрѣлять, какъ угодно, а все-таки убьете этихъ куро-патокъ.

Мы нашли куро-патоку на означенномъ мѣстѣ и братъ убилъ ихъ.

— Теперь, сказалъ Муни: — мы не встрѣтимъ ничего въ теченіе полчаса — посмотрите на часы.

По прошествіи полчаса, онъ сказалъ: — Я хочу убить зайца; мнѣ надобно непременно убить зайца!

Заяцъ пробѣжалъ на такомъ разстояніи, что братъ воскликнулъ:

— Не стрѣлай, ты не убьешь его — онъ вѣдъ выстрѣла.

Выстрѣлъ грянулъ.

— Пусть себѣ онъ колдунъ, сказалъ братъ — а этого не убить ему. Это невозможно.

— Cherche, Ражо! сказалъ Муни собакѣ.

— Да, да, cherche, сказалъ братъ, смѣясь. Ражо стрѣлой брошена впередъ; это была прекрасная бѣлая болонка, съ двумя желтыми пятнами. Она бросилась черезъ рѣку вплавь, потому что заяцъ бѣжалъ за рѣкой, обнюхала кусты, весело залаяла, храбро бросилась въ шиповникъ и вынесла изъ него зайца, пораженного крупною дробью Муни-Робена.

Право, я начиналъ думать, что Жоржонъ былъ въ части въ этомъ выстрѣлѣ.

Муни сдѣлалъ нѣсколько другихъ подобныхъ предсказаній и они исполнились также, какъ предыдущія. На обратномъ пути, наша собака, Медоръ, открыла стадо тетерекъ.

— Дайте мнѣ выстрѣлить въ нихъ, сказалъ Муни, останавливая брата. — Намъ нужно убить по крайней мѣрѣ шесть штукъ.

Онъ убилъ семь.

— А! это слишкомъ легко! сказалъ онъ спокойно, поднимая тетерекъ.

— Если онъ не колдунъ, сказалъ я брату, когда мы пришли домой: — то по крайней мѣрѣ, знаетъ какую-нибудь особенную уловку, которая мнѣ неизвѣстна.

— Мудренаго нѣтъ! отвѣчалъ братъ: — онъ такъ прилежно изучилъ привычки дичи, что знаетъ все ея обыкновенія и норы. Дикія птицы и животныя ведутъ чрезвычайно-правильную жизнь и довольно одинъ день наблюдать за ними, чтобъ знать всю ихъ жизнь.

— Но заяцъ, убитый имъ выстрѣла?

— Ружье Муни-Робена бьетъ гораздо далѣе нашихъ.

— А семь тетерекъ?

— Онъ выстрѣлилъ въ самую густую кучу. Я не спорю: онъ гораздо искуснѣе насъ.

— Но его предсказанія?

— Случай поддерживаетъ ихъ: счастье нерѣдко достается въ удѣлъ дерзкимъ.

— Да этакъ можно объяснить все, а мнѣ все это кажется нисколько не яснымъ.

— Подожди до завтра или до будущей недѣли, чтобъ видѣть, какъ случай руководствуетъ нашего колдуна. Ты убѣдишься, что онъ не всегда будетъ угадывать такъ удачно, какъ сегодня и что его Жоржонъ не одинъ разъ дастъ маху.

Мы почти каждый день ходили на охоту съ Муни-Робеномъ. Это доставляло намъ величайшее удовольствіе: брату — потому, что онъ находилъ много дичи, мнѣ — потому, что мы находили прекраснѣйшія мѣстоположенія въ самыхъ неизвѣстныхъ закоулкахъ Черной Долины. Мунн продолжалъ свои заклинанія противъ вреднаго вліянія и свои предсказанія. Изъ любви къ истинѣ, я долженъ сказать, что послѣднія не всегда исполнялись въ точности, однако-жъ исполнялись двадцать разъ изъ тридцати, и это продолжалось не четыре дня, а четыре года съ половиною, въ продолженіе которыхъ Мунн Робенъ, какъ охотникъ, а можетъ быть и немощко какъ колдунъ, пріобрѣлъ надъ нами власть, противъ которой наконецъ мы перестали возставать. Чѣмъ болѣе мы наблюдали за своимъ товарищемъ, чѣмъ болѣе замѣчали въ немъ какую-то склонность къ гадацію, которая часто овладѣвала имъ на охотѣ и мучила его, какъ страданіе, какъ болѣзнь. Онъ ничуть не былъ шарлатаномъ, не употреблялъ никакихъ кабалистическихъ пріемовъ, и, если вѣрилъ въ самомъ дѣлѣ въ Жоржона, то старательно скрывалъ это и не любилъ говорить о немъ. Перемена, происшедшая въ Муни-Робенѣ нѣсколько времени спустя, навела насъ на слѣдъ того, что, по мнѣнію моему, въ настоящее время ближе всего къ истинѣ.

Однажды (по видимому все было противно намъ въ этотъ день), мы прошли пять миль, не встрѣтивъ ничего. Казалось, будто вся дичь была поражена египетскою язвою, потому что къ намъ не подлетѣла даже ни одна ластычка. Ражо былъ ужасно золъ, а Медоръ смотрѣлъ на насъ печально. Два или три раза, чтобы размыкать свою скуку, собаки нападали на ежей и ужей; но Мунн запрещалъ намъ стрѣлять въ этихъ гадинъ, говоря, что это портить руку. По сказанію крестьянъ, онъ защищалъ, согласно обязательству колдуна, нечистыхъ животныхъ, потому что Жоржонъ выдаетъ покровительствуемому имъ охотнику благороднѣйшую дичь только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ уважалъ нечистыхъ животныхъ, которыя составляютъ его общество въ ночи шабаша: а именно совъ, летучихъ мышей, волковъ и прочихъ.

Онъ такъ часто просилъ насъ быть скрытными противъ жены его, что мы и безъ просьбы его не сказали ли бы ей ни слова. Онъ не скрывалъ отъ жены дичи, которую убивалъ, но какъ убивалъ ее, какою дробью, въ какое время, въ какомъ мѣстѣ, и послѣ какихъ словъ, — вотъ тайны, въ сохраненіи которыхъ мы должны были клясться ему каждый день. Онъ охотился съ однимъ нами и это было знакомъ большаго довѣрія къ намъ. — Вѣрно ты считаешь себя колдуномъ, что

скрываешь такимъ образомъ свои приемы? говаривали мы ему. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — но не надобно, чтобы знала баба подробности охоты; это приноситъ несчастье.

Всякій разъ, когда охота была дурна, Муни-Робенъ скрывался (это было его выраженіе), то есть прятался отъ насъ или въ кустарникъ, или въ ровъ, или въ необитаемый шалашъ, и, пробывъ тамъ нѣсколько времени, выходилъ блѣдный, разстроенный, дрожащій, едва переводя дыханіе и съ трудомъ передвигая ноги, но предсказывая намъ чудесныя встрѣчи и отличную охоту, что всегда исполнялось и иногда съ такою точностію въ подробностяхъ, что мы невольно вѣрили въ колдовство. Однажды мы рѣшились наблюдать за нимъ, чтобы узнать, не занимается-ли онъ какими-нибудь грубыми, суевѣрными заклинаніями. Сдѣлавъ видъ, будто удаляемся, мы обошли рошу, чтобы подстеречь его и дѣйствительно, подъ защитой густаго кустарника, пробравшись къ нему съ величайшею осторожностію, которая, впрочемъ, была совершенно излишняя, потому-что состояніе, въ которомъ мы нашли его, не позволяло ему ни слышать, ни видѣть насъ. Онъ былъ простертъ на землѣ и казался преданнымъ невыразимой мукѣ. Онъ ломалъ себѣ руки, заставляя хрустѣть суставы, подпрыгивалъ на спинѣ, какъ рыба, пыхтелъ; лицо его было сіе и глаза закатились. Мы подумали, что онъ одержимъ падучею болѣзнію, но нѣтъ; на губахъ его не было пѣны, онъ не кричалъ, не задыхался. Это былъ простой нервическій припадокъ, конвульсія, что-то болѣе мучительное, нежели страшное, — и все прошло черезъ пять минутъ. Потомъ онъ сталъ мало-по-малу приподыматься, протягиваться, успокоиваться, и лежалъ нѣсколько минутъ, какъ будто удерживаемый и сильною усталостію, и пріятнымъ ощущеніемъ. Когда онъ оставилъ свое мѣсто, чтобы сойтись опять съ нами, мы возвратились большимъ обходомъ на прежнее мѣсто, чтобы не встретить его и онъ сказалъ брату, останавливая его:

— Сегодня вы не убьете ничего, если я не вмѣшаюсь въ дѣло.

Въ самомъ дѣлѣ, братъ выстрѣлилъ слишкомъ двѣнадцать разъ, и ни одного разу не попалъ въ цѣль.

— Кажется, такого дурнаго стрѣлка, какъ я, не сыскать на свѣтѣ! воскликнулъ онъ, ударивъ прикладомъ по землѣ. — Шутка, господинъ Муни, постарайся освободить меня отъ заговора.

— Это очень легко, мой другъ, отвѣчалъ Муни тихимъ и пріятнымъ голосомъ: — дайте-ка мнѣ ваше ружье. Которое дуло прикажете зарядить? (Ружье было двуствольное.)

Онъ зарядилъ лѣвое, а братъ правое.

— Этимъ, сказалъ Муни, указывая на заряженное имъ дуло:— вы не дадите промаха.

— А другимъ?

— Съ другимъ вы не попадете.

Пролетѣла пѣпочка и братъ убилъ ее; пролетѣла сорока и онъ далъ промахъ. Зарядъ, вложенный Муни-Робенемъ, попалъ; другой сломалъ сукъ, футовъ десять выше сороки.

— Теперь заряди правое дуло, сказалъ братъ:— можетъ быть, оттого ружье будетъ бить лучше.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ Муни-Робенъ. Онъ зарядилъ правое дуло, братъ лѣвое. Правымъ зарядомъ онъ попалъ, лѣвымъ далъ промахъ. Опытъ былъ такимъ-же образомъ повторенъ разъ шесть, и результатъ былъ тотъ-же, какой предсказалъ Муни. При седьмомъ зарядѣ онъ сказалъ: — На этотъ разъ вы попадете своимъ зарядомъ и дадите промахъ молмъ; я усталъ.

Слова его оправдались на дѣлѣ.

Подобныхъ опытовъ нельзя было настойчиво приписывать одному случаю или ловкости. Муни иногда самъ бывалъ до крайности неловокъ, но не казался этимъ ни удивленнымъ, ни униженнымъ. Я это предчувствовалъ, говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ. Я убѣдился, наконецъ, что Муни обладаетъ даромъ ясновидѣнія, или чутья въ высшей степени.

Лѣсничій и всѣ сосѣди наши предсказывали, что дѣло кончится худо и что Жоржонъ *скрутитъ* Муни-Робена. Разъ, въ прекрасный вечеръ, при лунномъ свѣтѣ, Муни, по обыкновенію, пошелъ поднимать шлюзу своей мельницы; но въ ту минуту, какъ вода устремилась чрезъ нее и начала приводить въ движеніе колесо, Жоржонъ, недовольный Муни Робеномъ, толкнулъ его сзади, погрузилъ въ воду головою впередъ и спустилъ подъ колесо, изъ подъ котораго Муни вынесло разбитаго, исковерканнаго, безчувственнаго. Его нашли на другой сторонѣ мельницы, на прибрежной травѣ, неподвижнаго и умпрающаго. Однако-жъ, онъ прожилъ еще шесть мѣсяцевъ и, наконецъ, умеръ отъ поврежденій, причиненныхъ его груди и вѣстцу мельничнымъ колесомъ. — Вѣдь предсказывали тебѣ, бѣдняжка, говорила ему жена: — что Жоржонъ наконецъ скрутитъ тебя!

— Тутъ и самъ Жоржонъ ничего не пойметъ! отвѣчалъ умпрающій. — Я никогда не постигну, какъ это могло случиться, такъ-же точно, какъ не постигну прочаго.

Дѣло въ томъ, что несчастное приключеніе бѣднаго Муни-Ро-

бена никогда не было объяснено основательно. Надобно быть не только неловкимъ, но просто рѣшиться на самоубійство, чтобы попасть такимъ образомъ подъ мельничное колесо. Нужно видѣть мельницу Муни, для убѣжденія, что необходимо броситься или быть сброшеннымъ съ большою силою, головою впередъ, чтобы не удержаться за мостъ, какъ бы сильно ни было стремленіе воды. Все объясняли пьянствомъ Муни, но онъ во всю жизнь свою не былъ ни разу пьянъ. Онъ ненавидѣлъ шумъ и былъ удивительно пѣженъ душою.

Жанна Муни была хороша и столь-же пѣжной организаціи, какъ мужъ ея. Она была мала ростомъ, тонка, и бѣла, какъ луговые нарциссы. Живя всегда подъ тѣнью большихъ деревьевъ, растущихъ вокругъ мельницы, она сберегла шею и руки отъ загара и, являясь по воскресеньямъ въ бѣломъ платьѣ и цвѣтномъ передничкѣ, болѣе походила на театральную крестьянку, нежели на беррійскую мельничиху. При этомъ она была оларепна прекраснымъ, пѣжнымъ голосомъ и пріятными манерами. Кажется, такое сходство во внѣшнихъ качествахъ должно бы было породить и сходство во вкусахъ. Но нѣтъ. Гжа Муни предпочитала своему мужу одного сосѣда, чернаго, грубаго, рябаго, къ которому Муни никогда однако не показывалъ ревности.

Онъ часто говаривалъ съ нами о своей жизни. Жанпа — гораздо моложе меня, говаривалъ онъ:— хороша собой, а я всегда пренебрегалъ ею. Что прикаже дѣлать? Я люблю ее отъ всей души, но люблю еще болѣе—охоту. А кто предается охотѣ, дѣти мои, тотъ не можетъ любить ничего другаго. Если вы будете влюблены, или ревнивы, подарите мнѣ ваши ружья и вашихъ собакъ:— вы навсегда останетесь влохими охотниками.

По этому нельзя предполагать, чтобы онъ былъ убитъ соперникомъ. Это никому и въ голову не приходило.

— Я полагаю, что Муни былъ нѣсколько лунатикъ или одержимъ падучей болѣзью, и что припадокъ случился въ ту минуту, когда онъ поднималъ шлюзу. Какъ-бы то ни было, кончина его была столь-же таинственна, какъ вся жизнь его, и у насъ въ провинціи нѣтъ ни одного крестьянина, который-бы не приписывалъ ея до-сихъ-поръ борьбѣ съ злымъ духомъ-охотникомъ, съ страшнымъ Жоржономъ Черной Долины.

ОРИГИНАЛЬ.

СТРАННОСТИ АНГЛІЙСКАГО ДРАМАТУРГА.

Томасъ Деле родился въ графствѣ Глочестеръ, въ 1740 году. Баронетъ авантюристъ, отецъ его, желалъ, чтобъ единственный потомокъ его дома, вовсе не знаменитаго, попробовалъ счастья на морѣ, и поэтому молодой Деле, послѣ серьезнаго дѣтства, проведеннаго за книгами, сдѣлался морякомъ. Онъ путешествовалъ по всему земному шару, жилъ долгое время въ Италіи и въ 1770 году пріѣхалъ въ Парижъ, съ скудными остатками родоваго наслѣдства, измученный долгими странствованіями и житейскими испытаніями. Не смотря на горячую страсть Деле къ удовольствіямъ, черты его сохранили спокойствіе, важность и строгость, которыя невольно внушали къ нему почтеніе. Онъ былъ прекраснаго роста, благородныя черты его напоминали портреты Вандейка, улыбка выражала какую-то небрежную безпечность. Въ Парижѣ, какъ и надо было ожидать, Деле разорился въ концѣ. Когда онъ остался безъ денегъ, то принялся за перо и сочинялъ комедіи для Итальянскаго Театра. Деле былъ такъ уменъ, что его первая пьеса была уже образцовымъ произведеніемъ, какъ по сценировкѣ, такъ и въ литературномъ отношеніи. Деле работалъ медленно и никогда не выправлялъ написаннаго, говоря, что сегодня онъ не умѣе вчерашняго.

Въ итальянской комедіи Деле зарабатывалъ до тысячи червонцевъ въ годъ. Но много-ли это для англійскаго баронета, который на вѣтрѣ путешествій прихотливо разбѣгалъ отцовское наслѣдство? Въ Парижѣ, въ теченіе десяти лѣтъ, онъ едва-ли болѣе трехъ мѣсяцевъ наслаждался довольствомъ жизни. Деле покойно проводилъ время въ Fort l'Évêque, если не былъ въ кафе. Какъ бы неожиданна ни была бѣдность его, она никогда не мѣшала его привычкамъ. Какъ бы худо онъ не былъ одѣтъ, но гордая поступь всегда показывала въ немъ человѣка высокаго порожденію. Гретри, оставившій о Деле записки, говоритъ, что онъ видѣлъ его почти нагаго, но онъ никогда не внушалъ сожалѣнія: «его благородная и важная осанка будто говорила каждому: я человѣкъ, чего-жъ вамъ еще надобно?» Въ этомъ человѣкѣ соединялась гордость испанца съ спокойствіемъ англичанина.

Деле былъ лучшій критикъ своего времени, хотя никогда не писалъ своихъ рецензій. На сценѣ онъ судилъ о театрѣ безъ про-

твѣрѣчій. О себѣ никогда не говорилъ, какъ по скромности къ другимъ, такъ и изъ уваженія къ самому себѣ.

Для перваго дебюта Деле, вмѣстѣ съ Гретри, поставилъ на сцену «*Судъ Мидаса*». Эта прекрасная комедія немного напоминаетъ аглійскую комическую оперу *Vadé*. Оригинальный умъ Деле, пріятно одушевленный веселою, живою музыкою Гретри, привлекъ общее вниманіе парижанъ, находившихъ неизъяснимое удовольствіе аплодировать англичанамъ въ Комической Оперѣ и освистывать ихъ на Океанѣ. Пьеса имѣла блистательный успѣхъ. Автора и композитора вызвали. Деле, весьма бѣдно одѣтый, вышелъ на сцену съ обычною важною, но безъ удовольствія и безъ смущенія. «Этимъ зплогомъ, говорилъ онъ потомъ, я обязанъ своей комедіи.»

Годъ спустя, Деле и Гретри, жившіе всегда въ добромъ согласіи, кончили «*l'Amour jaloux*». Сюжетъ внушила имъ аглійская комедія «*the Wonder*». Въ первый разъ эта пьеса была играна въ Версали съ огромнымъ успѣхомъ. Въ день представленія, когда Гретри гордо вступалъ во дворецъ, Деле беззаботно сидѣлъ за столомъ въ одномъ изъ версальскихъ погребковъ, какъ человѣкъ, скучающій отъ людской суетности. Успѣхъ комедіи превзошелъ ожиданія и даже успѣхъ итальянской комедіи. Стали спрашивать, кто этотъ оригинальный англичанинъ съ французскимъ умомъ; о немъ разсказывали тысячи исторій. Его хотѣли все видѣть, чтобъ лучше судить о его странностяхъ. — «Я кажуся имъ страннымъ, говорилъ Деле, оттого, что они сами странны. Я человѣкъ простой.»

Герцогъ Орлеанскій, зная, что Деле почти все послѣобѣденное время проводитъ въ *Café du Caveau*, въ Палероялѣ, переодѣлся и отправился туда, чтобы взглянуть на оригинала. Герцогъ нашелъ Деле человѣкомъ слишкомъ серьезнымъ для фламандскаго пьяницы. Раскинувшись на стулѣ, скрестивъ ноги, онъ мечталъ на досугѣ, не безпокоясь объ окружающихъ. О чемъ же мечталъ онъ? О любви. Деле всегда былъ влюбленъ. Если онъ присоединялся къ общей бесѣдѣ, то говорилъ всегда мало, но хорошо; онъ не любилъ болтуновъ и часто прерывалъ потокъ фразъ ихъ словами: *Это напечатано*. Дѣльную рѣчь онъ одобрялъ легкимъ наклоненіемъ головы; если же глупость выводила его изъ терпѣнія, онъ топалъ ногами, сильно дымилъ табакомъ, или смотрѣлъ всторону.

Герцогъ былъ удивленъ оригинальнію Деле и, зная о его долгахъ, на другой-же день послалъ къ нему человѣка съ сот-

нею лундоровъ, приказавъ притомъ сказать, что это первая плата пенсїи отъ герцога Орлеанскаго г-ну Деле, за его краснорѣчіе.

Лакей нашель Деле спящимъ, однако - же разбудилъ его.

— Я васъ беспокою, сударь?

— Да, братецъ.

— Вы спите.

— Теперь нѣтъ.

— Вы господинъ Деле?

— Я.

— Не прикажете-ли прежде запереть дверь?

— Нѣтъ; ты болтуни и потому....

— Не сердитесь, сударь, я къ вамъ присланъ отъ герцога Орлеанскаго.

— Зачѣмъ?

— Герцогъ приказаль вручить вамъ первую треть пенсїи, которую его высочество вчера назначилъ вамъ за ваше краснорѣчіе.

— Хорошо.

— Вотъ сто лундоровъ.

— Одинъ тебѣ.

— Что-же я долженъ сказать герцогу?

— Ничего.

— Но....

— Пошелъ вонъ; герцогъ Орлеанскій знаетъ мое краснорѣчіе.

Спустя три или четыре мѣсяца, этихъ ста лундоровъ уже не было въ поминѣ, но Деле не унывалъ. Гретри получилъ отъ герцога Орлеанскаго, у котораго игралъ «*Судъ Мидаса*,» сто лундоровъ, чтобъ раздѣлить ихъ пополамъ съ Деле. Гретри написалъ къ Деле письмо, при которомъ послалъ къ нему его часть. Деле сказалъ человѣку: *хорошо*. Гретри, не получивъ отвѣта на письмо свое, нѣсколько обидѣлся и ожидалъ, что Деле по-крайней-мѣрѣ лично объяснится. Но двадцать разъ они встрѣчались послѣ того и Деле молчалъ. Наконецъ Гретри не могъ удержаться, чтобъ не спросить:

— Вы конечно получили....

— Да! Скоро отвѣчалъ Деле, не сказавъ болѣе ни слова.

На него смотрѣли, какъ на образецъ неблагодарности; оттого что онъ, казалось, забывая благодаренія, забывалъ благодѣтелей. Но точно-ли онъ забывалъ?

Однажды, въ *Café du Caveau*, человѣкъ, ссудившій когда-то Деле деньгами и не получившій ихъ обратно, какъ - то обидѣлъ его.

— Принужденъ драться, говорить Деле, а это только напрасная трата времени.

Кредиторъ и должникъ безъ свидѣтелей отправились въ ближайшій садъ. Деле съ первыхъ пріемовъ ловко вышибъ пшагу изъ рукъ противника и съ обыкновенною важностію сказалъ:

— Если-бы я не былъ вашимъ должникомъ, я убилъ бы васъ; если-бы у насъ были свидѣтели, я ранилъ бы васъ; но какъ мы одни, я васъ прощаю.

Въ худшій періодъ своей бѣдности, Деле зашелъ разъ къ одному изъ друзей своихъ и не засталъ его дома; ему очень понравилась совѣтъ еще новыя панталоны пріятеля; не стѣсняясь несколько, Деле спокойно перемѣнилъ ихъ на свои и вышелъ до нельзя восхищенный находкою. Возвратясь домой, пріятель Деле изумился, найдя какія-то лоскутья вмѣсто своихъ панталонъ. Ему говорить: Деле приходилъ.

— Не можетъ быть, чтобы Деле былъ способенъ на подобную выходку?! — Вечеромъ, однако-же, онъ зашелъ въ Café du Caveau и съ перваго взгляда узналъ свою собственность на Деле. Онъ поклонился ему такъ-же просто, какъ всегда кланялся.

— Эге! Вотъ онъ!... Вскричалъ изумленный пріятель Деле.

— Да, — отвѣчалъ тотъ съ видомъ совершеннаго спокойствія, у меня не было панталонъ, очень радъ, что у васъ я нашелъ лишнія.

Деле пришло на мысль написать романъ и онъ написалъ романъ, меньше, чѣмъ въ одинъ день. По идѣ, по характерамъ и приключеніямъ, это былъ настоящій романъ, но только на восьми страницахъ, безъ отступленій, безъ длиннотъ; это была сатира на романы XVIII вѣка, или скорѣе сатира на романы современные.

Изнемогая въ трудѣ и любви, дыша сценическою пылью и табачнымъ дымомъ кофейни, Деле слегъ отъ грудной болѣзни. Почти весь февраль 1780 года онъ не вставалъ съ постели. Весною, почувствовавъ себя лучше, онъ снова горячо предался труду и любви. Тогда Деле любилъ итальянскую актрису, сеньору Біанчи; сеньора находила, кажется, забавною любовь чудака, а можетъ быть она любила его за простоту. Апрель и май были для Деле весной любви. Этотъ человекъ, всегда серьезный и важный, становился ребенкомъ передъ женщиною; этотъ англичанинъ, всегда флегматически спокойный, любилъ однако-же со всею сантиментальностію француза. И о любви, какъ обо всемъ, Деле разсуждалъ безъ

разглагольствій; въ объясненіи нѣжнаго чувства онъ отличался отрывистымъ и нѣмымъ краснорѣчіемъ.

— Вы мнѣ ничего не говорите, Деле? — Однажды вечеромъ спросила его сеньора Біанчи.

— Я васъ люблю.

— Далѣе?

— Вы прекрасны!

— А потомъ?

— Я васъ люблю.

Деле говорилъ правду.

Съ закрытіемъ Итальянскаго Театра сеньора отправилась въ Италію; ея отъѣздъ былъ смертельнымъ ударомъ для бѣднаго философа; по общему мнѣнію, Деле умеръ отъ любви. Онъ напрасно старался уговорить хорошенькую комедіантку остаться во Франціи; она, съ своей стороны, въ утѣшеніе Деле обѣщала ожидать его въ Венеціи.

Деле провелъ два мѣсяца въ тщетномъ изысканіи средствъ отправиться въ Италію. Ни одна милосердая душа не помогла его больному сердцу. Гретри предложилъ ему сто лундоровъ, но съ тѣмъ, чтобы прежде отъѣзда онъ написалъ новую комическую оперу. Деле принялся за трудъ съ большимъ жаромъ и заболѣлъ; на этотъ разъ слегши въ постель, онъ уже не оставлялъ ее до гроба.

Въ изголовьи у больного постоянно лежали почтовый дорожникъ и начатая опера. Забавныя положенія дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ иногда нѣсколько развлекали Деле и онъ на время забывалъ свои страданія, но сердечная рана была слишкомъ глубока для бѣдняка. Въ продолженіе болѣзни Деле никого не приказалъ пускать къ себѣ, чтобъ не развлекаться отъ любви и занятій. Гретри однако же какъ-то удалась пробраться въ комнату къ Деле, въ послѣдній часъ его жизни.

— Ну что, Деле?

— Лучше.

— А наша опера?

— Два акта.

Между тѣмъ Деле заботливо перелистывалъ почтовый дорожникъ.

— Чего вы ищите въ дорожникѣ?

— Своей дороги.

— Куда же вы думаете?

— Въ Венецію.

— И это ваше серьезное желаніе?

— Да.

Деле, до того сидѣвшій на постели, вдругъ упалъ на подушки. Гретри былъ пораженъ внезапною блѣдностію лица и тусклымъ выраженіемъ глазъ больного.

— Не хотите-ли вы пить? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Чего-же вы хотите, мой бѣдный другъ?

— Дайте мнѣ дорожникъ.

Это были послѣднія слова Деле въ минуту смерти.

Что сказать еще объ этомъ простомъ и странномъ человѣкѣ? Я ничего немогу сказать о немъ болѣе, боясь, что онъ изъ своей могилы закричитъ мнѣ: *Это напечатано*, или напомнитъ прекрасныя слова Пинеагора: «Молчите, или говорите что нибудь лучшее, чѣмъ молчаніе.»

Е. П.

КУЛАЧНЫЙ БОЙ У ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ НАРОДОВЪ.

Извѣстно, что кулачный бой, pugmê или pugmachia по-грече ски, pugilatus по-латинѣ, составлялъ часть греческой и римской гимнастики. Бойцы, pugiles, ruktai, старались бить другъ друга, особенно по лицу, вооруженными и не вооруженными кулаками. Для вооруженія кулаковъ употреблялись особаго рода боевые ремни, himantes, pugmêkes, meilichai грековъ, caestus римлянъ. Голова, особенно виски, вѣсколько защищались амфотидою, шерстянымъ или кожанымъ наушникомъ. Бой рѣшался, когда падалъ который-нибудь изъ бойцовъ, сшибенный съ погъ ударомъ. Послѣ того побѣдитель уже не имѣлъ права надъ побѣжденнымъ.

Разумѣется, кулачный бой, особенно вооруженными кулаками, была забава крайне опасная, которая часто сопровождалась тяжкими, даже смертельными ушибами. Еще опаснѣе бывалъ онъ, когда соединялся съ борьбою. Тогда онъ требовалъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и причинялъ самыя жестокіе и самыя опасныя вывихи членовъ. Такого рода кулачный бой назывался у древнихъ pagkration, pancratium.

Кулачный бой не однократно упоминается еще у Гомера. Эней дерется съ Эврипидомъ и наноситъ ему такіе жестокіе удары, что у того хрустятъ члены. Эврипида уносятъ безъ памяти, съ поникшею головою. (см. Гомера Илиаду, пѣснь XXIII, стр. 664 и слѣд.; также Virgilia Энеиду, п. V. ст. 401 и слѣд., Илиаду п. XXIII. ст. 634, Одиссею п. VIII, ст. 103, 130 206).

Въ поэзіи время послѣ Гомера, прославляются отличными кулачными бойцами Геркулесъ и учитель его Гарпаликъ, далѣ Поллуксъ и Амикъ, въ особенности-же Тидей. (Theogr. XXII. 107 ff. XXIV, 113. Apoll. Rhod, II, 67 ff.).

Вообще, древніе греки были большіе охотники до кулачнаго боя, и на ихъ аренахъ онъ бывалъ гораздо горячѣе, чѣмъ у Римлянъ.

Изъ повѣйшихъ народовъ итальянцы, испанцы, французы и нѣмцы, даже почти все народы европейскаго материка, для рѣшенія ссоръ, самымъ серьезнымъ образомъ берутся за шпаги, сабли, пистолеты или другія искусственныя оружія, считая бой на кулакахъ обычаемъ грубымъ и варварскимъ. Но англичане питаютъ рѣшительное и общее отвращеніе къ желѣзному оружію и выхваляютъ кулакъ, какъ самое натуральное, самимъ Богомъ дарованное «орудіе самозащиты».

По мнѣнію Англичанъ, боксированіе, какъ способъ рѣшенія ссоръ, прекрасная замѣна дикимъ и варварскимъ дѣйствіямъ, въ которыя такъ часто увлекаются люди въ необразованномъ состояніи общества. Боксированіе предотвращаетъ тѣ малодушныя и предательскія склонности и страсти, которыя въ нѣкоторыхъ странахъ повели къ несчастному употребленію кнжала, палки, стилета и другихъ подобныхъ орудіи, равно кровавыхъ и отвратительныхъ. Между-тѣмъ, одно изъ величайшихъ неудобствъ боксированія, какъ средства рѣшенія ссоръ, продолжительная нерѣшительность и долговременность боя. Съ этой стороны онъ, безъ сомнѣнія, можетъ назваться варварствомъ, — Какъ средство упражнять храбрость и тѣлесную силу, боксированіе, говорятъ англичане, приноситъ больше пользы, чѣмъ все способы боя, въ которыхъ употребляется то или другое искусственное орудіе. Во всехъ этихъ

способахъ дѣло обыкновенно рѣшается больше ловкостью и проворствомъ. Въ боксированіи, кромѣ этихъ свойствъ, требуется еще сила и храбрость въ высокой степени. Несчетные удары, которые всеъ попадають, приучають къ высокой степени терпѣливости и перенесенія боли. Осторожность изощряется тѣмъ болѣе, что удары направляются преимущественно на голову, вмѣстѣли же этого качества. Такъ какъ бой всегда длится долго, то терпѣніе при немъ главная доблесть, а какъ кулакъ, самъ по себѣ, безъ сильного размаха, не опасенъ, то особенно требуется сила.

Англичане полагають, что для ихъ сухопутной арміи и флота нѣтъ школы лучше ихъ ring'a, арены боксированія. Ей они приписываютъ храбрость и неодолимое терпѣніе, какими отличались ихъ солдаты, начиная съ Гастингской битвы до Ватерлооскаго сраженія.

Замѣчательно, что боксированіе, подобно всеъмъ прочимъ гимнастическимъ и атлетическимъ упражненіямъ англичанъ, получило развитіе только въ новѣйшее время, между-тѣмъ, какъ его надлежало-бы считать остаткомъ древнѣйшаго и грубѣйшаго состоянія человѣчества, слѣдомъ рыцарской эпохи. Правда, въ Англіи вѣроятно всегда были боксеры и крестьянскіе молодцы всегда боксировали. Но только съ половины прошедшаго вѣка боксированіе составило настоящее искусство и науку, и нашло покровителей и поощрителей даже въ высшихъ классахъ общества. Кажется, оно шло все crescendo до новѣйшаго времени, до учрежденія Пилевской полиціи. Искусство драться на кулачкахъ стало общимъ національнымъ дѣломъ, приобрѣло свои школы, своихъ профессоровъ, свою литературу.

Обыкновенно школы боксированія въ Англіи содержатся частными людьми. Въ большихъ городахъ есть такъ называемыя спортингъ-гаузы (sporting-houses), въ которыхъ устроены арены для обученія искусству боксированія.» Люди, преподающіе искусство, обыкновенно бойцы, отличавшіеся прежде на аренахъ и уже сошедшіе со сцены; они называются «экспуджиллистами» и часто сами себя величаютъ профессорами. Подобно фехтовальнымъ заламъ, эти боксерскія гимназіи посѣщаются учениками всякихъ сословій. Обширѣйшія гимназіи и спортингъ-гаузы находятся въ Лондонѣ, столицѣ всехъ знаменитыхъ «Коринѳахъ»,

Corinthians, какъ иногда въ шутку называютъ сами себя боксеры или *файтеры* (fighter). Обыкновенно при этихъ гимназіяхъ бываетъ и театръ для зрѣлищныхъ боевъ боксеровъ по профессіи. Такіе театры — большія комнаты съ арками вокругъ; по срединѣ устроенъ деревянный помостъ, на которомъ находится тѣсная арена для бойцовъ. — За правду, т. е. голыми кулаками, конечно тутъ не дерутся; для этого надо искать мѣста въ отдаленныхъ частяхъ королевства. Здѣсь же на кулакъ надѣваютъ кожаную перчатку, и такого рода мирное боксированіе называютъ *sparring*. На спаррингахъ, конечно, бой не рѣшается, но зрители могутъ судить о ловкости бойцовъ по ихъ манерѣ наносить удары. На аренѣ являются лучшіе боксеры, а подъ арками тысячи любителей искусства, *patronizers of the Pugilistic Ring*. Въ Лондонѣ бываютъ почти ежедневно такіе бои (*sparring demonstrations* или *sparring entertainments*), обыкновенно служа бенефисомъ какого-нибудь знаменитаго бойца. Иногда такіе бойцы совершаютъ артистическія путешествія по всему королевству и даютъ представленія въ разныхъ мѣстахъ.

Въ Англіи есть боксерскіе клубы (*pugilistic clubs*). На такъ называемыхъ «призовыхъ бояхъ», *prize-fights*, щеголяютъ своимъ искусствомъ «призовые бойцы», *prize-fighters*. Это особый классъ людей, которые по большей части не имѣютъ другаго занятія, кромѣ своего искусства, и содержатся только случайнымъ доходомъ, какой оно даетъ имъ, призами за свои побѣды и сборами съ своихъ бенефисныхъ представленій. Подобно скороходамъ, эти призовые бойцы принимаютъ чрезвычайно оригинальныя и часто весьма характеристическія имена. Охотнѣе всего избираютъ они звучное имя *Champion*. Бываютъ *Champions of England*, *Champions of America*, *Champions of Australia*. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ и сильнѣйшихъ кулачныхъ бойцовъ новѣйшаго времени — *Чарльзъ Фрименъ* (*Charles Freeman*), *the Champion of America*, отродье явки, *yankee criffor*. Многие англичане мѣрялись съ нимъ силами; большая часть пожинали не лавры, а побоя до крови.

Бой происходитъ слѣдующимъ образомъ. Когда бой и бойцы назначены, то-есть, когда двое бойцовъ изъявили желаніе помѣряться силами и пошли себѣ *бакеровъ* (*backers*), согласныхъ заплатить побѣдителю премію въ 50 — 100 фунтовъ стерлинговъ,

когда постановлены и все прочія условія боя, бойцы приступаютъ къ *приготовленію*, обыкновенно подъ руководствомъ какого-нибудь опытнаго знатока дѣла. Не рѣдко такое приготовленіе длится вѣсколько недѣль. Наконецъ настаетъ день боя. Обозначаются имена бойцовъ, гостинница, гдѣ они намѣрены предварительно собраться. Вся почтенная компанія нанимаетъ пароходъ или поѣздъ желѣзной дороги и отправляется смотрѣть на боксированіе. Когда полицейскій чиновникъ является и запрещаетъ бой, то онъ немеленно прекращается. Уваженіе къ закону и полицейскому чиновнику такъ велико, что сами любители боя, часто въ числѣ сотенъ или тысячъ человекъ, безпрекословно повинуются, садятся на свой пароходъ или поѣздъ желѣзной дороги и ѣдутъ обратно. Коммисары боя, при боксированіи, отмѣриваютъ круглую площадку и обтягиваютъ ее канатомъ. Зрители толпятся вокругъ; бойцовъ вводятъ на арену ихъ пріятелі. Иногда внутренняя арена обводится еще наружнымъ рингомъ, въ который впускаются за извѣстную плату люди почтенные, *fancy people*, или просто *the fancy*, то есть тѣ, которыхъ участіе ограничивается любительской страстью, безъ матеріальнаго интереса.

Обыкновенно бойцы выбираютъ каждый свои цвѣта, которые и надѣваютъ ихъ пріятелі. Такъ какъ въ боксированіи все зависитъ отъ вѣса и крѣпости бойцовъ, то положено, чтобы въ день боя они не вѣсили свыше извѣстнаго числа 14 ти фунтовыхъ камней (*stones*). Первымъ дѣломъ поединка бываетъ взвѣшивание бойцовъ. Обыкновенный вѣсъ порядочнаго бойца—8—10 камней, но бываютъ и такіе, которые всходятъ до 17 камней. Выходятъ на арену они нагіе по поясъ и въ легкой одеждѣ на остальномъ тѣлѣ; сапоги ихъ или башмаки не должны быть обиты гвоздями. Посреди арены иногда вѣшаются на шестѣ два пестрые платка, которые потомъ беретъ побѣдитель, въ видѣ трофея.

Провожаемые кликами своихъ партизановъ и секундантами, бойцы выступаютъ на средину арены и подаютъ другъ другу руки, въ знакъ, что дуэль будетъ честная, правильная и безстрастная. Потомъ они медленно отступаютъ назадъ, съ бодрой и боевой осанкою, ожидая знака начинать бой. Все взоры обращены на нихъ съ критической оцѣнкою. Мускульное развитіе cadaго ихъ члена, ширина груди и плечъ, геркулесовская сила рукъ, длина ихъ, плавность и грація выстунки единоборцевъ, все

тщательно обзрѣвается и усердно обсуживается горячими любителями *пуджислистикъ-ринга*.

Наконецъ дается знакъ начатія. Бойцы сходятся другъ съ другомъ, направивъ руки и кулаки, которые вмѣстѣ и наступательное и оборонительное ихъ оружіе, загнувъ голову назадъ, потому-что на нее устремляются главные удары. Иногда они прямо сходятся парюю дюжихъ ударовъ, иногда принимаютъ различную систему: одинъ дѣйствуетъ наступательно, чтобы съ самаго начала немощко сбить противника; другой держится оборонительно, чтобы утомить противника. Подобно какъ у древнихъ грековъ, главные удары бываютъ направлены по ушамъ, скуламъ, бородѣ, лбу и носу, и бой считается конченнымъ только тогда, когда который-нибудь изъ противниковъ, вынужденный безспіемъ или болью или по какой-либо иной причинѣ, признаетъ себя побѣжденнымъ. Простое паденіе противника на землю оканчивается не весь бой, а только одну сходку (*round*). Часто бой состоитъ изъ 30, 60, даже 200 такихъ сходокъ. Бойцы безпрестанно сходятся вновь, пока чувствуютъ въ себѣ какой-нибудь остатокъ силъ, пока глаза ихъ не совсемъ запухли отъ подшибовъ, и пока они еще переводятъ духъ. Случается, что ихъ уносятъ замертво съ боевой арены. Послѣ каждой сходки (*round*) они удаляются каждый въ свой уголъ, гдѣ товарищи освѣжаютъ ихъ водою и мокрой губкою и обтираютъ полотенцемъ. На это дается только 30 секундъ, которыхъ истеченіе возвѣщаетъ особый приставленный на то челоуѣкъ, *импире*, постоянно глядящій на часы и восклицающій въ такомъ случаѣ слово *time*, «время.»

Разные удары имѣютъ каждый свое названіе. Одинъ изъ важнѣйшихъ ударовъ падаетъ на половину головы и, хорошо сдѣланный, сшибаетъ противника съ ногъ. Другой главный ударъ — въ половину груди, чтобы у противника захватило дыханіе. Ударъ, повергающій противника на землю, называется *knock-downblow*. Глашатаи (*umpires*) громко объявляютъ всякій разъ, кто далъ первый *knock-downblow*. Точно также замѣчается и провозглашается первый кровавый ударъ.

Англичане называютъ боксированія также *миллингами*, *millling* (молоть или толочь), отъ сходства движенія кулаковъ съ движеніемъ крыльевъ или толкушекъ мельницы.

Заклады продолжаются во-время «молотья», и акціи каждого

бойца то возвышаются, то падаютъ, смотря потому, какъ онъ дерется. Бойцы наносятъ другъ другу удары то по глазамъ, то по скуламъ, то по вискамъ, парируютъ удары руками, сбиваютъ другъ друга съ ногъ, отбѣгаютъ въ свои углы, обмываютъ кровь, черезъ 30 секундъ опять выходятъ на *скречъ* (*scratch*, бой на самой срединѣ арены), и послѣ долгаго «бодраго и неутомимаго молоченья великолѣпнѣйшимъ стилемъ» (*after a long merry and unflinching hammering in magnificent style*), въ которомъ они выказываютъ свои дарованія, бой приходитъ наконецъ къ удовлетворительному заключенію (*satisfactory end*). Это удовлетворительное заключеніе состоитъ въ томъ, что или который-нибудь боецъ принужденъ отказаться отъ поединка за сильнымъ кровотеченіемъ, или у котораго-нибудь распухнутъ оба глаза такъ, что онъ ослѣпнетъ, или-же которому-нибудь переломаютъ столько реберъ, что онъ не можетъ стоять, либо который сломитъ ногу, либо получитъ такія корчи въ желудкѣ, что его унесутъ съ арены на рукахъ и онъ вынужденъ покинуть платочные трофеи побѣдителю.

Иногда бой рѣшается въ короткое время и въ нѣсколько сходовъ (*rounds*), а иногда мильягъ дается три, четыре часа. Въ такомъ случаѣ бойцы продолжаютъ поединокъ часто далеко за ночь, потому-что есть правило, чтобъ онъ рѣшался въ тотъ-же день. Продолженіе его на слѣдующій день считалось-бы новымъ поединкомъ, для котораго должно-бы дѣлать новыя приготовленія. Пока въ атмосферѣ брежжетъ хотя лучъ свѣта, при которомъ *impres* могутъ различать бѣлые члены бойцовъ, до тѣхъ поръ, и бойцы и зрители терпѣливо продолжаютъ свое дѣло.

Главное правило кулачнаго боя не бить лежачаго противника. Многіе бойцы пользуются этимъ и, сдѣлавъ свой ударъ и еще не получивъ ни толчка отъ противника, проворно падаютъ на земь. Бой, на которомъ каждый стоялъ на ногахъ до тѣхъ поръ пока могъ, называется «прекраснымъ, прямымъ боемъ» (*a fair stand-up fight*).

По окончаніи боя, бойцовъ ведутъ къ какому-нибудь милосердому лекарю, который призрѣваетъ и лечитъ ихъ. Потомъ выдаются призы, возвращаются залогы, выплачиваются заклады, и партія побѣдителя привѣтствуетъ его безконечнымъ кликомъ радости и торжества. Въ журналахъ часто помѣщаются длинныя описанія призовыхъ боевъ между славными *champions*.

Правда, въ наше время ring не имѣетъ такихъ сильныхъ покровителей, какъ во времена Георга III и Георга IV, когда на бояхъ присутствовали даже царственные особы и на одномъ бою, въ 1786 году, уплачено не менѣе сорока тысячъ фунтовъ стерлинговъ по закладамъ. Однако жъ совершеннаго упадка этой національной забавы нельзя ожидать. Боксированіе глубоко укоренено въ нравахъ англичанъ; только англійскіе вельможи, которыхъ вкусы очень измѣнчивы, интересуются имъ нынѣ меньше прежняго.

Отъ греческой древности дошли до насъ вазы, урны и другіе сосуды, на которыхъ изображены кулачные бойцы; сосуды эти, конечно, часто давались въ награду бойцамъ. Въ Англии также друзья подносятъ боксерамъ серебряные кубки съ пуджилистическими эмблемами. Греки своимъ лучшимъ панкратиастамъ давали почетное прозваніе «преемниковъ Геркулеса», и у греческихъ писателей всѣ эти преемники Геркулеса исчисляются по-очереди. Точно тоже видимъ въ Англии съ бойцами champions of England. Есть цѣлый рядъ ихъ, изъ которыхъ каждый до тѣхъ поръ сохранялъ свой championship, пока въ другомъ, возраставшемъ героѣ не находилъ сильнѣйшаго себя и, бывъ разъ побѣжденъ, принужденъ бывалъ отречься отъ своего почетнаго прозвища. *Брутонъ* (Broughton), *Мендоза* (Mendoza), *Гомфризъ* (Humphries), *Джонъ Джаксонъ* (John Jackson) *Шоу* (Shaw), *Томъ Криппъ* (Tom Cripp) и прочіе живутъ въ сказаніяхъ точно также, какъ *Теагенъ*, *Милонъ*, *Капръ*, *Аристоменъ* и другіе *Гераклиды*.

Подробная исторія всѣхъ событій на рингѣ настоящаго времени находится у *Белла* (Bell) въ его *Sporting-chronicle*. Каждый предстоящій бой возбѣщается тамъ самымъ обстоятельнымъ образомъ, каждый бывшій описывается съ величайшею подробностью, отмѣннымъ юморомъ и большой аккуратностью. Даже въ большихъ ежедневныхъ журналахъ всегда довольно подробно говорится о кулачномъ боѣ. Есть подобныя журналы и въ Америкѣ, напримѣръ: *The Whip* (Колотушка). У лондонскихъ картинныхъ торговцевъ находятся портреты извѣстнѣйшихъ боксеровъ, выставленные наравнѣ съ другими знаменитостями.

Особенность русскихъ кулачныхъ боевъ — многочисленность бойцовъ, ходившихъ *стына на стыну*. Московскіе старожилы помнятъ эти бои по праздникамъ, противъ бывшаго дома графа Орлова-Чесменскаго, подъ Нескучнымъ. Кромѣ того, долго держа-

лись въ Москвѣ кулачные бои зимою на Москвѣ-рѣкѣ. По губернскимъ и уѣзднымъ городамъ они исчезли гораздо позже. Особенной драчливостью, сколько намъ извѣстно, отличалось въ послѣднее время народонаселеніе Курской губерніи.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

=

Wald ist es dieß, bald ist es das;
Wald ist es nichts, bald ist es was.

=

Московскій театръ. — 28 апрѣля, въ пятницу на Святой, открылся послѣ Великаго Поста театръ французскимъ спектаклемъ, состоявшимъ изъ трехъ водевилей: «Un cheveu pour deux têtes», «Rage d'amour» и «la Gamine».

Афиша, извѣстившая объ этомъ спектаклѣ, заключала въ себѣ объявленіе, возбуждавшее вопросъ: быть ли не быть французскому театру?

Это объявленіе заключалось въ слѣдующемъ: «При совершенномъ упадкѣ сборовъ французской труппы, находящейся въ Москвѣ, единственнымъ средствомъ удержать оную остается открыть абониментъ, который предполагаетъ Дирекція Императорскихъ Московскихъ Театровъ на 50 представлений, съ 1 октября текущаго года. Если собранная сумма съ абонировавшихся будетъ достаточна для покрытія расходовъ, французская труппа останется въ Москвѣ и представится возможность выписать нѣсколько новыхъ сюжетовъ; срокъ подписки назначается до 20 числа мая мѣсяца; если къ этому числу абониментъ окажется недостаточнымъ, то внесенныя деньги будутъ возвращены, а существованіе французской труппы въ Москвѣ должно будетъ упраздниться.»

Отъ души надо пожелать, чтобы этотъ призывъ нашей театральной дирекціи не остался безъ отвѣта, чтобы количество абонентовъ было достаточно для поддержанія существованія въ Москвѣ французской труппы.

Странно какъ-то, что нашъ Французскій Театръ, существуя въ городѣ, въ которомъ въ большомъ употребленіи французскій языкъ, не имѣетъ большаго числа посѣтителей, не дѣлаетъ полныхъ сборовъ. Репертуаръ его по возможности репертуаръ всѣхъ парижскихъ театровъ, которымъ мы наслаждаемся на нашей родной сценѣ въ запоздалыхъ переводахъ. На труппу тоже слишкомъ нечего жаловаться. Конечно, она не изъ отличныхъ; замѣчательныхъ талантовъ въ ней всего два — три, не болѣе: но пьесы, разыгрываемыя ею, всегда идутъ такъ ровно, твердо, съ такимъ согласіемъ, такъ хорошо сренетованы, что любо-дорого смотрѣть. Въ этомъ случаѣ съ полною справедливостію мы должны отдать нашей французской труппѣ преимущество, даже предъ нашею русскою.

Богатая первоклассными талантами, которые бы сдѣлали честь и украшеніе любой европейской сценѣ, талантами, которыми мы смѣло и справедливо можемъ гордиться, наша русская труппа, къ сожалѣнію должно признаться, не имѣетъ такого ансамбля, какимъ отличается наша французская труппа. Немногія изъ пьесъ, разыгрываемыхъ русскими актерами, такъ хорошо сренетованы, слажены, какъ пьесы, разыгрываемыя французскою труппою, гдѣ все передается такъ отчетливо, обдуманно, безъ рѣзкихъ диссонансовъ, апохранизмовъ и несообразностей, идетъ все ровно, хорошо, хоть рѣдко прекрасно, но за то всегда хорошо, и всѣ играющіе болѣе или менѣе одиноково отчетливы, никто не выставляется впередъ, за то никто не остается и назадъ*.

* Изъ любви къ нашему театру, изъ уваженія къ прекраснымъ талантамъ, украшающимъ нашу русскую труппу, изъ желанія, чтобы вполне процвѣталъ театръ къ удовольствію публики, мы бы хотѣли, чтобы этотъ недостатокъ для пользы нашего театра уничтожался по мѣрѣ возможности.

Зачѣмъ и малаго пятна не смывать,

Чтобы оно намъ чести не марало,

говоритъ Гамлетъ; а вѣдь этотъ недостатокъ — пятно не малое и бросаетъ тѣнь на яркія достоинства нашего театра. А какъ важны ансамбль, сренетовка и обдуманность постановки пьесъ, — примѣръ мы можемъ видѣть на нашей французской труппѣ — доставляющей особенно ими болѣ-

Если изъ нашего Французскаго Театра рѣдко выйдешь въ восторгъ, за то всегда вынесешь изъ него пріятное чувство, оставленное ровной, отчетливой игрой и всегда войдешь въ него съ полнымъ убѣжденіемъ, что будетъ сыграно хорошо и никогда не ошибешься въ расчетъ.

Театръ французскій въ Москвѣ, при большомъ употребленіи въ нашемъ обществѣ французскаго языка и французской литературы, почти необходимъ.

Закрытіе Французскаго Театра въ Москвѣ — фактъ необходимый, если Дирекція, по малочисленности посѣтителей могущая заключить совершенно справедливо о несуществованіи въ публикѣ потребности въ немъ, не убѣдится въ противномъ достаточнымъ количествомъ абонимента.

Конечно, нашу французскую труппу надо, такъ сказать, *подновить*, но вѣдь Дирекція и публикуетъ, что она хочетъ выписать нѣсколько новыхъ сюжетовъ, если абониментъ окажется достаточнымъ, чтобы дать возможность существованію въ Москвѣ французской труппы.

Повторивъ снова желаніе, чтобы французскій театръ въ Москвѣ удержался, я скажу, что всѣ три водевилы въ спектаклѣ 28 апрѣля, по обыкновенію разыгранны были хорошо, старательно, съ большимъ ансамблемъ, особливо хорошъ былъ М-г. Chambery въ «*Rage d'amour*».

Г. Шамбери актеръ, о которомъ мало сказать, что онъ не портитъ никакой роли. Эту фразу можно повторить почти о каждомъ актерѣ нашей французской труппы. Эта фраза принадлежность золотой посредственности. Есть роли, созданныя имъ художнически: напримѣръ, роль старика Керуана въ драмѣ «*la Closerie des Genêts*» и роль каменщика въ «*Jérôme le maçon*» гдѣ у его есть дивная минута, когда каменщикъ находитъ сокровище: у Шамбери радость каменщика выражается не трагическимъ пенетовымъ хохотомъ, а простымъ, обыкновеннымъ смѣхомъ. Но какъ вѣрно, какъ непотынуто, какъ естественно звучитъ величайшая радость простой природы въ этомъ обыденномъ смѣхѣ!

Гг. Шамбери и Вильне составляютъ лучшее украшеніе нашей французской труппы.

шое удовольствіе публикѣ. Къ счастью, замѣченный нами недостатокъ въ русской труппѣ, благодаря заботливости Дирекціи, все болѣе и болѣе уничтожается, и мы все чаще и чаще имѣемъ удовольствіе видѣть пьесы, съ большимъ ансамблемъ и обдуманностію поставленныя и сретованныя.

Какъ на лучшую роль M-r. Valnay я укажу на роль Пьеро въ мелодрамѣ: «La nouvelle Fanchon, известной и у русскихъ подъ именемъ «Материнскаго Благословенія», особенно по выполняемой съ большимъ чувствомъ роли Маріи г-жею Косицкою. Какъ вѣрно понята, задумана и исполнена г. Вильне роль этого пастуха, существа отторгнувшагося, такъ сказать, отъ эгоизма, отрѣшившагося отъ самаго себя, видящаго вполнѣ свое счастье въ счастьи любимаго имъ существа, нужды нѣтъ, будетъ ли оно счастливо съ нимъ, или съ другимъ кѣмъ бы то ни было, лишь только бы оно было счастливо....

И эта безпредѣльная преданность, эта жизнь для счастья другаго существа чудно переданы были Вальнеемъ. Marie! Marie! вотъ слово, въ которомъ заключена вся жизнь Пьеро, вся его любовь, любовь не любовника, а скорѣе брата, счастье этой Маріи— всё его стремленія, всё его желанія. Оттѣнокъ простоты, можетъ быть даже набрасываемый на характеръ Пьеро самымъ отсутствіемъ въ немъ всякаго самостоятельнаго бытія (все его бытіе заключено въ Маріи), также не забыть Вальнеемъ, но эта простота именно простота, а не глупость, всего менѣе паясничество, и несколько не затемняетъ той прекрасной, грустной, но отрадной черты, лежащей въ основаніи характера Пьеро, и эта черта выражена Вальнеемъ и не на трагическихъ ходуляхъ, а подъ формою самой комической (но несколько не утрированной) простоты.

Чтобы оправдать наши слова объ игрѣ Вальнея въ этой роли, стоитъ только вспомнить ту минуту въ четвертомъ актѣ драмы, когда безумная Марія, въ безпамятствѣ, начинаетъ пѣть пѣсню, которою благословила ее на путь мать. Бѣдный Пьеро совсѣмъ было растерялся, не знаетъ, что дѣлать; Маріи со всѣхъ сторонъ грозитъ опасность; какъ спасти ее, спасти во что бы то ни стало, что дѣлать простаку Пьеро....

Но вотъ онъ слышитъ пѣсню Маріи, ему приходитъ мысль и онъ; какъ дитя, радуется этой мысли, онъ хватается за нее, какъ утопающій за соломенку, и раздаются звуки віолы Пьеро, и безумная Марія слѣдуютъ за этими звуками.

Повторяю, дивно хорошъ былъ Вальне въ этой сценѣ. Его безпрестанныя повторенія — Marie! Marie! такъ и звучали горемъ и преданностью. Въ нихъ не было ни крику, ни малѣйшей натянутости, а видно было какъ любить, какъ страдаетъ этотъ человекъ не за себя, а за другую.... Радость, когда посѣтила его надежда, когда въ головѣ у него блеснула мысль спасенія, все прикры-

тая тою - же комическою формою, была прекрасно постигнута и дивно выражена.

М. П. В.

Опера — «Пророкъ» Мейербера теперь ставится въ Лиссабонѣ, на Театрѣ Санъ - Карло. Сивьорина Орести займетъ роль Фидесы, а мужскую главную роль — сивьоръ Фіори. Увѣряютъ, что на обстановку этого спектакля потрачены значительныя суммы.

Новоизобрѣтенный инструментъ въ музыкальномъ искусствѣ, который теперь возбуждаетъ всеобщее вниманіе знатоковъ и любителей, называется «Каменной гармоникой» (Felsen-Harmonika). Онъ состоитъ изъ сорока камней, различной формы и величины, которые скрѣплены проволокою и при ударе ихъ палочками, издають различныя звуки. Братья Китлеры, изобрѣтатели этой гармоникки, разыгрываютъ на своемъ инструментѣ самыя трудныя пьесы. Звукъ довольно полонъ, но не очень продолжителенъ. Гармоника эта составляетъ средину между *стеклянной*, слишкомъ рѣзкой и почти невыносимой для слабыхъ нервъ, и такъ называемой *соломенной*, или *вѣрше*—*деревянной* гармоникой, которой звуки слабы и глухи. Законы устройства и игры во всѣхъ этихъ гармоникахъ одни и тѣ же. Однако-жь, не смотря на оригинальность выдумки гг. Китлеровъ, инструментъ ихъ, лишенный музыкальной полноты, не удовлетворяетъ требованіямъ искусства, какъ отдѣльный музыкальный органъ, но можетъ быть съ большимъ эффектомъ употребленъ въ оркестрѣ.

Лондонская всемірная выставка 1851 года, въ настоящее время доставляетъ матеріалы для разсужденій всѣмъ журналамъ и особенно англійскимъ. Одинъ изъ нихъ изъясняетъ даже опасеніе, что краткость времени не позволитъ многимъ фабрикантамъ и европейскимъ артистамъ - мастерамъ изготовить и пере-

слать свои произведенія, не смотря на то, что они имѣютъ право на мѣсто во всемирной выставкѣ.... Комиссія ея дѣлаетъ воззванія ко всемъ европейскимъ архитекторамъ, предлагая имъ присылать планы для предполагаемаго зданія выставки. Кроме этого, комиссія приглашаетъ господъ артистовъ и художниковъ, присылать рисунки медалей, назначенныхъ въ поощреніе за лучшія произведенія фабрикантамъ, за что выдаваемы будутъ художникамъ преміи.

Все это прекрасно, но ни одинъ журналъ не проговаривается о тайной цѣли этой выставки, а между тѣмъ Англія не любитъ бросать милліоны за окошко изъ одного только фанфаронства или для пустой потѣхи. Не состоитъ ли цѣль эта въ томъ, чтобы посредствомъ этого сравнительнаго обозрѣнія, измѣрить свои мануфактурныя силы надъ другими народами, узнавъ слабыя ихъ стороны — на слабости этой основать свои торговыя спекуляціи, увидѣвъ превосходство въ другихъ — тѣмъ отраслямъ дать у себя новое развитіе и направленіе, чтобы все-таки сохранить за собою монополію всемирной промышленности? Если выдѣлка нѣкоторыхъ произведеній у другихъ народовъ окажется выше англійской — Джонъ-Буль тотчасъ постарается удешевить ее посредствомъ своихъ машинъ и автоматической системы, въ которой съ нимъ ни одна нація въ уровень стать не можетъ. А на тѣ предметы, въ которыхъ всѣ другіе народы или нѣкоторые изъ нихъ слабѣе его, онъ тотчасъ накинетъ цѣны, зная, что соперничество невозможно, — и такимъ образомъ наверстаетъ свои убыли сторицею. Вообще эта всемирная выставка — выдумка прехитрая, которой тайный смыслъ, какъ намъ кажется, прикрывается очень искусно громкими фразами и пышными приготовленіями, чтобы обратить общее вниманіе преимущественно на внѣшность дѣла. Но съ Россією никакой замысль не удастся: она пошлетъ туда свои сырые матеріалы: пеньку, ленъ, желѣзо, произведенія сельскія — противъ которыхъ нѣтъ состязанія. Природа царства, раскинутого въ трехъ частяхъ свѣта, всегда возьметъ верхъ надъ горстью бесплодныхъ острововъ, составляющихъ туманный материкъ Альбіона.

Разоблаченный псевдонимъ. — Нескромный фельетонистъ газеты «Indépendance Belge» — открылъ на дняхъ инкогнито того, чьими карриатурами такъ привыкли восхищаться въ «Journal pour rire» и «Illustration». Онъ говоритъ, что Г. Хамъ, написавшій не такъ давно множество остроумныхъ карриатуръ на новую трагедію Ламартина «Туссенъ - Лавертуръ» — младшій сынъ Ноуа, бывшаго пера Франціи. Онъ началъ свои прекрасные труды подражаніемъ другимъ артистамъ въ томъ же родѣ, какъ и всегда начинаетъ несмѣлый талантъ. Но въ послѣдствіи, испытавъ собственныя силы и убѣдившись въ своемъ творческомъ талантѣ, Хамъ, подъ руководствомъ извѣстнаго художника Делакура, прибрѣлъ ту ловкость и искусство владѣть карандашемъ, которыми теперь постоянно восхищается вся Европа. Нельзя не замѣтить, что во всѣхъ забавныхъ сценахъ Хама зонтикъ играетъ едва-ли не главную роль — и фельетонистъ рассказываетъ поэтому случаю, что художникъ въ самомъ дѣлѣ — имѣетъ такую-же страсть къ зонтикамъ, какъ многія дамы къ мосьякамъ и боловкамъ, а мужчины къ фулярамъ и галстухамъ, покупая ихъ не иначе, какъ дюжинами.

Лондонъ лѣтомъ, въ сравненіи съ другими столицами — представляетъ поразительный контрастъ.

Лѣтомъ, почти вся Европа выѣзжаетъ на дачи, мызы, виллы, за городъ и на воды. Англичане, напротивъ, разбѣжавшіеся до того по всей вселенной, — съѣзжаются въ свой туманный Альбіонъ и въ то время, какъ у насъ въ городѣ скучаютъ, у нихъ грустятъ за городомъ. Лѣтомъ Лондонъ оживаетъ; всѣ удовольствія, отъ отчаянныхъ скачекъ, боксировокъ и пѣтушьяхъ боевъ до итальянской оперы — все въ полномъ разгарѣ.

«Итальянская Лондонская опера» въ настоящемъ году составлена изъ первоклассныхъ европейскихъ талантовъ; госпожъ: Генриетты Зонтагъ, Джуліи Гризи, Де-Мерикъ, Кастеланъ, господъ Маріо, Лаблашъ, Биллетти, Коллетти, Тамбурини, Тальяфико и другихъ. Зонтагъ поетъ на Театрѣ Ея Величества (Her Majesty's theatre), и говорятъ, что не такъ давно, здѣсь не удалась ей роль Церлины въ «Донъ-Жуанъ». Послѣ Віардо и Жевни Линдъ — трудно кому-нибудь выступить въ этой партіи. Гризи, напротивъ, имѣла необыкновенный ус-

пѣхъ на Ковентгарденскомъ театрѣ въ «Нормѣ», не смотря на опасное сравненіе съ Женни Лиядъ. За то, г-жа Зонтагъ вынесла рѣшительный триумфъ въ роли *Розины* въ «Севильскомъ Цирюльникѣ», въ которой она не имѣетъ и не можетъ имѣть соперницъ. Вставленныя ею варіаціи Роде и нашего русскаго «Соловья», заставляли ее повторять три раза. Англичане просто забыли, что они англичмены и пришли въ такой неистовый восторгъ, что даже начали кидать на сцену не только цвѣты, но и разныя драгоценныя вещи. Вообще вся эта опера была обставлена превосходно и производила фуроръ. Въ ней участвовали Лаблашъ, Кольцолари и Билетт.

ФАНИИ ЭЛЬСЛЕРЪ ВЪ МОСКВѢ.

5 Июня 1850 года.

Пишу къ вамъ подъ вліяніемъ послѣднихъ рукоплесканій, которыя раздались въ Московскомъ Театрѣ въ честь незабвенной нашей гостьи. Сейчасъ только кончилась «*Катарина*». Не ожидайте же отъ меня полной критической оцѣнки таланта Фанни Эльслеръ. Мысли мои еще не успѣли собраться въ связное цѣлое. Въ головѣ у меня еще мелькаетъ то какое-нибудь дивное движеніе этой рисующей ножки, то неожиданный поворотъ этого античнаго профиля, то какая-нибудь граціозная поза этого тѣла, какъ-будто согнаннаго изъ гармоническихъ звуковъ. И вдругъ, среди очарованія, въ которомъ держатъ меня эти обаятельныя картины, я раздражаюсь невольномъ смѣхомъ, когда мнѣ приходитъ въ голову какое-нибудь черезъ чуръ умное замѣчаніе записнаго пѣнителя, которыхъ я такъ много сейчасъ наслушался. То опять припоминаются мнѣ тѣ мѣста балета, гдѣ изъ самыхъ молчаливыхъ устъ вырывались несвязныя восклицанія невольнаго восторга и по всему театру пробѣгалъ ропотъ одобренія, это тихое, трепетное : браво, браво! которое каждый выговариваетъ робко, шопотомъ, не переводя дыханія, какъ-будто боясь разрушить

очарованіе глаза, — это истинное «браво», которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ балета заставляло забывать холодныя фразы раньше приготовленнаго восторга и сжигало собою весь хламъ равнодушія къ этому таланту.

Все это быстро смѣняется въ моемъ воображеніи и переплетается въ пеструю картину, въ фантастическіе арабески. А между тѣмъ, мнѣ хотѣлось-бы сказать вамъ, сдѣлала-ли что-нибудь Фанни Эльслеръ для нашей сцены своимъ пребываніемъ въ Москвѣ? Открыла-ли она какую-нибудь неизвѣстную намъ прежде сторону въ исполненіи балета? вызвала-ли она своими танцами какую-нибудь новую потребность въ нашей публикѣ, которая такъ охотно посѣщаетъ балеты, и почти исключительно балеты? Словомъ: сказала-ли она что нибудь новое любителямъ балета?

Московская публика была чрезвычайно строга къ Фанни Эльслеръ. Въ первое представленіе, знаменитая танцовщица была принята холодно. Ей бросили счетомъ три букета. Въ слѣдующіе спектакли громче раздавались рукоплесканія, больше букетовъ летѣло на сцену, чаще вызывали артистку: но все это не походило на тотъ восторгъ, какой, казалось, должна-бы пробудить въ Москвѣ эта прославленная танцовщица, которой въ Нью-Йоркѣ сенатъ выходилъ на встрѣчу. Словомъ: фурору не было.

Послѣ такого строгаго, холоднаго приѣма, я никакъ не рѣшаюсь высказать вамъ мои собственныя впечатлѣнія. Я боюсь, чтобы они не показались дикими. Въ самомъ дѣлѣ, Фанни Эльслеръ была по мнѣ въ «Мечтѣ художника» такъ воздушно-граціозна, въ Лизѣ («Тщетная предосторожность») такъ женственно-рѣзва, въ «Катаринѣ» такъ величаво прекрасна, что я отъ души благодарилъ ее за посѣщеніе Москвы. Но для васъ, я думаю, интереснѣе будетъ узнать впечатлѣніе, которое произвела она на массу публики, нежели мнѣніе отдѣльнаго лица. Да и для меня легче пересказывать вамъ чужія сужденія, которыя мнѣ случилось подслушать сегодня въ толпѣ, нежели самому разсуждать о балетѣ.

Вотъ, около молодаго человѣка, собрался кружокъ цѣнителей. Ораторъ — изъ числа тѣхъ, кого у васъ въ Петербургѣ назы-

вають китами. Онъ важно толкуеть своей публикѣ, что «московскіе меломаны очень сухо приняли Фанни-Эльслеръ.» Меломанами называетъ онъ, должно быть, любителей балета: но почему любителей балета называетъ онъ меломанами, этого я не могу объяснить.

— Да за что-же и принимать ее лучше? — подхватываетъ какой-то маленькій, напомаженный до блеску, франтъ съ мясными глазками: — ей далеко до Санковской*. Помните, въ «Мечтъ-Художника» — когда Санковская выходитъ изъ рамы — она по всей сценѣ идетъ какъ картина: а Фанни-Эльслеръ только два раза сдѣлала это па (при этомъ франтъ показывается, какое па сдѣлала Фанни-Эльслеръ); «а потомъ и пошла прыгать.»

— Такъ вы находите, что Санковская лучше? — вскрикиваетъ какой-то почтенный господинъ съ открытой физиономіей, которая вся развѣла отъ самодовольнаго смѣха: Э полноте! какъ это! Подите! что это! что вы! — продолжаетъ онъ, отмахиваясь рукою и удаляясь къ какой-то дамѣ.

— Что, какова Фанничка-то? — говоритъ киту юноша съ розовыми щечками, мимоходомъ пожимая ему руку и увлекая его за собою.

Китъ и юноша перебиваютъ другъ друга съ улыбками и сильными тѣлодвиженіями восторга. Напомаженный господинъ провожаетъ ихъ насмѣшливымъ взглядомъ, которой ясно говоритъ: «чѣмъ восхищаются люди!»

— Ну, что-съ? — спрашиваетъ съ многозначительной миной какой-то баринъ, бросающіеся въ глаза признаками цвѣтущаго здоровья и необыкновенно яркимъ жилетомъ, останавливаясь передъ худощавымъ господиномъ, тоже чисто одѣтымъ, но съ озабоченной физиономіей, и дружески треплетъ его по плечу.

— Да — тихо отвѣчаетъ ему озабоченная физиономія — хороша. И вѣдь не штука хороша.»

* Мѣстная знаменитость.

— Въ томъ-то и дѣло, братъ, что не штуками — подхватываетъ цвѣтущій здоровьемъ господинъ.

— Но главное то, что въ ней нѣтъ ничего, *эдакаго* — объясняетъ какимъ-то молоденькимъ дамамъ черногривый левъ съ брильянтовымъ перстнемъ на бѣлой перчаткѣ, дѣлая при словѣ: *эдакаго*, чрезвычайно презрительное движеніе губами и руками, чтобы выразить какъ можно сильнѣе свое омерзѣніе ко всему *эдакому*.

— Можетъ-быть, — съ снисходительной улыбкой отвѣчаетъ левъ: а все-таки я скажу, *qu'elle a fait son tems*, и ужъ пора-бы ей перестать танцовать.»

— Да какая женщппа-то! женщина-то какая! — говоритъ, подходя къ черногривому льву, какой-то восторженной юноша жиденькаго тѣла сложенія, въ длинныхъ, но рѣдкихъ волосахъ, и въ поэтически драпирующейся альмавивѣ....

Но не довольно-ли? Дѣлайте, какія хотите, заключенія изъ этихъ толковъ: а я кладу перо, повторяя вмѣстѣ съ китомъ, что дѣйствительно московскіе «меломаны» приняли Фанни Эльслеръ необыкновенно сухо.

По выраженію: *ele a fait son tems!* то есть, *она уже отпраздновала*, вы можете заключить о томъ, что нужно для московскихъ меломановъ, въ области искусства. П. Б—ъ.

Число жителей Калифорніи — растетъ не по днямъ, а по часамъ, число городовъ тоже. Въ послѣднемъ отношеніи городъ Санъ Франциско удивляетъ своимъ быстрымъ развитіемъ, сдѣлавшись въ теченіе самаго короткаго времени изъ жалкаго, незамѣтнаго мѣстечка, многочислѣннѣею и населеннѣею столицею, прекрасно обстроеною. — Число переселенцевъ въ Калифорнію возрасло уже почти до 150,000. Соблазнительный промыселъ ежедневно привлекаетъ новыхъ промышленниковъ, не смотря на невыгоды и горькія

разочарованія. — Болѣзни, правда свирѣпствуютъ здѣсь сильно, по причиню ихъ не климатъ, а тяжкій трудъ и излишнее употребленіе горячительныхъ напитковъ, которые составляютъ единственное развлеченіе и наслажденіе жителей, лишенныхъ всѣхъ другихъ общественныхъ удовольствій. Отсутствие женщинъ много способствуетъ развитію дурныхъ наклонностей и пороковъ. Однако-жъ умственные потребности понемногу начинаютъ уже удовлетворять. Недавно въ Санъ-Франциско сталъ выходить ежедневный англійскій журналъ «Pacific-News» и редакторъ, какъ видно разгадалъ золотonosную почву новаго міра, бросивъ въ нее свои семена во время. Они принесли ему довольно цѣнный плодъ, такъ, что онъ даже принужденъ былъ заказать въ Нью-Йоркѣ скоропечатную машину для удовлетворенія возрастающаго числа подписчиковъ.

Привѣтъ флоръ на Миниральныхъ Водахъ. Кромѣ всѣхъ заботъ, дѣловаго петербургаца, въ былое время, одна изъ лѣтнихъ заботъ мучила его болѣе флюса, насморка и жалобъ на дурную погоду. Съ послѣднимъ поклономъ своимъ хлопотамъ, своей регулярной, служебной жизни, въ субботу, закуривъ свою праздничную сигару, онъ не могъ сказать себѣ утвердительно: «Завтра я купаюсь въ удовольствіи сельской жизни!» При этомъ, казалось, сама сигара спрашивала: гдѣ и какъ?... Мы сказали *когда-то*; съ тѣхъ-поръ много воды утекло!... Какъ-же для этой натуры, точной, вѣрной и усидчивой, но прихотливой въ тѣ минуты, когда она хочетъ сказать себѣ: я наслаждаюсь! какъ-же говоримъ, для нея не тяжело было видѣть постоянную вереницу неизбѣжныхъ афишъ, приглашавшихъ слушать въ Павловскѣ одиъ и тѣ же польки да кадрили, мыкаться по тому-же самому вокзалу, или восхищаться тѣмъ-же самымъ канатнымъ штукмейстеромъ на Крестовскомъ.... Ловкій, изобрѣтательный Излеръ рѣшилъ недоумѣніе и рѣшилъ такъ, какъ просила городская натура дѣловаго человѣка. Прошлый годъ, не смотря на наше влажное лѣто, которое такъ удачно воссѣлъ П. А. Каратыгинъ, мы въ самомъ дѣлѣ могли простить природѣ ея докучливые дожди, наслаждаясь итальянски-

ми почамъ Излера, — пылъ.... Но — вашу руку.... клапанъ парохода свиснулъ въ третій разъ и меньше, чѣмъ въ полчаса, мы будемъ на Искусственныхъ Минеральныхъ Водахъ. Смотрите, сколько городскихъ эмигрантовъ, и всѣ спѣшаютъ привѣтствовать Флору затейника Излера. Мы будемъ на праздникѣ скоро. Дорога не дальняя и нескучная.... Вотъ какой-то господинъ въ очкахъ съ неподвижною физиономіею, дайте ему только докурить папиросу и бросить окурокъ въ воду, онъ непременно раскажетъ намъ исторію этого крошки-парохода; а вотъ блѣдный юноша съ черными и кольцеобразными ушками, съ лорнетомъ, повѣшеннымъ на кисть руки, онъ непременно ѣдетъ хлопать цыганамъ и хлопать пестово, потому именно, что, говорятъ, хоръ увеличенъ едва-ли не на половину.... стало быть это ново, а что ново, то просить восторга. На этотъ разъ мы не ошиблись: цыгане были преобладающимъ предметомъ интереса въ водахъ.... Многочисленное стеченіе публики, всегда внимательной къ Ивану Гунглю, выслушивало его миленькія и легкія пьески, какъ кажется, не безъ удовольствія; но вотъ странность, которую объяснить едва-ли возможно.... Охотничій оркестръ, составлявшій въ этотъ вечеръ предметъ особеннаго ожиданія и вниманія, не произвелъ того неизбежнаго восторга и эффекта, которые должны быть неизбежнымъ слѣдствіемъ новизны. Первое отдѣленіе его пьесъ прослушалось почти со вниманіемъ; второе не имѣло слушателей. Большинство публики было уже въ залѣ, въ то время, какъ онъ приступилъ къ исполненію пьесъ втораго отдѣленія.... Хорошенькая Саша, разудалый Петруша и живая Фекла такъ приковали къ себѣ вниманіе, что публика громкимъ изъявленіемъ своего нетерпѣнія требовала разгульныхъ цыганъ и ихъ пляски, такъ павно характеризующей беззаботную и бѣшеную натуру кочующаго племени. Объ оркестрѣ забыли всѣ; но въ ту минуту, когда общее вниманіе было приковано къ пурпуровой эстрадѣ залы, позади публики раздались легкіе, свѣжіе и игривые звуки оркестра.... Мгновеніе было чрезвычайно эффектное и пріятное.... Пьесу исполнялъ охотничій оркестръ. Въ самомъ дѣлѣ, минута была дивная и рѣдкая.... Всѣ какъ будто поняли свой чрезвычайно строгій приговоръ, неснисходительное невниманіе къ новизнѣ, и громкое браво и фора отвѣчали на сюрпризъ. Мы, какъ кажется, не ошибемся, если выскажемъ свое мнѣ-

ніе, что начало дачныхъ удовольствій было сдѣлано Излеромъ очень заманчиво, а помня его прошлогодня почва, — надѣмся, что не одну ночь скоротаемъ на водахъ и въ выпѣшнемъ году.

БАЛАГУРЪ.

Въ оркестрѣ, играющемъ въ Café Mogel, въ Парижѣ, на Елисейскихъ Поляхъ, участвуетъ старый учитель Паганини.

Однажды знаменитый скрипачъ встрѣтилъ стараго музыканта, странствующаго изъ города въ городъ, изъ провинціи въ провинцію, — съ восторгомъ кинулся къ нему на шею, спрашивая, чѣмъ можетъ быть ему полезенъ.

— *Sangue di me*, отвѣчалъ тотъ, отдай мнѣ назадъ хоть одинъ изъ тѣхъ уроковъ, которыя когда-то получилъ отъ меня.

— Весьма охотно; завтра я играю въ театрѣ, будь подлѣ меня.

Въ назначенный часъ старыкъ явился. Паганини превзошелъ себя. Скрипка его то пѣла, то плакала, и зала, назлектризован-

ная восторгомъ, единодушно хлопала въ ладоши. Подъ конецъ пьесы дамы бросили на сцену букеты; Паганини поднялъ цвѣты и, подавая лучшій букетъ старому своему учителю, громко сказалъ ему:

— Успѣхъ принадлежитъ вамъ; потому-что вамъ обязанъ я тѣмъ, что я есть.

Энтузіазмъ увеличился еще болѣе и аплодисманамъ казалось не будетъ конца. Но это не все. Когда Паганини поднесли 2,500 франковъ за участіе въ концертѣ, онъ подалъ ихъ старику музыканту, говоря:

— Это за тѣ уроки, за которыя я не платилъ тебѣ.

Въ 1847 году госпожа Полина Меланъ (Meulan), оспоривавшая у Сталь литературный скипетръ, и уже составившая себѣ славу романами: *les Contradictions* и *la Chapelle d'Ayton*, писала въ журналѣ *Le Publiciste* литературный отдѣлъ. Статьи ея о театрѣ, о книгахъ и правахъ имѣли въ свое время такой успѣхъ, что ихъ издавали даже отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: *Essais de littérature et de Morale*. Неожиданная и продолжительная болѣзнь заставила ее на время оставить работу; но, какъ она жила только плодами своего пера, то уже начинала чувствовать недостатокъ. Вдругъ получаетъ она письмо отъ неизвѣстнаго, который въ учтивыхъ выраженіяхъ предлагалъ ей продолжать фельетонъ подъ ея именемъ, не требуя за то никакого вознагражденія. Незвѣстный, подъ скромнымъ названіемъ «Опыта» прислалъ къ ней первую свою статью о театрѣ и модахъ. Дѣвица Меланъ пробѣжала статью. Опытъ былъ удачное и прекрасное подражаніе ея манерамъ и она приняла статью съ сердечною благодарностью къ неизвѣстному. Въ продолженіе полугода неизвѣстный сотрудникъ госпожи Меланъ прилежно наполнялъ ея фельетонъ. Наконецъ, когда Меланъ выздоровѣла и снова обратилась къ своимъ любимымъ занятіямъ, къ ней въ домъ былъ введенъ неизвѣстный, раздѣлявшій ея трудъ. Она лично поблагодарила его. Это былъ молодой человѣкъ съ серьезнымъ и добрымъ лицомъ; она увидѣла и полюбила его. Спустя пять лѣтъ послѣ того отпраздновали ихъ свадьбу.

Молодой человѣкъ, которому тогда было около двадцати лѣтъ, назывался Франсуа Гизо; впоследствии извѣстный ученый и первый министръ Людовика-Филиппа.

Простакъ-провинціалъ пріѣхалъ въ Парижъ. Нѣсколько разъ, возвращаясь ночью домой изъ разныхъ публичныхъ мѣстъ, онъ былъ останавливаемъ и обираемъ въ глухихъ закоулкахъ ворами. Наконецъ его до того запугали, что онъ уже по вечерамъ не смѣлъ носа показать на улицу. Одинъ изъ пріятелей совѣтовалъ ему брать съ собою пару пистолетовъ. «Вотъ прекрасно! отвѣчалъ онъ, не за тѣмъ-ли, чтобъ и ихъ у меня отняли?»

Покойнаго профессора Мудрова, одного изъ отличнѣйшихъ московскихъ врачей, разъ кто-то встрѣтилъ въ знакомомъ домѣ и поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы попросить у него совѣта. — «Позвольте васъ спросить, Матоей Яковлевичъ, сказалъ онъ ему: въ какое время присовѣтуете вы мнѣ лучше обѣдать?» — Коли вы, душа, богаты — отвѣчалъ Мудровъ, такъ кушайте, когда хотите; а коли бѣдны, такъ — когда можете.

Сынъ очень богатаго помѣщика возвратился съ отцомъ въ деревню, кончивъ въ столицѣ курсъ ученья и воспитанья. Одинъ изъ любопытныхъ сосѣдей спросилъ его камердинера: — «А скажи, любезнѣйшій, чему твой молодой баринъ лучше всего обучился?» — Ъздитъ верхомъ, отвѣчалъ камердинеръ. — «Отчего-же это?» — Да оттого, что лошади ему не льстили и не давали потачки.

Францискъ Баконъ, знаменитый канцлеръ Англіи, былъ до того благотворителемъ и щедръ, что когда вышелъ въ отставку, то самъ едва не умеръ съ голоду. Во время бѣдности своей онъ написалъ письмо къ королю Іакову I, прося у него пособія. «Я за тѣмъ только жилъ, чтобы учиться, такъ заключалъ онъ свое письмо, но если вы мнѣ не поможете, я принужденъ буду учиться, какъ жвть.»

Молодая красавица, жена очень богатаго человѣка, увидавъ въ галереѣ одного посланника чрезвычайно дорогую картину, знаменитаго, стариннаго живописца, умѣла уладить такъ, что посланникъ, видя ея восторгъ, не замѣдливъ прислать ей эту драгоценность въ подарокъ. — Ну, другъ мой! спросила обрадованная красавица мужа, что ты скажешь объ этомъ подаркѣ по-

слапника? — Мужъ, разсмотрѣвъ въ подробности картину, отвѣчалъ: «Да что сказать? Должно быть кто нибудь изъ насъ, или посланникъ, или я — большой простакъ!»

Англійскій король Генрихъ VIII, во время своихъ неудовольствій съ французскимъ королемъ Францискомъ I, выбралъ въ послы одного англійскаго епископа и поручилъ ему въ переговорахъ быть, какъ можно болѣе строгимъ, гордымъ, неуступчивымъ и даже, въ случаѣ нужды, пугнуть французовъ угрозою. Епископъ, очень хорошо зная выпычливый нравъ Франциска, представилъ королю, что такое поведеніе можетъ ему стоить головы. — Не бойся ничего, отвѣчалъ ему Генрихъ, если французскій король покусится на твою жизнь, такъ я велю сшибить сотню французскихъ головъ, которыя у меня въ рукахъ. — «О, я увѣренъ, ваше величество, отвѣчалъ епископъ, только я боюсь, что изъ всей этой сотни головъ, ни одна не придется къ моему туловищу.»

Одинъ алхимикъ объявилъ папѣ Льву X, что онъ открылъ философскій камень, то есть, тайну дѣлать золото, и просилъ себя за это награду. Папа послалъ къ нему большой порожній сундукъ съ надписью: «У кого есть золото, тому пріятнѣе всего имѣть для него ларецъ.»

Дока по сутяжнической части наконецъ передалъ всѣ дѣла свои сыну, посвятилъ его въ страпчіе и совѣтовалъ, какъ можно больше брать съ своихъ довѣрителей за производство ихъ дѣлъ. «Какъ, батюшка! спросилъ сынъ, по этому вы хотите, чтобы я продавалъ правосудіе?» — А то какъ-же! отвѣчалъ дѣлецъ: такую рѣдкую вещь не давать же даромъ.»

Одна молодая вѣтренница чрезвычайно удивлялась и завидовала семейному счастью своей пріятельницы. «Душечка, Вѣрочка! говорила она: скажи, пожалуйста, какъ ты дѣлаешь, что мужъ съ тобою всегда ласковъ?» — Очень просто, отвѣчала счастливая супруга: я дѣлаю все, что ему нравится, и терпѣливо переношу все, что ему не нравится.

Ученый Ботрю былъ отправленъ королемъ французскимъ въ Испанію, съ важнымъ политическимъ порученіемъ. Окончивъ дѣло, онъ пожелалъ осмотрѣть знаменитую Эскурьяльскую бібліотеку, но бібліотекаръ былъ такой невѣжда, что даже не зналъ заглавій рѣдкихъ книгъ, которыя ее составляли. «Ну что, какова моя бібліотека?» спросилъ испанскій король, когда Ботрю возвратился въ Мадридъ. — Превосходна и чрезвычайно интересна, отвѣчалъ ученый дипломатъ; но я полагаю, что бібліотекаръ вашего величества былъ-бы самымъ надежнымъ савовникомъ, если-бы вы поручили ему свою казну. — «Почему это?» спросилъ король. — Потому, возразилъ Ботрю, что онъ, кажется, никогда и не дотрогивался до сокровищъ, находящихся подъ его надзоромъ.

За дочь одного вельможи посватались два жениха, одинъ съ огромнымъ имѣніемъ, но человѣкъ пустой, другой бѣднякъ, но честный и умный малый. Вельможа выбралъ послѣдняго. — Помилуйте, что вы дѣлаете, говорили ему знакомые, вѣдь онъ голъ, какъ соколъ. — «Знаю, отвѣчалъ вельможа: но я лучше желаю имѣть зятемъ человѣка безъ души, чѣмъ души безъ человѣка.»

Одинъ изъ знаменитыхъ поэтовъ, принесъ къ своему меценату экземпляръ только что вышедшихъ своихъ стихотвореній. — «Спасибо, братецъ, сказалъ меценатъ; только напрасно трудился, я книгу не читаю.» — Такъ позвольте, по-крайней-мѣрѣ, оставить книгу у васъ въ передней, отвѣчалъ поэтъ, можетъ и найдется умный человѣкъ, что ее прочтетъ.

Нѣсколько человѣкъ утверждали, что комедія «Ревизоръ» совсемъ не Гоголево сочиненіе. «Я бы очень этого желалъ,» сказалъ одинъ любитель литературы. — Почему же? спросили его. — «Да потому, что тогда у насъ было-бы однимъ хорошимъ писателемъ больше.»

Знаменитому московскому профессору анатоміи Лодеру кто-то разъ сказалъ: Вы такъ превосходно знаете строеніе человѣческаго тѣла, что должны-бы вымечивать всѣ болѣзни. — «Это правда, отвѣчалъ Лодеръ, только, къ несчастію, мы похожи на изво-

щиковъ : они знаютъ всѣ пути и улицы, но не знаютъ, что дѣлается въ домахъ.»

Одинъ изъ нашихъ литераторовъ написалъ на своихъ шкафахъ съ книгами слѣдующее четверостишіе :

Хозяинъ друженъ съ старинной,
А въ старину умно живали
И квигой, лошадыю, женой
Друзей своихъ не одолжали.

— Отчего-жъ вы не хотите одолжать друзей своими книгами? спросилъ его знакомый, прочитавъ надпись.

— Оттого, что друзья квигъ не возвращаютъ.

— Но отчего-жъ они ихъ не возвращаютъ?

— Оттого, что гораздо легче удержать книгу, чѣмъ то, что въ ней написано.

Забавное приключеніе случилось на одной изъ лондонскихъ желѣзныхъ дорогъ. Нѣсколько молодыхъ богатыхъ лордовъ вздумали разъ прокатиться въ открытыхъ вагонахъ третьяго разряда. Директоры дороги, замѣтивъ это, разсердились на скудость богачей и нарочно помѣстили рядомъ съ ними трехъ трубочистовъ. Молодые люди притворились, что ничего не замѣчаютъ, но на ближайшей станціи взяли три билета въ вагоны перваго разряда, отдали ихъ трубочистамъ и усадили ихъ среди аристократическихъ путешественниковъ въ кареты, обитыя тонкимъ, бѣлымъ казимиромъ.

ПОПРАВКА.

Въ пятой книжкѣ «Пантеона», въ комедіи Г-на Воскресенскаго: «Странная свадьба», на страницѣ 104, послѣднюю строку слѣдуетъ читать:

Ну, въ этомъ публика ужъ съ авторомъ сочтется.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 6.

ОТСТАЛЫЕ ЛЮДИ

ИЛИ

ПРЕДРАЗСУДКИ ПРОТИВЪ НАУКИ И ИСКУССТВА.

КОМЕДИЯ—ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

П. Г. Григорьева.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графена Максимовна Черешнева, помѣщица.	<i>Г-жа Дюръ.</i>
Владиміръ Александровичъ Черешневъ, сынъ ея, кончившій курсъ въ Московскомъ Университетѣ.	<i>Г-нъ Максимовъ 1.</i>
Антонъ Петровичъ Разгуляевъ, помѣщикъ.	<i>Г-нъ Григорьевъ 1.</i>
Марья Антоновна, его дочь.	<i>Г-жа Жулева.</i>
Матрена Максимовна Перепелкина, сестра Черешневой.	<i>Г-жа Громова.</i>
Ермилъ Полякарнычъ Перепелкинъ, мужъ ея.	<i>Г-нъ Рославскій.</i>
Трифонъ Ермиловичъ, ихъ сынъ.	<i>Г-нъ Бурдинъ.</i>
Гаврило Терентьичъ Мордасовъ, братъ Черешневой.	<i>Г-нъ Мартыновъ.</i>
Тимошка, слуга.	<i>Г-нъ Фалтеевъ.</i>

Дѣйствіе въ деревнѣ Черешневой.

Театръ представляетъ комнату, хорошо убранную.

I.

АГРАФЕНА МАКСИМОВНА (*сидитъ у окошка и шьетъ*). Боже мой, Боже мой, какъ долго тянется время, когда ждешь чего - нибудь съ нетерпѣніемъ. Вотъ хоть - бы и сегодня: часы, кажется, нарочно останавливаются, для того только, что я жду къ себѣ дорогаго гостя, моего сына, моего милаго Владиміра.... Ахъ, какъ бьется сердце! Ужъ не случилось съ нимъ какого нибудь несчастія? Здоровъ ли онъ?.... (*Встаетъ*.) Господи! Услышь молитву матери, спаси его и помилуй!

II.

АГРАФЕНА МАКСИМОВНА и ТИМОШКА.

Тимошка. Барыня! Аграфена Максимовна!

Аграфена Максимовна. Что тебѣ надобно, Тимошка?

Тимошка. Да коли правду сказать, такъ мнѣ ничего не надобно; развѣ что вотъ только зимой, полшубокъ новый потребуетъся, для та, что ужъ старый - то больно понестерся; вичего не грѣтъ.

Аграфена Максимовна (*смытется*). Дуракъ! За чѣмъ - же ты пришелъ?

Тимошка. Э! матушка, Аграфена Максимовна! Вотъ ужъ я и не люблю, какъ вы дуракомъ - то бранитесь. Ну за что? Вѣдь самъ - же вы приказали мнѣ сидѣть на голубятнѣ, глядѣть на большую дорогу и какъ увижу только что ѣдетъ молодой баринъ, такъ сейчасъ - же вамъ доложить.

Аграфена Максимовна (*съ радостію*). А развѣ ты его видѣлъ? Развѣ онъ ѣдетъ?

Тимошка. Нѣту - ти, ѣхать - то еще покуда не ѣдетъ, и только что я сейчасъ догадался, ужъ коли моль барыня сказала, что пріѣдетъ, такъ стало быть и взаправду пріѣдетъ.

Аграфена Максимовна. Такъ зачѣмъ ты пришелъ сюда?

Тимошка. Какъ зачѣмъ? Фу, какіе вы, матушка барыня, стали пониче безпонятливые! — Ну, зачѣмъ и пришелъ, чтобы сказать милости вашей, что я сейчасъ догадался....

Аграфена Максимовна (*съ сердцемъ*). Да кто тебя просить догадываться? Твое дѣло сидѣть и смотрѣть.

Тимошка. Да чего смотрѣть - то, коли ничего не видать, окромя рыдвану Антона Петровича Разгуляева.

Аграфена Максимовна. Какъ! Антонъ Петровичъ ѣдетъ сюда?

Тимошка. Да еще не одинъ, а съ дочкой. Э - эхъ! Знатная барышня! Ужъ Фекла коровница красива, а она, кажись, еще глаже будетъ.

Аграфена Максимовна. Пошелъ на свое мѣсто, дуракъ!

Тимошка. Ну вотъ, опять дуракъ! А за что? Эхъ, матушка, Аграфена Максимовна, Бога вы не бонтесь!

Аграфена Максимовна. Пойдешь ты вонъ, или нѣтъ?

Тимошка. Да извѣстно, что пойду. Ужъ коли вы приказываете идти вонъ, такъ стало быть и взаправду надо идти вонъ; я объ этомъ сейчасъ догадался. *(Уходитъ.)*

—

III.

АГРАФЕНА МАКСИМОВНА, ПОТОМЪ РАЗГУЛЯЕВЪ И МАША.

Аграфена Максимовна. Милый, добрый Антонъ Петровичъ! Онъ не забылъ меня старуху, онъ помнитъ нашу старую хлѣбъ-соль и дружбу покойнаго моего мужа, онъ не гордится тѣмъ, что гораздо богаче меня и ѣдетъ вмѣстѣ съ своею дочерью, чтобы порадоваться моему счастью и встрѣтить милаго моего Володю. Ахъ! Такіе люди нынче рѣдки, не только между посторонними, да и между своими! И вотъ, хоть - бы, не далеко искать, почтенные мои родственники... Впрочемъ, Богъ съ ними! Хотятъ - пріѣдутъ, не хотятъ - не надобно; вѣдь меня отъ этого не прибудетъ, не убудетъ.

—

IV.

АГРАФЕНА МАКСИМОВНА, РАЗГУЛЯЕВЪ И МАША.

РАЗГУЛЯЕВЪ.

Здравствуй, добрая сосѣдка!

Ну, команъ ву портеву?

Что ко мнѣ такъ ѣдишь рѣдко,

Близко, кажется, живу?

(Маша подходитъ къ Черешневой, а она цѣлуетъ ее цѣсколько разъ):

Эскузаций намъ не нужно,
 Миѣ позвольте васъ обнять,
 Съ вашимъ мужемъ жили дружно
 Мы почти лѣтъ двадцать пять.
 Такъ меня вы побалуйте
 Хоть немножко, хоть слегка,
 И покрѣпче поцѣлуйте
 Прямо въ губы старика.

(Цѣлуется съ Черешневой.)

Вотъ такъ знатно! по-сосѣдски!
 Вотъ потѣшили меня!
 А ужъ фиглей - миглей свѣтскихъ,
 Я боюсь, какъ огня!
 Церемониться мнѣ съ вами,
 Нѣтъ причины никакой,
 Хоть и старъ я сталъ годами,
 Да не старъ еще душой.
 И сосѣдка постарѣла,
 Просѣдъ влѣзла въ волоса,
 Но до ней какое дѣло,
 Вы все барыня—комса!

Да, матушка, Аграфена Максимовна! мало того что комса, такъ вы еще комси - комса.

Маша. Папаша! Папаша! Что вы это?

Разгуляевъ. А что? Не прикажешь - ты мнѣ здѣсь церемониться? Убирайся!

Аграфена Максимовна. Ахъ, голубчикъ мой, Антонъ Петровичъ! Я такъ рада, что вы пріѣхали, что не забыли меня старуху.

Разгуляевъ. Забыть! Это что за оказія? Да развѣ я изъ таковыхъ, что-бы забывать старыхъ друзей? Нѣтъ, Аграфена Максимовна, ужъ на этотъ счетъ вы насъ извините: у меня старый другъ, лучше новыхъ двухъ. Ну, да что объ этомъ говорить. Въ письмѣ вашемъ я прочиталъ объ какой - то радости, что у васъ такое?

Аграфена Максимовна. Ахъ, Антонъ Петровичъ! Такая радость, такое счастье, что и сказать нельзя! Вѣдь Володя мой кончилъ курсъ въ Университетѣ и выпущенъ десятымъ классомъ.

Разгуляевъ. Какъ! кончилъ! да еще и десятымъ классомъ? Молодецъ! Вотъ ты теперь, матушка, Аграфена Максимовна, роденькѣ - то своей носъ - то и утри! Помнишь, сколько было съ вами хлопотъ, когда мы вздумали Володю отправлять въ Москву? Вѣдь они было чуть - чуть тебя не съѣли, да и меня вмѣстѣ, за то, что

я присовѣтоваль. А теперь, вотъ имъ конфетка! Володя чиновникъ! Володя десятого класса! (Маша.) Машурочка! Слышишь, Володя-то?

Маша. Слышу, папенька.

Разгуляевъ (*передразнивая Машу*). Слышу, папенька! — Видишь, вѣдь какой скромницей прикинулась! Какъ будто ей это и ничего, какъ будто и дѣла нѣтъ (*Грозитъ ей пальцемъ*). Эхъ, ты, плутовка этакая!

Маша. Да что это, папаша, вы сегодня все бранитесь? Смотрите, вѣдь я заплачу.

Разгуляевъ. Ну, ну, не смѣй, не смѣй, я не приказываю! (*Черешневой*). Да, матушка, Аграфена Максимовна, это для васъ, на старости лѣтъ, большая радость. Ну, а гдѣ же онъ теперь и что вамъ ренъ дѣлать?

Аграфена Максимовна (*беретъ со стола письмо*). Вотъ его письмо; послушайте что онъ пишетъ. (*Читаетъ*). «Милая, неопценная маменька! Эти нѣсколько строкъ я пишу передъ самымъ моимъ отъѣздомъ къ вамъ. Благодаря Бога, я съ честью окончилъ курсъ въ Университетѣ и удостоенъ чина десятого класса. Труды мои вознаграждены, всѣ желанія исполнены, остается только пожелать одного, что - бы вы, моя милая, добрая маменька, остались мною довольны и я совершенно счастливъ! Можетъ быть, нѣсколькими только часами позже этого письма я буду у ногъ вашихъ.»

Разгуляевъ (*съ восторгомъ*). Эхъ, славно пишетъ! Молодецъ каналья, молодецъ!

Маша. Папаша! Папаша! Умѣрьте ваши восторги.

Разгуляевъ. А тебѣ что за дѣло? Ты что привязываешься? Видишь, какая выскочка!

Аграфена Максимовна. Тутъ есть еще приписка: «Засвидѣтельствуйте мое нижайшее почтеніе старинному нашему другу, милому и добрѣйшему Антону Петровичу...»

Разгуляевъ. Какъ! Плутъ, Володя, и меня забылъ? Ура!

Маша. Папенька! Да вы забыли, что мы въ гостяхъ?

Разгуляевъ. Нечего, нечего, тутъ фигли - мигли - то стропить. Тебѣ, я знаю, досадно... А что, Аграфена Максимовна! въ письмѣ - то больше ничего нѣтъ?

Маша. Ахъ, Боже мой! Да чего же вы еще хотите?

Разгуляевъ (*плутовски*). То - то, я вѣдь не знаю, потому - то и спрашиваю.

Аграфена Максимовна (*смѣется*). Есть нѣсколько словъ:

«Если только Марья Антоновна не забыла товарища своего детства, такъ онъ тысячу разъ цѣлуетъ ей хорошенькія ручки».

Разгуляевъ. Что, Машурка? Что? Небойсь, глазенки то заиграли?

Маша. Съ чего вы это взяли?

Разгуляевъ. А съ того, что ты теперь такъ рада, такъ довольна. Ну, да ужъ довольно. (*Черешневой.*) Знаете ли, матушка, Аграфена Максимовна, вѣдь не проходило дня, что бы эта плутовка невсёюмишляла объ нашемъ Володѣ.

Маша. Папенька! Это вамъ не стыдно?

Разгуляевъ. Ни крошечки. (*Черешневой.*) Да, матушка, какъ только онъ прѣдетъ, такъ вы ему прямо скажите: можешь цѣловать хорошенькія ручки, сколько твоей душѣ угодно.

Аграфена Максимовна (*смыется*). Я непременно исполню ваше порученіе, а теперь покуда до прѣзда сына, сама разцѣлую милую Машеньку. (*Обнимаетъ и цѣлуетъ Машу.*)

Разгуляевъ (*Черешневой.*) Аграфена Максимовна! Вы, матушка, съ нами не церемоньтесь, коли у васъ есть какое нибудь дѣло по хозяйству, такъ хлопочите съ Богомъ, мы вѣдь и вдвоемъ не соскучимся.

Аграфена Максимовна. Правда, мнѣ нужно бы кое что приготовить, ну да еще успѣю и послѣ...

Разгуляевъ. Что тутъ за послѣ? Къ чему это послѣ? Вѣдь какой-то умный человѣкъ сказалъ же: «Не откладывай того до завтра, что можно сдѣлать сегодня.» Отправляйтесь ка, отправляйтесь!

Аграфена Максимовна. Но какъ же я оставлю такихъ дорогихъ гостей?...

Разгуляевъ. Такъ что же вы хотите, чтобы они васъ оставили, что ли? Пожалуй, мы уѣдемъ. Маша, по домамъ!

Аграфена Максимовна. Антопъ Петровичъ! Антопъ Петровичъ! Бога ты не боишься.

Разгуляевъ. Ну, такъ нечего и толковать. (*Поварачиваетъ Черешневу.*) Направо кругомъ! Маршъ на кухню!

Аграфена Максимовна (*смыется*). Этакой вѣдь проказникъ! Что ты съ нимъ сдѣлаешь? (*Уходитъ.*)

III.

ТЪ ЖЕ, КРОМЪ ЧЕРЕШНЕВОЙ.

Разгуляевъ (*смотря вслѣдъ уходящей*). Ага! Давай Богъ ноги, Вотъ такъ-то лучше, я васъ выучу порядку! (*Машь*.) А ты что губки-то надула?

Маша. Да еще бы вы тутъ, Богъ знаетъ, чего наговорили.

Разгуляевъ. А что-жъ я такое наговорилъ?... Ахъ! Да, что ты объ Володѣ-то вспоминала? Ну что за важность! Вѣдь онъ-бы это и безъ меня узналъ.

Маша. Это какимъ образомъ?

Разгуляевъ. Да вѣдь ты слышала, что онъ выпущенъ десятымъ классомъ? Стало быть человѣкъ умный, а умный человѣкъ отъ молоденькой дѣвушки чего не узнаетъ? Ты бы ему сама все рассказала.

Маша. Съ какой это стати?

Разгуляевъ. Какъ, съ какой стати? Вотъ съ какой: онъ прикинется влюбленнымъ, станетъ тебѣ напѣвать и то, и сѣ, разныя этакія турусы на колесахъ, пожалуй, скажетъ, что онъ безъ тебя жить не можетъ, что онъ застрѣлится, если ты не выйдешь за него замужъ.

Маша. Замужъ!... Не ужъ-ли онъ станетъ говорить объ этомъ?

Разгуляевъ. А ты думаешь и нѣтъ? Э-эхъ! братъ, Маша, какая-же ты глупенькая! Да, онъ непременно будетъ за тебя свататься.

Маша. Ай, страсти какія! — Папочка! Голубчикъ! что-же мнѣ тогда отвѣчать ему?

Разгуляевъ. Какъ, что?!... Да развѣ тебя въ пансіонѣ-то этому не учили? Странно! Кажется въ нашихъ пансіонахъ эта наука преподается отлично. — Непременно съѣзжу въ городъ и сдѣлаю страшный выговоръ мадамѣ. И чего она смотрѣла? За что брала деньги? Не могла выучить молоденькой дѣвушки для любовнаго объясненія! Экая старая дура!

Маша. Папаша! Вы смѣтаете, а я говорю серьезно.

Разгуляевъ. А! Серьезно? Ну, пожалуй, давай говорить серьезно. Напримѣръ, чтобы ты на это отвѣчала, когда онъ скажетъ: «Марья Антоновна! Я васъ люблю и прошу руки вашей!»

Маша (*застѣнчиво*). То-то и есть, что я не знаю.... мнѣ-бы хотѣлось знать ваше мнѣніе....

Разгуляевъ (*грозитъ ей*). Плутовка! Зачѣмъ отца обманываешь? Вѣдь ужъ ты давно отвѣтъ придумала.

Маша. Нѣтъ, папашенька, нѣтъ! (*Ласкаясь къ нему*.) Да и могу-ли я на что нибудь рѣшиться безъ вашей воли?

Разгуляевъ. О! о! о! Ну, теперь, вижу, что твое пансіонское воспитаніе не пропало, на мадамъ сердиться не за что, она изъ тебя сдѣлала такого краснаго звѣря, который обманетъ всякаго охотника.

Маша (*съ сердцемъ*). Да что же это вы, папенька? вамъ говорить дѣло, а вы все-таки шутите.

Разгуляевъ. Неужели? Ну, такъ знаешь-ли, что тебѣ надобно сдѣлать?

Маша (*скоро*). Что такое? Что такое, папенька?

Разгуляевъ. Взять меня за ухо, да потомъ и приговорить: «Не балуй дочки! Не балуй дочки! Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ!» — Право, Маша, сдѣлай это, я спасибо скажу.

Маша (*обнимаетъ его*). Папенька! миленькой! душенька! Ну, пожалуйста, ну, скажите мнѣ, что ему отвѣчать?

Разгуляевъ (*смѣется*). А тебѣ этого очень хочется?

Маша. Ужасно!

Разгуляевъ. Ну, такъ слушай-же: какъ только онъ къ тебѣ подъѣдетъ съ объясненіемъ, какъ только станетъ просить руки, ты передъ нимъ присядь, опусти глазки да и скажи: «Хорошо съ, я подумаю.»

Маша (*съ радостью*). А вы за это не разсердитесь?

Разгуляевъ (*серьозно*). Нѣтъ. Онъ кончилъ курсъ въ Университетѣ, вышелъ десятымъ классомъ, все это очень хорошо; только остался-ли онъ такимъ-же добрымъ и честнымъ малымъ; какимъ былъ?

Маша (*скоро*). Непремѣнно остался! Да еще я думаю онъ теперь сдѣлался и лучше прежняго.

Разгуляевъ. Если это правда, пожалуй, я не откажусь его назвать моимъ зятемъ, и то тогда только, когда Аграфена Максимовна на это согласна.

Маша. О! за все можно ручаться.

Разгуляевъ. А что скажутъ другіе родственники? Напримѣръ: высоко-знаменитый его дядюшка, судья и охотникъ, Гаврило Терентичъ Мордасовъ, или пресловутая тетюшка — за-сѣдательша, Матрена Максимовна Переспелкина?

Маша. Да ей-то какое дѣло?

Разгуляевъ. Какъ, какое дѣло? Она спитъ и видитъ, чтобы женить на тебѣ единственнаго своего сына Трифона Ермилыча.

Маша. Ай, страсти! Да я за него ни за что не пойду.

Разгуляевъ. Это отчего?

Маша. Помилуйте, что за радость имѣть мужемъ невѣжду, лошадиного барышника и картежнаго игрока.

Разгуляевъ. Правда, что онъ съ женщинами не очень ласковъ, съ цыганами въ большой дружбѣ, въ картишки поигрываетъ не очень чисто, но за то усы и борода у него отличныя!

Маша. Такъ ужъ кстати, папенька, вы похвалите и лошадь, на которой онъ ѣздитъ.

Разгуляевъ. Вотъ еще выдумала, стану я хвалить всякаго скота, будетъ того, что и объ одномъ заикнулся. Однако-жь, постой!... Ты ничего не слышишь? Кажется колокольчикъ.

Маша (*подбѣгаетъ къ окну*). Да, папенька, съ московской дороги своротила сюда дорожная кибитка.... Какъ жаль, что не видать, кто въ ней сидитъ.

Разгуляевъ (*подходитъ къ окну*). Ужъ не Владиміръ-ли это?

Маша. Ахъ, какъ-бы я была рада!

—

VI.

ТѢ ЖЕ П АГРАФЕНА МАКСИМОВНА И ПОТОМЪ ТИМОШКА.

Аграфена Максимовна. Вотъ я и управилась, дорогіе мои гости!... Что это вы такъ пристально смотрите въ окно?

Разгуляевъ. Да вотъ, матушка, Аграфена Максимовна, стараемся рассмотреть, что за гости въѣзжаютъ къ вамъ во дворъ.

Аграфена Максимовна. Гости! Ко мнѣ? Ужъ не сынь-ли мой? (*Подбѣгаетъ къ окну*.)

Разгуляевъ. Надобно полагать что такъ, потому что кибитка дорожная.

Аграфена Максимовна. Ахъ, какъ забилось сердце! Боже мой! Неужели это онъ?

Тимошка (*вбѣгаетъ*). Барыня! Барыня! Молодой барнищъ прѣехалъ. Я какъ только его увидалъ, такъ сейчасъ догадался, что это онъ.

АГРАФЕНА МАКСИМОВНА (*кричитъ въ окно*). СЫНЪ МОЙ! СЫНЪ МОЙ! (*Блѣснута къ дверямъ*) Владимиръ!

VII.

ТЪ ЖЕ И ВЛАДИМІРЪ.

Владимиръ (*бросается къ матери*). Матушка!

Аграфена Максимовна (*обнимаетъ и цѣлуетъ его*). Владимиръ! Душа моя! Дай мнѣ на себя паглядѣться, дай порадоваться материнскому сердцу! О! благодарю Тебя, Господи, за непославную милость! Я теперь такъ весела, такъ счастлива, что тебя вижу. (*Обнимаетъ его*) Но посмотри, Володя, какіе у насъ гости.

Владимиръ (*подходитъ къ Разгуляеву*). Боже мой! Кого я вижу? Антонъ Петровичъ! О! я теперь вдвойнѣ счастливъ.

Разгуляевъ (*обнимаетъ его*). Здорово, братъ, Володя, здорово! Ну что, какъ поживаешь? Ты, братъ, я слышалъ того, разомъ схватилъ три чипшкы? А?

Владимиръ (*обращаясь къ Машѣ*). А вы, Марья Антоновна? вы не забыли меня?

Маша (*подаетъ ему руку*). Я никогда не забываю старыхъ знакомыхъ.

Владимиръ (*цѣлуя руку Машы*). Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю!

Разгуляевъ. Не забыла, братецъ, не забыла; цѣлуй хорошенькія ручки, сколько душѣ угодно.

Маша (*отцу*). Папъшка!...

Разгуляевъ (*дочери*). Смирио! На радостяхъ, не смѣй браниться.

Аграфена Максимовна (*смотритъ на сына*). А какъ ты выросъ, Владимиръ! Какъ похорошѣлъ!

Владимиръ. Состарѣлся, милая маменька!

Разгуляевъ. Ну, а насъ, братецъ, какъ ты насъ находишь? А?

Владимиръ. Вы неможно поздѣли, Антонъ Петровичъ.

Разгуляевъ. Будто бы? Да это, братецъ, ничего, я еще жеваться собираюсь. Вѣдь знаешь поеловицу: «Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.» Ну, да ладно, объ этомъ потолкуемъ послѣ. А эта штука, какъ тебѣ кажется? Что ты объ ней скажешь? (*Показываетъ на Машу*.)

Миша. Папаша! Да вы перестанете шутить, или нѣтъ?

Разгуляевъ. Ни за что не перестану, покуда не скажетъ.

Владимиръ. Объ Марьѣ Антоновнѣ можно сказать только одно: онѣ сдѣлались еще прекраснѣе, нежели были.

Разгуляевъ (*Тихо Мишѣ*). Подъѣзжаетъ, подъѣзжаетъ, на са-
лазкахъ подъѣзжаетъ, держи ухо востро!

Миша (*посмотрѣвъ на него пристально*). Папенька!

VIII.

ТѢ ЖЕ И ТИМОШКА.

Тимошка. Ну, матушка-барыня, сегодня у насъ гостей со
всѣхъ волостей; вѣдь еще пріѣхали.

Аграфена Максимовна. Кто?

Тимошка. Извѣстное дѣло кто: сестрица ваша, Матрена Мак-
симовна. Какъ она только стала выѣзжать изъ своей колымаги,
такъ я сейчасъ и догадался, что она.

Разгуляевъ (*слышется*). О! да ты братъ, Тимошка, я вижу,
малый предогадливый.

Тимошка. Извѣстное дѣло съ, батюшка, Антоновъ Петровичъ,
ужь меня на кривой не объѣдешь, я сейчасъ догадаюсь....

Аграфена Максимовна (*перебивая*). Что тебѣ надобно выд-
ти вонъ.

Тимошка. Эвоя! Ай-да, барыня! Ужь будто я этого и не
знаю? Э-эхъ! Господа, господа, обижаете вы только Тимошку,
Богъ съ вами!

Владимиръ (*Тимошкѣ*). Однако-жъ, вѣдь тебѣ сказано, чтобы
ты шелъ вонъ? Убирайся!

Тимошка (*всторону*). Ишь ты какъ покрикиваетъ! Думаетъ,
что я какой нибудь войлокъ; нѣтъ, я сейчасъ догадался, что у
него привычка-то маленькина. (*Уходитъ*.)

Разгуляевъ (*Владимиру*). Ну, братъ, Володя, теперь только
держись: тетушка пріѣхала, а она шутить не любить; у нея,
братъ, каждое лыко въ строку.

Владимиръ. Не беспокойтесь, Антоновъ Петровичъ, къ характе-
ру тетеньки я ужь давно привыкъ. (*Матери*.) Скажите, малень-
ка, неужели ваши родные и до сихъ поръ сердятся на васъ за
то, что вы меня отравили въ Университетъ?

Аграфена Максимовна. Да, мой другъ, они мнѣ этого простить не могутъ.

Разгуляевъ. Да таки и прощать не слѣдуетъ. Видишь, вы выдумали какую штуку, учить сына! за чѣмъ это? Вѣдь онъ помѣшкь?

Владимиръ (*пожимая плечами*). Странный народъ!

Аграфена Максимовна. Что дѣлать, мой другъ, ихъ не передѣлаешь. Только прошу тебя, Владимиръ, будь поласковѣе съ теткою и поздоровайся, какъ слѣдуетъ доброму племяннику.

Владимиръ. Вы меня обижаете, маменька, если думаете, что я не знаю своихъ обязанностей.

Разгуляевъ. Тсъ! Тише, комета плыветъ и хвостъ за нею.

IX.

ТЪ ЖЕ, Г-ЖА ПЕРЕПЕЛКЕНА И ПЕРЕПЕЛКИНЪ.

Аграфена Максимовна (*идетъ къ нимъ на встрѣчу*). Сестрица!

Г-жа Перепелкина. Здравствуй, здравствуй, сестра! Ну, ужъ какія у васъ дороги, ужаси! Такъ растрясло, такъ разстрясло, что я и сказать не умѣю.

Разгуляевъ (*всторону*). Бѣдняжка! Всѣ кости вытрясло, одно мясо только и осталось.

Аграфена Максимовна (*сестрѣ*). Мы такъ давно не впадались, ты совсѣмъ забыла меня, сестрица.

Г-жа Перепелкина. Ахъ, мать моя! Да развѣ у меня только и дѣла, что къ тебѣ ѣздить? Слава Богу, хозяйствомъ живу, своихъ хлопотъ-то не оберешься. Ужъ и то добрые люди удивляются, какъ еще меня на все хватаетъ. Вошь у меня золотото, ни о чемъ не позаботится.

Перепелкинъ. Да, я ни о чемъ не позабочусь — въ этомъ долженъ отдать себѣ полную справедливость.

Г-жа Перепелкина. Если бы не вчерашняя твоя записка, такъ я бы и сегодня не пріѣхала. (*Оглядывается*.) Однакожъ у тебя гости, а я и не вижу. (*Разгуляеву*) Здравствуйте, Антонъ Петровичъ! (*Увидя Машу*.) А! и Машенька здѣсь? Здравствуйте, моя душенька. (*Толкаетъ мужа*.) Чтожъ ты не здороваешься?

Перепелкинъ (*подходитъ къ Разгуляеву*). Здравствуйте, моя душенька.

Разгуляевъ (всторону). Вотъ-те чортъ, какой амурчикъ нашелся! (Перепелкину.) Здравствуйте, здравствуйте, почтеннѣйшій Ермилъ Поликарпычъ! Какъ поживаете?

Г-жа Перепелкина. Ахъ, батюшка, что ему дѣлается? Только и работы, что ѣсть да спать, а дѣла не дѣлаются.

Перепелкинъ. Да съ, я дѣла не дѣлаю, въ этомъ долженъ отдать себѣ полную справедливость.

Г-жа Перепелкина (Аграфенъ Максимовнѣ). Ну, сестра! Говори-же поскорѣе, за чѣмъ это ты звала меня къ себѣ и для чего мы повадобились?

Аграфена Максимовна. Я была увѣрена, что ты, какъ сестра, не откажешься раздѣлить мою радость. Сынъ мой прѣхалъ сюда изъ Москвы.

Г-жа Перепелкина. Только-то? Было изъ чего хлопотать! (Не хотя). Гдѣ же онъ?

Аграфена Максимовна. Владиміръ!

Владиміръ (отходитъ отъ окна, у котораго онъ стоялъ все это время и подходитъ къ теткѣ.) Здравствуйте, милая тетенька и вы, добрый дядюшка.

Г-жа Перепелкина. Здравствуй, молодець. Ну что, вышелъ изъ ученья? То-то, я думаю, разуму-то привезъ къ намъ съ три короба, чай такъ прямо и мѣтишь въ комедіяты.

Владиміръ. За что-же вы меня обижаете, тетенька, чѣмъ я заслужилъ подобныя насмѣшки?

Г-жа Перепелкина. А тѣмъ, сударь, что не послушался родныхъ, да поѣхалъ учиться всякимъ пустякамъ; прилично-ли это для помѣщика? У меня ни мужъ, ни сынъ ничему не учились, да живутъ-же себѣ, слава тебѣ Господи!

Перепелкинъ. Да, я ничему не учился. И въ этомъ долженъ себѣ отдать полную справедливость.

Г-жа Перепелкина. А посмотри-ко на моего Тришу, онъ, мой голубчикъ, такъ уменъ, такъ уменъ, что вашему брату ученому и во снѣ не приснится быть такимъ умницей. (Разгуляеву.) Не правда-ли, Антонъ Петровичъ?

Разгуляевъ. Совершенная правда-съ. (Тихо Владиміру.) Собакъ гонять мастеръ удивительный!

Г-жа Перепелкина. Ну, вотъ ты видишь, что я не лгу, не безъ причины хвалю его, моего голубчика. Если бы ты зналъ, какой онъ знатокъ въ лошадахъ — удивленье! Вѣдь ужъ цыгане продувной народъ, мошенники, а онъ и ихъ обманываетъ.

Владиміръ. Я очень радъ за моего братца, что у него безъ труда и такъ быстро развернулись умственные способности. Что-

же касается до меня, такъ я долженъ былъ преодолѣть большія препятствія, чтобы приобрести кой-какія познанія въ наукахъ.

Г-жа Перепелкина. Вотъ то-то же и есть, а кто виноватъ? Все самъ виноватъ. Здѣсь сударь, науками никого не удивить, здѣсь не нужно намъ вашей заморщины.

Владимиръ. Послушайте, тетенька: я и не думалъ никого удивлять науками, и если чему нибудь учился, такъ учился собственно по призванію. Но оставимъ этотъ разговоръ. Скажите мнѣ: гдѣ же мой братъ? Я-бы очень хотѣлъ видѣть его.

Г-жа Перепелкина. Опъ объѣзжаетъ теперь новаго своего жеребца, котораго недавно вымѣнялъ. Вообразите себѣ, Антонъ Петровичъ, у него были три лошади и всѣ съ холерой...

Разгуляевъ. Какъ, сударыня, съ холерой? Развѣ съ коле-ромъ?

Г-жа Перепелкина. Ну, ужъ я тамъ по вашему не знаю какъ. Представьте-же себѣ, вѣдь всѣхъ промѣнялъ на здоровыхъ, да еще и придачи взялъ триста рублей. Каковъ?

Разгуляевъ. А! Это удивительно!

Г-жа Перепелкина. Ужъ какъ мы смѣялись на это съ Анной Луквиной... Сестра! Ты вѣдь знаешь Анну Луквишну?

Аграфена Максимовна. Нѣтъ, сестрица, я не знаю.

Г-жа Перепелкина. Помпуй! Какъ не знаешь? Знаешь, Анна Луквишна Криводѣлова, петербургская, у ней еще тамъ на Обуховскомъ Проспектѣ большой каменный домъ; мужъ былъ тоже очень хорошій человекъ, служилъ управляющимъ въ какой-то конторѣ, да несчастіе случилось, въ третьемъ году подъ судъ попался и его, бѣдняжечку, въ Сибирь сослали.

Разгуляевъ. Экъ его куда дернули! Видно хорошіе-то люди тамъ и нужны.

Г-жа Перепелкина. Что дѣлать, батюшка, тутъ смѣяться нечему, грѣхъ да бѣда на кого не живутъ, на службѣ не обережешься. (Показывая на мужа.) Вонъ у меня золото-то, вѣдь ужъ кажется, чего хуже, взглянуть не на что, а и то вотъ ужъ пятый годъ подъ судомъ.

Перепелкинъ. Да-съ, я пятый годъ подъ судомъ, и въ этомъ долженъ отдать себѣ полную справедливость.

Разгуляевъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ? Да какъ-же это васъ угораздило?

Перепелкинъ. Не знаю-съ. Видите-ли: Матрена Максимовна дали мнѣ подписать какую-то бумагу, я подписалъ, а черезъ недѣлю меня и отъ должности отставили, и подъ судъ отдали.

Г-жа Перепелкина. Что ты за околесицу несешь? Какую бумагу? Ужъ говорилъ бы прямо, что губернаторъ напалъ.

Перепелкинъ. Истинно, губернаторъ напалъ, въ этомъ я долженъ отдать ему полную справедливость.

Г-жа Перепелкина. Однако жъ, послушай, сестра! Соловьевъ баснями не кормить, не худо бы и позавтракать.

Аграфена Максимовна. Зачѣмъ же дѣло стало? У меня ужъ все приготовлено, милости просимъ въ столовую.

Разгуляевъ. Въ столовую?... Ахъ, какъ это пріятно! (*Беретъ подъ руку Владимира*). Пойдемъ ко, братъ Володя, ты, я думаю, съ дороги - то очень проголодался?

Владимиръ. Извините меня, Антонъ Петровичъ, я никогда не завтракаю.

Разгуляевъ. Что! Не завтракаешь? Ахъ ты душегубецъ! Да что жъ ты, въ цвѣтъ лѣтъ хочешь погибнуть голодною смертию, что ли?

Владимиръ. Что жъ дѣлать, если сначала не сдѣлалъ привычки.

Разгуляевъ. Ну, ужъ братъ, извини, а это, воля твоя, глупо. Я вонъ и Машу браню за то, что она никогда не завтракаетъ. (*Обращаясь къ Перепелкину*.) Ермиль Поликарпычъ, а вы какъ: тоже не завтракаете?

Г-жа Перепелкина. Ахъ, батюшка! Съ какой это стати? Да что мы за формазоны, чтобы пренебрегать хлѣбомъ да солью. Нѣтъ, мой Ермиль не изъ ученыхъ, онъ въ деньто разъ шесть поѣсть.

Перепелкинъ. Да съ, я не изъ ученыхъ, въ день - то разъ шесть поѣмъ, ужъ въ этомъ долженъ отдать себѣ полную справедливость. (*Хотятъ идти*.)

Разгуляевъ. О? Такъ по рукамъ, любезный товарищъ! Я и самъ ничему не учился, а за столомъ — великій мастеръ! Ну, барыни! показывайте дорогу. А молодежь пускай голодаетъ. (*По-даетъ руку г-нѣ Черешневой*.)

Аграфена Максимовна. Проказникъ, Антонъ Петровичъ (*Сестры*.) Сестрица, пойдемъ.

Г-жа Перепелкина (*мушу, тихо*). Ступай въ конюшню и посмотри, накормили ли лошадей.

Перепелкинъ. Какъ же, мамочка, въ конюшню? Вѣдь звали въ столовую....

Г-жа Перепелкина (*Щиплетъ его*). Въ конюшню! говорятъ тебѣ, въ конюшню! (*Уходитъ*.)

Перепелкинъ. Вотъ ужъ я этого и не люблю. Зачѣмъ въ ко-

нюшно? Я вѣдь знаю, что въ столовой гораздо лучше копиюши; ужъ въ этомъ должно отдать ей полную справедливость. (*Уходитъ.*)

X.

МАША и ВЛАДИМИРЪ.

Маша (*смѣется*). Бѣдвенькій! Какъ онъ мнѣ жалокъ! (*Владимиру.*) Мнѣ кажется, Владимиръ Александрычъ, что тетюшка ваша лошадей любитъ гораздо больше своего мужа?

Владимиръ (*смѣется*). Да, скотолюбіе въ ней врожденная страсть.

Маша. Что если-бы вамъ попалась такая жена? Что бы вы стали дѣлать?

Владимиръ. Сохрани Боже! Впрочемъ, этого никогда быть не можетъ.

Маша. Это почему?

Владимиръ. Потому что прежде, нежели жепюсь, я употреблю всѣ средства, чтобы узнать характеръ будущей моей жены.

Маша. Да она васъ обманеть.

Владимиръ. Никогда!

Маша. О! Да какой-же вы самонадѣянный!

Владимиръ. Я имѣю на это причины.

Маша. Можно узнать — какія?

Владимиръ. Во-первыхъ: я не жепюсь иначе, какъ на той дѣвушкѣ, которую люблю и которая-бы меня любила.

Маша. А ужъ вы развѣ любите?

Владимиръ (*съ жаромъ*). Люблю сильно, пламенно, страстно!

Маша. А она васъ?

Владимиръ. Этого я еще не знаю.

Маша. Такъ за чѣмъ же вы у ней не спросите? Спросите, пожалуйста, и потомъ непременно скажите мнѣ, что она вамъ будетъ отвѣчать. Скажете?

Владимиръ. Я готовъ это сдѣлать сію-же минуту.

Маша. А развѣ она гдѣ нибудь близко?

Владимиръ. Какъ нельзя быть ближе.

Маша. Ахъ, такъ ступайте-же къ ней.

Владимиръ. Не зачѣмъ, она здѣсь.

Маша. Здѣсь! Гдѣ же?

Владимиръ (*показывая на нее*). Вотъ она!

Маша. Какъ! Я?...

Владимиръ. Да, Марья Антоновна, вы! Вы однѣ завладѣли моимъ сердцемъ, вамъ однимъ принадлежитъ вся жизнь моя!

Маша (*съ стороны*). Папенька говорилъ правду, вотъ ужъ онъ и началъ объясненіе.

Владимиръ. Скажите мнѣ одно слово: заслужилъ ли я сколько нибудь ваше вниманіе, могу ли я надѣяться?...

Маша (*въ сторону*). Ну вотъ, что тутъ станешь дѣлать?

Владимиръ. Одно слово, умоляю васъ, одно слово! Да, или нѣтъ?

Маша (*въ сторону*). Презатруднительное положеніе!... Ну, да я сдѣлаю такъ, какъ папенька приказалъ.

Владимиръ. Вы молчите, вы не хотите отвѣчать мнѣ?

Маша. Ахъ, Боже мой, да что же вамъ угодно?

Владимиръ (*горячо*). Вашей любви! Вашей руки!

Маша (*присѣдаетъ*). Хорошо - съ, я подумаю....

Владимиръ. О, нѣтъ! ради Бога, кончите однимъ разомъ!

Маша. Ахъ, какіе эти мужичины безотвязные, такъ это ужасъ! Ну что же вы хотите? Вѣдь вы знаете, что у меня есть папенька и я сама не знаю еще, что онъ скажетъ.

Владимиръ. Но мнѣ хотѣлось знать, что говоритъ ваше сердце?

Маша (*застѣнчиво*). Да вѣдь ужъ оно давеча сказало, что никогда не забываетъ старыхъ знакомыхъ.

Владимиръ (*съ восторгомъ цѣлуетъ ея руку*). О! теперь нѣтъ человѣка въ мірѣ счастливѣе меня! И если - бы не одно обстоятельство....

Маша (*съ испугомъ*). Ахъ, Боже мой! Что такое?

Владимиръ. Да! Я долженъ вамъ все сказать. Можетъ быть, черезъ эту откровенность я потеряю ваше расположеніе, можетъ быть, получу отказъ отъ вашего батюшки, но я долженъ вамъ все сказать.

Маша. Не пугайте меня, ради Бога, говорите, что такое?

Владимиръ. Если вы и вашъ батюшка имѣете предрасудки, которымъ подвержена многіе изъ нашего дворянства, которые, по несчастію сильно укоренились во всѣхъ моихъ родственникахъ, тогда мнѣ нѣтъ никакой надежды на счастье!

Маша. Да о чемъ вы говорите? Я васъ рѣшительно не понимаю.

Владимиръ. Знаете-ли вы, кто я? Знаете-ли настоящее мое званіе?

Маша (*смѣется*). Вотъ это очень мило! Да какъ - же не знать: вы помѣщикъ, дворянинъ, воспитывались въ Университетѣ, вотъ вамъ и все.

Владимиръ. А чѣмъ я выпущенъ изъ этого Университета?— Я не говорю вамъ о томъ званіи, которое получилъ отъ моихъ родителей, но боюсь за то, которое я получилъ трудомъ и наукою; которое сдѣлалось моею собственностію, котораго ни судьба, ни обстоятельства не могутъ лишить меня; которое... которое я люблю — почти наравнѣ съ вами!

Маша (*смѣется*). Вотъ ужъ это совсѣмъ не любезно: меня-то бы, кажется, можно любить немножко побольше. — Однако-жъ, скажите пожалуйста, кто - же вы?

Владимиръ (*въ неръшимости*). Вѣдь я докторъ, Марья Антошна.

Маша. Докторъ!.. Ну такъ что - жъ въ этомъ дурнаго?

Владимиръ. Какъ! вы не отвергаете человѣка, посвятившаго себя этому занятію? Вы не пренебрегаете его наукою? Вы не даете ему унизительныхъ названій и не отталкиваете отъ себя съ презрѣніемъ? Вы позволяете ему просить руки вашей?

Маша. Ахъ, Боже мой, да кто - же вамъ мѣшаетъ. Я никогда и не думала, что непременно надобно выдти замужъ за вице-губернатора или губернскаго предводителя.

Владимиръ (*съ восторгомъ цѣлуетъ ея руку*). О! вы мнѣ жизнь возвращаете! Маменька меня вѣрно проститъ, хоть я четыре года скрывалъ отъ нея, что нахожусь въ медицинскомъ факультетѣ, а не въ юридическомъ. Что касается до прочихъ моихъ родственниковъ, такъ я объ нихъ вовсе не забочусь. Эти несчастные, взросшіе въ невѣжествѣ и предразсудкахъ, не въ состояніи оцѣнить полезныхъ трудовъ. Но кто меня беспокоитъ больше всѣхъ, такъ это вашъ батюшка...

Маша. Нѣтъ, вѣтъ, ничего; объ этомъ не беспокойтесь, вѣдь у меня папаша добрый, притомъ - же онъ васъ любитъ, да еще и я его попрошу хорошенько.

Владимиръ. О! будьте моей защитницей.

Маша. Зачѣмъ - же? Я лучше буду вашимъ стряпчимъ, а послѣ...

Владимиръ. А послѣ моею женою?

Маша. Ну разумѣется, если папенька позволитъ.

Владимиръ (*бросается передъ нею на колѣна и цѣлуетъ руки*).

Милая! Добрая Машенька! (За кулисами слышенъ шумъ и удары аранника).

Маша. Кто - то пріѣхалъ, встаньте, ради Бога. (Подбѣгаетъ къ окну.)

Владиміръ (подходя тоже къ окну). А! Это мой почтенный дядюшка и съ нимъ цѣлая стая собакъ. Вотъ человѣкъ, который ни шагу не сдѣлаетъ безъ этихъ товарищей.

ХІ.

ТѢ ЖЕ, АГРАФЕНА МАКСИМОВНА, Г-ЖА ПЕРЕПЕЛКИНА и потомъ МОРДАСОВЪ и ПЕРЕПЕЛКИНЪ. (Всѣ входятъ въ одно время).

Г-жа Перепелкина. Ну, вотъ видишь, сестра, вѣдь я тебѣ говорила, что ужъ если мой Триша чего нибудь захочетъ, такъ непременно сдѣлаетъ. Вотъ братъ - то, сколько времени у тебя не былъ, сколько времени сердился, а кто уговорилъ его пріѣхать сюда? Мой Триша!

Аграфена Максимовна. Я чрезвычайно благодарна племяннику за эту услугу, хоть и не знаю, за что братецъ такъ долго на меня сердился.

Г-жа Перепелкина. Ну, ужъ этого ты не говори, ты кругомъ виновата.

Аграфена Максимовна. Да чѣмъ-же?

Г-жа Перепелкина. А для чего ты насъ не послушалась и отправила сына въ Университетъ? Что изъ него вышло? Фанфарониска какой - то?

Аграфена Максимовна. За чѣмъ-же такъ обижать, сестрица? И почему ты такъ скоро могла узнать характеръ моего Владимира?

Г-жа Перепелкина. И, мать моя! видна птица по полету! Вотъ ужъ какъ мой Триша умница — такъ умница и есть.

Аграфена Максимовна. Что дѣлать, сестрица, не всѣмъ-же такое ечастье.

Мордасовъ (входитъ съ Перепелкинымъ). Ей, ей, честное слово, здѣсь, здѣсь-таки, почитай у самой околицы и поддѣлъ его. — (Черешневой.) Здорово, сестрица! Что, я думаю ты удивляешься, что я пріѣхалъ? Да и не пріѣхалъ - бы, не безпокойся, если бы не было одного дѣльца. Сейчасъ тебѣ скажу. (Увидя г-жу Пере-

пелкину.) А, сестрица! какъ поживаешь? Твой Трифонъ выпросилъ у меня покататься гнѣдаго жеребца и сейчасъ, я думаю, прѣдетъ сюда. Ахъ, сестра, сестра, какой жеребецъ-то — огонь! (Перепелкину.) Ну, такъ вотъ, сударь ты мой, только что я выѣхалъ изъ дому, какъ откуда ни возьмись баба, да и перешла мнѣ дорогу. Ей, ей, правда! Я посмотрѣлъ на моихъ собакъ да и думаю: ну, ужъ тутъ толку не будетъ. — (Машь.) А! Здравствуйте, Марья Антовна! А гдѣ-же вашъ батюшка? (Перепелкину.) Такъ слушай-же: крѣпко я задумался объ этой бабѣ, все мнѣ тутъ пришло въ голову: и колдунья-то она, и мужъ-то у нее пьяница, и рожа-то у ней ряба какъ рѣшето, ну да словомъ сказать, всякая дрянь пришла въ голову. Вотъ, сударь ты мой, такимъ-то манеромъ побытомъ, я и ѣду въ большихъ горяхъ; да только что поровнялся съ околицей — глядь, а изъ за стога сѣна и выскочилъ сѣрый, да и давай улепетывать, а мои голубчики, мои соколики, родные мои собаченьки возрились — да за нимъ! Я имъ вслѣдъ-то кричу: Ого-го-го-го! Ату его! Ату! Ату! Ату его! Что-жъ ты думаешь? Не прошло минуты и сѣраго затравили. Вотъ, ей ей, честное слово, правда. (Обращаясь къ Черешневой.) Эхъ, сестра, сестра! сколько у тебя тутъ зайцевъ, а ты не охотишься! Стыдно!

Аграфена Максимовна. Я очень рада, братецъ, что въ моемъ помѣстьи ты могъ получить хоть какое нибудь удовольствіе. Я ужъ думала, что ты совсѣмъ на меня разсердился.

Мордасовъ. Да я таки не мириться и прѣхалъ — а браниться.

Аграфена Максимовна. Браниться! За что-же, братецъ?

Мордасовъ (показывая на Владимира). Вотъ за этого молодца, который теперь стоитъ, какъ столбъ, и не смѣетъ даже поздороваться съ дядею, потому что осрамилъ всю нашу фамилію.

Аграфена Максимовна. Какъ! Владиміръ осрамилъ фамилію?

Владиміръ. Дядюшка! Что это значить?

Мордасовъ. А то, сударь.... Сестра! Вели зайца приготовить къ обѣду.

Аграфена Максимовна. Богъ съ нимъ, съ вашимъ зайцомъ. Но что-жъ такое сдѣлалъ мой сынъ?

Мордасовъ. Я тебѣ говорилъ, что не нужно отправлять его въ Москву, и не нужно. Такъ нѣтъ, вѣдь ты захотѣла сынка потѣшить и потѣшила, вотъ теперь на него и любуйся. Это ужъ всегда такъ бываетъ: кто какъ себѣ постелеть, такъ и выспиться. Ей ей, правда!

Аграфена Максимовна. Братецъ! ради Бога, не говори со мною загадками, неужели тебѣ пріятно меня мучить?

Г-жа Перепелкина. Слава Богу, что я моего Тришу никуда не посылала! Видишь, сестра, вѣдь и я тебѣ говорила, что отъ этой побѣдки добра не будетъ.

Владиміръ. Дядюшка! Вы огорчаете маменьку, оскорбляете меня и заставляете другихъ думать, Богъ знаетъ что. Скажите-же прямо: что я такое сдѣлалъ и чѣмъ осрамилъ нашу фамилію?

Мордасовъ (*прислушиваясь*). Постой!... Кажется это мой Нарцисъ воетъ? Что съ нимъ, съ голубчикомъ, сдѣлалось? (*Бѣжитъ*.) Я сейчасъ буду. (*Уходитъ*.)

Аграфена Максимовна. Владиміръ! сынъ мой! Скажи мнѣ откровенно, не сдѣлалъ ли ты чего дурнаго?

Владиміръ. Нѣтъ, милая маменька! Я не могу себя упрекнуть ни въ чемъ предосудительномъ, и даже не могу постичь, откуда могли дойти дурные слухи до дядюшки.

Г-жа Перепелкина. Ну, да ужъ извини, племянничекъ, вѣдь ужъ не изъ земли - же и онъ ихъ выкопалъ. (*Черешневой*.) Охъ! Груша, Груша! худо ты сдѣлала, что такъ его избаловала.

Аграфена Максимовна. Сестра! Побойся Бога, вспомни, что у тебя у самой есть сынъ...

Г-жа Перепелкина. Да мой сынъ совѣмъ другое дѣло. Мой Триша имѣетъ амбицію, онъ помнитъ, что онъ не мужикъ какой вибудь, а дворяннвъ, да еще и столбовой дворяннвъ!

Владиміръ. Почему же вы думаете, тетущка, что я забылъ свое дворянство?

Мордасовъ (*входитъ быстро и слышитъ послѣднія слова*). Забылъ! И это я тебѣ сейчасъ докажу. Говори мнѣ, да, говори безоблыжно: знаешь ли ты Четверкина, который тоже учился въ Университетѣ? Эхъ, славный малый! — (*Перепелкину*.) Представь себѣ, зять, на лету во ста шагахъ убиваетъ утокъ. Какъ тебѣ это покажется?

Перепелкинъ. А что - жъ такое? Мнѣ этого никогда не сдѣлать, ужъ я долженъ отдать себѣ полную справедливость.

Мордасовъ. Мастеръ, собака! Опять, какъ онъ играетъ въ проферансъ, ну такъ это чортъ знаетъ, что такое! Послѣ второй сдачи онъ, бестія, знаетъ у кого какія карты.

Владиміръ. Дядюшка, вы отдалились отъ цѣли, что-же этотъ Четверкинъ?

Мордасовъ. А то, что.... Да съ какой стати ты меня спрашиваешь? Я, сударь, долженъ тебя спрашивать, а не ты меня.

АГРАФЕНА МАКСИМОВНА. Братецъ! Не мучь меня, выведи изъ недоумѣнїя.

МОРДАСОВЪ. Хорошо, сестра, хорошо; только вѣдь не на радость ты выйдешь изъ недоумѣнїя, ей ей, не на радость. (*Обращаясь къ Владиміру.*) Ну - съ, ты знаешь Четверкина?

ВЛАДИМІРЪ. По несчастію, знаю.

МОРДАСОВЪ. Именно по несчастію, потому что онъ-то и разсказалъ мнѣ всѣ твои штуки. Я встрѣтился съ нимъ третьяго дня на охотѣ, затащилъ его къ себѣ, да тутъ - то и разузналъ всю подноготную.

ВЛАДИМІРЪ. Наконецъ, что же такое вы узнали, дядюшка?

МОРДАСОВЪ. А я, сударь, узналъ, что ты.... Да чѣтъ; языкъ не поворотится, чтобы выговорить, что ты такое!

АГРАФЕНА МАКСИМОВНА. Братецъ, прошу тебя....

МОРДАСОВЪ. Не проси, сестра, не проси; я тебя естерегалъ, я тебѣ говорилъ, такъ ты не хотѣла меня слушать, а онъ....

АГРАФЕНА МАКСИМОВНА. Что же такое онъ?

МОРДАСОВЪ. Что онъ? — Докторъ, людоморъ, фельдшеръ, цирюльникъ! Вотъ, ей, ей, правда. Радуйся, сестрица, радуйся! (*Начинаетъ прохаживаться большими шагами.*)

ВЛАДИМІРЪ (*съ улыбкою Машь*). Видите ли, какихъ хлопотъ надѣлала моя медицина.

МАША (*тихо Владиміру*). Дядюшка вашъ сумасшедшій.

АГРАФЕНА (*Владиміру съ упрекомъ*). Владиміръ! Другъ мой! За чѣмъ ты меня обманывалъ?

ВЛАДИМІРЪ. Успокойтесь, милая маменька!

Г-жа ПЕРЕПЕЛКИНА. Ахъ, батюшки-свѣты! Да неужели это правда?... Спасибо тебѣ, племянничекъ, спасибо; покрылъ ты наши головы стыдомъ да страмомъ на всю губернію. И онъ-же еще просить успокоиться. Ахъ, безсовѣтнѣй, безсовѣтнѣй!

МОРДАСОВЪ (*прохаживаясь большими шагами*). Человѣкъ, который со временемъ могъ-бы сдѣлаться судьей или уѣзднымъ предводителемъ, и наконецъ дѣлается чѣмъ-же? — Цирюльникомъ!

ВЛАДИМІРЪ. Позвольте вамъ сказать, любезный дядюшка....

МОРДАСОВЪ. Тсъ! Не называй меня любезнымъ дядюшкой, я не хочу имѣть племянникомъ зубодера и мои ворота для тебя всегда закрыты! А если ты вздумаешь когда-нибудь явиться, такъ я спущу собакъ и закричу имъ: Ого-го-го-го-го! Ату его! Ату! Ату! Ату-у!

Г-жа ПЕРЕПЕЛКИНА. Да ужъ и ко мнѣ, не милости просимъ,

тоже, ужь пожалуйста, тетенькой называть не извольте, да ужь и Тришу моего избавьте отъ своего братства.

Маша (*Владимиру*). Прощайте, г. докторъ!

Владимиръ (*съ недоумльнiемъ*). Какъ! И вы?...

Маша. Я иду искать папеньку, онъ вѣрно прогуливается въ саду. (*Уходитъ*.)

ХП.

ТЪ ЖЕ, кромѣ МАШИ.

Аграфена Максимовна. Боже мой! И она его оставила!

Г-жа Перепелкина. Ахъ, мать моя, да чему-жъ ты удивляешься? Кому прiятно быть вмѣстѣ съ людоморомъ.

Владимиръ (*подходитъ къ Перепелкину, улыбаясь*). Ну, а вы, Ермиль Поликарпычъ? Вы также не хотите меня знать?

Перепелкинъ (*смотря на жену*). Я?

Г-жа Перепелкина (*скоро*). Мужъ мой всегда самъ брѣтается, ему пирюльнички не нужны.

Перепелкинъ. Да, я всегда самъ брѣюсь, ужь въ этомъ должно отдать мнѣ полную справедливость.

Мордасовъ (*г-жѣ Перепелкиной*). Ай-да, сестра! Славно отбрила! (*Владимиру*.) Ну, прощай бывший племянникъ! Да смотри, ко мнѣ и носу не показывай, а не то какъ разъ его собаки откусять. (*Хочетъ идти*.)

Г-жа Перепелкина. Погоди, братецъ, поѣдемъ вмѣстѣ. (*Черешневой*.) Прощай, сестра! Жаль мнѣ тебя, да дѣлать нечего, сама виновата. Если вздумаешь прiѣхать ко мнѣ, такъ прiѣзжай, только ужь пожалуйста безъ доктора; не обижай меня, потому что у меня въ деревнѣ своихъ два коповала. (*Аграфена Максимовна плачетъ. Перепелкина, Перепелкинъ и Мордасовъ хотятъ идти*.)

Владимиръ (*заступаетъ имъ дорогу*). Позвольте! Прежде, чѣмъ вы уѣдете, мнѣ бы хотѣлось сказать еще нѣсколько словъ. Не для оправданiя своего — нѣтъ, а такъ только, чтобы имѣть случай хоть въ послѣднiй разъ подольше посмотрѣться на моихъ почтенныхъ родственникововъ. Вы сердитесь на меня и презираете? Не такъ-ли?

Г-жа Перепелкина (*съ насмльшкою*). Ахъ, батюшки, какой догадливый! Ужь и видно, что ученый.

Мордасовъ. Что-жъ ты, не прикажешь-ли намъ хвалить тебя?

Владимиръ. За чѣмъ-же хвалить? Но и сердиться вы не имѣете никакого права. Вы думаете и въ самомъ дѣлѣ я забылъ, что я самъ помѣщикъ и дворянинъ? Вы ошибаетесь.

Всѣ. Какъ ошибаемся?

Владимиръ. Очень просто, ошибаетесь да и только.

Мордасовъ. Да вѣдь мнѣ сказывалъ Четверкинъ.

Владимиръ. Это не дѣлаетъ чести вашей проникательности. Неужели вы не замѣтили, что Четверкинъ хвастунъ и лгунъ? Все, что насаждалъ онъ обо мнѣ, была чистая ложь.

Мордасовъ. Какъ ложь?!

Г-жа Перепелкина. Такъ ты не докторъ и не зубодеръ?

Аграфена Максимовна. Ты не учился медицинѣ?

Владимиръ. Я и не думалъ никогда быть докторомъ. (*Всторону.*) Я только лекаръ перваго разряда.

Мордасовъ. Ну, слава Богу!

Г-жа Перепелкина. Да чему-же ты учился?

Владимиръ. Да сказать вамъ по совѣсти, такъ въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ я ни чему не учился.

Мордасовъ. Вотъ это умно.

Г-жа Перепелкина. А что-же ты дѣлалъ?

Владимиръ. Поигрывалъ въ картишки да воличился за хорошенькими. (*Мордасову.*) И ужъ играю-то почище вашего Четверкина.

Аграфена Максимовна (*всторону*). Боже мой! Неужели это правда?

Владимиръ (*Мордасову*). Вы говорите, что онъ бьетъ утокъ на лету во ста шагахъ? А я бью, — въ полтороста.

Мордасовъ (*обнимаетъ его*). Голубчикъ ты мой!

Владимиръ. Не знаю, вотъ вы говорите, тѣтенька, что братъ мой знатокъ въ лошадахъ? Ну, такъ я вамъ скажу про себя: я настоящихъ то мошенниковъ, настоящихъ коноводовъ и тѣхъ обманывалъ, такъ что меня на конной мазурикомъ прозвали.

Мордасовъ (*плачетъ отъ радости*). Вотъ это мой племянникъ! Это моя родня!

Владимиръ. Да я вамъ лучше скажу: я оставилъ въ Москвѣ пять тысячъ рублей долгу, которые вы, вѣрно, заплатите? Потому что вѣдь у маменьки нѣтъ столько денегъ.

Мордасовъ. Постой! Да за что-же я буду платить твои долги?

Г-жа Перепелкина. Я-бы пожалуй и заплатила, да у меня

своихъ долговъ множество. (*Мужу.*) Не правда ли, Ермаилъ Полкарпычъ?

Перепелкинъ. Да, у насъ своихъ долговъ множество, ужъ въ этомъ должно отдать намъ полную справедливость.

Владимиръ. Стало быть, вы не хотите платить?

Мордасовъ. Я не хочу, вотъ ей, ей, правда, не хочу.

Владимиръ. Ну, и дѣло съ концомъ! Пускай же объ этомъ хлопочутъ тѣ, которымъ я долженъ. А я не стану беспокоиться изъ этихъ пустяковъ. Да и съ какой стати мнѣ платить долги?

Мордасовъ. Умно! Пускай дураки не даютъ въ долгъ.

Аграфена Максимовна (*всторону*). Боже мой! Неужели все это правда? Если такъ, такъ ужъ пусть-бы лучше онъ былъ докторомъ. (*Владимиру.*) Владимиръ!

Владимиръ (*тихо*). Будьте спокойны, милая маменька!

XIII.

ТЪ ЖЕ, РАЗГУЛЯЕВЪ И МАША.

Разгуляевъ (*съ радостью*). Володя! Дружище! Да ты мало того, что получилъ десятого класса, да еще и докторъ? (*Обнимаетъ его.*) Ахъ, ты разбойникъ, разбойникъ! Ну! дѣлуй же меня скорѣе!

Мордасовъ (*хохочетъ*). Ай-да, Антонъ Петровичъ! Чудакъ! Да съ чего ты выдумалъ, что онъ докторъ?

Разгуляевъ. Какъ съ чего?!..

Мордасовъ. Да также, онъ и не думалъ ни чему учиться.

Г-жа Перепелкина. Онъ такой-же умница, какъ и мой Трипшнъ.

Разгуляевъ (*дочери*). Такъ что-жъ ты мнѣ наговорила? (*Черешневой.*) Аграфена Максимовна! Какъ же это такъ?

Аграфена Максимовна. Я и сама не знаю, Антонъ Петровичъ.

Разгуляевъ (*Владимиру*). Владимиръ! объясни, братъ, мнѣ, тутъ, кажется, выходитъ какая-то путаница...

Мордасовъ. Да что тутъ объяснять? Тутъ объяснять нечего. Племянникъ нашъ ничѣмъ не осквернилъ своей фамилии: онъ лихой малой, гуляка, картежникъ, лошадиный барышникъ; одно вотъ только невозможно не хорошо, что долговъ надѣлалъ

много, ну да по-крайней-мѣрѣ хоть тѣмъ хорошо, что платить не хочется. Вотъ, ей, ей, правда.

Разгуляевъ. Что за дьявольщина! — Владиміръ! Неужели это говорятъ про тебя?

Владиміръ (*смѣется*). Про меня, Антонъ Петровичъ.

Разгуляевъ (*дочери*). Не бывать тебѣ за нимъ!

Маша. Папенька....

Разгуляевъ (*горячо*). Не бывать и басто!

Мордасовъ (*смотритъ въ окно*). А! Вопъ и другой племянникъ прѣхалъ на моемъ жеребцѣ. (*Владиміру*.) Поди-ка сюда, Володя, посмотри, каковъ жеребчикъ-то? Какова поступь? Каковы ушки? А ножка какова? — Ну, какъ думаешь, сколько стоитъ?... Что за чортъ, на что онъ его такъ муштруетъ? Ай! бѣсится! Всталъ на дыбы.... (*Кричитъ въ окно*.) Не затягивай поводья! Не затягивай поводья!... Ну, полетѣлъ!

Г-жа Перепелкина (*съ испугомъ*). Кто полетѣлъ? Кто?

Мордасовъ. Да твой дуракъ Трифонъ, слетѣлъ съ лошади и лежитъ въ растяжку.

Г-жа Перепелкина. Тришнѣйка! Мой Тришнѣйка? (*Кричитъ*.) Помогите! Помогите! Сестрица! голубушка! Посылай за докторомъ!

Владиміръ. Боже мой! Какое несчастіе! (*Убѣгаетъ*.)

Г-жа Перепелкина (*мужу*). Болванъ! бѣги! лети! спасай! Чего ты стоишь? Развѣ онъ не сынъ твой?

Перепелкинъ. Онъ сынъ мой, и въ этомъ ужъ должно отдать мнѣ полную справедливость.

Г-жа Перепелкина (*кричитъ*). За докторомъ! Скорѣе, за докторомъ! (*Голкаетъ мужа и убѣгаетъ. Мордасовъ уходитъ за ними*.)

Аграфена Максимовна. Господи! За какіе грѣхи ты меня такъ наказываешь?

Разгуляевъ. Да, матушка, Аграфена Максимовна! Черный девекъ для васъ выдался. Что племянникъ упалъ съ лошади, это еще ничего; а вотъ, Владиміръ-то.... Да не уже-ли все это правда?

Аграфена Максимовна. Не знаю, по-крайней-мѣрѣ онъ самъ во всемъ признался.

Маша (*отцу*). Повѣрьте, папенька, что это шутка и больше ничего.

Разгуляевъ. Да ты почему это знаешь?

Маша. Потому, что меня-то ужъ онъ-бы не сталъ обманывать и навѣрное разсказалъ-бы всю правду.

Аграфена Максимовна. Ахъ! дай-то Господи!

Маша. Ужъ я вамъ говорю, что это такъ: онъ нарочно при- вторился такимъ гадкимъ.

Разгуляевъ (*Черешневой*). А что вы думаете? Вѣдь можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ это такъ.

Маша. Да ужъ повѣрьте что такъ; у меня есть предчувствіе.

Аграфена Максимовна. Дай Богъ, чтобы твое предчувствіе сбылось, милая Машенька.

Маша. Вотъ увидите, что сбудется. (*Смотритъ въ окно.*) Посмотрите, посмотрите, какъ онъ ухаживаетъ за больнымъ. Посмотрите, руку перевязываетъ.

Разгуляевъ (*смотритъ*). Въ самомъ дѣлѣ! Что-жъ это значить?

Маша. Вы старикашка, папенька, и ничего не понимаете.

Мордасовъ (*входитъ быстро*). Надулъ! Чортъ возьми, лихо надулъ!

Аграфена Максимовна. Что такое, братецъ? Что сдѣлалось?

Мордасовъ. А то, что твой сынокъ, какъ былъ костоправомъ, такъ и остался костоправомъ!

Разгуляевъ. Что такое? Объ чемъ ты говоришь, Гаврила Терентьичъ?

Мордасовъ. Объ томъ, что одинъ дуракъ сломалъ себѣ руку, а другой дуракъ его лечитъ.

Аграфена Максимовна. Какъ! Племянникъ сломалъ руку? Послали ли за докторомъ?

Мордасовъ. То-есть, не то, чтобы онъ сломалъ, а такъ, только вывихнулъ, а доктора не нужно, — есть и свой.

Аграфена Максимовна (*съ радостью*). Ужъ не Владиміръ-ли?

Мордасовъ. Онъ и есть, чортъ возьми! Надулъ пасъ ловко. А я дуракъ, еще давеча сколько разъ его обнималъ.

Аграфена Максимовна. Слава Богу! Теперь и я его обниму.

Разгуляевъ. И я, да такъ крѣпко, что кости затрещать!

Маша (*всторону*). А я такъ поцѣлюю.

Мордасовъ. Да что вы съ ума-то сходите, ну чему вы радуетесь?

Разгуляевъ. А по твоему, развѣ не чему?

Мордасовъ. Да, разумѣется, не чему. Ну конечно, можетъ быть, онъ и искусный лекаришка, да все же не уѣздный судья и не дворянскій предводитель.

XVI.

ТЪ ЖЕ, ПЕРЕПЕЛКИНЪ, Г-ЖА ПЕРЕПЕЛКИНА, ВЛАДИМИРЪ, СТЕПАНЪ И ТРИФОНЪ (съ подвязанной рукой, поддерживаемый Владимиромъ и г-жей Перепелкиной.)

Г-жа Перепелкина. Тришнѣвка! Голубчикъ мой? Каково тебѣ?

Трифонъ (*показывая на Владимира*). Если-бы не онъ, такъ можетъ быть я-бы на всю жизнь остался калекою.

Г-жа Перепелкина (*обнимаетъ Владимира*). Спасибо тебѣ, Володинька; спасибо тебѣ, голубчикъ! (*Сажаютъ Трифона на диванъ.*)

Владимиръ. Такъ вы, тетинька, больше не сердитесь, что я докторъ?

Г-жа Перепелкина. Сохрани меня Господи! Да за что? Да я благодарю Бога, что въ нашемъ семействѣ есть такой полезный человѣкъ. (*Тихо.*) А что, голубчикъ, ручка-то у него не сломана?

Владимиръ. Нѣтъ, тетинька, не сломана, только свихнута. Черезъ недѣлю братъ будетъ совсѣмъ здоровъ.

Трифонъ. Черезъ недѣлю? Чортъ возьми! Не ужъ-ли цѣлую недѣлю я долженъ буду не играть въ карты? (*Мордасову*) А все это виноватъ вашъ одѣръ, дядюшка! Дрянъ лошадевка!

Мордасовъ (*вспыхнувъ*). Что? мой гнѣдой дрянъ?

Трифонъ. Да конечно, дрянъ; десяти рублей не стоитъ.

Мордасовъ (*горячо*). За триста не отдамъ! Вотъ ей, ей, не отдамъ! Да и много-ли ты смыслишь? Дубина! — (*Владимиру.*) Поди сюда, Владимиръ, посмотри, да и скажи ему, что онъ дуракъ!

Владимиръ. Извините меня, дядюшка, я вѣдь не знатокъ.

Мордасовъ. Какъ не знатокъ! Да вѣдь ты барышникъ?

Владимиръ. Нѣтъ.

Мордасовъ. А какъ-же, ты мнѣ самъ сказывалъ?

Владимиръ. Виноватъ, солгалъ.

Мордасовъ. Это, сударь, скверно! Ну, да ужъ Богъ тебя простить. А охоту хорошо знаешь?

Владимиръ. Нѣтъ.

Мордасовъ. Какъ! И утокъ на лету не стрѣляешь?

Владимиръ. Нѣтъ.

Мордасовъ. Ну, да хоть въ карты-то хорошо играешь?

Владиміръ. Нѣтъ.

Мордасовъ. Такъ ты мнѣ все это навралъ?

Владиміръ. Увы!

Мордасовъ. Да зачѣмъ-же, разбойникъ! За чѣмъ?

Владиміръ. Что-жъ мнѣ было дѣлать? Ваше презрѣніе и вашъ гнѣвъ заставили меня пошутить — не надъ вами, потому что васъ я люблю и уважаю, но надъ вашими предразсудками. Вы сердились на меня, пока думали, что я чему нибудь учился, и обнимали меня, когда я вамъ сказалъ, что я неучъ и лѣнтяй. Тетинька теперь перемѣнила свое мнѣніе, я надѣюсь, дядюшка, что и вы послѣдуете ея примѣру.

Мордасовъ. Ну, еще объ этомъ надобно подумать.

Владиміръ. Что-же касается до маменьки, такъ она у меня такъ добра, такъ добра, что вѣрно уже давно меня простила.

Аграфена Максимовна (*цѣлуетъ его*). Отъ всего сердца, мой милый Владиміръ!

Владиміръ (*Разгуляеву*). Теперь я совершенно счастливъ, если-бы только вы, Антонъ Петровичъ....

Разгуляевъ. А я что такое? Я братъ, Владиміръ Александрычъ, слава Богу, здоровъ; меня лечить не надобно.

Владиміръ. Нѣтъ, мнѣ-бы хотѣлось, что-бы вы сами отпустили мнѣ лекарства.

Разгуляевъ. О! да, что я за аптекарь? А впрочемъ, посмотримъ: проиши рецептъ.

Владиміръ (*смѣется и показываетъ на Машу*). Тутъ и прописывать не нужно, медикаменты на лицо.

Разгуляевъ. Разбойникъ! (*Обращаясь къ Черешневой*.) Какъ думаете, матушка, Аграфена Максимовна?

Аграфена Максимовна (*цѣлуетъ Машу*). Это было мое единственное желаніе.

Разгуляевъ. Ну, такъ и толковать нечего. (*Беретъ Машу за руку и подводитъ къ Владиміру*.) Вотъ тебѣ лекарство, да только смотри, принимай осторожно.

Владиміръ. Благодарѣтель мой!

Маша. Папочка, мленькій!

} *влюбствѣ*

Трифонъ (*матери*). Что-же это такое, братъ женится на моей невѣстѣ?

Г-жа Перепелкина. Не безпокойся, душенька, я тебѣ сыщу другую, гораздо лучше.

Трифонъ. Да, урода какого-нибудь.

Степанъ (*входитъ*). Обѣдъ готовъ.

Аграфена Максимовна. Милости просимъ, дорогіе гости!

Владиміръ. Брату одинъ бульѣнъ.

Трифонъ. Какъ одинъ бульѣнъ? Да я ѣсть хочу.

Владиміръ. Тебѣ надобно соблюдать діету. Ступай теперь и ложись.

Г-жа Перепелкина. Пойдемъ, голубчикъ, я тебя положу въ постельку. (*Мужу.*) Что-жъ ты стоишь выпуча глаза? Подсоби мнѣ отвести его.

Перепелкинъ. А какъ-же, мамочка, вѣдь обѣдать собираются?

Г-жа Перепелкина. Да, что ты голодень, что-ли?

Перепелкинъ. Ужасно, какъ голодень! Ужъ въ этомъ должно отдать мнѣ полную справедливость.

Г-жа Перепелкина (*толкаетъ его*). Ну, такъ послѣ поѣшь, а теперь веди! (*Уводятъ Трифона.*)

Разгуляевъ (*Владиміру*). Нутко, докторъ! веди и ты свою докторшу.

Аграфена Максимовна (*Мордасову*). Братецъ! Неужели ты все еще сердиться?

Мордасовъ. Да, чортъ знаетъ, я и самъ не знаю, сержусь-ли я; вотъ ей-ей, правда.

Разгуляевъ. Полно дурачиться, пойдемъ-ко лучше обѣдать.

Мордасовъ. Ступайте, ступайте, я сейчасъ приду.

Разгуляевъ. Ну, смотри, мы ждать не станемъ. (*Подаетъ руку Черешневой и всѣ уходятъ.*)

Мордасовъ (*одинъ, ходитъ большими шагами*). Что-жъ это и въ самомъ дѣлѣ, хорошо-ли, что племянникъ мой сдѣлался докторомъ?... Гмъ! съ одной стороны не хорошо, потому-что ужъ онъ не будетъ ни судьей, ни предводителемъ; а съ другой стороны хорошо, потому что онъ будетъ лечить моихъ собакъ. Впрочемъ, объ этомъ надобно спросить у кого-нибудь поумнѣе.

Я мало смыслю въ медицинѣ
И плохо вѣрю докторамъ,
Такъ вотъ по этой-то причинѣ
И обращаюсь съ просьбой къ вамъ.
Скажите мнѣ, оставя шутки
И не теряя лишниихъ словъ,
Смѣшны-ли наши предрасудки
Противъ ученыхъ докторовъ?

Ивб 10417.

18233.

9800

«ПАНТЕОНЪ»

состоитъ изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинѣ каждаго мѣсяца. Въ „Репертуаръ Русской сцены“ печатаются все лучшія новѣйшія явленія на русскомъ театрѣ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепьяно и пѣнія, романсы, арии, куплеты, танцы, а и иногда картинки.

Цѣна за годовое изданіе:

12 руб. сер., съ доставкою и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ:

въ С. Петербургѣ въ Главной Конторѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: въ Университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова.

„Кто не имѣетъ Пантеона за 1848 годъ, и желаетъ подписаться на 1850 годъ, тотъ получить въ видѣ подарка Пантеонъ за 1848 годъ, прилагая къ подписной цѣнѣ въ Петербургѣ 2 р. с., а Иногородныя 3 р. 50 коп. пересылочныхъ денегъ.“ Но это относится только до тѣхъ подписчиковъ, которые выпишутъ журналъ изъ Главной Петербургской Конторы.

Редакція „Пантеона“ находится близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина, куда и просить обращаться всѣхъ, имѣющихъ до нея нужду.

Печатать дозволяется, 28 Іюня, 1850 года. Цензоръ Ю. Шидловскій.

въ типографіи К. Крайя.

Редакторъ *Θ. Кони.* — Издатель *В. Печаткинъ.*